АКАДЕМИЯ НАУК СССР ордена трудового красного знамени институт востоковедения

RNHOTIR

экономика, политика, история

Москва «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы 1989 ББК 65.9(5Я) +63.3(5Я) Я 70

Ответственные редакторы Я. А. ПЕВЗНЕР, Д. В. ПЕТРОВ

Члены редколлегии С. Б. МАРКАРЬЯН, Э. В. МОЛОДЯКОВА

Рецензенты Ю. И. БЕРЕЗИНА, И. Л. ТИМОНИНА

> Утверждено к печати Институтом востоковедения АН СССР

Япония: Экономика, политика, история. М.: Нау-Я 70 ка. Главная редакция восточной литературы, 1989.— 275 с.

ISBN 5-02-016489-5

Сборник статей подготовлен на основе докладов участников международной конференции японоведов социалистических стран. Авторы исследуют актуальные вопросы экономики и политики Японии на современном этапе, некоторые проблемы истории страны, освещают состояние изучения Японии в СССР.

 $9 \frac{0607000000-059}{013(02)-89} 191-89$

ББК 65.9(5Я)+63.3(5Я)

ISBN 5-02-016489-5

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989.

Настоящая книга представляет собой сборник статей, подготовленных к публикации на основе докладов участников первой международной конференции японоведов социалистических стран, проведенной в мае 1986 г. в Москве на базе отдела Японии Института востоковедения АН СССР и Секции по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения президиума АН СССР. В конференции приняли участие более трехсот советских японоведов, а также группа ученых из стран социалистического содружества. Среди советских участников конференции были ведущие специалисты в области японоведческих исследований, работающие в системе Академии наук СССР, в высших учебных заведениях, а также в различных практических учреждениях Москвы, Ленинграда, Владивостока, Хабаровска и других городов страны. Наряду с советскими специалистами с докладами выступили также японоведы Польши, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и МНР. В общей сложности, учитывая пленарные и секционные заседания, на конференции было сделано более 80 докладов и сообщений, как по вопросам научно-организационного характера, так и по отдельным научным проблемам, включая вопросы экономики, политики, истории, культуры, идеологии и языка.

Конференция явилась важным рубежом в развитии творческого сотрудничества как между отдельными коллективами советских японоведов, так и с их коллегами в социалистических странах. Ее итоги свидетельствуют о больших достижениях ученых-марксистов в изучении самых различных аспектов прошлого и современной жизни японского общества. Во многих докладах участников конференции были высказаны новые интересные суждения по ряду спорных проблем японоведения. Все это обусловило необходимость фиксации и суммирования итогов указанного форума знатоков Японии.

В связи с отсутствием возможности одновременной публикации всех сделанных на конференции докладов и сообщений Отдел Японии и Секция по изучению Японии при Научном совете по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения президиума АН СССР приняли решение о раздельном издании материалов конференции. В первую очередь вниманию читателей предлагается данный сборник, содержание которого связано с освещением и оценками экономической и политической жизни современной Японии, с текущими проблемами и задачами развития японоведения в Советском Союзе и странах социалистического содружества, а также с проблемами истории. Материалы конференции, посвященные проблемам культуры, материального быта и национальной психологии японцев, будут подготовлены несколько позже в виде специального сборника. Отдельно будут изданы также статьи, подлотовленные на базе докладов японоведов-лингвистов.

Редакция сборника выражает надежду, что его читатели, включая научных работников и студентов, а также всех тех, кто интересуется общественной жизнью современной Японии, получат при ознакомлении с его содержанием разностороннее представление как о современном состоянии советского японоведения и стоящих перед ним задачах, так и об отдельных ключевых проблемах экономической и политической жизни Японии наших дней.

И. А. Латышев

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ЯПОНОВЕДЕНИЯ

1. В соответствии с объективной реальностью XXVII съезд КПСС определил Японию как один из трех основных центров современного империализма. Выдвижение этой страны в число ведущих империалистических держав явилось результатом значительного укрепления ее экономической, финансовой и технологической базы.

Достаточно напомнить, что удельный вес Японии в общем объеме капиталистического производства составляет свыше 10%. О месте Японии в мировой капиталистической системе свидетельствует и то, что в число 200 крупнейших промышленных компаний мира входит 21 японская компания, а из 50 крупнейших банковских монополий — 16 японских.

Как известно, наиболее сильные позиции монополии Японии захватили в судостроении, черной металлургии, автомобилестроении, в электронной и электротехнической промышленности. Лишь одна компания «Синнихон сэйтэцу» выпускает свыше 30 млн. т стали в год, являясь самым мощным в мире металлургическим объединением. Концерны «Тоёта» и «Ниссан» по объему производства автомашин уступают только американскому концерну «Дженерал моторс»; из 10 самых крупных судостроительных компаний восемь являются японскими. Даже при сокращении наполовину по сравнению с периодом 60-х годов среднегодовых темпов роста валового национального продукта Японии удается опережать по этому важному показателю ведущие страны Запада.

Характерной особенностью политики японского империализма является экономическая экспансия. В Японии созданы целые отрасли промышленности, работающие на экспорт. Эти отрасли экономики находятся под особым покровительством государства, которое оказывает им различные услуги, вплоть до выделения огромных дотаций из государственного бюджета. Не случайно экспорт японской технологической продукции

Не случайно экспорт японской технологической продукции в США значительно превысил импорт и активное сальдо торговли превышает 60 млрд. долл. в пользу Японии. К этому следует добавить еще около 20 млрд. долл., которые Япония выкачивает из других стран на основе экономической экспансии

более конкурентоспособных товаров, а в ряде случаев на основе открытого демпинга, что ставит торговых партнеров Японии в тяжелое положение.

К концу 1985 г. международные кредиты, предоставляемые Японией, превысили 650 млрд. долл., что на 10% выше, чем кредиты США. Обойдя Соединенные Штаты и Саудовскую Аравию, Япония превратилась в крупнейшего кредитора мира.

«Новая промышленная революция», развернувшаяся в настоящее время в Японии, концентрируется на трех главных направлениях. Это, во-первых, развитие наукоемких и техникоемких отраслей промышленности; во-вторых, особое внимание обращено на сферу услуг. В-третьих, расширение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Япония готовится захватить лидерство в «новой промышленной революции», которая связана прежде всего с внедрением нового микроэлектронного и лазерного контроля в процессе производства, что снижает потребность в рабочих для производственных линий и увеличивает гибкость промышленного производства.

Следует ли из этого, что в Японии мы имеем пример некоего бесконфликтного, обеспечивающего «всеобщее благосостояние» капитализма японского образца? Отнюдь нет.

Под влиянием и на фоне научно-технической здесь все острее становится конфликт между гигантски возросшими производительными силами и частнособственническим характером общественных отношений. Этот конфликт проявляется в перепроизводстве, увеличении безработицы, обострении всего комплекса социальных проблем. Нарастает кризис политических институтов, духовной сферы. Углубляется, становится все более разительным социальное расслоение. Приведенный М. С. Горбачевым в Политическом докладе ЦК КПСС пример того, что в США 1% самых состоятельных семей владеет богатствами, почти в полтора раза превышающими совокупное богатство 80% семей, с некоторыми уточнениями справедлив и для Японии. Все это чревато социальными конфликтами, политической дестабилизацией. Господствующие классы империалистических государств, в том числе Японии, отвечают на такую ситуацию массированным наступлением на права трудящихся.

Небывалой напряженности достигли межимпериалистические противоречия, в центре которых оказалась Япония с ее политикой внешнеэкономической экспансии, эгоистической стратегией во внешней торговле. Эти противоречия не могут быть устранены ни классовой близостью, ни заинтересованностью в объединении сил, ни военной, экономической или политической интеграцией, ни научно-технической революцией.

Было бы, конечно, неоправданным упрощенчеством представлять состояние дел капитализма, в том числе японского, как предвестник его скорого крушения. На форуме советских коммунистов отмечалось, что нынешний этап общего кризиса не несет с собой абсолютного застоя капитализма, не исклю-

чает возможностей роста его экономики, освоения новых научно-технических направлений. Это в полной мере относится к

предмету нашего изучения — Японии.

Съезд ориентирует нас на глубокое и всестороннее изучение экономики Японии, роль которой в мире возрастает. При этом в исследовании японской экономики всегда должен присутствовать классовый анализ с позиций марксистско-ленинской науки. В противном случае исследователя подстерегает опасность оказаться в плену голых цифр и фактов, которые могут привести к совершенно неоправданной абсолютизации японского экономического опыта, затушевыванию его империалистической сущности. К сожалению, некоторые наши экономисты грешат подобного рода ошибками.

2. Далеко не праздным является вопрос о том, как правящие круги Японии намерены использовать накопленную экономическую, финансовую и технологическую мощь, т. е. какова

политика этой страны в современном мире?

Едва ли нужно доказывать, что, став «великой экономической державой», Япония все более активно претендует на роль одного из политических лидеров современного империализма. Положение такого лидера необходимо Японии для более успешного обеспечения интересов монополистического капитала этой страны в борьбе за экономическое и политическое господство если не во всем мире, то по крайней мере в его обширных районах.

Хорошо известно, как японские «дзайбацу» добивались такого господства в годы второй мировой войны. И хотя в наши дни применяются иные методы, сущность японской политики экспансионизма изменений не претерпела. Есть достаточные основания говорить о том, что Япония намеревается превратить обширный азиатско-тихоокеанский регион в поле своей деятельности, в широких масштабах распространить на него политику неоколониализма.

Одним из проявлений этого является разрабатываемая Токио совместно с Вашингтоном концепция создания в азиатско-тихоокеанском регионе так называемого «тихоокеанского сообщества». Ни у кого не должно быть иллюзий по поводу «заверений» японских лидеров о якобы «чисто экономическом» характере замышляемого замкнутого объединения. В действительности речь идет о военно-политическом блоке, который, с одной стороны, должен обеспечить японским и американским монополиям безраздельное экономическое господство в регионе, а с другой — стать бастионом борьбы со странами социализма и национально-освободительными движениями народов Азии и Тихого океана.

Как известно, Советское правительство выступило со специальным заявлением по этому поводу. В нем изложена принципиальная позиция Советского Союза о путях недопущения нагнетания напряженности в азиатско-тихоокеанском регионе. Это ставит перед советским японоведением задачу внимательно изучать политику Токио в этом приобретающем все более важное значение районе мира, своевременно вскрывать любые проявления опасных для дела мира и безопасности замыслов японского и американского империализма.

- 3. В последнее время под влиянием наиболее реакционных монополистических кругов внутри страны, а также при возрастающем давлении со стороны США в политике правительства Японии наметилась опасная тенденция к увеличению военных расходов, созданию условий для возрождения военно-промышленного комплекса. Изучающие различные аспекты японской действительности ученые в своих исследованиях должны учитывать это важное обстоятельство. Сегодня проявление милитаристских тенденций охватывает уже практически все стороны жизни страны — экономику, политику, идеологию, культуру. Было бы серьезной ошибкой недооценивать того, как игнорируется японская мирная конституция, наращивается мощь воссозданных в стране вооруженных сил, укрепляется японо-американский военный союз, возрождается воинственный «ямато». В связи с этим возрастает важность подготовки капитальных работ, анализирующих тенденции к возрождению в стране милитаризма, национализма и неофашизма.
- 4. Когда мы говорим о Японии как одном из основных центров современного империализма, имеется в виду и все более активное подключение этой страны к стратегии конфронтации с социализмом, в первую очередь с Советским Союзом. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду было отмечено: «Особо надо сказать о таком опасном проявлении кризиса капитализма, как антикоммунизм и антисоветизм. Это не только политика внешняя. В современной системе империализма это и важнейшее направление политики внутренней, средство давления на все передовое и прогрессивное, что живет и борется в странах капитала, в несоциалистической части мира». Сказанное в значительной степени относится и к Японии.

По мере усиления экономической мощи Японии лидеры этого государства все больше солидаризируются с США и другими странами Запада в политике «неоглобализма». В этой политике Япония является, пожалуй, самым верным и лояльным союзником США. За послевоенный период практически не было ни одной антисоветской акции США, к которой не присоединилась бы Япония. Причем даже в тех случаях, когда самой Японии это не приносило никаких выгод, а, наоборот, причиняло ущерб. Достаточно вспомнить экономические санкции и «наказание» Советского Союза, антисоветские кампании вокруг не связанных с советско-японскими отношениями вопросов. В результате отношения между двумя государствами к середине 80-х годов упали до самого низкого за послевоенную историю уровня. И это произошло в обстановке, когда Советский Союз, искренне стремясь к миру и добрососедству с Японией, со своей сто-

роны не допускал ничего, что могло бы омрачить двусторонние отношения. Следует более глубоко изучать и разоблачать различного рода искажения внутренней и внешней политики СССР, неправильные представления о советской действительности, навязываемые населению Японии средствами массовой информации, с помощью кино, искусства и литературы и других средств идеологического воздействия.

5. Известное оживление в последнее время политического диалога между СССР и Японией имеет объективные причины. Под давлением широких слоев японской общественности лидеры страны вынуждены искать выход из сложившейся тупиковой ситуации. Как представляется, в Японии начинают сознавать, что конфронтация с соседним Советским Союзом отнюдь не укрепляет японскую безопасность.

Советский Союз, принципиальная политика которого в отношении Японии не подвержена конъюнктурным соображениям, приветствует любые инициативы японской стороны, направленные на нормализацию межгосударственных отношений. С его стороны ничто не препятствует установлению между СССР и Японией долгосрочных отношений добрососедства и сотрудничества. К сожалению, этого нельзя сказать о позиции другой стороны.

Трудно избежать впечатления, что японское правительство сознательно сдерживает развитие отношений между нашими двумя странами. Пытаясь как-то обосновать такую неконструктивную позицию, японские лидеры стремятся эксплуатировать так называемую «территориальную проблему». В связи с этим надо со всей определенностью указать, что «территориальный вопрос» — это не причина, а надуманный повод для ухудшения отношений.

Или взять вопрос об участии Японии в еще более дестабилизирующем обстановку в мире пресловутом проекте СОИ. Ни для кого не секрет, что подключение Японии к направленной против СССР СОИ объективно ставит эту страну в положение военного противника Советского Союза. Тем не менее Япония сознательно идет на это.

Можно было бы назвать немало других примеров, свидетельствующих о недальновидности японских политиков, их следовании в фарватере американской политики и стратегии. Видимо, задача наших японоведов состоит в том, чтобы шире доносить до японского народа правду о нашей миролюбивой внешней политике, нашедшей столь яркое выражение в решениях XXVII съезда КПСС. Советские японоведы должны исходить из того, что XXVII съезд КПСС взял твердый курс на нормализацию отношений с Японией, расширение связей с ней, КПСС намерена последовательно, планомерно и настойчиво добиваться решения проблем международной безопасности, ориентируя внешнюю политику Советского Союза на неукоснительное следование курсом мирного сосуществования, на твер-

дость в отстаивании наших принципов и позиций, на тактическую гибкость, на готовность к взаимоприемлемым компромиссам, нацеленность на диалог и взаимопонимание. Это в полной мере относится и к советско-японским отношениям.

6. Важным направлением деятельности советских ученых-японоведов является изучение демократического и рабочего движения, расстановки классовых сил в японском обществе, анализ общественных отношений, классовой борьбы и социальных противоречий, исследование конкретной деятельности политических партий и общественных организаций, форм и методов их борьбы за мир, демократию и социальный прогресс. Предстоит еще большая работа по изучению социально-классовой структуры современной Японии.

Нельзя познать современные процессы, происходящие в Японии, ее внутренней и внешней политике, не имея представления о культурном облике японской нации, ее культурном наследии, не зная ее духовных ценностей. Речь идет об исследовании ее литературы и искусства, о системе воспитания и образования нации, о ее этнопсихологических особенностях и т. п.

7. Большая ответственность ложится в этих условиях на советскую науку, в том числе на советское японоведение, на науку других социалистических стран.

Достижения советского японоведения общеизвестны, они признаны не только в нашей стране, но и за рубежом. Достигнутое является хорошей основой для дальнейшей большой и целенаправленной работы по всестороннему и глубокому исследованию базовых и надстроечных институтов японского государства.

Отмечая успехи, мы не должны закрывать глаза и на недостатки. Далеко не всегда нам удается избежать мелкотемья, дублирования работ. Непреодоленным недостатком остается нескоординированность усилий различных творческих коллективов.

Особенно настораживает имеющий место отрыв проводимых исследований от задач практической политики. Некоторые ученые, в том числе молодые, предпочитают погружаться в глубь веков, сознательно избегая изучения сложных, динамически развивающихся явлений японской действительности. Отнюдь не подвергая сомнению важность исследования истории, включая древнюю, тем не менее желательно, чтобы научные советы наших ведущих институтов при определении тематики работ в большей степени ориентировали научных сотрудников на анализ современных проблем.

Те, кто избрал главной темой своих исследований историю, должны изучать ее не только ради познания, что тоже немаловажно, но и для того, чтобы, основываясь на истории, объяснять современность.

Когда мы говорим о превращении науки в материальную силу нашего ускоренного продвижения вперед, в равной степе-

ни имеются в виду и общественные науки. В постановлении XXVII съезда КПСС об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года есть прямое указание на этот счет. В области общественных наук партия ставит задачу повысить идейно-теоретический уровень и практическую значимость научных исследований.

В переживаемый нашей страной качественно новый этап развития авторитет ученого должен складываться в первую очередь на основе тех практических выводов и рекомендаций, которые получены в результате его исследования, вклад ученого в науку должен определяться в прямой зависимости от того, в какой степени эти рекомендации воплощены в конкретную политику, способствовали решению той или иной задачи.

В заключение позвольте выразить надежду, что нынешняя конференция позволит критически оценить достигнутое, наметить новые большие рубежи с тем, чтобы советские японоведывнесли достойный вклад в решение важных задач, поставленных XXVII съездом КПСС.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ЯПОНОВЕДЕНИЯ

Изучение Японии в нашей стране имеет давнюю историю. Началом ему послужило создание в 1705 г. в Петербурге по приказу Петра I школы японского языка, преподавателем которой был японец Дэмбэй, спасенный у берегов Камчатки нашими соотечественниками и доставленный затем к царскому двору. В последующие десятилетия XVIII в. по мере освоения русскими землепроходцами Курильских островов и Сахалина контакты русских людей с японцами участились. С середины XIX в. в Японии все чаще бывали, наряду с официальными представителями русского правительства, моряки, купцы, ученые, писатели, религиозные деятели. Россия стала одной из первых стран Европы, где началось академическое изучение японского языка, а также истории, культуры и быта японского народа. С 1861 г. японский язык стал преподаваться в Петербургском университете.

В первой четверти ХХ в., как известно, Япония дважды вела военные действия против нашей страны: первый раз — это русско-японская война 1904—1905 гг., а второй раз — вооруженная интервенция японцев на советском Дальнем Востоке и в Сибири в 1918—1922 гг. Естественно, в этих обстоятельствах многим из наших соотечественников приходилось по необходимости вступать в соприкосновение с японцами. Однако до 1917 г. японоведение как наука носила еще ограниченный, частный характер. Основные научные изыскания в этой области были сосредоточены лишь в двух центрах в столице, в стенах Азиатского музея и Петербургского университета, а также в Восточном институте во Владивостоке. Главное внимание уделялось обзорным работам по языку, литературе, истории и экономике Японии. В период революционных событий и гражданской войны, охвативших Россию в 1917—1920 гг., эти исследования были практически приостановлены.

В Советском Союзе японоведение как часть советской востоковедной науки сложилось в начале 20-х годов. Ее основоположниками стали такие знатоки Японии, как Е. Д. Поливанов, Д. Н. Позднеев, Е. Г. Спальвин, Н. И. Кюнер, Н. И. Конрад, К. А. Харнский, Х. Т. Эйдус и О. Плетнер. При их участии

началась подготовка специалистов-японоведов в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и Владивостока. К концу 30-х годов в Советском Союзе возникла уже вполне сложившаяся самостоятельная школа японоведов, представители которой в основу своих исследований положили материалистическое, марксистско-ленинское мировоззрение. Эта школа включала специалистов по языку, истории, экономике, литературе и политическим проблемам. Видную роль в развитии советского японоведения сыграли в довоенные годы такие ученые, как Н. И. Конрад, возглавивший тогда японоведческие исследования в области языка, литературы и истории. Н. А. Невский талантливый лингвист и исследователь японской культуры; Е. М. Жуков, написавший первую обобщенную марксистскую «Историю Японии»; К. М. Попов — автор исследований по географии и экономике Японии; Х. Т. Эйдус, опубликовавший ряд книг и статей по рабочему движению и политической жизни этой страны.

Применение советскими учеными в своих исследованиях научной, марксистской методологии позволило дать глубокий анализ особенностей развития японского империализма и задолго до японоведов Запада обратить внимание на ту военную угрозу, которую несла народам Азии агрессивная политика тогдашних правящих кругов Японии.

Эта политика японского империализма привела в начале 40-х годов к вступлению Японии во вторую мировую войну. В годы войны, а также после ее окончания в активную исследовательскую работу в области японоведения включилась большая группа ученых, в том числе А. Л. Гальперин, Э. Я.Файнберг, П. П. Топеха, И. И. Коваленко, Б. Г. Сапожников, Я. Б. Радуль-Затуловский, И. Д. Гольдберг, Г. И. Подпалова, Е. М. Колпакчи, Я. А. Певзнер, Е. М. Пигулевская, М. И. Лукьянова, А. А. Пашковский.

В послевоенные годы масштабы японоведческих исследований в Советском Союзе существенно возросли. В 50-х годах их центрами стали Институт востоковедения АН СССР, Московский институт востоковедения, Дальневосточный факультет Ленинградского университета, а с конца 50-х годов также Владивостокский университет и Дальневосточный центр Академии наук. В 60-х годах фронт изучения Японии в Советском Союзе еще больше расширился. Специалисты-японоведы появились в большинстве гуманитарных институтов Академии наук. Новый центр японоведения возник в созданном в середине 60-х годов в Москве Институте Дальнего Востока АН СССР.

О широком размахе японоведческих исследований в Советском Союзе в 50—60-х годах свидетельствует выход в свет десятков книг по экономике, истории, государственному строю, политике, литературе и языку Японии. Наряду с указанными выше учеными авторами этих книг стали представители нового, второго поколения советских японоведов: Л. Н. Кутаков,

В. А. Попов, Д. В. Петров, А. И. Динкевич, И. Я. Бурлингас, С. А. Арутюнов, В. А. Власов, С. К. Игнатущенко, А. М. Шарков, И. А. Латышев, В. Н. Горегляд, И. Ф. Вардуль.

Широкую работу по повышению уровня лингвистической подготовки студентов-японоведов развернули знатоки японского языка: А. А. Холодович, И. М. Головнин, Б. П. Лаврентьев, Е. М. Пинус, А. А. Бабинцев, Л. А. Стрижак. Именно в эти годы вышли в свет «Большой японо-русский словарь» под редакцией Н. И. Конрада и ряд других словарей, видную роль в создании которых сыграли Н. И. Фельдман, К. А. Попов, Л. А. Немзер, Н. А. Сыромятников, С. Ф. Зарубин, С. В. Неверов, Н. П. Капул. Большой вклад стали вносить в дело ознакомления советской общественности с японской литературой переводчики произведений японских писателей. К этому же времени относится выход в свет ряда крупных журналистских работ по Японии, наибольшую популярность среди которых обрела, пожалуй, книга В. В. Овчинникова «Ветка Сакуры».

О начале плодотворного творческого сотрудничества больших групп советских японоведов свидетельствовала подготовка коллективных обобщающих трудов по истории, экономике и литературе Японии, включая справочник «Современная Япония», в составлении которого участвовало около 30 специалистов. В конце 60-х годов в Москве были проведены первые крупные конференции японоведов на темы: «Великая Октябрьская социалистическая революция и Япония» (1967 г.) и «Некоторые спорные вопросы в освещении незавершенной буржуазной революции и преобразований в Японии во второй половине XIX в.» (1968 г.).

На базе Секции по изучению Японии Научного Совета по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения, созданного в 1971 г., с 1972 г. стал издаваться ежегодник «Япония» (на сегодняшний день вышло 13 томов). Это издание стало, в сущности, печатным органом советских японоведов. Это был первый ежегодник среди востоковедных изданий, по образцу которого стали издаваться ежегодники по некоторым другим странам Востока.

В конце 70-х — начале 80-х годов японоведческие исследования в Советском Союзе достигли наибольшего размаха. Японский язык изучается сегодня в Москве в Институте стран Азии и Африки при МГУ, в Институте международных отношений и на платных курсах японского языка, а также в Ленинградском и Владивостокском университетах. В общей сложности число студентов, изучающих японский язык, превышает 120 человек. Уровень преподавания языка стал при этом значительно выше, чем пятнадцать-двадцать лет назад. Японоведы старшего поколения, кончавшие высшие учебные заведения в первые полторадва послевоенных десятилетия, могут только завидовать своим молодым коллегам, многие из которых по девять-десять месяцев стажируются в японских университетах Токай и Сока. Естест-

венно, что сегодняшние выпускники японоведческих заведений оказываются наилучшим образом подготовлены для ведения как практической, так и научно-исследовательской работы с самых первых шагов своей трудовой деятельности.

Что касается научных исследований, то Япония ныне изучается в Советском Союзе в целом ряде исследовательских

центров.

Самый крупный в численном отношении коллектив японоведов сосредоточен в стенах Института востоковедения АН СССР. Большая часть из них работает в Москве, меньшая — в Ленинградском филиале Института. Около половины японоведов Института востоковедения являются сотрудниками Отдела Японии, состоящего из двух секторов: сектора экономики (зав. сектором А. И. Кравцевич) и сектора истории и современных проблем (зав. сектором И. А. Латышев). Остальные работают в других подразделениях Института: в отделах языков, литературы, информации, международных отношений, экономики, древнего Востока. Ведя исследования в проблемных отделах, специалисты по Японии могут активно участвовать в разработке тех общих проблем востоковедения, которыми занимается Институт.

Наибольшее внимание в деятельности японоведов Института востоковедения уделяется изучению вопросов экономики, истории, внешней политики, литературы и языка Японии. За последнее десятилетие они опубликовали несколько десятков монографий. Заслуживают упоминания, в частности, такие коллективные публикации, как «История Японии. 1945—1975 гг.» (ответственный редактор В. А. Попов, сборники статей «СССР — Япония» (ответственные редакторы С. И. Вербицкий и И. И. Коваленко), «Правящие круги Японии: механизм господства» (ответственные редакторы И. А. Латышев и В. А. Попов), коллективная монография «Япония: проблемы научнотехнического прогресса» (ответственный редактор Е. М. Примаков), два сборника статей, посвященных научно-техническому прогрессу (ответственный редактор Ю. Д. Денисов).

В числе индивидуальных исследований, подготовленных в Институте востоковедения, можно отметить следующие работы: С. Т. Мажорова «Военно-экономический потенциал современной Японии», С. Б. Маркарьян «Проблемы агропромышленной интеграции в Японии», М. И. Крупянко «Советско-японские экономические отношения», Г. Ф. Кунадзе «Японо-китайские отношения на современном этапе. 1972—1982 гг.», В. И. Шипаев «Япония и Южная Корея», С. В. Коврижкина «Космические исследования в Японии: социально-экономические и политические аспекты», Л. Д. Гришелева и Н. И. Чегодарь «Культура послевоенной Японии». Оригинальные работы опубликованы филологами института. К их числу относятся, в частности, сборник статей «Япония: культура и общество в эпоху НТР» (ответственный редактор Л. Л. Громковская), монография А. А. До-

лина «Очерки современной японской поэзии» и Т. П. Григорьевой «Японская литература XX века».

Интересные издания были опубликованы в последние годы группой японоведов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, возглавляемой проф. В. Н. Гореглядом, в том числе исследования М. В. Воробьева «Япония в III—VII вв.», З. Я. Ханина «Парии в японском обществе», Г. Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува», Г. Д. Ивановой «Мори Огай».

За последние два-три года японоведы отдела Японии Института востоковедения АН СССР завершили и сдали в издательство более пятнадцати монографий. Так, готовятся к публикации два тома по истории русско-японских и советско-японских отношений общим объемом более 40 печатных листов, а также «История Японии в документах» в пяти частях, которая будет издана в двух томах общим объемом 55 листов.

Вторым по численности коллективом исследователей-японоведов стал в последние годы отдел Японии Института Дальнего Востока АН СССР, возглавляемый проф. Д. В. Петровым. Главное внимание этого коллектива сосредоточено на проблемах внешней и внутренней политики современной Японии. Коллектив включает в себя сегодня представителей разных поколений, среди которых преобладает перспективная молодежь. Руководитель этого коллектива проф. Д. В. Петров, автор ряда монографических трудов по внешней политике Японии (в том числе «Япония в мировой политике»), ведет большую исследовательскую работу в этой области, периодически публикуя соответствующие статьи на страницах наших центральных политических журналов. Японоведы — сотрудники Института Дальнего Востока за минувшее десятилетие опубликовали целый ряд интересных исследований, в частности книги Б. В. Поспелова «Японская общественно-политическая мысль и маоизм» и И. А. Цветовой «Борьба демократических сил Японии за формирование единого фронта». Ряд изданий готовятся этим коллективом к выпуску в свет в ближайшее время.

Высоким уровнем своих трудов отличается коллектив японоведов Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Это специалисты главным образом по экономике Японии. Недавно в Институте был образован Отдел тихоокеанских исследований, возглавляемый д-ром экон. наук В. Н. Хлыновым. Костяком этого Отдела стал коллектив японоведов-экономистов, созданный крупнейшим советским специалистом в вопросах японской экономики проф. Я. А. Певзнером. Они издали ряд содержательных монографий, посвященных рассмотрению сложнейших экономических процессов, происходящих в Японии наших дней. Особенно необходимо отметить такие капитальные исследования, как «Государственно-монополистическое регулирование в Японии» (ответственный редактор Я. А. Певзнер), коллективная монография «Япония» из серии

«Современный монополистический капитализм» (ответственные редакторы Я. А. Певзнер, Д. В. Петров и В. Б. Рамзес), коллективная монография «СССР — Япония. Проблемы торгово-экономических отношений» (ответственные редакторы Я. А Пев-

знер, Ю. С. Столяров).

В числе крупных работ, подготовленных в ИМЭМО, обращают на себя внимание монографии В. Н. Хлынова «Рабочий класс Японии в условиях научно-технической революции», Б. Н. Добровинского «Проблемы эффективности японской экономики», В. Б. Рамзеса «Личное потребление в Японии», В. К. Зайцева «Система национальных счетов Японии», В. Г. Лешке «Японо-американский союз. Итоги трех десятилетий».

Важную роль в научной жизни советских японоведов играет в последнее десятилетие коллектив специалистов по японской экономике, работающих в стенах Научно-исследовательского конъюнктурного института при Министерстве внешней торговли СССР под руководством канд. экон. наук П. Д. Долгорукова. Аналитические материалы этого института, отражающие каждый поворот в развитии японской экономики, существенно помогают всем нашим научным коллективам верно ориентироваться в экономической жизни сегодняшней Японии.

Большую и важную работу ведет группа специалистов по Японии в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР. Блестящую работу «Япония: экономика и образование» написал, в частности, бывший руководитель этой группы, безвременно ушедший из жизни, талантливый исследователь А. И. Соколов.

Довольно много японоведов работает сегодня в таких столичных академических научных учреждениях, как Институт всеобщей истории, Институт мировой литературы, Институт этнографии, Институт философии, Институт государства и права, Институт мирового рабочего и коммунистического движения, а также в Институте военной истории Министерства обороны СССР, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, во Всесоюзном институте научно-технической информации, в Библиотеке им. В. И. Ленина. Среди недавно опубликованных работ этих ученых выделяется изданная в 1984 г. книга чл.-корр. АН СССР А. А. Искендерова «Тоётоми Хидэёси», представляющая собой увлекательно написанное исследование по истории Японии XVI в. Интересные проблемы современности подняты в книгах Ю. И. Березиной «Современное японское общество и рабочий класс» и Ким Ле-чуна «Современный японский роман», а также в работе В. А. Пронникова и И. Д. Ладанова «Японцы», дважды изданной за последние пять лет. В Институте государства и права в ходе изучения японского законодательства переведен на русский язык и опубликован ряд трудов японских ученых-правоведов.

Немалый вклад в советское японоведение внесен за послед-

ние годы специалистами в сфере военной истории Японии. Примером тому могут служить обстоятельная работа А. С. Савина «Японский милитаризм в период второй мировой войны», а также коллективная монография «Вооруженные силы Японии. История и современность» (ответственный редактор А. И. Иванов).

Большая роль в японоведческих исследованиях принадлежит работникам ряда советских практических учреждений. Наглядным примером тому является выход в свет за последнее десятилетие двух фундаментальных работ проф. И. И. Коваленко по довоенной и послевоенной истории Коммунистической партии Японии. Заслуживает упоминания также книга «Япония наших дней», изданная под редакцией И. И. Коваленко для широкого круга читателей. И. И. Коваленко уделяет много внимания научным проблемам японоведения в качестве главного редактора ежегодника «Япония».

Много важных статей по проблемам современной политической жизни Японии публикует А. И. Сенаторов. Интересную книгу «Социально-классовая структура современной Японии» опубликовал недавно Ю. Д. Кузнецов. Несомненный научный интерес представляет собой новая книга Г. Е. Светлова «Путь богов», посвященная выявлению политической сущности синтоизма и тенноизма.

В последние годы все заметнее становится вклад в изучение Японии ученых, работающих в Хабаровске (Институт экономики зарубежных стран Дальнего Востока) и во Владивостоке (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока). Один из сотрудников Института экономики — Е. Б. Ковригин недавно опубликовал монографию «Экономическая экспансия Японии».

Большими потенциальными возможностями для исследовательской работы обладают коллективы преподавателей-японоведов, работающих в стенах Института стран Азии и Африки при МГУ и Московского государственного института международных отношений МИД СССР, а также в Ленинградском и Дальневосточном университетах. Наряду с чтением курсов лекций по истории, экономике, географии, литературе Японии многие из этих преподавателей опубликовали за последние годы ряд интересных работ. К ним относятся, в частности, труды В. С. Гривнина «Акутагава Рюносукэ: жизнь, творчество, идеи», И. В. Головнина «Введение в синтаксис современного японского языка», Г. Б. Навлицкой «Нагасаки» и «Осака», М. В. Сутягиной «Группа Сумитомо», А. Б. Орфенова «Япония. "Участие" трудящихся в управлении производством (мифы и действительность», работы преподавателей Дальневосточного университета Е. В. Савостеева «Проблемы буржуазной революции. Мэйдэи исин в японской историографии», С. С. Паскова «Современная японская буржуазная историография», Е. В. Каращук «Япония и американская агрессия в Индокитае».

Наконец, следует отметить огромную по своему размаху ра-

боту, которую провели за минувшее десятилетие и продолжают вести советские японоведы в области переводов японской художественной и научной литературы на русский язык. В Советском Союзе переводятся произведения всех течений и жанров японской литературы: от классических литературных произведений древней и средневековой Японии до книг современных писателей. Только за последние 10 лет в Советском Союзе переведено с японского языка и издано около 50 художественных произведений японских писателей и более 20 книг по истории, экономике и культуре Японии. Число специалистов-японоведов, участвующих в переводческой работе, столь велико, что нет возможности упомянуть здесь фамилии всех. Ограничусь лишь именами таких мастеров перевода, как А. Е. Глускина, В. Н. Маркова, В. С. Гривнин, Б. В. Раскин, И. Л. Львова, А. Долин, Г. А. Ронская, З. Рахим.

Такова общая и притом далеко не полная картина деятельности советских японоведов. Ее масштабы сопоставимы лишь с масштабами японоведческих исследований в США и, судя по всему, значительно превосходят объем исследований во всех зарубежных странах Европы. И это закономерно: ведь для Европы (за исключением СССР) Япония — одна из самых далеких стран мира, в то время как для Советского Союза — это ближайший сосед. Научный интерес к Японии основан на постоянной потребности в добрососедском общении с этой страной, на стремлении больше знать о ней и лучше понимать ее. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что работа советских исследователей-японоведов, пронизанная духом уважительного, внимательного и дружественного отношения к народу Японии, вносит весомый вклад в прогресс человечества.

Отличительными чертами советского японоведения являются также строго научный подход ко всем явлениям в общественной жизни изучаемой страны, стремление выявить объективные закономерности, лежащие в основе развития японского общества, неизменно сочувственное отношение к интересам и запросам трудящихся масс и в то же время принципиальность в оценках действий правящих кругов этой империалистической страны, будь то экономика, политика или идеология. Научная, марксистско-ленинская методология была и остается основой основ советского японоведения. Все это существенно отличает труды советских ученых от большинства трудов американских и западноевропейских японоведов, основанных зачастую на отрицании объективных закономерностей в развитии человеческого общества, на непризнании поступательного, стадиального характера этого развития, на игнорировании и отбрасывании таких научных понятий, как феодализм, капитализм, империализм, на отрицании классового характера японского общества и присущих ему классовых противоречий.

Советские японоведы ведут свои исследования в полемике со сторонниками так называемой «теории модернизации», раз-

19

работанной учеными Гарвардского университета в 50-х годах с целью противопоставления ее марксистским взглядам на историю. В своих трудах наши исследователи раскрывают также несостоятельность взглядов японских националистов, пытающихся изображать японцев как некую «уникальную нацию», наделенную какими-то особыми достоинствами и превосходящую другие национальности по моральному складу, волевым качествам и духовной силе. Советские ученые подвергают критическому анализу курс правящих кругов Японии на расширение зарубежной экспансии японских монополий, на упрочение военного сотрудничества с США, на подчинение внешней политики страны стратегическим планам Пентагона, на реабилитацию японского милитаризма, на разжигание среди населения недоверия к Советскому Союзу и реваншистских настроений под флагом необоснованных территориальных притязаний. Отличительной чертой их трудов является также неизменно сочувственное отношение авторов к деятельности прогрессивных сил японского общества, выступающих в сфере экономики, политики, культуры, идеологии и искусства за социальный прогресс, против диктата и производства монополий, против втягивания страны в гонку вооружений, за избавление ее от угрозы повторения ядерной катастрофы, за упрочение мира на Дальнем Востоке, за добрососедские связи с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. Таковы вкратце методологические основы научных изысканий советской школы японоведов.

Что касается диапазона исследовательских работ советских японоведов, то, как видно из сказанного выше, он исключительно широк: ученые нашей страны интересуются, по сути дела, всеми областями общественной жизни как в прошлом, так и в настоящем. Широко изучается древняя, средневековая, новая и новейшая история Японии. Сейчас, в частности, особое внимание обращено на восполнение пробелов в освещении ряда периодов ее средневековой истории. Довольно широко разработаны у нас проблемы государственной и внутренней политической жизни японского общества, а также проблемы внешней политики. Много внимания стало уделяться в последнее время проблемам социологического порядка. Глубоко исследуется весь спектр современных проблем японской экономики. Новой сферой научных интересов советских исследователей стало всестороннее изучение достижений и успехов Японии в сфере управления производством, внедрения промышленных новинок науки и техники, а также развития современных наукоемких отраслей производства. Многое сделано нашими культурологами в ознакомсоветской общественности с японской национальной культурой. Что же касается литературы, то изучение ее, как уже отмечалось выше, достигло большого размаха, благодаря чему советская общественность сегодня имеет достаточно полное представление о творчестве японских писателей. Широким фронтом развертываются лингвистические исследования, начиная от истории становления языка до вопросов, связанных с машинным переводом японских текстов на русский язык.

Но все это отнюдь не означает, что в японоведческих исследованиях советских ученых нет белых пятен. В свете исторических решений XXVII съезда КПСС советские японоведы обязаны вскрывать и свои упущения и недоработки. До сих пор слабо изучена история общественной мысли Японии. При освещении различных сторон японской национальной культуры не раскрывается зачастую политическая подоплека тех или иных культурных мероприятий и веяний. В сфере литературоведения недостаточное внимание уделяется трудам японских литературных критиков, не анализируется, в частности, должным образом их отношение к советской литературе. Мало внимания уделяют наши экономисты изучению опыта Японии в развитии сферы общественных услуг.

Много недостатков наблюдается и в организации японоведческих исследований. Организационная структура советского японоведения остается еще далекой от совершенства. Нередко еще исследовательские центры дублируют друг друга, составляя планы своих работ без учета работы других центров. Особенно это касается тем аспирантских диссертаций. В этом отношении слишком медленно развертывается деятельность Японской секции Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения. В значительной степени в этом повинен и автор данного доклада, как лицо, ответственное за работу этой секции.

Организационная разобщенность, наблюдавшаяся временами в работе советских японоведов, связана, разумеется, и с объективными обстоятельствами. Когда-то, на первых этапах развития японоведения, исследования носили комплексный характер. Основатели отечественного японоведения обычно занимались широким кругом вопросов, совмещая нередко лингвистические исследования с исследованиями в сфере истории, филологии и социологии. Однако по мере развития этой отрасли востоковедения рамки научных исследований каждого из японоведов сужались, что было вполне естественно и закономерно. Все большее число исследователей стало углубляться в изучение отдельных проблем, не уделяя достаточного внимания другим проблемам. А это привело к тому, что сегодня японоведы-историки и филологи не всегда имеют ясное представление о результатах исследований экономистов и социологов, а последние недостаточно знакомы с трудами и суждениями историков и филологов. Нередко бывают случаи, что рукописи обсуждаются перед публикацией лишь в коллективах японоведов одной и той же специализации и не просматриваются японоведами специалистами другого профиля, в результате чего остаются незамеченными и попадают в печать фактические неточности и заведомо неверные оценки. Отрицательно сказывается на уровне отдельных публикаций по Японии и участие в них людей без достаточной профессиональной японоведческой подготовки, слабо знакомых с японским языком и страной и руководствующихся лишь поверхностными суждениями, почерпнутыми нередко из недостаточно серьезных англоязычных источников.

С существенными трудностями сталкиваются японоведы и при опубликовании своих рукописей. Возможности наших издательств остаются все еще ограниченными, и некоторые работы японоведов лежат в редакциях год, два, а то и больше, прежде чем до них доходит очередь. Особенно трудно публиковать свои труды нашим коллегам, работающим на Дальнем Востоке, где издательства не очень заинтересованы в малотиражной научной литературе.

В заключение необходимо остановиться на вопросах, связанных с контактами советских ученых с японской научной общественностью и с японоведами третьих стран. Мы придаем этим контактам большое значение, в частности связям с японскими учеными-марксистами. В отличие от довоенных времен многие японские обществоведы руководствуются в наши дни в своем подходе к проблемам экономики, истории, социологии, языка и литературоведения марксистской методологией. Это обусловливает обоюдное стремление как советских, так и японских исследователей к общению, к обмену информацией и суждениями по исследуемым ими вопросам.

За минувшие годы у советских японоведов установились довольно прочные контакты с большими группами японских ученых-марксистов, включая историков, экономистов, политологов, юристов, филологов и лингвистов. Вот уже около пятнадцати лет успешно проводятся через каждые полтора-два года симпозиумы советских и японских историков, в которых советские японоведы-историки принимают постоянное участие. Последний из этих симпозиумов (седьмой по счету) состоялся в мае 1985 г. в Японии. Центральное место в его повестке дня заняло обсуждение особенностей японского империализма, а также взглядов японцев на Россию и Советский Союз и общественности нашей страны на Японию. Плодотворно проходят также симпозиумы советских и японских экономистов, на которых обсуждаются наиболее сложные проблемы современного экономического развития Японии. Регулярно проводятся встречи литературоведов обеих стран.

Весьма содержательны также и научные встречи советских японоведов с японскими учеными-обществоведами, организуемые по договоренности между Институтом востоковедения АН СССР и университетом Рицумэйкан (г. Киото). На последней встрече, состоявшейся в июле 1982 г. в Ленинграде, интересные дискуссии развернулись по целому ряду проблем, связанных с экономической, социальной и политической жизнью современной Японии. Определенную научную значимость имели также и дискуссии по проблемам мира и безопасности в Азии,

организовывавшиеся поочередно Институтом востоковедения АН СССР и редакцией японской газеты «Санкэй симбун». В отличие от упомянутых выше научных симпозиумов на этих дискуссиях оппонентами советских японоведов по проблемам внешней и внутренней политики Японии выступали представители правых, консервативных группировок японского научного мира, что придавало дискуссиям острополемический характер.

Довольно широкие контакты советских японоведов с японской научной общественностью поддерживаются также путем индивидуальных встреч наших ученых с японскими в ходе научных командировок в Японию по линии Академии наук СССР, а также по другим линиям. Большое содействие оказывает советским ученым в ходе их пребывания в Японии администрация Дома международных связей (Кокусай бунка кайкан), возглавляемая видным ученым и влиятельным общественным деятелем Мацумото Сигэхару.

Советские японоведы имеют научные контакты и с японоведами США, котя во многом наши взгляды и оценки бывают различными, а то и прямо противоположными. Так, в частности, установлены контакты с такими видными американскими японоведами, как Роберт Скалапино, Эзра Вогель, Дональю Хэлман, Джон Стэфан, Роберт Уорд, Джеймс Морли, Дональю Кин. Некоторые из них довольно часто бывают в Советском Союзе в качестве гостей Института востоковедения или других академических центров, что позволяет в личных беседах с ними обменяться мнениями по поводу тех или иных интересных явлений японской действительности.

В последние годы значительно расширяются также связи с японоведами стран Европы, в частности с Ассоциацией европейских японоведов. Так, в сентябре 1985 г. делегация советских ученых (в составе 10 человек) приняла участие в четвертой конференции Ассоциации европейских японоведов, состоявшейся в Сорбонне в Париже. Контакты с европейскими японоведами весьма полезны, они помогают расширению нашего научного кругозора, а также углублению нашего понимания экономических и внешнеполитических и идеологических аспектов связей Японии со странами Западной Европы. В дальнейшем мы намерены по возможности шире участвовать как в конференциях указанной Ассоциации, так и в работе недавно основанного ею журнала.

Но особенно большой интерес для советских японистов представляет общение с коллегами-японоведами социалистических стран, чей подход к Японии, а также направление и методология исследовательской работы близки и понятны советским исследователям. Как показали встречи и товарищеские беседы советских ученых со своими коллегами из социалистических стран, состоявшиеся в 1980 г. на конференции в Варшавском университете и в 1984 г. на конференции в Берлине в стенах Гумбольдского университета, японоведов социалистических

стран сближает общность профессий и мировоззрения, обоюдное стремление содействовать делу мирового социального прогресса, делу укрепления мира во всем мире. Не случайно, в ходе организационных совещаний и индивидуальных бесед, состоявшихся в Берлине между японоведами СССР и социалистических стран Европы, многие из наших коллег, включая таких ученых, как профессора Юрген Бернд (ГДР), Миколай Меланович (Польша) и Петер Кош (Венгрия), обращались к советским японоведам с пожеланиями проявить инициативу и организовать в Москве совместную встречу ученых социалистических стран. Данная конференция представляет собой первый шаг в этом направлении.

Следует отметить, что научные контакты японоведов социалистических стран сопряжены с определенными трудностями. Так, мы еще мало знакомы с научными интересами и направлением работы друг друга. Пока для многих ученых социалистических стран Европы, а также Корейской Народно-Демократической Республики, Монгольской Народной Республики и Демократической Республики Вьетнам из-за языковых барьеров остаются неизвестными основные труды советских японоведов, хотя по многим вопросам они содержат более глубокий и точный анализ общественных явлений, чем труды знатоков Японии в США и других странах Запада. По тем же причинам советские японоведы мало знакомы с исследованиями и мнениями своих коллег из стран социалистического содружества. А интерес к этим исследованиям велик. Вот почему очень важен и нужен систематический обмен информацией, позволяющий выявить реальные возможности и конкретные пути развития нашего сотрудничества. Они могут быть реализованы по многим линиям, таким, в частности, как организация совместных симпозиумов и конференций, создание совместных сборников статей и коллективных монографий, публикация в советских востоковедных изданиях статей японоведов социалистических стран.

Таково в общих чертах современное состояние советского японоведения, таковы проблемы, связанные с его дальнейшим развитием. Есть все основания для уверенности в том, что советское японоведение будет и впредь развиваться по пути все большего и большего углубления и уточнения наших знаний о Японии, что научная и общественная деятельность советских японоведов будет содействовать делу упрочения добрососедских контактов между Советским Союзом и Японией, делу творческого сотрудничества ученых социалистических стран, как и всех прогрессивных ученых мира, делу упрочения мира на Дальнем Востоке.

ПРОГРЕССИВНЫЕ СИЛЫ ЯПОНИИ В БОРЬБЕ ЗА МИР И ЗАДАЧИ ЯПОНОВЕДОВ

В Новой редакции Программы КПСС записано: «В глубоком изучении нуждаются процессы, происходящие в коммунистическом, рабочем, национально-освободительном движениях, в капиталистическом обществе. Ход мирового развития выдвигает перед человечеством немало вопросов глобального масштаба. Научная мысль должна давать на эти вопросы верные ответы» 1.

Это программное положение целиком и полностью относится к советскому японоведению. В докладе И. А. Латышева дан обзор работ японоведов нашей страны. Из него видно, что над перечисленными выше задачами мы в целом работаем и имеем определенные достижения. Однако всегда ли японоведы оперативно дают верные ответы на вопросы, которые ставит перед ними жизнь? Все ли актуальные проблемы изучаются? Достаточна ли глубина исследований? Наконец, нашло ли применение столь необходимое «междисциплинарное исследование актуальных проблем», о котором говорит Программа КПСС и которое может дать действительно полный, всесторонний, свободный от субъективных ошибок, верный ответ?

Вот над чем нам нужно задуматься, постоянно иметь в виду при планировании и координации исследований. Короче говоря, перед руководящими работниками институтов, издательств, перед научными руководителями работ, их редакторами и, разумеется, перед каждым исследователем на первый план выдвигаются проблемы актуальности, эффективности и качества исследований.

Обеспечить тот высокий уровень японоведения, который требует от нас КПСС, можно лишь в атмосфере взаимной требовательности, откровенной, деловой критики и самокритики, невзирая на авторитеты.

Я хотел бы высказаться лишь по одному аспекту изучения Японии.

Каждый ученый-японовед социалистических стран хорошо знает, что в современном мире жизненно важный характер имеет борьба против ядерной опасности, гонки вооружений, за сохранение и укрепление всеобщего мира. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду было подчеркнуто: «Сегодня

как никогда важно найти пути более тесного и продуктивного сотрудничества с правительствами, партиями, общественными организациями и движениями, которые действительно озабочены судьбами мира на земле, со всеми народами ради создания всеобъемлющей системы международной безопасности» 2.

Японоведы социалистических стран могут и должны помогать нашим правительствам, движению сторонников мира в наших странах, находить эти пути «более тесного и продуктивного сотрудничества» с теми силами в Японии, которые озабочены судьбами мира для своего народа, своих соседей, человечества в целом. Для этого необходимо глубоко изучить расстановку сил в Японии, выявить с данной конкретной точки зрения особенности взглядов различных отрядов сторонников мира, знать влиятельные организации и движение японских сторонников мира, постоянно следить за их взаимоотношениями внутри Японии, связями в азиатско-тихоокеанском регионе, на международной арене в целом. Японоведы социалистических стран могут и должны вносить свой личный вклад в укрепление сил сторонников мира в Японии, выражая активную поддержку им в своих публикациях, проводя идею необходимости их сплочения, проявляя в этой связи необходимый такт при освещении нюансов их позиций, и особенно разногласий между разными отрядами в японском движении за мир.

Сугубо схематично можно выделить следующие основные группы сил, в той или иной степени работающих в пользу того, чтобы Япония развивалась как страна, отрицающая милитаристский выбор.

Это, во-первых, Коммунистическая партия Японии и находящиеся под ее влиянием демократические организации. Характерная особенность этой группы японских сторонников мира — решительные выступления за полное запрещение и ликвидацию ядерного оружия, убежденность в том, что Япония сможет действительно пойти по пути мира только при условии разрыва военно-политического союза с США.

Во-вторых, Социалистическая партия Японии, профсоюзы Сохио и Тюрицу рорэн, ряд других демократических организаций, прогрессивных ученых, деятелей культуры, связанных с социалистами. Они выступают как влиятельные противники милитаризации Японии, участники массового движения противядерных вооружений. Широко известна концепция «невооруженного нейтралитета», разработанная бывшим председателем ЦИК СПЯ М. Исибаси.

В-третьих, гражданские движения, в которых, разумеется, принимают участие коммунисты и социалисты, но не носящие откровенной политической окраски. Как правило, они развертываются вокруг местных проблем, но оказывают большое воздействие и на определение ориентации страны в целом. Наиболее известно движение за объявление зонами безъядерного оружия территорий отдельных административных единиц (от дере-

вень и городских поселков до префектур включительно). Имеют место движения сопротивления строительству новых военных объектов и т. п.

В-четвертых, к силам мира тяготеют, несмотря на противоречивость, непоследовательность конкретной политической линии, центристские партии оппозиции. Это в первую очередь Комэйто, выступающая против милитаризации Японии, ее втягивания в глобальную стратегию США. Против пересмотра мирных положений конституции Японии, за сохранение неядерного статуса страны высказываются Партия демократического социализма, а также Социал-демократический Союз и Новый либеральный клуб. В то же время ПДС и НЛК поддерживают правящую партию и правительство в конкретных программах наращивания вооружений Японии, в их политике укрепления японо-американского военно-политического союза.

В-пятых, в движение за мир все больше втягиваются религиозные организации различных направлений, включая наиболее массовые из них, как, например, Сока гаккай. Иногда религиозные деятели действуют в составе национальных организаций сторонников мира, в других случаях предпочитают выступать обособленно.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов наличие среди правящих кругов немалого числа реалистически мыслящих политиков и бизнесменов, понимающих безрассудность выбора в пользу дальнейшей милитаризации. Они считают, что Япония не должна становиться участником конфронтации со странами социализма, ввязываться в военные авантюры, признают важность предотвращения ядерной войны, в том числе необходимость и возможность запрещения и ликвидации ядерного оружия.

Разнообразие сил, принимающих участие в движении сторонников мира, породило и множество их организаций, нередко соперничающих между собой, ориентирующихся на те или иные политические партии. Диалектика антивоенной борьбы в Японии такова, что жизнь, конкретные события подталкивают отдельных людей, массовые организации, политические партии вставать в ряды сторонников мира. Растет их количество, но одновременно усложняется задача их единства и совместных действий. Вместе с тем эффективность их действий прямо зависит от степени объединения в единое целое, включения в общий мировой поток антивоенного движения, установления солидарности между национальными и международными антивоенными организациями.

Советские японоведы постоянно держат в своем поле зрения названные вопросы. Позиции тех или иных сил мира в Японии, их борьба против милитаризации, и особенно против военного союза Японии с американским империализмом, в общем нашли отражение в таких капитальных трудах, как «История Японии 1945—1975», монографиях И. И. Коваленко по истории КПЯ,

Г. И. Подпаловой по Социалистической партии Японии и многих других трудах японоведов как старшего поколения, так и молодых ученых. Краткие характеристики различных организаций сторонников мира можно найти в наших справочных изданиях. Текущие проблемы японского движения за мир освещаются в журнальных статьях, в ежегоднике «Япония». Не так давно мы имели возможность познакомиться со взглядами социалиста М. Исибаси в русском переводе его книги «Невооруженный нейтралитет».

С удовлетворением можно отметить большой вклад японистов-филологов, которые перевели много антивоенных произведений, отразивших чувства и настроения различных классов и слоев японского народа, особенно в связи с трагедией атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Интересен и анализ этой литературы, например статьи Ким Лечуна (К. Рехо) «Набат Хиросимы» в недавно вышедшей книге «Вторая мировая война в литературе зарубежных стран».

Но достаточно ли всего этого? Нет, советские ученые стоят лишь в начале процесса изучения многообразного явления борьбы за мир в Японии. Ответа на многие злободневные вопросы, названные мною в начале выступления, японоведы еще не дали.

Сегодня требуются новые, значительные усилия, назрела необходимость «междисциплинарного исследования» всего комплекса вопросов войны и мира в Японии с привлечением не только историков, но и экономистов, юристов, философов, филологов.

Проблемы войны и мира в японской философии, роль экономического фактора в определении выбора пути для Японии, юридические аспекты антивоенной борьбы — здесь мы видим практически белые пятна. Нам мало известны взгляды и практические действия многих отрядов непоследовательных сторонников мира, представляющих потенциально немалую силу, но нередко и активно противодействующих сплочению антивоенного движения, превращению его в более эффективную силу. Нужны комплексные исследования, посвященные специально истории и проблемам борьбы за мир в Японии.

В заключение хотелось бы отметить, что целый ряд японоведов принимает активное участие в контактах с японскими сторонниками мира. В ходе этих встреч они имеют возможность познать их взгляды, настроения, чувства. Живые контакты—это и укрепление солидарности, налаживание сотрудничества советского и японского народов в борьбе за мир, международную безопасность, и необходимая основа для того, чтобы наши исследования носили актуальный характер, отвечали на животрепещущие проблемы современности.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 168.
² Там же, с. 74.

БОРЬБА ЯПОНСКИХ КОММУНИСТОВ ПРОТИВ УСИЛЕНИЯ МИЛИТАРИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ В СТРАНЕ

80-е годы в Японии характеризуются усилением милитаристских тенденций и политической реакции во всех сферах общественной жизни. В условиях дальнейшего укрепления и развития японо-американского военного союза правящие круги страны идут по пути превращения Японии в одну из крупнейших военных держав.

Одновременно средствами массовой информации ведется идеологическая обработка населения, имеющая целью пересмотреть итоги второй мировой войны, возродить националистиче-

реть итоги второй мировой войны, возродить националистические настроения и преодолеть сопротивление возрождению милитаризма. Особенно большое значение приобретают активная деятельность прогрессивных сил страны, их борьба против проведения такой политики, призывы к бдительности японского народа, ибо сторонники милитаристского курса выступают под лозунгом патриотизма, обвиняя в отсутствии патриотических чувств тех, кто отвергает этот курс.

Коммунистическая партия Японии признает борьбу против возрождения милитаризма и усиления политической реакции в стране одной из важнейших сфер своей деятельности. При этом она выделяет приоритетные направления. В настоящее время одним из таких направлений является борьба против японо-американского военного союза, в основе которого лежит «договор безопасности». Именно с усилением такого союза КПЯ связывает дальнейшее «совершенствование» этого договора, создание мощного военного потенциала, увеличение военных ассигнований в бюджете, стремление правительства провести через парламент ряд реакционных законопроектов. рез парламент ряд реакционных законопроектов.

рез парламент ряд реакционных законопроектов.

Японские коммунисты на протяжении более тридцати лет накопили значительный опыт борьбы против японо-американского «договора безопасности». В настоящее время они обращают первостепенное внимание на тот факт, что на основе этого договора базируется японская военная стратегия, и он прочно привязывает Японию к ракетно-ядерным планам США. При этом отмечаются усилия обеих стран придать «договору безопасности» не только оборонительный, но и наступательный характер, а также сблизить системы этого договора с НАТО. Пред-

седатель секретариата ЦК КПЯ М. Канэко отмечал: «Япония фактически связала японо-американский военный союз с НАТО, безоговорочно поддержав принятое на встрече в Вильямсберге в 1983 г. "Заявление об обеспечении безопасности"» 1. При таком положении, считает руководство партии, борьба против японо-американского «договора безопасности» приобретает особую значимость.

По оценке КПЯ, предпринимаются попытки вывести военное сотрудничество обеих стран, при лидирующей роли США, на более опасный путь. Поворотным пунктом в этом процессе, как отмечало руководство партии, явились 17-е японо-американские консультации по вопросам безопасности, состоявшиеся в Гонолулу в январе 1987 г. «Самым главным во время этих консультаций было признание обеими странами "возрастания стратегической угрозы со стороны Советского Союза", согласие с необходимостью установить систему "совместной защиты морских коммуникаций" и усилить количество и качество сил самообороны» 2.

КПЯ всегда решительно отвергала существование «сил самообороны» и требовала их роспуска, считая факт их создания нарушением конституции 1947 г. Однако, понимая сложность их роспуска в настоящее время, КПЯ относит решение этого вопроса к тому времени, когда в стране будет создано демократическое коалиционное правительство. Коммунисты призывают к особой осторожности при подходе к этой проблеме: дело идет о мощных вооруженных силах, которые при ошибочном к ним подходе могут быть использованы для государственного переворота в целях уничтожения коалиционного правительства. Существование «сил самообороны» и усиление их взаимодействия с армией США, которое чрезвычайно возросло после принятия в 1979 г. «Курса на американо-японское сотрудничество в области обороны», КПЯ связывает с действием безопасности». По ее мнению, именно этот договор может стать осью политико-экономического и военного тихоокеанского блока.

Непрерывно возрастающие военные расходы являются одним из показателей роста милитаристских тенденций в Японии. До последнего времени действовал провозглашенный правительством Т. Мики в 1976 г. принцип ограничения этих расходов рамками 1% ВНП, но он постоянно находился под угрозой нарушения. Японские коммунисты считают, что взятый правительством в 1978 г. курс на изменение «лимита обороны», уровня развития военной техники и других факторов в зависимости от международной обстановки уже тогда означал попытку перейти к неограниченному наращиванию вооружений.

Коммунистическая партия Японии не одобряет военные расходы даже в рамках 1% ВНП, рассматривая их как нарушение конституционного запрета на поддержание военного потенциала. Она считает, что наращивание военной мощи страны идет и в пределах однопроцентного ограничения, но все-таки оно служит определенным «тормозом» роста военных ассигнований. «Переход однопроцентного потолка ВНП означает начало официального курса на гонку вооружений без всякого сдерживания» 3,— писал журнал «Дзэнъэй». КПЯ считает, что наращивание военного потенциала не имеет ничего общего с обороной страны, а преследует цель создать армию, отвечающую стратегической доктрине и военной политике США и способную принять участие в военных операциях Соединенных Штатов в рамках японо-американского военного союза.

КПЯ единственная среди оппозиционных партий ведет последовательную и постоянную борьбу за сокращение ассигнований на военные нужды. Ежегодно при обсуждении военного бюджета в парламенте депутаты-коммунисты отмечают постоянную тенденцию его роста и на конкретных примерах показывают, что «в настоящее время ни мир, ни жизнь народа не могут быть обеспечены без радикального сокращения военных расходов» 4. Они подчеркивают, что главная причина увеличения военного бюджета — это стремление властей обеспечить полное выполнение «среднесрочного плана оборонного строительства» (1986—1990) в соответствии с ядерной стратегией администрации Рейгана.

Параллельно с постоянным увеличением военных расходов японское правительство начиная с конца 70-х годов предпринимает попытки провести через парламент серию законопроектов, известных под названием «законодательства на случай чрезвычайного положения», планов «объединенных военных операций» и системы гражданской обороны. Коммунисты и в запросах в парламенте, и в выступлениях вне его стен раскрывают опасную сущность подобных законопроектов, ибо в случае их принятия, в условиях объявления военного положения, правительство откроет дорогу «введению военно-фашистской системы репрессий», при которой будут уничтожены демократические права народа.

КПЯ решительно выступает против предпринимаемых с 1980 г. попыток правительства принять проект закона об охране государственных тайн. По мнению властей, он необходим, поскольку в условиях увеличения масштабов контактов «сил самообороны» с армией США «американские военные секреты становятся доступными Японии» и, следовательно, нуждаются в их защите от третьих стран. Коммунисты же рассматривают этот законопроект прежде всего как попытку «закрыть людям глаза, уши, рты на японо-американский военный союз и ввергнуть страну в ядерную катастрофу» 5. При этом отмечается, что «махинации с протаскиванием в парламенте законопроекта об охране государственных тайн расширяют пределы необдуманных действий антикоммунистических и правых сил» 6.

Принятие подобного законопроекта дало бы возможность подвергать преследованию лиц, придерживающихся прогрессивных взглядов. Поэтому коммунисты широко апеллируют к об-

щественному мнению в стране; прилагают усилия к созданию всенародного движения протеста против его принятия в парламенте; обращаются к органам местного самоуправления с призывами принимать резолюции протеста 7. В 1986 г. правительство представило в парламент исправленный вариант проекта этого закона, что вызвало протесты по всей стране. «Содержание этого закона,— писал журнал "Дзэнъэй",— какие бы "поправки" в него ни вносились, является нарушением конституции и, безусловно, будет вызывать критику и противодействие со стороны большей части населения» 8.

Другим приоритетным направлением своей деятельности коммунисты считают борьбу против проводимой уже многие годы правящими кругами кампании за пересмотр ныне действующей конституции. Особенно активизировалась эта кампания с начала 80-х годов. Основная цель ее состоит в том, чтобы добиться исключения из конституции статьи 9, которая уничтожила юридическую базу возрождения милитаризма, и тем самым узаконить создание мощного военного потенциала. Коммунистическая партия Японии выступает не только против пересмотра этой и ряда других статей конституции, но и против внесения в нее поправок или произвольного толкования отдельных положений. Так, сторонники пересмотра конституции столь широко толкуют ее 9-ю статью, что не только существование «сил самообороны» считается вполне законным, но и расходы на совместное американо-японское патрулирование морских коммуникаций в Ормузском проливе признаются соответствующими конституции.

КПЯ связывает стремление правящих кругов страны изменить конституцию 1947 г. с проводимой правительством политикой укрепления японо-американского военного союза на базе «договора безопасности» и превращения Японии из экономической державы в военную, а также с попытками развернуть наступление на парламентскую демократию. Этому должна способствовать, по расчетам правящих кругов, и идеологическая обработка населения, важная роль в которой отводится реформе образования и возрождению «традиционных духовных ценностей».

Коммунистическая партия Японии считает защиту парламентской демократии одним из важных направлений борьбы против усиления политической реакции. Начиная с 1973 г. коммунисты выступают против попыток правящих кругов ввести систему малых избирательных округов, что в сочетании с пропорциональным представительством давало бы возможность правящей Либерально-демократической партии даже в случае получения всего 40% голосов избирателей приобретать 80% депутатских мандатов. Они активно участвовали в борьбе против принятия поправок к Основному закону о выборах, которые принимались дважды — в 1975 и 1982 гг.

Депутаты-коммунисты протестовали против внесения на рассмотрение в парламент проекта закона о политических партиях.

Они считают, что принятие такого закона преследует цель поставить под контроль правительства все партии и запретить те из них, которые критикуют нынешнюю политическую и социальную систему. «Идет борьба за политические изменения, поскольку предлагаемый законопроект признает политической только ту партию, которая "способствует предотвращению революции"» ,— подчеркивало руководство КПЯ. По его оценке, подобный законопроект абсолютно несовместим с ныне действующей конституцией и вообще принципами демократии. Коммунисты предприняли ряд шагов по организации общенационального движения протеста: были проведены многочисленные митинги, организованы встречи с представителями других оппозиционных партий, профсоюзов и демократических организаций.

Большое место во внутриполитических планах правительства занимает перестройка системы образования. По заявлению бывшего премьер-министра Я. Накасонэ, «реформа образования фактически решит проблему конституции», т. е. откроет путь к пересмотру ее антивоенных положений. КПЯ считает, что проведение подобной перестройки системы просвещения создает благоприятные условия для введения со временем всеобщей воинской повинности и широкого возрождения милитаризма.

КПЯ решительно выступила против внесения в парламент в 1984 г. законопроекта о создании специального органа по обсуждению вопросов образования, которому надлежало подготовить рекомендации о проведении реформы. Она обратилась ко всем членам партии с призывом разъяснить трудящимся, что правительство стремится к дальнейшему сокращению бюджетных ассигнований на образование и перекладыванию его бремени на их плечи, к установлению жесткого контроля над системой просвещения, использованию его для националистической пропаганды. По оценке КПЯ, «правительство стремится создать новую реакционную систему просвещения, которая будет воспитывать работников для монополистического капитала» 10.

Коммунисты считают, что единственным путем развития образования в стране может быть его демократизация на основе конституции и Основного закона об образовании. Эта демократизация, по мнению КПЯ, должна включать прежде всего улучшение условий в школах, создание всех условий для того, чтобы можно было полностью осуществлять право на образование ¹¹.

В 80-е годы активизировалась деятельность правящих кругов страны, направленная на возрождение и насаждение «традиционных духовных ценностей» среди населения. Особое место в этом процессе отводится возрождению в 1967 г. под несколько измененным названием «День основания государства» («кэнкоку-но кинэнби») государственного синтоистского праздника «День основания империи» («кигэнсэцу») 12, который ра-

нее всегда использовался для внедрения милитаристской идеологии. Преемственность этих праздников видна прежде всего в том, что они проводятся в один и тот же день. «Хотя религиозные и политические постулаты смягчены в нынешней церемонии праздника,— отмечает КПЯ,— он не может быть отделен от довоенного кигэнсэцу, поскольку также проводится 11 февраля. Празднование "Дня основания государства" именно в этот день — нарушение обусловленного конституцией принципа — суверенитет принадлежит народу» ¹³.

КПЯ считает, что одной из причин восстановления, по сути дела, кигэнсэцу было стремление правящих кругов возродить «откровенно имперский взгляд на историю, подобный тому, что существовал в предвоенные годы, и развернуть пропаганду милитаристских взглядов» ¹⁴. В Заявлении КПЯ по поводу проведения праздничных мероприятий в 1987 г. отмечалось, что с введением этого праздника народу вновь навязываются антинаучные взгляды на историю, подтверждается правомерность монархической системы, оправдывается агрессивная политика милитаристской Японии.

Серьезную озабоченность всех прогрессивных сил, особенно коммунистов, вызывает придание правительством с конца 70-х годов этому празднику характера государственного мероприятия. Так, начиная с 1978 г. канцелярия премьер-министра оказывает активное содействие проведению праздничных церемоний.

Борясь против этого, представители парламентской фракции КПЯ посещают накануне праздника канцелярию премьер-министра и заявляют протест против участия главы государства и членов кабинета в официальной церемонии. Коммунисты выступают и против того, что правительство обязывает администрацию органов местного самоуправления и школы проводить аналогичные церемонии на местном уровне. 11 февраля префектурные комитеты КПЯ совместно с женскими, молодежными, религиозными и другими организациями проводят митинги протеста.

Еще одним шагом на пути возрождения прежних «духовных ценностей», вызывающих протест со стороны КПЯ, явилось восстановление в 1977 г. статуса государственного гимна «Кими га ё», проникнутого духом шовинизма и олицетворявшего милитаристское прошлое. В настоящее время министерство просвещения, стремясь возродить в школах так называемое патриотическое воспитание, вменяет в обязанность префектурным органам образования следить за тем, чтобы во время окончания занятий в различных учебных заведениях обязательно исполняли «Кими га ё».

Коммунисты выступают также с осуждением официального посещения премьер-министром и членами правительства церемоний в храме Ясукуни 15 (косики сампай) и принятия закона о передаче храма в юрисдикцию государства, что нарушает

принцип отделения религии от государства. По сути дела, речь идет о возрождении былой политической роли синто, служившего идеологической основой японского шовинизма, о создании условий, в которых стало бы возможным реабилитировать военных преступников и беспрепятственно наращивать военную мощь страны. Коммунисты рассматривают подобные действия правительства «как неотъемлемую часть создания государственной структуры на базе японо-американского военного союза» 16.

Ежегодно 15 августа, в день капитуляции Японии, когда премьер-министр и члены правительства официально принимают участие в церемониях, проводимых в храме Ясукуни, КПЯ проводит по всей стране митинги и демонстрации, призывая все партии оппозиции к совместной борьбе не только против официальных посещений церемоний в этом храме, но и против принятия закона об охране государственных тайн, за предотвращение ядерной войны и ликвидацию ядерного оружия. Она подчеркивает при этом, что «целью настоятельно проводимой ЛДП и правительством политики "восстановления статуса храма Ясукуни" является создание идеологической основы для мобилизации народа на новую агрессивную войну в соответствии с ядерной стратегией США» 17.

На протяжении многих лет Коммунистическая партия Японии активно выступает против попыток правительства использовать в политических целях императора и императорскую семью. Заместитель председателя ЦК КПЯ Т. Фува еще в 1973 г. отмечал, что «вопрос об императоре является одним из пробных камней демократии в условиях современной политической системы Японии 18. В соответствии со статьей 1 конституции, «император является символом государства и единства народа, которому принадлежит суверенная власть» 19. КПЯ рассматривает попытки правящих кругов пересмотреть конституцию, ввести «законодательство на случай чрезвычайного положения» как стремление «вернуть суверенитет императору».

В этой связи коммунисты резко выступили против широко развернутой в стране кампании по проведению в 1986 г. специальных мероприятий в связи с 60-летним юбилеем пребывания императора Хирохито на троне. При этом особое внимание они обращают на то, что правительство старается изменить имидж императора, снять с него ответственность за жертвы, понесенные японскими и другими азиатскими народами 20 за 15 лет агрессивных войн, которые вела Япония. Выступая в парламенте, Т. Фува заявил, что «празднование в общенациональном масштабе 60-летнего юбилея пребывания императора на троне... означает игнорирование серьезнейших уроков предвоенной истории и является вызовом всем миролюбивым, демократическим статьям ныне действующей конституции» 21.

КПЯ считает нарушением парламентской демократии рас ширение функций императора, четко зафиксированных в 7-й

35

статье конституции. Так, в частности, она не признает правомерным присутствие императора на открытии сессии парламента и его выступление с приветственной речью. В знак протеста депутаты-коммунисты никогда не присутствуют на этой церемонии.

Они считают недопустимым и проявление «особого отношения» к членам императорской фамилии со стороны высшего законодательного органа страны. Так, депутаты-коммунисты выступили против проведения специальной церемонии приветствия старшего сына наследного принца во время его посещения парламента в январе 1986 г. КПЯ не отрицает права членов императорской фамилии присутствовать на парламентских заседаниях, но она возражает против установления специального связанного с этим церемониала, который, по ее мнению, воссоздает атмосферу довоенного парламента 22.

Таким образом, Коммунистическая партия Японии последовательно борется против курса правящих кругов на милитаризацию страны, против наступления на демократические завоевания народа. Ее поддерживают в этом прогрессивные силы страны. Однако среди части оппозиционных партий господствует тенденция к уклонению от прямой конфронтации с правящей ЛДП, к одобрению японо-американского военного союза, поиску путей к участию в правительстве на основе коалиции с консерваторами. Все это, безусловно, снижает эффект борьбы.

Тем не менее японские коммунисты ведут неустанную борьбу за достижение подлинного единства прогрессивных сил и полны «решимости добиться новых успехов, отразить любое реакционное наступление американского империализма и японского монополистического капитала» 23.

```
1 Акахата, 01.04.1983.
```

3 Дзэнъэй. 1987, № 3, с. 76.

⁶ Дзэнъэй. 1985, № 6, с. 81. ⁷ Акахата. 27.06.1985.

8 Дзэнъэй. 1986, № 3, с. 114.

⁹ Акахата. 08.03.1984.

¹⁰ Japan press weekly. 06.07.1985, c. 18. ¹¹ Japan press weekly. 01.02.1986, c. 24.

Japan press weekly. 16.02.1985, с. 10—11.
 Акахата. 11.02.1987.

² Акахата. 12.01.1987.

⁴ Japan press weekly, 10.01,1987, c. 17. ⁵ Japan press weekly, 08.06,1985, c. 14.

¹² Согласно мифологии, отсчет существования японского государства идет со дня вступления на престол легендарного императора в 660 г. до н. э.

¹⁵ Храм Ясукуни — главное синтоистское святилище, посвященное 2,5 млн. воинам, погибшим в войнах за императора. В настоящее время в нем поклоняются как национальным героям военным преступникам периода второй мировой войны. До войны храм находился в юрисдикции военного министерства. Согласно статье 20 конституции 1947 г., храм получил статус обычной религиозной организации.

¹⁶ Акахата. 17.04.1984. 17 Акахата. 15.08.1986.

- 18 Дзэнъэй. 1986, № 4, с. 119.
 19 Современная Япония. М., 1976, с. 500.
 20 Погибло 3 млн. японцев и 20 млн. представителей других азиатских народов.
 ²¹ Дээнъэй. 1986, № 4, с. 114.
 ²² Дээнъэй. 1986, № 4, с. 116.
 ²³ Правда. 05.03.1986.

ВЗГЛЯДЫ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ ЯПОНИИ НА ПРОБЛЕМУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Как отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС на XXVII съезде партии, возрастает значение азиатского и тихо-океанского направлений внешней политики СССР. Нестабильности обстановки в этом регионе, где «немало запутанных узлов противоречий, да и политическая ситуация в отдельных местах неустойчива» в значительной мере способствует военный курс правящих кругов Японии, в котором в последние годы происходят заметные изменения, выражающиеся в отходе от чисто оборонительных концепций и более тесном увязывании проблем безопасности Японии с азиатско-тихоокеанской стратегией США.

По сообщению газеты «Нихон кэйдзай симбун», проведенные 15—17 января 1986 г. очередные (16-е) японо-американские переговоры в Гонолулу (Гавайские острова) по реализации «договора безопасности» показали, что роль Японии в качестве «дополнения американской военной стратегии противостояния Советскому Союзу» значительно повысилась ². Так, представители американской делегации, которую возглавлял тогдашний помощник министра обороны США Р. Армитейдж, в частности, указывали, что Япония выполняет функции своего рода стража у выходов советского Тихоокеанского флота в открытый океан ³.

Политика обеспечения «национальной безопасности» Японии включает следующие декларативные цели, сформулированные во многих официальных документах Управления национальной обороны (УНО):

- обеспечение безопасности территории страны («национальной безопасности»);
 - защита «демократии и свободы»;
- охрана экономического благосостояния и процветания японского народа.

Как следует из характера японской военной доктрины, проблема обеспечения «национальной безопасности» включает в себя три элемента: дипломатия, направленная на политическое сдерживание (внешнеполитический аспект), сохранение и упрочение «договора безопасности» в качестве основы военного

сдерживания и наращивание боевой мощи «сил самообороны» (военный аспект проблемы).

Дипломатия политического сдерживания, согласно взглядам авторов военной доктрины, должна основываться на активной «мирной» внешнеполитической деятельности Японии, что, в свою очередь, подразумевает:

- недопущение путем использования соответствующих дипломатических рычагов возникновения нестабильности и политических конфликтов на Дальнем Востоке;
- предотвращение методами применения военной силы развития вооруженных конфликтов в самой Японии и в регионе.

Все факторы обеспечения «национальной безопасности» Япония рассматривает через призму отношений стран Запада, к которому она причисляет и себя, с Советским Союзом и мифа о росте «советской военной угрозы» на Дальнем Востоке. В японских правящих кругах за основу отношений с СССР взяты принципы, которые в извращенном виде трактуют его внешнеполитический курс. В частности, они исходят из того, что Советский Союз якобы исторически верит в «силу», поэтому западные страны должны иметь соответствующие «силы сдерживания». Согласно этой предпосылке, эти страны, в том числе и Япония, обязаны крепить солидарность в политике противоборства с Советским Союзом. Переговоры с СССР о развитии торгово-экономических отношений следует вести только после предварительных консультаций и выработки единой позиции всех западных стран, включая Японию.

Исходя из этих принципов, правящие круги Японии в основу своей политики в отношении Советского Союза ставят следующие задачи:

- добиваться единства общественного мнения, особенно по территориальным вопросам;
- использовать в японо-советских политических отношениях в качестве важного рычага фактор японской экономической мощи;
- наращивать дипломатические усилия в Азии, чтобы Советский Союз учитывал их в развитии своих отношений с азиатскими странами;
- продолжать крепить «силы самообороны» с целью использования фактора силы на переговорах с СССР.

В отношении «советской военной угрозы» в Японии существуют две точки зрения: первая, наиболее распространенная, заключается в том, что «угроза» существует и ее необходимо учитывать при определении курса японской военной политики. Более узкое мнение, поддерживаемое даже в определенных кругах правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), состоит в отрицании «угрозы». Промежуточное между этими взглядами звено буржуазных политологов считает, что нельзя ни преувеличивать значение «советской военной мощи», ни сбрасывать его со счетов. Авторы этого подхода полагают, что если

Япония будет иметь эффективные силы сдерживания, то СССР «не позволит себе применить силу против Японии» 4.

Как видно из сказанного выше, та часть военной доктрины Японии, которая имеет целью обеспечение «национальной безоопасности», носит ярко выраженную антисоветскую идеологическую направленность, призванную обосновать наращивание собственного военного потенциала.

В еще большей степени такой характер японской военной доктрины раскрывается при рассмотрении второго составного элемента военной политики Японии. Ее основу после второй мировой войны составляет тесная взаимосвязь «договора безопасности» с увеличением боевой мощи «сил самообороны». Проводя в жизнь такой курс, Япония, как утверждают японские политологи, не стала крупной военной державой, но добилась больших успехов в экономическом процветании. Если бы не было «договора безопасности», продолжают они, Япония была бы вынуждена защищать себя собственными силами, для чего потребовалось бы содержать крупную армию. Это привело бы к нарушению конституции или пересмотру ее антивоенной 9-й статьи. Иными словами, приходят к заключению буржуазные политологи, «договор безопасности» служит символом защиты конституции 5.

Нельзя, полагает Токио, целиком отказаться от «договора безопасности», нельзя также и полностью зависеть от него. Необходим оптимальный средний подход, который должен исходить из следующих четырех факторов, вытекающих из глобальной стратегии Вашингтона.

1) США требуют от Западной Европы и Японии помощи для того, чтобы склонить в свою сторону стратегический баланс сил

в противоборстве с Советским Союзом.

- 2) Для восстановления военной стабильности на Среднем Востоке и в Юго-Западной Азии США сформировали «силы быстрого развертывания», оснащенные специальными десантными кораблями, транспортными самолетами, создали военноморские базы в Омане, Кении, Сомали, Египте. Эти мероприятия США были выгодны и Западной Европе, и Японии, поскольку первая получает из этого региона 70% потребляемой нефти, а Япония—77, в то время как США— только 32%. Чтобы возместить этот вклад США, Западная Европа должна обеспечивать безопасность в Атлантическом океане, а Япония—в Тихом.
- 3) Ядерный зонтик США, под которым находятся Западная Европа и Япония, включает в себя триаду сил: межконтинентальные баллистические ракеты, ракетные атомные подводные лодки и стратегические бомбардировщики В-52. На их создание США затрачивают колоссальные средства. Нужна хотя бы их малая компенсация, что призваны сделать в первую очередь страны НАТО и Япония путем наращивания своих военных потенциалов.

4) 20 лет назад доля Японии в валовом национальном продукте (ВНП) США составляла всего 9%, а доля ФРГ—17%. Сейчас она возросла у Японии до 50%, а у ФРГ— до 30% от уровня США. Тем не менее США продолжают расходовать свои средства на обеспечение безопасности стран Западной Европы и Японии. Поэтому союзникам США по доброй воле следовало бы соответствующими темпами увеличивать свои военные расходы.

Руководство УНО полагает также, что Японии следовало бы также в качестве платы за американский «ядерный зонтик» уделить больше внимания организации эффективной противовоздушной обороны баз и объектов США (развернуть строительство подземных укрытий и ангаров для самолетов и другой боевой техники). На территории страны насчитывается 131 подобный объект, в том числе 36— крупнейших, таких, как Кадэна, Мисава, Титосэ, Йокота в.

Представители военного ведомства утверждают, что «договор безопасности» совершенно необходим Японии в качестве рычага сдерживания потенциального агрессора. Это положение раскрыто в содержании военной доктрины. Оно строится на предположении, что любая потенциальная агрессия против Японии неизбежно приведет гипотетического противника к прямой конфронтации с ракетно-ядерным потенциалом США, что вынудит его либо полностью отказаться от вторжения, либо ограничить масштабы и продолжительность боевых действий 7.

С одной стороны, они подвергают критике тех, кто выступает за полное соблюдение статьи 9 конституции, т. е. за отказ от военного потенциала. А с другой — поскольку Япония, говорят они, обеспечивает в настоящее время «национальную безопасность» совместно с вооруженными силами США, ей не обязательно иметь крупную армию. Достаточно, чтобы «силы самообороны» составляли 1/4 или 1/5 часть численности вооруженных сил СССР 8.

Как отмечалось выше, наращивание боевой мощи «сил самообороны» происходит в прямой зависимости от японо-американского «договора безопасности». Их первоначальные уровни были установлены в перспективном плане строительства вооруженных сил Японии, принятом в 1976 г. 7-я пятилетняя программа, которая завершает 15-летний цикл развития «сил самообороны», вступила в силу 1 апреля 1986 г. К моменту ее завершения в 1990 г. намеченные на перспективу количественные показатели видов вооруженных сил будут выполнены.

Более крупное наращивание военного потенциала, как этого требует Пентагон, может вызвать, по мнению буржуазных политологов, беспокойство азиатских стран. Поэтому нельзя переходить за черту дозволенного. Нельзя также, считают они, использовать «силы самообороны» для обеспечения региональной безопасности в азиатско-тихоокеанском районе. Тем не менее все последние военные концепции свидетельствуют о том, что

«силы самообороны», регулярно участвуя с 1980 г. в многосторонних военно-морских маневрах «Римпак» («Тихоокеанское кольцо»), фактически нарушили принцип неприсоединения Японии к системе «коллективной обороны». Еще более веским доказательством этого является привлечение «сил самообороны» к совместному с ВМС США боевому патрулированию морского и воздушного пространства, границы которого отстоят от берегов Японии на 1000 морских миль, а также подписание в декабре 1985 г. японо-американского соглашения «О проекте плана совместных боевых операций на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств в районе Дальнего Востока».

На упоминавшемся выше совещании по «договору безопасности» в Гонолулу были рассмотрены вопросы установления совместных американо-японских радаров загоризонтного наблюдения в трех пунктах: японских — на одном из островов архипелага Нансэй (Рюкю) возле о-ва Окинава, американских — на о-ве Гуам, а также на о-ве Амчитка (один из Алеутских островов). Установка этих радаров, дальность действия которых составляет 3000 км, подразумевает организацию постоянного наблюдения за территорией советского Дальнего Востока, за военно-морскими и военно-воздушными базами СССР.

В декабре 1986 г. были завершены начатые в 1983 г. японоамериканские исследования о совместной охране коммуникаций в 1000-мильной зоне. Если раньше подразумевалось, что зона совместных действий распространяется только на моря, расположенные к югу от Японии, то, по мнению начальника отдела военно-морских операций США адмирала Уоткинса, в нее должны быть включены Японское и Охотское моря ⁹.

Представители Пентагона акцентировали внимание японской делегации на необходимости увеличения финансовой помощи частям армии США, расположенным на базах Японии (за последние 9 лет расходы Японии по содержанию американских объектов на своей территории увеличились в 14 раз и составляют сейчас более 1 млрд. долл.); быстрейшего решения вопроса о первоочередном строительстве на о-ве Миякэдзима взлетно-посадочных полос для ночных тренировок палубной авиации США; увеличения продолжительности пребывания кораблей «сил самообороны» на боевом дежурстве в открытом море; повышения выживаемости баз; быстрого реагирования в случае начала боевых действий.

Японские военные обозреватели, комментируя итоги совещания в Гонолулу, обращают внимание на возросшую роль Японии в обеспечении безопасности западного лагеря. Они подчеркивают важность географического положения Японского архипелага, отмечают, что японо-американская «система безопасности» представляет собой наиболее яркий пример блоковой стратегии США. Япония на Дальнем Востоке играет роль «географической и идеологической баррикады» в противоборстве США против Советского Союза. Военный союз Японии и США

рассматривается ими как параллель с отношениями Вашингтона со странами Западной Европы — членами НАТО. Япония, наращивая свои противолодочные способности и возможности по укладке мин в проливах, увеличивает свой вклад в возможность создания в определенных условиях блокады (совместно с США) Советского Союза с востока.

Правящие круги Японии игнорируют при этом предложения СССР о создании всеобъемлющей равной для всех стран системы безопасности в Азии, что, безусловно, способствовало бы существенному оздоровлению военно-политической обстановки на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Они всячески поддерживают глобальный курс США, направленный на достижение военного превосходства над СССР, и продолжают активно проводить в жизнь собственную концепцию обеспечения «национальной безопасности», основанную на наращивании военного потенциала, расширении сферы действия своих вооруженных сил, их активном подключении к операциям на региональном уровне, что позволяет говорить о дальнейшей интеграции вооруженных сил Японии в азиатско-тихоокеанскую стратегию Пентагона.

² Нихон кэйдзай симбун, 19.01.1986.

 ³ Акахата. 09.02.1986.
 ⁴ Тамба М. 200%-но андзэн хосё-о мотомэру куни (Страна, требующая 200-процентного обеспечения безопасности). Токио, 1984, с. 130—131.

⁵ Тамба М. 200%-но андзэн хосё-о мотомэру куни, с. 168—169.

6 Боэй хандо букку 1985 (Справочник по вопросам обороны 1985). Токио, 1985, c. 255.
⁷ Report of Comprehensive National Security. Tokyo, 1980, c. 36.

⁸ Тамба М. 200%-но андээн хосё-о мотомэру куни, с. 132—133, 180—181.

⁹ Акахата, 09.02.1986,

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. M., 1986, c. 70.

О ГЛОБАЛЬНОМ ПОДХОДЕ В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

В последние годы в Японии вновь поднимает голову милитаризм. В стране созданы значительные по численности, оснащенные современной техникой вооруженные силы. Быстрыми темпами (6,5—7% в год) растут ассигнования на военные цели. Усиливается милитаристская и реваншистская пропаганда. Совершенствуется система военно-доктринальных взглядов. В правящих кругах все более активно высказываются претензии на лидерство Японии в азиатско-тихоокеанском регионе, на большую долю участия страны в определении империалистической политики Запада.

В конце 70-х — начале 80-х годов в основу подхода к выработке военной политики Японии был положен глобальный подход, суть которого заключается в координировании и объединении экономических, дипломатических, идеологических и военнополитических усилий стран империалистического Запада в борьбе с социализмом как общественной системой и носителем коммунистических идей, представляющих «главную угрозу существованию капиталистического строя». Такой подход органически вписывается в систему широких военно-стратегических приготовлений Соединенных Штатов, поддерживаемых их ведущими союзниками.

Бывший высокопоставленный сотрудник японского Управления национальной обороны (УНО) и дипломат Х. Окадзаки утверждает, что «почти не существует условий, при которых Япония могла бы быть вовлечена в локальную войну», и призывает исходить из вероятности ее участия лишь в мировой войне в настоящее время, — пишет один из руководителей налета японской авианосной авиации на главную базу ВМС США Пирл-Харбор 7 декабря 1941 г., генерал-лейтенант в отставке М. Гэнда, — наступает эра войн на всеобщее выживание... эра коалиционной стратегии великих держав» с Основным союзником Японии многие японские исследовате

Основным союзником Японии многие японские исследователи и военно-политические деятели считают Соединенные Штаты, а главным противником — Советский Союз. Уже упоминавшийся Х. Окадзаки пишет: «Любая японская... стратегия должна иметь в качестве краеугольного камня известную концепцию американо-японского сотрудничества», а «договор безопасности» между Японией и США «является лучшим и единственным ре-

алистическим фундаментом, на котором базируется японская стратегия, даже если не брать во внимание идеологический аспект, делающий Японию членом свободного мира». При этом X. Окадзаки полностью исключает возможность «автономного» осуществления военной политики Японии в. На этой основе происходит разделение функций и сфер влияния между различными участниками складывающейся глобальной империалистической группировки, в которой Япония претендует на соответствующее ее экономическому и политическому весу положение.

Японское правительство считает, что «Япония должна наращивать собственную военную мощь, а также укреплять военное сотрудничество с США и другими странами НАТО и что рост военной мощи Японии будет способствовать не только ее собственной безопасности, но и «безопасности всех западных

держав» ⁴.

Вопросы координации совместных действий рассматривались в ходе совещаний руководителей «семерки» ведущих капиталистических государств в Вильямсберге (1983 г.), Лондоне (1984 г.), Бонне (1985 г.) и Токио (1986 г.), на заседаниях «трехсторонней комиссии» (США — Западная Европа — Япония) и во время многочисленных двусторонних встреч на высшем уровне руководителей Японии с представителями США, ФРГ,

Канады, Англии, Франции и других стран Запада.

На встрече в Вильямсберге Я. Накасонэ (премьер-министр Японии в 1982—1987 гг.) заявил, что Япония — член общества западных стран; по его настоянию в текст заявления «семерки» была включена фраза: «Безопасность наших стран неделима, и к этой проблеме следует подходить в глобальном масштабе». В июне 1984 г., накануне встречи в Лондоне, Я. Накасонэ прямо заявил, что Западу и Японии «необходима совместная стратегия» В. Исходя из того же «глобального подхода», Я. Накасонэ стал чуть ли не единственным в то время руководителем, который поддержал на боннской встрече выдвинутую Р. Рейганом программу так называемой «стратегической оборонной инициативы» (СОИ) В. Подписав на токийском совещании заявление «о международном терроризме», Япония присоединилась к американской доктрине «неоглобализма».

Особенностью деятельности Японии в рамках общеимпериалистической стратегии является четко прослеживаемая проводимая ею линия на достижение конкретных выгод для себя от

тесного взаимодействия со странами НАТО.

Как отмечала французская печать, Япония пыталась в начале 1983 г. прощупать позицию стран—членов НАТО с целью добиться статуса «ассоциированного члена». Хотя эта идея и натолкнулась на противодействие Франции, она «не положена окончательно под сукно». Незадолго до этого был создан Совет японских парламентариев по вопросам обеспечения комплексной безопасности Японии, США и западноевропейских стран. Этот совет, в который входит около 150 парламентариев из числа са-

мых влиятельных и относящихся наиболее благожелательно к усилению военной роли Японии законодателей, представляет собой весьма сильную группу давления. Он стремится расширять консультации с межпарламентской ассоциацией НАТО и таким окольным путем узаконить диалог между Японией и НАТО 7.

В результате многочисленных контактов с представителями администрации США японское правительство добилось того, чтобы «страны НАТО при принятии политических решений учитывали также мнение Японии через посредство Соединенных Штатов» 8. Проявляя готовность внести свой вклад в укрепление позиций империализма в глобальном, стратегическом плане, Токио выдвинул предложение о создании постоянного органа, включающего Японию и государства-члены НАТО, с целью выработки единой политики в вопросах «обеспечения безопасности Запада», в том числе для координации курса в отношении Советского Союза и других социалистических стран. Это предложение встретило одобрение Вашингтона, который выразил готовность убедить своих натовских партнеров в целесообразности создания такого органа и уже на нынешнем этапе начать между Японией и НАТО обмен информацией военно-политического

характера ⁹.

В 1984 г. ряд стран НАТО, в том числе США, ФРГ, Бельгию и Францию, посетил начальник УНО Японии Ю. Курихара. Кроме встреч с министрами обороны этих стран он встретился с генеральным секретарем НАТО лордом Каррингтоном. Как сообщалось, на этих встречах обсуждались проблемы «комплексного обеспечения безопасности Вапада» 10. В 1985 г. ФРГ, Бельгию, Францию, Италию и США, а в 1986 г. Канаду и снова Соединенные Штаты с этими же целями посетил Я. Накасонэ, который в мае 1986 г. принял в Токио высших руководителей шести стран НАТО 11. Подобная военно-политическая активность Японии объективно способствует созданию внутри мировой капиталистической системы трехсторонней военной объединяющей крупнейшие центры империалистической силы — США, Западную Европу (с военно-политическим центром в западногерманской столице) и Японию. При этом имеется в виду, что место и роль Японии в этой структуре будет все более возрастать. В конце 1984 г. Я. Накасонэ заявил в парламенте: «Укрепление сотрудничества и солидарности в треугольнике Вашингтон-Токио-Западная Европа является государственной политикой японского правительства» 12.

Япония совместно с США проявляет немалую активность и в империалистической политике сколачивания восточного фрон-

та против социалистических государств.

В ходе визита Р. Рейгана в Японию в ноябре 1983 г. американский президент, указав на важное значение азиатско-тихоокеанского региона, по словам представителя японского МИД И Карита, «приветствовал меры, принимаемые японским правительством в области обороны, и выразил надежду на то, что оно будет продолжать эти усилия». Я. Накасонэ с удовлетворением воспринял «идею» Рейгана «развить двусторонний японо-американский союз» в тихоокеанский, в котором Японии отводится «самая важная роль» ¹³.

Действительно, идея создания широкого тихоокеанского военного союза давно занимает умы японских политиков и генералов. Первая попытка в этом направлении — придать функции чисто военного блока группировке АЗПАК — не дала ожидаемого результата. Затем внимание Японии обратилось к блоку АНЗЮС. Несмотря на то что в связи с особой позицией Новой Зеландии по некоторым вопросам ядерной политики АНЗЮС переживает сейчас серьезный кризис, не прекращаются попытки развить этот ведущий империалистический военный блок в зоне Тихого океана до масштабов Североатлантического союза. Активную роль в этом играет и Япония. Об этом свидетельствует, в частности, все возрастающее по масштабам участие Японии, начиная с 1980 г., в проводимых с 1971 г. военно-морских маневрах стран АНЗЮС под кодовым названием «Римпак» («Тихоокеанское кольцо») 14. В этих маневрах в последнее время также участвует Канада, а в 1986 г. вместо Новой Зеландии приняла участие Великобритания. Эта группировка все более превращается в звено, объединяющее воедино военную политику стран Запада по обе стороны материка Евразия.

Не оставляя попыток достичь долгосрочных целей блоковой политики, Япония не отказывается на этом пути и от промежуточных вариантов решения вопроса. Первоочередные усилия направляются на формирование в северо-западной части Тихого океана военного треугольника Токио—Сеул—Вашингтон.

В июле 1979 г. состоялся первый в послевоенной истории Японии визит в Южную Корею начальника УНО Г. Ямасита, что явилось отправным моментом в деле налаживания регулярных контактов между японскими и южнокорейскими военными деятелями ¹⁵. Японские военные стали регулярно участвовать в качестве «наблюдателей» в американо-южнокорейских военных маневрах; расширились масштабы использования Японии для их проведения. В октябре 1980 г. состоялись переговоры начальника УНО Д. Омура с командующим объединенными американо-южнокорейскими силами генералом Дж. Уикхэмом по согласованию общих для Японии, США и Южной Кореи военных вопросов 16. В 1981 г. стало известно, что Япония поставляет Южной Корее компоненты артиллерийского вооружения, бронетанковой техники и корабельного оборудования 17. Значительное влияние на сближение Токио и Сеула сыграло выделение Японией Южной Корее в 1983 г. кредита в 4 млрд. долл. 48. А в результате визитов Я. Накасонэ в Сеул в январе 1983 г., Р. Рейгана в Японию и Южную Корею в ноябре 1983 г. и первого в послевоенное время визита тогдашнего президента Южной Кореи Чон Ду Хвана в Японию в сентябре 1984 г., сразу после которого в Сеуле также впервые состоялась деловая встреча председателя Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил Японии генерала К. Ватанабэ и председателя Комитета начальников штабов южнокорейской армии генерала Ли Ки Пека, процесс сколачивания тройственного союза вступил в завершающую стадию 19.

Как отметил 24 декабря 1985 г. Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков, «расширяется военное сотрудничество между США, Японией и Южной Кореей, которое все бо-

лее приобретает блоковый характер».

В качестве одного из последних примеров расширения такого сотрудничества трех стран японская печать называет закладку в ходе визитов тогдашнего министра обороны США К. Уайнбергера в Токио и Сеул в апреле 1986 г. основы для создания механизма участия Японии и Южной Кореи в СОИ. Что касается Японии, то в сентябре того же года японское правительство официально заявило о принятии решения присоединиться к разработкам по программе СОИ ²⁰.

Важной стратегической задачей Япония считает вовлечение в тихоокеанскую военно-политическую группировку стран АСЕАН. При этом правящие круги страны исходят якобы из того, что «мир и стабильность в странах АСЕАН имеют крайне важное значение для безопасности в Японии» ²¹.

Глубокий интерес проявляет Токио к бассейну Индийского океана и особенно району Персидского залива. В «Белой книге по вопросам самообороны» за 1985 г. указано, что «обеспечение мира и стабильности этого района и безопасности его морских коммуникаций имеет чрезвычайное значение для выживания и процветания стран свободного мира, в первую очередь Японии, а также стран третьего мира» 22. Как отмечают в США, Япония уделяет все большее внимание обеспечению контроля над морскими путями, особенно теми, «которые ведут на юг и которые используются для доставки нефти из Персидского залива» 23.

При этом дело не ограничивается лишь подкреплением обязательства, принятого на себя Японией в 1981 г., о «защите 1000-мильной зоны вокруг японского архипелага». Речь идет о поиске путей более широкого и активного участия японских военных формирований в осуществлении военных связей в обширном регионе. В 1981 г. японо-американская группа военных экспертов представила своим правительствам, а также руководству всех государств-членов НАТО выработанные ею рекомендации по созданию постоянных объединенных сил в районе Персидского залива. Эти силы, по мнению экспертов, должны быть способны «эффективно сдерживать СССР» и осуществлять «соответствующие операции на суше, в море и в воздухе». Были предприняты усилия по изысканию удобных форм японского участия в таком «сдерживании», в частности под флагом войск ООН. Далеко идущим представляется и недавнее решение японского командования о создании японских сил быстрого развертывания ²⁴.

Все это привело к повышению роли Японии в глобальной системе международных отношений и увеличению ее вклада в военно-политическую структуру капиталистического мира ²⁵.

Японское военно-политическое руководство разделяет американский подход к оценке расстановки сил в мире, согласно которому «главную угрозу» миру капитала несет в себе «обладающая глобальным потенциалом» социалистическая система с центром в лице Советского Союза 26.

«Советский Союз, опираясь на усиление военной мощи, — утверждается в "Белой книге по вопросам обороны" на 1985 г., — пытается распространить свое влияние на Средний Восток, Африку, Юго-Восточную Азию и Центральную Америку... Постоянное наращивание Советским Союзом вооруженных сил на Дальнем Востоке и оживление связанной с этим его деятельности усиливают скрытую угрозу для нашей страны», — говорится в книге ²⁷.

Правящим кругам Японии, разумеется, известно, что оснований для утверждений об угрозе военного нападения со стороны СССР в действительности не существует. Поэтому в Токио пытаются доказать, что «советскую угрозу» следует рассматривать не с точки зрения непосредственной возможности враждебных действий со стороны СССР, а в глобальном плане, с позиций изменения в соотношении сил между социализмом и капитализмом. В «Белой книге по вопросам обороны» за 1981 г., в частности, говорилось, что «военная угроза со стороны Советского Союза растет в мировом масштабе» 28.

Курс на расширение военных приготовлений, участие в политических и военно-стратегических акциях западных государств оправдываются тем, что СССР представляет собой «угрозу Японии как части западного лагеря».

В условиях, когда в Японии распространяются измышления об «угрозе с Севера», было бы логично, чтобы японское правительство поддержало советское предложение обсудить совместно с другими заинтересованными странами или на двусторонней основе вопрос о разработке и введении на Дальнем Востоке мер доверия. Однако Япония не проявила интереса к предложению Советского Союза. Не откликнулась она и на предложение СССР заключить двустороннее соглашение о гарантиях, в котором в соответствующей договорно-правовой форме Советский Союз взял бы на себя обязательства не применять ядерное оружие против Японии в обмен на подтверждение последней обязательства строго и последовательно соблюдать безъядерный статус: не производить, не приобретать ядерное оружие и не допускать его завоза на японскую территорию, а также в воздушное и морское пространство страны 29.

Внешнеполитические акции и военная политика Японии начала 80-х годов дала основания тогдашнему американскому министру обороны К. Уайнбергеру заявить конгрессу, что Япония отныне занимает такое же место в глобальных планах войны

против Советского Союза, какое занимают страны НАТО 30. В его официальном докладе конгрессу за 1986 г. особо подчеркивалось «увеличение стратегической роли Японии по противодействию советским вооруженным силам на Дальнем Востоке» 31. Ясно, что к задачам «самообороны» подобная позиция Японии не имеет никакого отношения.

Итак, по мере наращивания военно-экономического потенциала, расширения экспансии японского капитала росли и продолжают расти внешнеполитические амбиции японского государства, масштабы его участия в глобальной политике империализма. Глобальный подход к выработке и осуществлению военной политики страны, отвечая на данном этапе интересам Запада в целом, используется Японией для усиления собственного экономического, политического и военного влияния в азиатско-тихоокеанском регионе и других важных районах мира.

- ¹ International Security. 1982, № 2, c. 193. 2 См.: Гундзи кэнкю. 1983, № 2, с. 185.
- ³ International Security, c. 185, 192, 194. 4 Боэй хакусё 1983 (Белая книга по обороне Японии 1983). Токио,
- 1983, с. 7. ⁵ Правда. 11, 20.06.1984.

⁶ Известия. 06.05.1985.

⁷ Le Monde. 12.02; 13.04.1983. ⁸ Асахи симбун. 23.01.1983.

9 Проблемы Дальнего Востока. 1984, № 2, с. 6.

10 Нихон кэйдзай симбун. 07.04.1984; Красная звезда. 21.09.1984. ¹¹ Иомиури симбун. 21.06.1985; Майнити симбун. 16.04; 6.05.1986. ¹² The Japan Times. 21.01.1985.

¹³ Токио симбун. 10.11.1983. 14 Cm.: The Japan Times. 07.01.1980; Красная звезда. 03.10.1983; 11.04.1986;

- Известия, 15.05.1984. 15 Japan's Contribution to Military Stability in North-East Asia. Wash., 1980,
- с. 22. ¹⁶ Красная звезда, 14.05.1980. 07.19.1983; 10.11.19 17 Правда. 07.12.1983; 10.11.1983.

¹⁸ Правда. 03.06.1984.

19 См.: Military Review. 1985, № 5, с. 65—68; Правда. 07.12.1983; Красная звезда. 10.11.1983; Проблемы Дальнего Востока. 1986, № I, с. 32; Известия. 8.09.1984.

²⁰ См.: Асахи симбун. 27 и 28.04.1986; Майнити симбун. 28.04.1986; Санкэй симбун. 10.09.1986.

²⁵ Боэй хакусё 1985, с. 57.

²² Там же, с. 53.

²³ The New York Times. 09.05.1981.

24 Красная звезда. 06.10.1981; 02.10.1984. ²⁵ Япония 1981. Ежегодник, 1982, с. 46.

²⁶ Боэй хакусё 1985, с. 4—5.

²⁷ Там же, с. 5, 3.

28 Цит. по: Япония 1981. Ежегодник, 1982, с. 65.

²⁹ Правда. 23.09.1984.

³⁰ Красная звезда. 03.10.1983.

³¹ Асахи симбун, 06.02.1986.

РОЛЬ И МЕСТО ЯПОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

К середине 80-х годов Япония укрепила свои позиции как один из трех основных центров современного империализма и существенно повысила свою роль в глобальной системе международных отношений. Этот процесс был связан с ростом экономической мощи Японии, возрастанием ее вклада в военностратегическую систему империализма и рядом изменений как на международной арене, так и во внутриполитической жизни страны.

В конкурентной борьбе с Соединенными Штатами и странами Западной Европы японский империализм добился знаменательного сдвига в соотношении сил в свою пользу. Хотя японской экономике в полной мере присущи все пороки капиталистического способа производства с его кризисами и спадами, в целом темпы развития в 1960—1986 гг. были выше, чем в других ведущих империалистических странах. На базе структурной перестройки народного хозяйства и резкого повышения удельного веса наукоемких отраслей производства Японии удалось обеспечить существенное повышение эффективности экономики и быстрый рост объема промышленного производства. Выпуск промышленной продукции в 1960—1986 гг. возрос в 6,4 раза, тогда как в США — в 2,6 и в странах БЭС — в 2,2 раза 1.

В результате Япония оказалась единственной развитой капиталистической страной, доля которой в совокупном промышленном производстве ведущих капиталистических стран — членов ОЭСР непрерывно росла. Так, за 1960-1986 гг. удельный вес США сократился с 35,2 до 33,8%, стран ЕЭС — с 47,0 до 39,4% (в том числе ФРГ — с 15,3 до 12,5%, Франции — с 9,0 до 7,6%, Великобритании — с 12,0 до 7,1%), а Японии возрос с 6,9 до 16,6% ².

К середине 80-х годов Япония по многим важным показателям сократила свой разрыв с США и еще больше ушла вперед от стран Западной Европы. Если объем ВНП на душу населения составлял в 1950 г. 14,4% уровня США, то в 1985 г. он дошел до 65,9%, оказавшись значительно выше, чем в среднем в семи ведущих странах Западной Европы (11,0 тыс. долл. против 8,8 тыс.) 3. Особое значение имеет сближение основных показателей эффективности экономики. Япония раньше других ве-

дущих государств приступила к переоснащению производственного аппарата на базе новейшей техники, что позволило обеспечить рост производительности труда в 1975—1986 гг. на 58,9%, тогда как в США он составил 45,2%, в ФРГ — 35,2, во Франции — 51,2 и в Великобритании — 35,6% . В результате Япония значительно приблизилась к США по совокупной производительности общественного труда, а по некоторым отраслям обрабатывающей промышленности превзошла Соединенные Штаты.

Японии удалось выиграть соревнование и в такой важной области, как снижение энергоемкости производства. Она оказалась впереди по внедрению энергосберегающих технологий, что позволило резко сократить не только относительный, но и абсолютный объем энергопотребления при существенном росте ВНП. Так, в 1983 г. суммарное потребление энергии в Японии составило 416 млн. т в пересчете на каменный уголь против 426 млн. т в докризисном 1973 г., тогда как ВНП за те же годы возрос со 145 трлн. иен до 264,7 трлн. в постоянных ценах, и, следовательно, удельные затраты энергии на единицу ВНП сократились почти в два раза 5.

Большую роль играет сокращение отставания от США по уровню развития науки и техники, а также организации производства и управления. Оставаясь одним из крупнейших в мире импортером патентов и лицензий, Япония в то же время резко увеличила собственные фундаментальные и прикладные исследования, что нашло свое отражение в более высоких, чем в других странах, темпах роста расходов на науку. В Японии они составили в 1971—1983 гг. 7,2% против 3,0 в США, 3,5%—в ФРГ, 3,9%—во Франции и 2,8%—в Великобритании. Хотя США сохранили свое безусловное преимущество в этой области (95,9 млрд. долл. в 1984 г.), Япония прочно утвердилась на втором месте (30,2 млрд. долл.), а ее доля затрат на НИОКР достигла 3,0% ВНП, т. е. оказалась выше, чем в США (2,9) в

Существенный рост ассигнований на НИОКР позволил Японии расширить фундаментальные исследования во многих передовых отраслях науки и техники, включая разработку комплексных информационных систем на базе крупных ЭВМ, создание приборов и оборудования, основанных на применении лазеров, работы в области биоинженерии, освоении космического пространства и ресурсов мирового океана, использовании атомной энергии и т. п. Одним из важных показателей успехов в развитии науки и техники явилось увеличение поступлений от экспорта технологии за 1971—1984 гг. с 60 млн. долл. до 695 млн., т. е. в 11,6 раза 7.

Высокие темпы экономического развития Японии сопровождались возрастанием ее роли в мировом разделении труда и бурным расширением внешнеэкономических связей. Опираясь на высокую конкурентоспособность своих товаров, Япония увеличила свою долю в мировом капиталистическом экспорте с 1,3% в 1950 г. до 6,9% в 1975 г. и 9,1% в 1985 г. в. При этом по мере

структурных изменений в японской промышленности и повышения удельного веса наукоемкой и сложной продукции непрерывно растет значение рынков развитых промышленных стран. Реализация японских товаров в США и странах Западной Европы увеличилась за 1960—1985 гг. в 57 раз. На их долю приходится 56,2% всего японского экспорта (1986 г.), тогда как в Японии находят сбыт только 13,9% ввозимых этими странами товаров. Их дефицит в торговле с Японией возрос с 3,3 млрд. долл. в 1975 г. до 18,0 млрд. в 1980 г. и достиг астрономической цифры в 70,4 млрд. долл. в 1986 г., что привело к резкому усилению конкурентной борьбы и стало одной из основных сфер проявления межимпериалистических противоречий.

Торговая экспансия Японии сопровождается существенным возрастанием темпов и расширением масштабов вывоза капитала. В основе этого процесса лежат повышение стоимости рабочей силы в Японии, снижение инвестиционного спроса в связи с относительным замедлением темпов экономического развития в 80-е годы, наличие значительных валютных резервов, возросших в 1970—1986 гг. с 4,4 млрд. долл. до 42,2 млрд. (81,5 млрд. долл. на конец 1987 г.) 10, высокий уровень дивидендов и процентных ставок в США, а также стремление японских монополий путем создания дочерних предприятий за рубежом преодолеть протекционистские рогатки на путях сбыта своих товаров.

Прямые промышленные инвестиции Японии возросли за 1971—1983 гг. в 14 раз, тогда как США — в 2,7 раза, ФРГ — в 5,1, Англии — в 3,8 и Франции — в 2,9 раза. Хотя Япония пока что значительно уступает по их балансовой сумме (74,4 млрд. долл. на 31 марта 1985 г.) Соединенным Штатам (232,1 млрд. долл.) и Англии (111,4 млрд долл.) 11, она вышла к середине 80-х годов на второе место после США как экспортер капитала и стала оказывать заметное влияние на мировой финансовый рынок. Концентрация японских зарубежных инвестиций в отдельных странах и ограниченном количестве отраслей промышленности делает японские монополии серьезным соперником других империалистических держав в этой важной сфере экономических отношений.

Добившись существенного укрепления своих позиций на мировой арене, японский империализм тем не менее уступает по многим важным показателям двум другим центрам империалистического соперничества. Валовой национальный продукт Японии составляет (1985 г.) всего 33,3% уровня США и 54,3% — стран ЕЭС. Япония уступает им по степени освоения внешних рынков: суммарный экспорт Японии на 17,6% меньше, чем у США, и в 3,6 раза — чем у стран ЕЭС 12. Сохраняется дефицит технологического платежного баланса: за приобретение патентов и лицензий Япония уплатила в 1984 г. в 3,3 раза больше, чем получила от продажи собственного научно-технического опыта 13. Все эти факторы накладывают свой отпечаток на по-

литику правящих кругов Японии, ограничивая в известной мере возможности достижения долгосрочных целей в межимпериалистической борьбе.

Возрастание веса и влияния Японии в экономике капиталистического мира неизбежно вело к повышению ее роли в борьбе двух систем. Укрепление экономических и политических позиций Советского Союза и других социалистических стран вынудило США и ведущие державы Западной Европы искать пути к преодолению противоречий и мобилизации всех сил для сохранения устоев мирового империализма. Отсюда резко возросла их заинтересованность в использовании возросших возможностей Японии в целях укрепления империалистической системы и проведения в жизнь американской «доктрины неоглобализма», которая предусматривает, в частности, «переход в наступление», «попытки вернуть районы, контролируемые коммунистами» 14. Соединенные Штаты требуют от Японии широкой морально-политической и экономической поддержки подрывных акций против Кампучии, Никарагуа, Анголы, Эфиопии и других стран, народы которых провозгласили стремление идти по пути социалистических преобразований. В то же время возрастание роли Азии и бассейна Тихого океана в решении глобальных международных проблем усилило значение Японии в системе отношений с другими великими державами — США, Советским Союзом, Китаем, Индией, а также с Австралией и малыми странами региона.

Обострение международной напряженности в результате курса администрации Р. Рейгана в первой половине 80-х годов на подрыв разрядки и усиление конфронтации с миром социализма существенно повысило роль Японии в военно-стратегической системе империализма. Несмотря на сохранение рядаюридических ограничений, Япония обеспечила резкое наращивание своего военного потенциала. Ее вооруженные силы, численностью около 270 тыс. человек, оснащены всеми современными видами оружия, кроме ядерного. Западные специалисты считают, что по огневой мощи, мобильности и другим параметрам они занимают примерно 6—7-е место среди армий капиталистических государств. Военные ассигнования Японии растут более высокими темпами, чем в странах НАТО. В 1987 г. было израсходовано, например, 3,5 трлн. иен (22,8 млрд. долл.), или в полтора раза больше, чем в 1980 г.

Усиление военной мощи сопровождается значительным расширением функций Японии в американской военно-стратегической системе в Азии. Она дала обязательство участвовать совместно с американскими ВМС и ВВС в противовоздушных и противолодочных операциях в северо-западной части Тихого океана, т. е. в районах, непосредственно примыкающих к территории Советского Союза. Япония согласилась взять на себя минирование «в случае чрезвычайных обстоятельств» международных проливов Лаперуза, Сангарского и Корейского, не скры-

вая своей цели попытаться тем самым блокировать советский флот в Японском море и закрыть ему выход в Тихий океан. Правительство приняло также решение поручить военно-морским силам проведение боевого патрулирования на расстоянии тысячи миль от японских берегов, включая конвоирование аме-

риканских кораблей с ядерным оружием на борту.

Все более важная роль отводится Японии в американских планах подрыва стратегического паритета в азиатско-тихоокеанском регионе и наращивании ракетно-ядерной мощи США. На базе Мисава на севере о-ва Хонсю размещены две эксадрильи (48 машин) истребителей-бомбардировщиков Ф-16, способных нести ядерное оружие. В порты Японии регулярно заходят атомные подводные лодки и атомные авианосцы с ядерным оружием на борту. Разрабатываются планы размещения ракет «Томагавк» наземного базирования на американских базах Мисава, Сасэбо, а также в районе Сирэтоко на о-ве Хоккайдо и в районе Ога в префектуре Акита.

Наконец, 21 июня 1987 г. Япония официально присоединилась к американской программе «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Пентагон неоднократно заявлял о том, что хотел бы получить от Японии технологию производства электронной оптики, лазеров, сверхмощных компьютеров, жаростойких покрытий и других изделий, которые могут быть ис-

пользованы при создании космического оружия.

К середине 80-х годов военная политика и военно-промышленный потенциал Японии стали играть, таким образом, важную роль в достижении внешнеполитических целей.

На позиции Японии на мировой арене значительное влияние оказали изменения во внутриполитической жизни страны. В условиях раскола и относительной слабости оппозиции правящие круги получили возможность, особенно с приходом к власти правительства Я. Накасонэ в конце 1982 г., не только выдвигать свои амбиционные внешнеполитические цели, но и изображать их в качестве «воли всего японского народа» в результате фактической поддержки со стороны центристских партий по ряду важных международных проблем, включая территориальные претензии к СССР, раздувание мифа о «военной угрозе» со стороны Советского Союза, извращенную оценку событий в Польше и обстановки вокруг Афганистана и Кампучии и т. д.

Усилению консервативных тенденций в политике способствовала также крупная победа правящей Либерально-демократической партии на выборах в парламент 6 июля 1986 г. ЛДП добилась рекордного за всю свою историю результата, завоевав 50 новых мест в палате представителей и обеспечив себе вместе с присоединившейся к партии группой независимых 304 (из 512) депутатских мандатов, что практически позволяет консерваторам проводить через парламент любые законопроекты. Ссылаясь на итоги голосования как на доказательство поддержки большинством населения внешнеполитической платформы ЛДП,

правящие круги страны стали на путь более активного и жесткого проведения своей линии на мировой арене, считая возможным игнорировать по важнейшим вопросам мнение оппозиции. Они стремятся также в полной мере использовать усиление националистических тенденций в результате как быстрого экономического роста, так и щедро финансируемой правительством и монополиями кампании по идеологической обработке широких масс населения.

Умелое использование всех этих объективных и субъективных факторов позволило правящим кругам Японии добиться к середине 80-х годов частичного осуществления своей основной цели — повышения степени соответствия политического влияния Японии уровню ее экономической мощи и значительного укрепления позиций страны на мировой арене.

Это нашло свое выражение, во-первых, в постепенном смещении акцентов в японской политике с двусторонних отношений с США, которые доминировали в 50-е годы, и с региональных связей, на которые делался особый упор в 60-е годы, на активное участие в решении глобальных проблем. Существенно расширилась географическая сфера интересов Японии: в нее оказались включены не только близлежащие страны Восточной Азии, но и государства Западной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Африки, Латинской Америки. Вместе с тем увеличилось число проблем в решении которых Япония стала принимать активное участие. Наряду с традиционными внешнеэкономическими связями сюда оказались включены вопросы мира, разоружения и предотвращения ядерной войны, отношений «Север — Юг», освоения мирового океана, использования космического пространства и многие другие глобальные проблемы.

Во-вторых, существенно возросла роль Японии в борьбе двух систем. Если в начале 70-х годов правящие круги Японии выдвигали доктрину «многосторонней» дипломатии, объявляя своей целью установление и развитие дружеских добрососедских связей со всеми странами при безусловном приоритете, отдаваемом отношениям с Соединенными Штатами, то с начала текущего десятилетия они безоговорочно стали подчеркивать свою роль как неотъемлемого элемента Запада, т. е. мировой империалистической системы. Приняв впервые в ноябре 1975 г. участие в переговорах глав государств ведущих держав империалистического мира, Япония с тех пор стала активным участником всех ежегодных встреч «семерки». Она последовательно поддерживала линию Вашингтона, стремившегося отодвинуть на задний план обсуждение насущных экономических проблем и превратить эти совещания в орган выработки единой политики всех участников по важнейшим международным проблемам, и прежде всего по вопросам отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Эта позиция особенно ярко проявилась на состоявшемся в мае 1983 г. совещании в Вильямсберге. На этой встрече премьер-министр Японии Я. Накасонэ выступил в качестве одного из инициаторов принятия так называемой Политической декларации, в которой практически выражалась полная поддержка курса администрации президента Р. Рейгана на нагнетание международной напряженности.

Япония продемонстрировала свою солидарность с США и на прошедшем 4—5 мая 1986 г. очередном, 12-м совещании «семерки» в Токио. Несмотря на решительное осуждение всей мировой общественностью варварских налетов американской авиации на Ливию, представители Токио поддержали американский проект декларации о так называемом «государственном терроризме», под которым в Вашингтоне понимают любые шаги, направленные на обеспечение свободы и независимости освободившихся стран. По существу, резолюция оправдывала нападение США на Ливию и давала американской военщине своего рода карт-бланш для совершения аналогичных акций в будущем против неугодных Вашингтону правительств или государств.

В-третьих, возрастающее значение правящие круги Японии стали придавать наращиванию усилий по стабилизации мировой капиталистической системы, проявляя готовность идти на экономические уступки и даже потери в интересах достижения этой важнейшей для них политической цели. Они полностью поддержали американскую политику «санкций» в отношении Советского Союза в связи с оказанием им братской помощи афганскому народу, хотя в результате Япония потеряла, по подсчетам деловых кругов, более 4 млрд. долл. советских заказов. Этот курс ярко проявился также в сдвиге приоритетов в предоставлении экономической помощи в пользу стран, которые являются военными союзниками США или занимают проамериканские позиции.

Правящие круги Японии приняли американскую концепцию «стратегической помощи», дав согласие направлять крупные финансовые средства тем странам и режимам, которым Соединенные Штаты придают особенно важное значение с точки зрения борьбы с силами социализма. Так, во время пребывания в Токио президента Пакистана Зия-уль-Хака 17—22 июля 1983 г. Япония полностью поддержала его позицию, направленную на поощрение подрывных действий против Афганистана. Она обещала внести свой вклад в осуществление различных программ так называемой «помощи беженцам», т. е. предоставить средства непосредственно для поддержки контрреволюционных сил. Общая сумма японских кредитов, займов и безвозмездной помощи Пакистану на правительственной основе составила на 1 января 1987 г. 452 млрд. иен (2,7 млрд. долл.) 15. Этот поток средств оказал существенную помощь правителям Пакистана в укреплении экономической базы и наращивании военного потенциала.

Поддержка со стороны Японии афганской контрреволюции является частью тщательно скоординированного с Вашингтоном плана, направленного на затягивание военных действий и срыв

возможности достижения политического соглашения. Правительство США с лета 1985 г. практически легализовало тайные операции ЦРУ, предоставляющего ежегодно душманам несколько сот миллионов долларов, официально объявив о намерении открыто выделять средства для стимулирования контрреволюционных формирований под видом «гуманитарной помощи». Соответствующая резолюция палаты представителей, принятая 11 июля 1985 г., санкционировала выделение на эти цели 15 млн. долл.

Большую финансовую поддержку Япония оказывает Таиланду, который предоставляет свою территорию для создания лагерей и баз полпотовцев, совершающих налеты на территорию народной Кампучии. К началу 1987 г. Таиланд получил от Японии в различных формах по правительственной линии 703 млрд. иен (4,2 млрд. долл.) ¹⁶. Во время визита в Бангкок 3—4 мая 1983 г. Я. Накасонэ дал обещание выделить специальные средства на оказание помощи «кампучийским беженцам», т. е. практически для финансирования контрреволюционных элементов, окопавшихся в Таиланде. Эти шаги Японии идут в одном русле с принятым 9 июля 1985 г. решением палаты представителей конгресса США о выделении 5 млн. долл. в распоряжение кхмерской реакции, пытающейся сорвать политическое решение кампучийской проблемы.

В то же время Япония продолжает применять экономические санкции против Социалистической Республини Вьетнам, заморозив, в частности, предоставление обещанных еще в 1979 г. кредитов на сумму 14 млрд. иен.

Особое значение Япония придает содействию в наращивании военного потенциала Южной Кореи в условиях сохраняющейся напряженности на Корейском полуострове. Здесь можно наблюдать типичное разделение функций между США и Японией. Вашингтон обеспечивает вооруженное вмешательство, разместив на территории Южной Кореи крупные воинские контингенты, а Токио оказывает экономическую помощь Сеулу, что позволяет ему развивать инфраструктуру и ряд важных в военном отношении отраслей промышленности. На 1 января 1987 г. приток японского капитала только на правительственной основе составил 776 млрд. иен (4,6 млрд. долл.) ¹⁷.

Во время визита в Сеул в январе 1983 г. премьер-министр Я. Накасонэ дал обещание предоставить Южной Корее новый крупный кредит в 4 млрд. долл. Значительная часть этих средств пойдет на развитие базисных отраслей промышленности и на создание инфраструктуры. Американская печать прямо писала, что этим решением Япония «косвенно обязалась поддерживать южнокорейскую оборону, дала стимул к развитию шаткой южнокорейской экономики и укрепила ось Вашингтон — Токио — Сеул» 18.

Важное значение участия Японии в оказании экономической поддержки проамериканским режимам было вновь подчеркну-

то в ходе совещания Я. Накасонэ с Р. Рейганом в США 12-13 апреля 1986 г.

Таким образом, к середине 80-х годов Япония стала играть заметную роль на мировой арене, хотя ее вес и влияние в решении мировых проблем остаются на значительно более низком уровне, чем у некоторых других ведущих империалистических держав, и далеко не соответствуют ее месту в мировом капигалистическом хозяйстве. Правящим кругам Японии не удается вырваться из созданного ими самими порочного круга: упорное следование в фарватере американской политики неизбежно принижает самостоятельность Японии, подрывает ее позиции в глазах мировой общественности и является главным препятствием на пути укрепления ее международного авторитета. Активизация Японии на мировой арене направлена не на те цели, которые соответствуют интересам и требованиям широких слоев населения (такие, как снижение опасности втягивания в военные конфликты на основе установления истинно добрососедских отношений со всеми странами), а на поддержку линии Вашингтона на обострение конфронтации со странами социалистической системы и развертывание нового раунда гонки вооружений, включая ее распространение на космическое пространство.

Только решительный отказ от этого курса, способствующего в конечном счете дестабилизации международной обстановки и усилению угрозы ядерной войны, может обеспечить мир и безопасность Японии и привести к укреплению ее авторитета на мировой арене.

² Там же.

³ Қокусай хикаку токэй, 1987 (Статистика международных экономических сопоставлений, 1987). Токио, 1987, с. 30.

4 Там же, с. 23—24.

5 Там же, 1980, с. 159; 1987, с. 34, 175.

⁶ Japan 1987. An International Comparsion. Tokyo, 1987, c. 26.

⁷ Там же; Кэйдзай токэй нэмпо, 1984 (Ежегодник экономической статистики, 1984 г.). Токио, 1985, с. 256.

⁸ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран.

1986, с. 87. " Цусё хакусё. Какурон, 1987 (Белая книга по внешней торговле. Обзор рынков 1987). Токио, 1987, с. 12, 416, 542. 10 Кэйдзай токэй нэмпо. 1987, с. 258.

11 Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран.

12 Там же, с. 46; Кокусай хикаку токэй, 1987, с. 30.
13 Japan 1987. An International Comparsion. Tokyo, 1987, с. 26.

14 Foreign Affairs. Spring 1986, c. 699.

15 Қэйдзай кёрёку-но гэндзё мондайтэн, 1986 (Состояние и проблемы экономического сотрудничества, 1986 г.). Токио, 1987, с. 588.

¹⁶ Там же, с. 531.

- ¹⁷ Там же, с. 491.
- 18 Wall Street Journal. 17.01.1983, c. 23.

¹ Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1986 г. и начало 1987 г. Приложение к журналу Мировая экономика и международные отношения. М., 1987, с. 10.

Вольфрам Вальраф (ГДР)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОДХОДА ЯПОНИИ К РАЗВИТИЮ СОЮЗА С США И СОТРУДНИЧЕСТВУ С ДРУГИМИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

В 80-е годы в политических кругах Японии не прекращается оживленная дискуссия о тенденциях, возможностях и пределах политического сотрудничества в рамках капиталистической системы. Основная причина этой дискуссии состоит в том, что экономическая экспансия монополистического капитала Японии сталкивается на международной арене с политическими и экономическими проблемами, которые принимают все более глобальные масштабы. Однако реальные возможности, которыми Япония располагает в настоящее время, не допускают расшире ния ее влияния адекватно этому вызову. Военная мощь страны с точки зрения глобального соотношения сил остается ограниченной. Практически только экономический компонент потенциала Японии имеет действительно глобальные масштабы. Лишь здесь она приближается к уровню великой державы. Трансформация экономической мощи в политико-дипломатическое влияние происходит медленно. Внешняя политика значительно активизировалась лишь в 70-80-х годах. Однако надо принимать во внимание, что вызов японскому империализму за это время тоже возрос. Иными словами, процесс формирования Японии в качестве великой державы в международных отношениях идет весьма медленно и противоречиво, хотя он и носит объективный характер.

Большое расхождение между глобальными интересами Японии и ограниченностью ее потенциала с особой остротой ставит вопрос о роли для нее союза с США в его стратегическом значении

Учитывая изменения в соотношении сил на мировой арене, ухудшение общих условий экспансии и существования империализма, с одной стороны, и дальнейшее усиление Японии как империалистического центра силы — с другой, ее правящие круги все более сознательно определяют свою страну как «члена Запада». В непосредственной связи с этим встает вопрос, в какой мере и какими средствами Япония должна способствовать обеспечению общих империалистических интересов, каким обра-

зом расширенные обязательства Японии могут быть использованы для усиления японского влияния на формирование глобальной империалистической политики стран Запада.

Большое влияние на позицию Японии оказывает гегемонистская политика США по отношению к союзникам, которая неразрывно связана с курсом Вашингтона на мобилизацию всех сил для борьбы против социализма. Эта политика тормозит дальнейшее выдвижение Японии как политической силы, ограничивает определенными рамками уже достигнутую ею по соглашению с США свободу действий и обеспечивает Вашингтону новые возможности для давления на Токио во всех сферах, включая чреватые серьезными обострениями торгово-экономические отношения.

Правящие круги Японии отдают неограниченный приоритет военно-политическому союзу с США. Они считают, что усиление глобального политического влияния Японии возможно только на основе тесного союза с первой по мощи державой капиталистического мира. Характер и формы сотрудничества с другими капиталистическими государствами в политической и военной области определяются, исходя из этого союза. Если сравнивать первую половину 70-х годов с 80-ми годами, то «всесторонняя дипломатия» являлась активизацией внешней политики помимо союза с США, а растущую поддержку со стороны Японии курса на конфронтацию со странами социализма можно назвать поляризацией японской внешней политики через союз с США.

Усиление ориентации на союз с США в 80-е годы по сравнению с 70-ми годами было обусловлено рядом причин. Несомненно, играло свою роль давление со стороны Соединенных Штатов, которое усилилось во время пребывания у власти администрации Рейгана. В то же время японская политическая литература последних лет показывает, что сближение внешней политики Японии по многим вопросам (включая отношения с СССР и другими социалистическими странами) с курсом США явилось в первую очередь результатом самостоятельного анализа международной ситуации правящими кругами Японии и результатом сближения политического мышления (внешнеполитического, внутриполитического, экономико-политического) в обеих странах.

Нет сомнений, что одной из причин, побудивших в первой половине 80-х годов тогдашнего премьер-министра Японии Я. Накасонэ пойти на военно-политические уступки США, явилось стремление обеспечить экономические интересы японских монополий на американском рынке и предотвратить дальнейшее нарастание протекционистских тенденций. Однако следует принимать во внимание, что в 1985—1986 гг. среди главных тем совещаний на высшем уровне явилось смягчение противоречий экономических мер, предпринимаемых Японией (самоограничение экспорта, либерализация внутреннего рынка). Вместе с тем

японские уступки в военно-политической области в целом не вышли за рамки того консенсуса среди правящих кругов Японии, который был достигнут по вопросам военной политики и обеспечения безопасности, т. е. определенная часть военно-политических шагов Японии была изображена Токио как просто «уступки» Соединенным Штатам, на которые идет Япония.

Японская внешняя политика в 80-е годы уже не является простым следствием союза с США. Приоритет, отдаваемый этому союзу, является сегодня результатом самостоятельной стратегической концепции правящих кругов Японии. Этот коренной, на наш взгляд, перелом в послевоенной внешней политике Японии неразрывно связан с формированием японского империализма как самостоятельного центра силы в капиталистическом мире. Этот процесс изменил и лицо японо-американского союза. Наряду с совпадением общеимпериалистических интересов в военно-политической области усиливаются разногласия в таких вопросах, как стратегия и тактика защиты этих интересов в отношениях с социалистическими и развивающимися странами, методы сохранения стратегической стабильности и контроля над вооружениями, формы использования военной силы в политических целях и возможности ведения политического диалога. Критика администрации Рейгана правящими кругами Японии усилилась к середине 80-х годов не столько из-за гонки вооружений, сколько из-за неспособности Вашингтона претворять усилия в военной области в стабильные политические результаты по тем глобальным и региональным проблемам, которые с японской стороны считаются требующими первоочередного решения. Наряду с остроконфликтной ситуацией в торгово-экономической сфере обе стороны оказались перед лицом необходимости интернационализации государственно-монополистического лирования в интересах смягчения противоречий и конфликтов в мировом капиталистическом хозяйстве. Примером этого явилось соглашение о проведении нового раунда переговоров о снижении тарифов в рамках ГАТТ, а также сближение взглядов США и Японии по поводу регионального экономического сотрудничества в бассейне Тихого океана.

Таким образом, в японо-американском союзе усилилась тенденция к уравновешиванию факторов, определяющих как противоречия, так и стремления к сотрудничеству в условиях возрастающей взаимозависимости. Это придает союзу в целом стабильный характер и вынуждает обе стороны искать пути к смягчению и урегулированию разногласий. Широкая система двусторонних контактов на всех уровнях является доказательством не только и не столько высокого уровня сотрудничества, сколько тех усилий, которые обе стороны считают необходимым прилагать для урегулирования противоречий в интересах обеспечения стабильности союза.

Японские интересы в военно-политической области носят многослойный характер. Правящие круги страны исходят из

того, что сохранение американских обязательств относительноприменения ядерного и обычного оружия, как и наращивание американского военного присутствия в азиатско-тихоокеанском регионе, является необходимой предпосылкой для обеспечения безопасности Японии и достижения целей ее региональной политики. Только в условиях союза с США они считают возможным обеспечить региональную военную роль Японии, особенно по отношению к капиталистическим странам Азии. На глобальном уровне политическая поддержка развертываемой США гонки вооружений и собственные усилия по наращиванию военного потенциала наряду с интенсификацией военного сотрудничества нацелены на то, чтобы обеспечить политическую результативность изменений в военном соотношении сил. Эти изменения должны обеспечить Японии, как одному из основных столпов империализма, силовую основу для активизации своей политики и укрепления позиций в отношениях с социалистическими странами, для создания военно-политических условий эффективного политико-дипломатического использования экономических факторов.

Вместе с тем, как считают в Токио, этот курс не должен отразиться на стратегической стабильности или дать США возможность перейти к концепции ведения глобальной или региональной ядерной войны. Отсюда проистекает глубокий интерес Японии к обеспечению надежного контроля над вооружениями и налаживанию политического диалога для стабилизации стратегической обстановки. Здесь проявляются существенные различия в позициях США и Японии, которые представляют собой следствие расхождения интересов, оценок стратегической ситуации и возможностей обеих держав. Японская сторона и в будущем не даст, видимо, согласия на размещение американских ракет дальнего действия на своей территории. Правящие круги Японии оказывают также эффективное сопротивление попыткам Вашингтона навязать Японии такие темпы наращивания военного потенциала, которые не соответствуют японским планам.

К середине 80-х годов развитие военного сотрудничества принесло ряд качественно новых результатов. К ним относятся: создание некоторых элементов части японо-американской интеграционной военной системы в западной части Тихого океана в результате совместных «исследований» о взаимодействии вооруженных сил обеих стран на японской территории и в случае возникновения конфликтной ситуации на Корейском полуострове; обязательство Японии взять на себя патрулирование морского побережья на расстоянии тысячи миль от берегов страны и обеспечить необходимые каналы связи. Возросла роль Японии в ядерной стратегии США: на территории страны были размещены потенциальные носители тактического ядерного оружия истребители-бомбардировщики Ф-16, создана инфраструктура для нанесения тактических и регионально-стратегических ядерных ударов. Вооруженные силы Японии должны выполнять

региональные функции в рамках союза с США, хотя надо принимать во внимание, что материальная военно-техническая база для выполнения этих задач не будет создана до начала 90-х годов и даже тогда японские «силы самообороны» не будут обладать необходимым потенциалом для самостоятельных наступательных операций в региональном масштабе.

Особенное значение приобрел вопрос о японском участии в американской программе японского СОИ. Японское правительство видит в подключении к СОИ возможность постепенно открывать Японии путь к качественно новым стратегическим вооружениям, поднять роль Японии в разработке империалистической военной и политической стратегии, открыть новые перспективы для экономической экспансии японского капитала. Проведение этого курса облегчается сравнительно низким уровнем антиядерного движения в Японии, широко распространенными среди деловых кругов иллюзиями относительно возможностей использования научно-технического прогресса и экономического выигрыша участвующих в СОИ компаний. Тем не менее правительство вынуждено принимать во внимание сопротивление миролюбивых сил, критику со стороны умеренных кругов и резко отрицательное отношение к планам присоединения Японий к СОЙ со стороны СССР и Китая. Поэтому наиболее вероятным на сегодняшний день представляется участие Японии в СОИ на основе заключенного в 1983 г. соглашения об обмене военной технологией с возможным дополнением в форме обмена соответствующими официальными нотами.

К середине 80-х годов в Японии усилились дебаты по вопросам перспектив развития военно-политического сотрудничества с США. Здесь выявилось три направления. Сторонники первого из них требуют снижения темпов интенсификации военно-политического сотрудничества и оживления элементов многосторонней дипломатии. Представители второго видят выход только в том, чтобы подтягивать союз еще ближе к уровню НАТО. Наконец, политики и ученые, олицетворяющие третье направление, исходят из того, что без крутого изменения военной политики в сторону обеспечения автономной обороны, т. е. превращения Японии в мощную военную державу, будет невозможно эффективно отстаивать национальные интересы в рамках союза с США. Учитывая борьбу между этими основными направлениями, можно полагать, что у японского правительства возможности внесения каких-либо кардинальных изменений в нынешний курс будут крайне ограниченны.

Помимо военно-политического союза с США возрастающую роль в японской политике безопасности играет сотрудничество на уровне всех трех империалистических центров. С одной стороны, здесь проявляются классовые интересы монополистического капитала Японии, который стремится обеспечить наиболее эффективное использование потенциалов империализма на международной арене. С другой стороны, такое сотрудничество, ко-

торое не ограничивается военными вопросами, а охватывает весь комплекс политических, дипломатических, экономических аспектов безопасности, более соответствует специфическим возможностям Японии и должно содействовать повышению ее роли в концерте империалистических держав. Правящие круги Японии надеются на то, что именно этот путь позволит противостоять гегемонистским амбициям США по отношению к их союзникам. В перспективе такое сотрудничество должно привести к новой структуре формирования стратегии и политической координации в империалистической системе, которая заменит нынешнюю структуру, где центральную роль играют США. Особое значение в этой связи японская дипломатия придает ежегодным совещаниям руководителей семи ведущих империалистических держав, выдвинув ряд предложений, направленных на повышение их политической роли. Япония выступает за то, чтобы проводить больше внеочередных встреч по проблемам стратегии и безопасности, создать постоянно действующий механизм для подготовки совещаний и реализации принятых решений, признать за Токио роль «представителя Азии». Если объективно оценивать шансы на воплощение в жизнь этих предложений, то надо, конечно, принимать во внимание, что для США и для стран Западной Европы существуют такие механизмы сотрудничества в военно-политической области, как НАТО, которые они во всех отношениях предпочитают встречам «семерки».

Учитывая центральную роль НАТО в империалистической политике стран Запада. Япония с конца 70-х годов старалась развивать отношения и расширять контакты с учреждениями этого пакта. В центре японских интересов находится область безопасности в широком понимании этого слова. Цель Японии состоит в том, чтобы открыть путь к сотрудничеству с НАТО, но в то же время избежать автоматически налагаемых этим союзом политических и тем более военных обязательств. В этой связи родилась идея об «ассоциации» Японии с НАТО. Однако «ассоциация» в буквальном смысле невозможна, поскольку устав НАТО не предусматривает систему ассоциированных членов, не говоря уже о внутриполитических и внешнеполитических последствиях такого шага для самой Японии. Поэтому под «ассоциацией» обычно понимают углубление и расширение сотрудничества. Предлагается, например, повысить нынешний статус наблюдателя японского представителя при Североатлантическом союзе до уровня постоянного представителя, создать постоянный механизм связи между HATO и японо-американским союзом, наладить систему регулярных консультаций между Японией и НАТО на уровне министров. Однако планы подтягивания Японии к НАТО не встречают положительного отклика, по крайней мере со стороны западноевропейских членов этого блока. Поэтому можно предполагать, что в этой области не будет быстрых изменений.

ЭВОЛЮЦИЯ ЯПОНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «ТИХООКЕАНСКОГО СООБЩЕСТВА»

В обширном конгломерате разноликих государств, расположенных как по периметру, так и посреди тихоокеанской акватории, происходят серьезнейшие сдвиги. Если суммировать эти сдвиги в одной фазе, то можно сказать, что тихоокеанский бассейн постоянно становится главной ареной международных отношений, средоточием мировой экономики, грозя оставить привычную Европу, да и всю Атлантику, во втором эшелоне. Здесь, как указывается в новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС, «образуются новые экономические и политические центры соперничества» помимо уже существующих японского и северо-американского центров. В этой среде зародилась идея создания международной капиталистической супергруппировки, впервые сформулированная в конце 70-х годов правительством Японии.

Объединение несоциалистических стран тихоокеанского бассейна с их несметным людским и природным потенциалом, динамично развивающимся хозяйством теоретически в самом деле способно создать такой мощный экономический блок, по сравнению с которым, как писал один американский журнал, «европейский общий рынок превратился бы в незначительный отросток на массиве азиатского континента». Конечно, от теоретической возможности до практической реализации — дистанция огромного размера.

Вместе с тем выдвижение концепции «тихоокеанского сообщества» (ТОС) не плод досужего вымысла кабинетных ученых и не демагогические упражнения политиков. Нынешняя степень-интенсификации внутрирегиональной торговли, прямых зарубежных инвестиций, технологического обмена дает основания говорить о происходящем в бассейне интеграционном хозяйственном процессе, правда пока на частномонополистическом уровне. В этих условиях капитализм все острее ощущает узостырамок существующих двусторонних отношений и национальных границ хозяйствования. По-видимому, в глубинной основе выдвижения планов создания нового экономического альянса лежит именно противоречие между далеко зашедшими процессами хозяйственного сближения и все менее терпимой степеньюнеурегулированности экономических отношений «пятерки» разначения управления процеска выстрание противоречие между далеко зашедшими процессами хозяйственного сближения и все менее терпимой степеньюнеурегулированности экономических отношений «пятерки» разначения процеска правиться правит

витых капиталистических стран бассейна (Японии, Австралии, Новой Зеландии, США и Канады), а также между этой «пятеркой», с одной стороны, и развивающимися странами региона— с другой.

Первоначально суть концепции ТОС как раз и состояла в стремлении объединить развитые капиталистические государства и развивающиеся страны — члены АСЕАН (а также, возможно, Южную Корею, Тайвань, Гонконг и некоторые островные микрогосударства) в единую закрытую торгово-экономическую группировку. Однако вскоре идея вышла за первоначальные торговые рамки и приобрела широкие контуры универсального инструмента для решения разнообразных тихоокеанских проблем. Так, в частности, она инкорпорировала намерения ряда капиталистических стран прибрать к рукам неиссякаемый и практически нетронутый источник природных ресурсов — глубины Тихого океана, за овладение которыми начинает разворачиваться острая борьба.

Естественно, что за общими, «глобальными» замыслами концепции ТОС стоят собственные, «национальные» цели ее инициаторов и поборников из разных стран бассейна. Эти цели неоднозначны, во многом противоречивы, но в конечном счете сводятся к попыткам усиления позиций соответствующих стран в политико-экономическом соперничестве как в бассейне Тихого океана, так и во всем мире.

Для высокоразвитой Японии с ее небольшой территорией азиатско-тихоокеанский регион, естественно, является основным полем международных взаимодействий, и стремление Токио осуществить его полную или частичную интеграцию под своей эгидой прослеживается на протяжении длительного времени. Из попыток такого рода наиболее широко известна предпринятая в 30—40-х годах XX в. попытка воинственного японского милитаризма объединить регион под знаменем пресловутой «великой восточноазиатской сферы совместного процветания», которая окончилась полным провалом.

После второй мировой войны концепция ТОС явилась высшим проявлением японской экономической дипломатии, пришедшей на смену дипломатии вооруженной силы. Эта мысль, витавшая в Японии уже с конца 50-х — начала 60-х годов, обрела относительно зримые очертания в трудах крупного японского ученого-экономиста Киёси Кодзима, прищедшего к выводу о том, что если объединить экономику стран западной части Тихого океана и Северной Америки, то в результате международного разделения труда все оказались бы в выигрыше. Однако чидея К. Кодзима встретила весьма прохладный прием и подозрения за границей, да и сама Япония долгое время не была тотова открыто выступить с пантихоокеанской инициативой.

Лишь в конце 70-х годов японское правительство М. Охира пришло к выводу, что настала пора привести японское политическое влияние в мире в соответствие с завоеванными эконо-

мическими позициями. Оно выдвинуло соответствующим образом модифицированную, обновленную и расширенную идею региональной интеграционной группировки, с которой М. Охира связал свою политическую судьбу премьер-министра. Он организовал специальную исследовательскую группу под руководством ведущего японского экономиста С. Окита и параллельноразвернул дипломатическую подготовку за рубежом.

В мае 1980 г. был готов заключительный доклад комиссии Охира—Окита, который и поныне представляет собой концепцию «сообщества» в наиболее развернутом виде². Так случилось, что этот документ был завершен перед самой кончиной премьер-министра, и поэтому был воспринят как его политическое завещание. В докладе декларировались идеи справедливости, равноправных отношений и открытости по отношению к внешнему миру, призванные затушевать чисто японские интересы, сквозь призму которых составлена концепция ТОС. Во всяком случае, доклад прозвучал заметно осторожнее, чем последующая трактовка тихоокеанской интеграции правящими кругами той же Японии и ряда других капиталистических стран.

Состоявшаяся за несколько месяцев до кончины М. Охира его поездка в сопровождении С. Окита, заняшего к тому времени пост министра иностранных дел, в Австралию и Новую Зеландию стала отправным пунктом переговоров о создании сообщества уже на правительственном уровне. В совместном японо-австралийском коммюнике (январь 1980 г.) было записано: «Премьер-министры обсудили возможность более тесного сотрудничества стран тихоокеанского региона. Они согласились, что перспектива такого сотрудничества представляет собой важную долгосрочную цель, и выразили мнение, что серия неправительственных семинаров на эту тему была бы важным вкладом в разработку данной концепции» 3.

Первый из запланированных семинаров был проведен в сентябре 1980 г. в Австралийском национальном университете в Канберре. И состав участников встречи, и ее решения свидетельствовали о том, что она вышла за рамки чисто академического мероприятия. С этого семинара стали постепенно складываться черты механизма будущего наднационального органа предполагаемого «сообщества». Его иерархия по нисходящей выглядит следующим образом: конференция по тихоокеанскому сотрудничеству — постоянный комитет конференции (КТС) — координационная группа — рабочие группы, отвечающие за отдельные направления сотрудничества (торговля, капиталовложения и т. д.), -- национальные комитеты в странах бассейна. Периодическим конференциям по тихоокеанскому сотрудничеству из представителей научных, деловых и правительственных кругов положил начало именно Канберрский семинар 1980 г. Вслед за австралийской столицей они созывались затем в Бангкоке, на о-ве Бали (Индонезия), в Сеуле. Следующая, 5-я встреча назначена в канадском городе Ванкувере.

Причины, которые заставили японское руководство активизировать с конца 70-х годов свою деятельность по претворению в жизнь идеи многосторонней группировки, по-своему правильно отразил гонконгский журнал «Фар Истерн экономик ревью». «Японцы,— писал журнал,— хорошо знают, чего они хотят от АСЕАН — неограниченных поставок сырья и энергичного противодействия распространению коммунизма» ⁴. Т. е., с одной стороны, они хотели бы добиться превращения АСЕАН в военно-политическую организацию, противостоящую в качестве своего рода «санитарного кордона» социалистическим государствам Индокитая. В более узком плане Япония рассчитывает при содействии своих «младших» партнеров по предполагаемой интеграции утвердиться на мировой арене в качестве не только великой экономической державы, но и великой державы политической.

В экономическом отношении Японии как никогда раньше необходима надежная и политически стабильная группировка, которая бы бесперебойно обеспечивала топливно-сырьевые и сбытовые интересы ее капиталистического хозяйства. Так, в частности, уже сейчас только от членов АСЕАН Япония зависит по экспорту и импорту на 11—12%, причем по некоторым видам ресурсов импорт отсюда практически незаменим. Эти шесть стран, например, дают Японии почти весь натуральный каучук и олово, около половины древесины, треть меди, бокситов и сахара, в то время как доля готовой продукции этих стран в японском импорте составляет менее 10%. Еще более тесно связана с японской экономикой сама Ассоциация: 1/4 внешней торговли, и до 1/2 импорта частного капитала каждого из ее членов приходится на Японию.

Таким образом, Япония желала бы сохранить сложившийся здесь статус-кво, путем создания интеграционной группировки, члены которой (из числа развивающихся стран) поневоле будут вынуждены проявлять значительно большую осмотрительность перед совместной позицией пяти развитых капиталистических стран с их гигантским экономическим и военным потенциалом. В подобных условиях японские корпорации — экспортеры капитала, занимающие ведущие позиции в экономике АСЕАН, ощущали бы значительно меньшее беспокойство за безопасность своих капиталовложений.

Что касается приглашения в планируемую группировку развитых стран, находящихся по периметру Тихого океана, то в определенной степени оно является, конечно, вынужденным: ни одна из них не согласилась бы на формирование экономического (а возможно, и политического) союза в акватории при гегемонии в нем одной только Японии.

Однако, разумеется, дело заключается не столько в этом, сколько в самом уровне экономических связей Японии с США, Австралией и другими развитыми капиталистическими странами региона. Так, Австралия уже давно удовлетворяет основные

импортные потребности Японии в шерсти, мясе, бокситах, коксующемся угле, железной руде и в ряде других жизненно важных товарах, а в перспективе, видимо, станет ведущим поставщиком урана. Важнейшим экономическим партнером Японии на Тихом океане и во всем мире продолжают оставаться Соединенные Штаты Америки, для многих отраслей японской индустрии ставшие, по существу, продолжением внутреннего рынка. Недаром, исходя из нынешней взаимозависимости двух держав, бывший директор ЦРУ У. Колби предложил, чтобы Япония и Соединенные Штаты объединили свои политические структуры и в рамках федерации обеспечили бы полную свободу хозяйственной деятельности своим корпорациям 5.

В целом на базе постоянных и массированных взаимных поставок минералов, горючего, продовольствия и готовых изделий в тихоокеанском регионе складывается торгово-экономический четырехугольник в лице Японии, Канады, США и Австралии с Новой Зеландией. Интенсивность их связей свидетельствует о том, что здесь уже достигнута определенная степень интеграционного процесса. В Токио полагают, что институционально оформленная организация станет надежным стопором при возникновении трений Японии с любой из вышеназванных стран, на почве коллективного неоколониализма ослабит межимпериалистические противоречия, поможет закамуфлировать японскую экспансию.

Вместе с тем реальность создания проектируемого объединения и его жизнеспособность в решающей степени определяются позицией США. В принципе в Вашингтоне понимают, что от региональной экономической интеграции скорее всего и больше всего выиграют японские, а не американские монополии, но надеются, что создание «сообщества» ослабит натиск товаров из Японии и восточноазиатских «новых индустриальных стран» (НИС) на американский рынок, позволит ориентировать его по другим направлениям.

Сбудутся ли эти надежды, покажет время. Но можно определенно сказать, что при всей важности экономической экспансии США в тихоокеанском регионе для них более важна экспансия стратегическая. С этой точки зрения политическая сверхзадача империализма США, которой потворствуют влиятельные круги в Японии и ряде других государств региона, заключается в формировании «восточного фронта» борьбы против социалистических и других прогрессивных сил региона, в первую очередь против СССР и его союзников в Азии, в их экономической и культурной изоляции, в объединении в единое целое военных блоков НАТО, АНЗЮС и двусторонних альянсов Вашингтона с Токио и Сеулом.

Внимание США к возможностям, заложенным в концепции тихоокеанского регионализма, определенно усилилось с приходом к власти администрации Р. Рейгана. Именно при ней, к неудовольствию атлантических союзников США, все чаще

отдавали приоритет тихоокеанскому бассейну. Немногим более года назад автор имел в Токио беседу с уже упоминавшимся С. Окита, по-прежнему внимательно следящим за всеми новыми веяниями в отношении пантихоокеанской идеи. Доктор Окита, отвечая на вопрос о том, насколько реально создание группировки в свете нынешней политико-экономической обстановки на Тихом океане, подтвердил, что в развитии концепции наметился новый этап, связанный с существенной переориентацией американского руководства, без заинтересованного участия которого столь масштабный проект просто не может быть вызван к жизни.

Между тем в самой Японии усилились опасения весьма влиятельных кругов, что формирование закрытого альянса на Тихом океане может значительно повысить ее зависимость от США, и в частности сделать японскую иену уязвимой перед лицом кризисных явлений в американской экономике. Тем не менее, несмотря на отдельные колебания японского истеблишмента, он по-прежнему придерживается курса на формирование ТОС, как организации, в целом отвечающей экономическим интересам государственно-монополистического капитализма страны. Появились в Японии и новые поборники пантихоокеанской идеи, в частности в лице руководства крупной положености.

ской Партии демократического социализма (ПДС).

Согласно прогнозам международной прессы, во время встречи президента Рейгана и тогдашнего японского премьера Я. Накосонэ в Лос-Анджелесе в январе 1985 г. дело шло уже к принятию практических решений относительно ТОС. Однако, как выяснилось поэже, речь о нем велась на встрече «вполголоса», и оба руководителя заявили, будто «этот процесс может протекать только с участием стран региона и при их единодушии» 6. Видимо, в последний момент было решено ослабить впечатление, что именно Япония и США форсируют указанный процесс, чтобы не вызвать раздражения ни среди возможных участников, ни среди будущих конкурентов. По словам журнала «Тоё кэйдзай», на данном этапе, во избежание нежелательных эмоциональных реакций на местах, Япония и США, как наиболее сильные, должны по возможности держаться на втором плане, играя роль «распорядителя на банкете» и стараясь передоверять формальные инициативы развивающимся странам региона 7. К слову сказать, подобная тактика вообще присуща японским правящим кругам. Уже на начальном этапе пропаганды своей концепции они пытались делегировать на роль ее рупора консервативное правительство Австралии, а позднее южнокорейского диктатора Чон Ду Хвана.

Ответ на вопрос, как же руководители самих стран АСЕАН относятся к концепции «тихоокеанского сообщества», долгое время был не вполне ясен, и это нервировало ее инициаторов, поскольку без этих стран создание интеграционной группировки на Тихом океане, по крайней мере для Японии, теряет смысл.

К настоящему времени участники Ассоциации, похоже, сделали свой выбор. Летом 1984 г. на конференции министров иностранных дел на о-ве Бали индонезийский министр Мохтар Кусумаатмаджа, назвав японо-американскую идею интеграции нереальной, предложил от имени своих коллег «пятерке» развитых капиталистических стран кооперацию лишь в такой узкой сфере, как подготовка квалифицированных кадров для стран ACEAH. Это предложение на первых порах и было принято одиннадцатью участниками диалога. АСЕАН, таким образом, фактически одержала верх над своими гораздо более сильными партнерами.

Оппозиция государств Юго-Восточной Азии первоначальной идее «сообщества» изрядно деформировала ее в нежелательном для Японии и США направлении. Одним из следствий такого поворота событий явилось исчезновение из официального лексикона в Токио и в Вашингтоне слова «сообщество», как уже изрядно скомпрометированного политически. Оно было заменено термином «тихоокеанское экономическое сотрудничество».

Подведем некоторые итоги. Главным препятствием для реализации идеи TOC служит глубочайший разрыв между индустриальной «пятеркой» и развивающимися странами. Так, например, ВНП Индонезии составляет менее 7% ВНП Японии, хотя население Индонезии заметно превышает численность населения Японии. Подобная дифференциация участников предполагаемого сообщества угрожает ему быть «интеграцией неравных» в значительно большей степени, чем, например, ЕЭС, членов которого никогда не разделяла такая пропасть в уровне развития.

Кроме того, динамика интеграционных процессов в Тихом океане испытывает серьезнейшее влияние исторического прошлого различных стран, политической среды, контрастов в социально-культурных и религиозных традициях (сравним, например, Калифорнию и Папуа-Новую Гвинею). Очевидной помехой является также проблема расстояний, из-за которых подавляющее большинство жителей региона в обозримой перспективе вряд ли сможет увидеть своих «братьев» по интеграции. При таких условиях крайне нелегко поддерживать чувство общности, которое пытаются внушить народам бассейна авторы и защитники концепции.

Реализацию интеграционных замыслов в Тихом океане определенно будет сдерживать несовпадение (полное или частичное) интересов потенциальных участников ТОС почти по всем параметрам регионального сотрудничества. Главный водораздел проходит между развивающимися странами и странами промышленно развитыми, хотя среди последних также имеются серьезные противоречия, которые наиболее откровенно проявляются в виде то и дело возникающих торговых «войн» между Японией и США.

В этой связи позицию правящих кругов США, Японии и других развитых стран объединяют надежды на то, что региональная интеграция станет средством обеспечения свободы рыночных отношений, от которой они в целом только выиграют. Так, во внешнеторговом отношении ТОС, по-видимому, наиболее отвечает интересам Японии (и «новых индустриальных стран»), а развивающимся странам Азии способно только повредить. С инвестиционной точки зрения ТОС обещает полную либерализацию движения капиталов, включая свободу репатриации всех прибылей. Это выгодно только транснациональным корцорациям Японии и США, в то время как для развивающихся стран это будет означать лишь дальнейшее ущемление национального экономического суверенитета, их прогрессирующее превращение в отдельные «цеха» мирового капиталистического производства.

Развивающиеся страны желали бы видеть в ТОС нечто совсем иное, а именно инструмент для справедливого регулирования проблемы «Север — Юг». Однако при капиталистической системе международного хозяйствования максимум, чего они могут добиться в этом направлении,— это увеличение размеров финансовой и технической «помощи», эффект которой, как обычно это бывает, та же Япония и другие доноры постараются обернуть в свою же пользу.

Вряд ли способно вызвать доверие к концепции интеграции со стороны тихоокеанских народов и неоднократное изменение ее сути, в определенной степени жонглирование ее основополагающими принципами. Так, первоначально ТОС было декларировано как преимущественно экономическая организация. Затем Япония и США попытались сделать крен в сторону политического союза, но, столкнувшись с активным неприятием такого направления развивающимися странами, руководители «пятерки» вновь поднимают на щит экономические, культурные и прочие гуманитарные аспекты интеграции.

В своей речи во Владивостоке М. С. Горбачев заявил: «После того, как был отвергнут замысел "тихоокеанского сообщества", обсуждается идея "тихоокеанского экономического сотрудничества" Мы без предубеждения отнеслись к ней, готовы присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, --- разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций» 8. Региональное сотрудничество, или сообщество, вэятое без кавычек, предполагает, что международные отношения в тихоокеанском бассейне должны строиться на демократической основе, должны отвечать интересам населяющих его больших и малых народов, служить материальным фундаментом мира и безопасности в Тихом океане. В таком сообществе каждая страна региона, в том числе и Япония, могла бы найти достойное место.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 132.

² Кан тайхэйё рэнтай кэнкю гуруппу хокоху сё (Доклад исследовательской группы по изучению сообщества тихоокеанского кольца). Токио, 1980.

- ³ Емиури симбун. 22.01.1980.
 ⁴ The Far Eastern Economic Review. 17.09.1978.
- 5 Ким Рой. Тихоокеанское сообщество: миф или реальность.— Проблемы Дальнего Востока. 1986, № 1, с. 70.

 6 U. S. Deportament of State Policy, № 658, Wash., 1985, с. 4.

 7 Тоё кэйдзай. 29.12.1984, с. 69.

⁸ Правда. 29.07.1986.

ТИХООКЕАНСКОЕ СООБЩЕСТВО В ПЛАНАХ США И ЯПОНИИ

Как известно, инициатива создания Сообщества принадлежит Японии. При этом первоначально ставилась задача развития экономического и культурного сотрудничества всех стран тихоокеанского бассейна, пожелавших вступить в состав Сообщества. Весной 1979 г. в докладе, подготовленном специальной комиссией, созданной по указанию премьер-министра М. Охира, подчеркивалось, что Сообщество будет строиться на основе свободных и открытых взаимоотношений в области экономики и культуры. В результате, говорилось в докладе, будет создана система, «в которой сольются экономические потенциалы стран, развивающихся быстрыми темпами, и ресурсы материков и океанов, хранящих огромные природные богатства и принадлежащих разным цивилизациям» 1. Предполагалось, что членами Сообщества могут стать все страны региона, включая и социалистические. «В принципе,— говорил бывший министр иностранных дел Японии С. Окита,— дверь для вступления в Сообщество будет открыта для Китая, а также для Советского Союза» 2.

Однако скоро в позиции Японии произошли изменения. Выступая в июле 1979 г. в Джакарте на совещании министров иностранных дел стран АСЕАН, японский министр С. Сонода разъяснил позицию Японии, заявив, что деятельность Сообщества должна быть разносторонней и не ограничиваться только вопросами экономики и культуры, а охватывать также «все другие аспекты», затрагивающие интересы стран — ее участниц. Сонода впервые официально назвал возможных участников тихоокеанского сообщества (Япония, США, страны АСЕАН, Австралия, Новая Зеландия, Канада). В других своих заявлениях японские руководители указывали, что «Сообщество укрепит позиции Японии в споре с СССР» з, что, «лишь став единым целым со странами АСЕАН, Япония впервые после войны получит возможность на равных разговаривать с США и Западной Европой», что, «уделяя особое внимание созданию Сообщества, Япония исходит из того, что ее интересы сосредоточены в азиатско-тихоокеанском регионе, и Япония действует здесь так же, как поступают США по отношению к странам Центральной и Южной Америки, ФРГ — по отношению к ЕЭС, а ЕЭС — по отношению к Африке» 4.

Из выступлений японских руководителей вытекало, что идея создания Сообщества, включая в себя идеологические и политические концепции правящих кругов страны, отражала одновременно особые, националистические интересы крупной японской буржуазии, мечтающей об утверждении лидирующей роли Японии в регионе. По инициативе Токио в 1980 г. был учрежден полуофициальный тихоокеанский комитет экономического сотрудничества, в который вошли ученые, политические деятели, бизнесмены развитых и развивающихся стран.

Идея создания Сообщества первоначально была весьма холодно встречена в Вашингтоне. Во время визита М. Охира в американскую столицу в 1980 г., где этот вопрос обсуждался, его партнеры по переговорам указали на необходимость резко сократить японский экспорт в США и увеличить военные расходы, не высказав одобрения инициативе Токио. В связи с этим в прессе подчеркивалось, что США опасаются стремления Японии к возрождению «сферы сопроцветания великой Восточной Азии» и что именно это несет в себе потенциально серьезную причину обострения японо-американских противоречий 5.

Администрация США понимает, что, возглавив в предлагаемой организации азиатскую группу государств, Япония получила бы веские основания открыто выступать на международных форумах и переговорах от лица этих стран, что усилило бы ее позиции в отношениях с США, придав большую независимость проводимой ею политике. Это отнюдь не отвечает целям Вашингтона, который стремится не только сохранить, но и углубить тесную привязанность этой страны к стратегии США в Азии.

Таким образом, в позициях двух держав в отношении Сообщества обозначились расхождения. Попытки согласовать эти позиции дипломатическим путем долго не давали результатов: каждая из сторон связывает с его созданием свои надежды. Если Токио пока видит в нем главным образом средство обеспечения экономических интересов и укрепления политического влияния в этом традиционно важном для нее регионе, то Вашингтон рассматривает создание Сообщества прежде всего сквозь призму своих глобальных военно-стратегических планов, считая, что оно в конечном счете должно служить целям мобилизации материальных и человеческих ресурсов стран — его будущих участниц в интересах политики США.

Однако в начале 80-х годов Токио внес новые существенные коррективы в свою идею создания Сообщества, чтобы сделать ее приемлемой и для Вашингтона. В июне 1982 г. премьер-министр Дз. Судзуки, выступая в Центре изучения Востока и Запада в Гонолулу, выдвинул детализированную концепцию Тихоокеанского сообщества. Указав на необходимость «укрепления солидарности развитых демократических стран Тихого океана», он заявил, что стержнем такой солидарности должен явиться японо-американский союз.

Придя осенью 1982 г. к власти, японский кабинет министров во главе с Я. Накасонэ придал идее создания «тихоокеанского сообщества» новый импульс, положив ее в основу своей внешнеполитической деятельности в регионе. Что касается американской администрации, то после избрания президента Р. Рейгана в 1984 г. на второй срок вопросы, связанные с созданием Сообщества, также оказались в центре ее внимания. В октябре 1984 г. государственный секретарь Дж. Шульц призвал к формированию «тихоокеанского сообщества» ⁶.

В январе 1985 г. во время визита Я. Накасонэ в Лос-Анджелес руководители Японии и США предприняли серьезные попытки согласовать позиции двух стран по этим вопросам. Судя по всему, ими была достигнута договоренность об объединении усилий в целях сколачивания «тихоокеанского сообщества». Вскоре после этих переговоров работа в этом направлении активизировалась. Различные ведомства Японии и США охватил своего рода «тихоокеанский бум». В Токио и в Вашингтоне были созданы советы по «тихоокеанскому сообществу», которые должны подготовить практическую основу для его сформирования. В Японии такой совет возглавил известный ученый-экономист, бывший министр иностранных дел С. Окита, а в США — крупный специалист по тихоокеанским проблемам проф. Р. Фэйрбэнк. К работе советов были подключены некоторые ведущие организации крупного японского и американского бизнеса. Между сторонами была достигнута договоренность о возможном расширении состава группировки путем включения в нее Южной Кореи и, возможно, Китая. Участие в Сообществе СССР и стран Индокитайского полуострова исключалось. В соответствии с достигнутой договоренностью намечалось, что на первых порах Сообщество будет действовать на основе «размытой структуры», не занимаясь военными и следовать тактике «малых шагов», уделяя первоочередное внимание развитию сотрудничества главным образом в экономической, технической, торговой и культурной областях. «Я думаю, заявил в связи с этим Я. Накасонэ, — будет правильно продвигаться к цели медленно, с учетом желаний стран АСЕАН и других стран региона, и не под руководством Японии или США, но с их финансовой и технической помощью» 7.

Каковы же на нынешнем этапе реальные перспективы создания Сообщества? Сама идея Сообщества, безусловно, отвечает естественному стремлению стран азиатско-тихоокеанского региона к развитию различных форм сотрудничества, отражает их несомненную заинтересованность в развитии торговли, в получении новой техники и т. п., и в этом сильная сторона такой идеи. Однако инициаторами и архитекторами Сообщества выступают империалистические державы — Япония и США, преследующие свои эгоистические цели, и это создает трудности, жоторые им вряд ли удастся преодолеть.

Правда, Австралия, Новая Зеландия, Канада «в принципе»

согласились войти в состав Сообщества. Однако страны АСЕАН, особенно Индонезия, Малайзия, Филиппины, отнеслись к этому очень настороженно, справедливо усматривая в Сообществе опасность экономического и политического закабаления их США и Японией, а также угрозу самому существованию Ассоциации. Поэтому призывы о вступлении в Сообщество, с которыми обратились к ним государственный секретарь Дж. Шульц и министриностранных дел Японии С. Абэ на ежегодной сессии Ассоциации в июле 1984 г., не встретили положительного отношения состороны представителей стран АСЕАН. «Вопрос этот вызвал много дискуссий и очень мало единодушия,— писала газета, "Джакарта Пост". Ассоциация не хочет иметь дело с какойлибо формой организации, которая подорвет ее роль в ЮВА» 8.

Главное заключается в том, что в развивающихся странах, входящих в АСЕАН, сильно опасение превращения Сообщества в «организацию с военными функциями», учитывая, что многиеиз его предполагаемых членов (Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Австралия, Новая Зеландия, Канада) являются союзниками США, имеют с ними военные соглашения или получают американскую военную помощь. «Для стран АСЕАН важно знать, какова конечная цель создания Сообщества», заявляют руководители Индонезии и Малайзии. Такие опасения вполне обоснованны. Несомненно и то, что возникновение Сообщества в условиях нынешней международной обстановки, а также учитывая характер военно-политической деятельности США. и Японии в азиатско-тихоокеанском регионе, могло бы означать подчинение его членов - развивающихся стран, их людских и материальных ресурсов интересам прежде всего США и Японии. Создание его способствовало бы также усилению военного фактора в политике Японии, возрождению японского милитаризма. В то же время, как того хотели бы американские и японские руководители, Сообщество могло бы быть использовано для вовлечения Китая в сферу политики стран Запада, для его сближения с Японией и США на основе принципов, идущих вразрез с его собственными интересами, с интересами Советского Союза и других социалистических государств и мира в Азии... Именно по этой причине Вашингтон и Токио, считая желательным вступление в Сообщество Китая, решительно против допуска в него СССР и стран Индокитайского полуострова.

Однако без участия стран АСЕАН, которые противятся созданию Сообщества, оно неприемлемо для его организаторов. Ибо включение в него этих стран, с одной стороны, должно было юридически закрепить их экономическую и политическую подчиненность Японии и США, а с другой — позволило бы последним придать целостный характер «поясу окружения» СССР и других социалистических государств, сомкнуть в единое целое звенья этого пояса, включив в сферу действия НАТО систему военных баз в Индийском океане и все создаваемые вазиатско-тихоокеанском регионе структуры военно-стратегиче-

жкого назначения. Это позволило бы обеспечить эффективность маневрирования 7-го флота США в кризисных ситуациях.

Учитывая сопротивление стран АСЕАН, организаторы Сообщества решили пока не настаивать на его оформлении, но призывают все без исключения страны АСЕАН принять кодекс политического послушания в русле антисоветизма. В дальнейшем они надеялись добиться своего, использовав тесную привязанность стран АСЕАН к рынкам США и Японии, их громадную задолженность, главным образом американским и японским банкам (более 73 млрд. долл. в 1984 г.).

Страны АСЕАН с полным основанием опасаются, что создание Сообщества привело бы к ослаблению роли Ассоциации в регионе, а затем и к ее ликвидации, чего они не хотят допустить. Серьезную тревогу в этих странах вызывают военные приготовления США в бассейне Тихого океана, перспектива усиления экономической экспансии Японии, ее военного усиления в рамках Сообщества, угроза возрождения японского милитаризма, попытки правящих кругов этой страны возродить «сферу сопротивления Великой Восточной Азии». Все это также вынуждает Токио и Вашингтон соблюдать осторожность. Указывая на необходимость осторожного подхода к формированию новой группировки, Я. Накасонэ заявил: «Японию не поймут и обвинят в попытке возрождения "сферы сопроцветания" с целью доминирования в регионе, если она будет проявлять чрезмерную настойчивость в вопросе тихоокеанского сотрудничества. Поэтому Японии и США лучше оставаться в этом вопросе «суфлерами» 9.

Что касается планов Токио и Вашингтона вовлечения в Сообщество Китая, то здесь еще больше трудностей. Против этого решительно выступают страны АСЕАН. Определенные сомнения высказываются на этот счет также в правящих кругах Японии и США, где понимают, что существующие в КНР политическое устройство и экономическая структура едва ли могут «вписаться» в предлагаемую группировку капиталистических тосударств. Вместе с тем и Токио и Вашингтон не скрывают, что возлагают надежды на развитие экономической реформы в Китае, которая, как они полагают, могла бы привести к его сползанию на путь капиталистического развития. Сам Китай не высказал одобрения планам создания группировки.

Политика вовлечения развивающихся стран региона в Сообщество путем применения тактики «малых шагов» продолжается. Созданы и действуют разного рода комитеты, подкомитеты и рабочие группы, занимающиеся вопросами сотрудничества по отдельным вопросам экономического и технического характера. Развитие этого процесса, по расчетам инициаторов Сообщества, может со временем привести к сформированию в том или ином виде организации, которую США и Япония будут пытаться использовать в своих целях, и хотя до этого ещеючень далеко, возможность такого финала исключить нельзя.

Основой для таких расчетов Токио и Вашингтона служит несомненная заинтересованность стран региона в развитии торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества, в получении новой техники. Такая заинтересованность действительно велика. В иных условиях расширение различных форм сотрудничества между всеми без исключения странами региона на равной, недискриминационной основе могло бы явиться мощным стимулом для подъема благосостояния народов этих стран, служа их национальным экономическим интересам, интересам их безопасности, способствуя превращению Тихого океана, по выражению К. Маркса, в «великий водный путь для мировых сношений» 10.

Именно за такое сотрудничество выступает Советский Союз. Касаясь этого вопроса, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, выступая во Владивостоке в июле 1986 г., заявил: «После того, как был отвергнут замысел "тихоокеанского сообщества", обсуждается идея "тихоокеанского экономического сотрудничества". Мы без предубеждения отнеслись к ней, готовы присоединиться к размышлениям о возможных основах такого сотрудничества, - разумеется, если оно мыслится не по навязанной кем-то блоковой, антисоциалистической схеме, а как результат свободной дискуссии без каких бы то ни было дискриминаций» 11. Что же касается идеи создания «тихоокеанского сообщества», то, как это вытекает из выступлений и практических действий руководителей США и Японии, она не имеет ничего общего ни с безопасностью стран азиатско-тихоокеанского региона, ни с нормализацией здесь положения. Наоборот, реализация ее могла бы только создать здесь новые болезненные проблемы, конфликтные ситуации и еще более ухудшить обстановку.

² Asia Pacific Community. 1980, № 9, c. 8.

3 Асахи. 04.07.1989.

⁴ Цит. по: Ниттю. 1979, № 10, с. 2. ⁵ Far Eastern Economic Review. 31.01.1985, с. 30.

6 Асахи. 21.11.1984.

⁷ Far Eastern Economic Review, 31.01,1985, c. 30,

⁸ Цит. по: Правда, 26.08.1984. ⁹ The Daily Yomiuri. 25.11.1984.

10 К. Маркс, Ф. Энгельс. «Господин Фогт».— Т. 14, с. 463.

^ы Правда, 29,07.1986,

¹ Кэйдзай кёрёку-но гэндзё-то мондай (Современные проблемы экономического сотрудничества). Токио, 1980, с. 51.

СТРАНЫ АСЕАН В ТИХООКЕАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (80-е годы)

Одной из отличительных черт японской дипломатии 80-х годов стало выдвижение отношений со странами бассейна Тихогоокеана в разряд приоритетных направлений внешней политики Японии. Все правительства Японии, начиная с кабинета М. Охира, предпринимали настойчивые усилия в целях создания необходимых условий для продвижения своей тихоокеанской концепции.

Основным препятствием на этом пути оказалась негативная реакция стран АСЕАН на предложение стать участниками проектируемой с перспективой на XXI в. новой группировки в азиатско-тихоокеанском регионе в форме «тихоокеанского сообщества». Государства Ассоциации опасались оказаться поглощенными в рамках этого объединения, не видя в то же время для себя никаких конкретных преимуществ. Правящие круги Японии поставили своей задачей склонить страны АСЕАН к поддержке разработанных ими планов.

На первом тихоокеанском семинаре, проведенном в 1980 г. в Канберре, Японии удалось выполнить задачу-минимум — заложить основу для продолжения начатого диалога между Японией, США, Австралией, Канадой и Новой Зеландией, с одной стороны, и странами АСЕАН — с другой. По окончании семинара группа по изучению сотрудничества в бассейне Тихого океана, подготовившая ранее соответствующий доклад, была преобразована в Специальный комитет по тихоокеанскому сотрудничеству во главе с С. Окита. Однако отказ стран АСЕАН присоединиться к реализации тихоокеанской концепции привел к тому, что в США интерес к ней на время угас.

С самого начала своей деятельности в 1980 г. администрация Р. Рейгана взяла курс на подрыв стратегического паритета с Советским Союзом. По планам Вашингтона Япония должна была во все возрастающей степени брать на себя ответственность за проведение в жизнь общеимпериалистических интересов в азиатско-тихоокеанском регионе. Правящие круги Японии увидели здесь шанс, чтобы вновь привлечь внимание к тихоокеанской концепции, модифицировав ее с учетом происшедших изменений.

В июне 1982 г. премьер-министр Японии Дз. Судзуки выступил в Гонолулу с обоснованием ее пяти принципов. Его речь свидетельствовала о том, что японская сторона придает важное значение военно-политическому сотрудничеству стран региона при главенствующей роли США в рамках их глобальной антисоветской стратегии. Вместе с тем японский премьер подтвердил ключевую роль стран АСЕАН в налаживании тихоокеанского сотрудничества, назвав их «ядром азиатско-тихоокеанского региона». Им было обещано, что реализация планов создания «тихоокеанского сообщества» не отразится на связях государств Ассоциации с другими развивающимися странами и не повредит организационной целостности АСЕАН.

Тот факт, что кабинет Дз. Судзуки вновь выдвинул вслед за М. Охира своего рода «тихоокеанскую доктрину», котя и в несколько подновленном виде, указывал на то, что тихоокеанская концепция реально отражала долгосрочную заинтересованность японского монополистического капитала как в создании наиболее благоприятных условий для усиления экспансии в регионе, так и в усилении глобальной политической роли Японии.

приходом к власти в конце 1982 г. премьер-министра Я. Накасонэ, принадлежавшего, как и Р. Рейган, к правым консервативным кругам и с самого начала открыто солидаризировавшегося с милитаристским курсом США, отношение американской администрации к японской инициативе стало меняться. Пытаясь добиться сплочения своих союзников в регионе на антисоветской основе, Вашингтон придавал ключевое значение интенсификации военно-политического сотрудничества в рамках треугольника Вашингтон-Сеул-Токио. Американские стратеги видели через эту призму контуры будущего многостороннего «тихоокеанского сотрудничества», к укреплению которого, прежде всего в своих интересах, призывало японское правительство. Поэтому одним из поворотных моментов в отношении к тихоокеанской концепции стал визит Я. Накасонэ в январе 1983 г. в Сеул, послуживший ему своеобразной верительной грамотой для последовавших в начале 1983 г. первых переговоров с Р. Рейганом. Предоставив Южной Корее кредиты на 4 млрд. долл., Япония наглядно показала свою способность взять на себя внушительную часть финансового бремени по усилению важнейших союзников США в регионе и готовность играть возрастающую роль по обеспечению их совпадающих интересов.

После очередной встречи Р. Рейгана и Я. Накасонэ в ноябре 1983 г. в Токио в обеих странах все более громко заговорили о скором наступлении «тихоокеанской эры». Не ограничиваясь более проведением изысканий на уровне академических кругов, Вашингтон и Токио приступили к созданию организационной структуры в своих странах в качестве шага в направлении материализации тихоокеанской концепции. В ноябре 1984 г. в МИД, министерстве внешней торговли и промышлен-

ности и управлении экономического планирования Японии были образованы постоянные координационные комитеты по вопросам «тихоокеанского сотрудничества». Этот шаг означал качественно новый этап в разработке подхода Токио к осуществлению тихоокеанской концепции, поскольку до этого обсуждение связанных с ней проблем велось в рамках формально частных форумов.

Добившись от США принципиальной поддержки тихоокеанской концепции, японская дипломатия сосредоточила основные усилия на преодолении сопротивления стран АСЕАН. Давление на них осуществлялось многопланово: публичные выступления японских государственных деятелей чередовались с кулуарной обработкой представителей АСЕАН в ходе периодических контактов с ними. Широко использовался механизм предоставле-

ния экономической «помощи».

В ходе поездки Я. Накасонэ по странам Ассоциации в 1983 г. выявилось значительное расхождение позиций правящих кругов этих стран по вопросам формирования «тихоокеанского сотрудничества». Так, Сингапур, будучи наиболее развитым промышленным государством группировки и тяготея в политическом и экономическом отношении к империалистическим странам, высказывался в целом одобрительно. Таиланд также был склонен поддержать тихоокеанскую концепцию, видя в ней гарантию сохранения за собой роли «прифронтового» государства по отношению к странам Индокитая, что позволялоему получать помощь от Японии и США во все возрастающих размерах. Отношение Филиппин, первоначально проявивших оппозицию японским предложениям, становилось все более позитивным в связи с переживаемым страной социально-экономическим и политическим кризисом. Кроме того, будучи единственной страной АСЕАН, связанной с США узами военно-политического союза, имея крупные американские военные базы на своей территории, Филиппины были больше подвержены влиянию Вашингтона, чем Малайзия или Индонезия.

Однако Куала-Лумпур и Джакарта также были вынуждены пожинать плоды своей политики, ориентировавшейся преимущественно на США и Японию. Малайзия и Индонезия всечаще сталкивались с проблемой доступа своих сырьевых и промышленных товаров на рынки развитых капиталистических государств.

Все эти объективные условия в сочетании с нажимом Вашингтона и Токио послужили причиной того, что государства Ассоциации, хотя и медленно, стали относиться более положительно к усиленно навязываемой им тихоокеанской концепции.

Япония и США тесно сотрудничают в осуществлении постоянного воздействия на страны АСЕАН на двух основных направлениях: по неофициальной и правительственной линии.

Потребовалось почти два года для того, чтобы подготовить почву для проведения второго семинара по тихоокеанскому со-

83:

трудничеству в июне 1982 г. в Бангкоке. Япония расценивала его результаты как успех, указывая, что проведение семинара в одной из стран АСЕАН свидетельствовало о некотором продвижении японской инициативы. Еще более важным было то, что тихоокеанское сотрудничество получило определенное организационное оформление. Были созданы четыре рабочие группы для проведения исследований: в области прямых инвестиций и передачи технологии, торговли готовой промышленной продукцией, минеральными и энергетическими ресурсами, сельскохозяйственными товарами. Был также образован Постоянный комитет для организации следующей тихоокеанской встречи, которую решено было провести в Индонезии.

На третьем семинаре, состоявшемся в ноябре 1983 г. на о-ве Бали, было принято решение впредь именовать эти встречи Конференцией по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству. Была утверждена ее организационная структура: Конференция, Постоянный комитет, рабочие группы, координационная группа (координация деятельности рабочих групп и связь с Постоянным комитетом) и национальные комитеты. Была создана также пятая рабочая группа — по проблемам движения капиталов.

Япония и США придают важное значение Конференции, несмотря на ее формально неправительственный характер, не в последнюю очередь потому, что в состав участников им удалось включить южнокорейский режим — одного из основных союзников США в регионе.

В апреле—мае 1985 г. в Сеуле состоялась IV сессия Конференции. По своим масштабам она превзошла все проведенные ранее: во встрече участвовали свыше 170 представителей 13 стран региона, наблюдатели из 25 стран мира, включая страны Латинской Америки и Тайвань, представители Экономического Совета бассейна Тихого океана, Азиатского банка развития, Секретариата АСЕАН. Стремясь замаскировать свою главенствующую роль в продвижении тихоокеанской концепции, Япония и США добились избрания председателем Постоянного комитета Конференции представителя Южной Кореи—главы национального Комитета тихоокеанского сотрудничества, бывшего премьер-министра Нам Дак У.

Соглашаясь с участием Южной Кореи в работе Конференции, страны АСЕАН в то же время наотрез отказываются принять ее в состав участников «тихоокеанского диалога», проводимого на правительственной основе в рамках ежегодных встреч министров иностранных дел АСЕАН с коллегами из Японии, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

В 1984 г. на очередном такого рода совещании, созванном по предложению Индонезии по формуле «6+5», т. е. 6 стран Ассоциации и 5 промышленно развитых стран, было принято решение приступить к осуществлению на правительственной основе «тихоокеанского экономического сотрудничества» (ТЭС),

избрав в качестве пробного шара развитие трудовых ресурсов. Это был компромисс. Страны АСЕАН получили возможность несколько ускорить решение проблемы острейшей нехватки квалифицированных кадров. В то же время развитые капиталистические страны добились определенного сдвига в негативной прежде позиции официальных кругов АСЕАН в отношении «сотрудничества в бассейне Тихого океана».

Инициатива Индонезии, внешняя политика которой к середине 80-х годов стала более активной в отстаивании национальных интересов, была попыткой перехватить инициативу у империалистических партнеров с тем, чтобы максимально использовать преимущества международного разделения При этом Японии, США и другим участникам диалога было недвусмысленно указано, что АСЕАН по-прежнему выступает против создания какой-либо межгосударственной организационной структуры в регионе. Характерно в этом отношении высказывание индонезийского министра иностранных дел Кусумаатмаджа, который заявил по окончании встречи: «Не может быть

равенства среди неравных» 1.

Полагая, однако, что в материализации тихоокеанской концепции настал «звездный час», Япония и США резко усилили активность по ее продвижению. Выступая в октябре 1984 г. в Сан-Франциско, государственный секретарь США Дж. Шульц открыто призвал к формированию региональной группировки на Тихом океане². На встрече Р. Рейгана и Я. Накасонэ в январе 1985 г. в Лос-Анджелесе тихоокеанская проблематика была впервые официально внесена в повестку дня переговоров. Судя по сообщениям печати, главное внимание было уделено выработке совместной тактики по дальнейшему втягиванию стран АСЕАН в орбиту империалистических планов на Тихом океане. Президент США поддержал предложенный Я. Накасонэ подход, предусматривающий «ведущую роль» АСЕАН в определении путей и средств реализации тихоокеанской концепции, что должно было замаскировать заинтересованность Японии и США и способствовать ослаблению настороженности стран Ассоциации.

С публичным обоснованием принципов тихоокеанской политики Японии, включая аспекты, связанные с АСЕАН, японский премьер-министр выступил 16 января 1985 г. в Канберре, куда он прибыл в ходе поездки в Австралию, Новую Зеландию и Океанию сразу по завершении переговоров с главой американской администрации.

Я. Накасонэ предложил создать «Тихоокеанский экономический и культурный анклав», показав тем самым, что Япония по-прежнему стремится к созданию новой региональной организации. Учитывая, однако, нежелание стран АСЕАН оказаться втянутыми в новый блок, японский премьер попытался представить дело так, будто, во-первых, предлагаемое объединение государств не будет носить военный или политический характер; во-вторых, инициативы стран АСЕАН, направленные на развитие регионального сотрудничества, найдут полное понимание и поддержку остальных участников сообщества; в-третьих, сообщество не будет замкнутым блоком, а, напротив, должно быть тесно связано с атлантическими странами. Выступление Накасонэ, будучи тщательно подготовленной пропагандистской акцией, свидетельствовало о том, что тактике втягивания АСЕАН в лоно сообщества, выработанной совместно с Вашингтоном и согласованной с Австралией и Новой Зеландией, была придана большая гибкость.

Предложение Индонезии об организации «тихоокеанского экономического сотрудничества» было с удовлетворением воспринято в официальных кругах Японии, расценивших его как изменение подхода АСЕАН к навязываемой ей тихоокеанской концепции. Токио рассчитывал добиться дальнейших уступок от Ассоциации в этом вопросе на встрече, приуроченной к 18-й конференции министров иностранных дел АСЕАН, состоявшейся в июле 1985 г. в Куала-Лумпуре. Однако, вопреки ожиданиям, японское правительство смогло записать в своей активлишь утверждение 32 проектов в области нефтедобычи, судоходства, воздушного сообщения и других сфер в рамках программы развития людских ресурсов азиатско-тихоокеанского региона, предложенной в 1984 г.

Вместе с тем продвижение тихоокеанской концепции в сторону укрепления ее организационной структуры на межгосударственном уровне, чего упорно добивается Япония, столкнулось с новыми трудностями, вызванными разногласиями между Индонезией и Малайзией по вопросам о формах и темпах сотрудничества в тихоокеанском бассейне.

Не выступая в целом против идеи сотрудничества стран Тихого океана, Малайзия в то же время опасается, что глубокое вовлечение АСЕАН в систему отношений с Японией и США по формуле «6+5» приведет к усилению зависимости Ассоциации от империалистических партнеров. Поэтому Куала-Лумпур настоял на этот раз, чтобы встречи в рамках «тихоокеанского диалога» проходили по двойной формуле: «6+5» и «6+1», т. е. с каждой из развитых стран в отдельности. Это предложение Малайзии имело целью не допустить во время переговоров доминирования «пятерки» над более слабыми партнерами.

Страны АСЕАН вновь отвергли также попытки Японии под-

ключить к «тихоокеанскому диалогу» Южную Корею.

В центре внимания «диалога» оказались вопросы торговоэкономических отношений. В небывало резкой форме представители Ассоциации выступили с требованием отмены практикуемых в странах «пятерки» протекционистских мер в отношении готовых изделий из стран АСЕАН и призвали к установлению справедливых цен на сырьевые товары. Наиболее критический подход был проявлен опять-таки со стороны Малайзии.

В совместном коммюнике министров иностранных дел госу-

дарств Ассоциации в итоге было зафиксировано намерение АСЕАН использовать существующий механизм сотрудничества в тихоокеанском бассейне и не создавать новых институтов для форсирования интеграционных связей с промышленно развитыми странами Тихого океана. Подобный результат означал явную неудачу японской дипломатии. Определенный удар по ее престижу нанесло принятое в начале 1986 г. решение правительства Малайзии не принимать участия в работе тихоокеанского семинара по проблеме трудовых ресурсов, хотя Куала-Лумпур оставил за собой право участия в любом из 32 проектов в этой области с оговоркой, что вопрос будет решаться им в каждом случае отдельно.

Несмотря на определенные сдвиги в своем отношении к экономическим аспектам регионального сотрудничества в Тихом океане, АСЕАН пока удается сохранить единый фронт, противостоящий попыткам растворить Ассоциацию в более широком межгосударственном объединении с участием империалистических стран.

Страны ACEAH справедливо высказывают свои сомнения в отношении характера предлагаемого сообщества, которое может, по их мнению, принять очертания нового империалистического, антисоветского блока и сделать их против своей воли участниками конфронтации с Советским Союзом со всеми вытекающими из этого последствиями.

Страны Ассоциации обоснованно опасаются преобладания влияния в новой организации таких мощных в экономическом отношении стран, как США и Япония, и усиления зависимости от них. Они также настороженно относятся к попыткам Вашингтона и Токио подготовить почву для интегрирования в лоно «тихоокеанского сообщества» Южной Кореи и потенциального конкурента АСЕАН на мировых рынках — КНР.

Не укрылись от внимания в странах Ассоциации и имеющиеся противоречия между Японией и США в экономической области. Они опасаются, что рост влияния Токио может привести к борьбе за лидерство в сообществе и к дальнейшему игнорированию законных интересов развивающихся стран. Попрежнему далеко не безразлична для стран АСЕАН проблема расширения масштабов милитаризации Японии, поскольку они полностью отвергают идею японского военного присутствия в волах ЮВА.

Вступление в сообщество в том виде, в каком его предлагают в Токио, привело бы к значительному сужению влияния Индонезии, претендующей на лидирующую роль среди стран АСЕАН. В обстановке роста национального самосознания в Индонезии были предприняты шаги к постепенному выравниванию длительного перекоса внешней политики страны в сторону Запада, расширению связей и повышению уровня отношений с социалистическими странами. Одновременно отмечалось стремление Джакарты взять на себя функции лидера небольших

островных государств в азиатско-тихоокеанском регионе, что не могло не вызвать раздражение не только Японии, но и Австралии и Новой Зеландии. Это, в свою очередь, создало новый комплекс противоречий на пути реализации тихоокеанской концепции Японии.

Более острыми, как показала встреча в Куала-Лумпуре в 1985 г., стали противоречия и между самими членами АСЕАН, в разной степени заинтересованными в развертывании экономического сотрудничества с западными партнерами в бассейне Тихого океана.

Таким образом, события последних лет показали, что, несмотря на упорные попытки Японии и США оказывать возрастающее давление на страны АСЕАН в целях реализации империалистических, неоколониалистских целей, заложенных в японской версии тихоокеанской концепции, противоречия между странами Ассоциации и их партнерами не только не сглаживаются, а имеют тенденцию к обострению. Это приводит к замедлению темпов и изменению путей развития «тихоокеанского сотрудничества». Однако Токио и Вашингтон, оказываясь вынужденными маневрировать, по-прежнему возлагают большие надежды на то, что в конечном счете им удастся, используя имеющийся в их распоряжении арсенал мер воздействия на развивающиеся страны, все больше и больше вовлекать государства Ассоциации в долговременный процесс создания на Тихом океане новой империалистической группировки многоцелевого назначения. От того, насколько Японии, США и их союзникам удастся добиться перелома в отношении АСЕАН к навязываемому ей проекту, в существенной мере зависят перспективы мира и социального прогресса в огромном по своим масштабам азиатско-тихоокеанском регионе.

¹ Суара карья. 14.07.1984.

² Асахи симбун. 21.11.1984.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В КОНЦЕ 70-х — НАЧАЛЕ 80-х годов

Азиатско-тихоокеанский регион представляет собой сложнейший узел международных отношений. «В этом обширном районе,— отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— немало запутанных узлов противоречий, да и политическая ситуация в отдельных местах неустойчива» ¹. Важное место в общей системе взаимосвязей стран региона занимают отношения между Японией и государствами Юго-Восточной Азии.

Победа вьетнамского и других народов Индокитая в борьбе с американским империализмом, ликвидация полпотовского режима в Кампучии привели к коренному изменению соотношения сил в пользу социализма в регионе. На региональном уровне сложились две группы государств: страны Индокитая, идущие по социалистическому пути, и государства—члены АСЕАН. Вза-имоотношения между ними отражают противоречивые тенденции противоборства различных социально-политических систем и определяют здесь международную обстановку.

Три страны Индокитая, СРВ, ЛНДР и НРК, координирующие свои действия на международной арене, стремятся добиться урегулирования спорных проблем в ЮВА, нормализовать международную обстановку, наладить диалог со странами АСЕАН. В связи с этим на регулярно созываемых конференциях министров иностранных дел Вьетнама, Лаоса и Кампучии постоянно выдвигаются конструктивные предложения и инициативы на основе равенства, взаимного уважения, без вмешательства извне. Наряду с этим они выражают готовность к переговорам со всеми заинтересованными странами 2 по целому комплексу вопросов: вывод вьетнамских войск из Кампучии при одновременном устранении с политической арены полпотовской клики, уважение суверенитета кампучийского народа, проведение всеобщих выборов с участием международных наблюдателей, обеспечение международных гарантий и контроля за выполнением достигнутых соглашений.

Более того, страны Индокитая стремятся к созданию обстановки безопасности в ЮВА. Так, они полностью поддержали заявление Советского правительства от 26 апреля 1986 г. по

вопросам обеспечения мира и безопасности в Азии и районе Тихого океана. Со своей стороны, СРВ, ЛНДР и НРК выдвинули целый ряд конкретных инициатив, согласились, в частности, принять идею АСЕАН о создании в ЮВА «зоны мира, свободы и нейтралитета» как основы для дискуссии о превращении региона в зону мира и стабильности³. Три страны Индокитая предлагали заключить между ними и Таиландом двусторонние или многосторонние соглашения о ненападении, которые включали бы, в частности, положения о неприменении силы и отказе от предоставления своей территории третьей стране в качестве базы для агрессии против другой страны. Ставился вопрос и о создании демилитаризованной зоны или же зоны безопасности вдоль кампучийско-таиландской границы; причем имелось в виду, что с кампучийской стороны в ней не будет вьетнамских войск, а с таиландской — полпотовцев и отрядов кхмерской реакции. Несколько раз осуществлялся частичный вывод частей вьетнамских войск из Кампучии . СРВ, ЛНДР и НРК объявили о поддержке идей ACEAH о создании в ЮВА безъядерной зоны. На очередной, двенадцатой конференции министров иностранных дел стран Индокитая во Вьентьяне 24 января 1986 г. было высказано мнение о том, что решение проблем, связанных с Кампучией, обеспечит прочный мир в регионе и послужит основой соглашения о создании в ЮВА зоны мира и стабильности ⁵.

Конструктивная политика стран Индокитая, как и необратимость социально-политических процессов в них, оказывает позитивное влияние на позицию государств—членов АСЕАН. И хотя они по-прежнему настаивают на выводе вьетнамских добровольцев, проведении «свободных выборов под международным контролем», создании «нейтрального и независимого от Вьетнама правительства», отказываются от признания законного правительства НРК и поддерживают так называемое «коалиционное правительство Демократической Кампучии» воглаве с Нородомом Сиануком, становится все более очевидной нереалистичность и недальновидность их политики и политического давления на страны Индокитая.

Внутри АСЕАН усиливаются разногласия по поводу ее позиции в отношении Индокитая. В частности, в последние годы наблюдается позитивная тенденция в подходе некоторых стран «шестерки» к этой проблеме. До последнего времени жесткий курс АСЕАН во многом определялся позицией Таиланда, который, играя на «солидарности» членов группировки, пытался действовать от ее имени. После свержения полпотовского режима в 1979 г. не без влияния извне в Бангкоке родилась идея о необходимости противопоставить АСЕАН Вьетнаму. Таиланд должен был играть роль «буферного» государства — приютить различные группировки кхмерской реакции, совершающие налеты на кампучийскую территорию, и также добиться поддержки мирового общественного мнения. Сингапур — снабжать ору-

жием кхмерских националистов. Задача Малайзии, Индонезии и Филиппин сводилась, в сущности, к поддержке этих инициатив.

Однако Малайзию, Индонезию и Филиппины все более беспокоят жесткий курс Таиланда, его тесные связи с западными державами, а также проявления гегемонизма в регионе. Особенно боятся последнего Малайзия и Индонезия. В сущности, Малайзия и Индонезия никогда не были полностью согласны с позицией Таиланда.

Более реалистичную политику в отношении Индокитая, и в частности СРВ, страны АСЕАН начали проводить с февраля 1984 г., когда начальник генерального штаба индонезийских вооруженных сил генерал Бени Мурдани посетил Ханой. Индонезия пришла к выводу, что война в Кампучии проиграна, и взяла на себя роль лидера во внешней политике «шестерки» в отношении Индокитая. На состоявшейся 9—10 июля 1984 г. в Джакарте очередной конференции министров иностранных дел АСЕАН Индонезии было поручено вести диалог с СРВ от имени Ассоциации. Это решение было подтверждено на встрече министров иностранных дел АСЕАН в Бангкоке в феврале 1985 г.

В результате этого отношения между Индонезией и СРВ несколько активизировались. В 1984—1985 гг. обе стороны обменялись визитами на уровне министров иностранных дел и министров обороны. В Ханое и Джакарте состоялись семинары о положении в ЮВА с участием представителей политических, военных и научных кругов этих стран. С индонезийской стороны было подчеркнуто, что наличие разногласий по тем или иным вопросам, касающимся ситуации в регионе, не должно мешать конструктивному обсуждению данной темы. В апреле 1985 г. министр обороны Вьетнама Ван Тиен Зунг посетил Джакарту. В результате визита была утверждена должность военного атташе и положено начало сотрудничеству в экономической и военной областях.

Ряд стран—членов АСЕАН все настойчивее подчеркивают необходимость осторожности в кампучийских делах и отказа от силовых приемов. Выступая на уже упоминавшемся совещании в Джакарте в 1984 г., президент Индонезии Сухарто подчеркнул, что Ассоциация не должна вмешиваться во внутренние дела народа Кампучии и не заинтересована в том, чтобы быть втянутой в конфликты. «АСЕАН,— заявил Сухарто,— должна последовательно бороться за превращение ЮВА в зону мира, свободы и нейтралитета».

В целом, однако, позиция стран АСЕАН продолжает оставаться неконструктивной. На уже упоминавшейся встрече в Бангкоке в феврале 1985 г. министры иностранных дел «шестерки» под давлением Таиланда приняли обращение к «мировому сообществу» об увеличении помощи кхмерским реакционерам «в их политической и военной борьбе». На совещании этих стран в Куала-Лумпуре в июле 1985 г. единогласно было при-

нято явно неприемлемое для индокитайских государств предложение Таиланда о проведении «непрямых переговоров» между представителями кхмерских реакционных группировок и СРВ при игнорировании правительства НРК.

Тем не менее перспектива диалога существует. Так, премьер-министр Малайзии М. Мохамад недавно заявил, что нынешняя позиция АСЕАН в отношении Кампучии непопулярна, и подчеркнул необходимость более активно изучать любые возможности достижения политического урегулирования, которое было бы справедливым, продуктивным и долговечным.

Однако позитивные тенденции внутри АСЕАН продолжают встречать сопротивление определенных кругов, которые при активной поддержке извне ставят неприемлемые условия для урегулирования отношений между двумя группами стран и таким образом продолжают нагнетать напряженность в регионе. Большую роль в этом играет влияние США и их союзников, а также позиция Китая. Все это способствовало процессу поляризации действующих в ЮВА сил и оказало заметное влияние на выработку позиции «шестерки» в отношении Кампучии.

Немаловажную роль в определении позиции стран АСЕАН играет и политика Японии — главного военно-политического союзника США на Дальнем Востоке. Япония уже в течение длительного времени заинтересована в использовании трудовых и природных ресурсов этих стран. Однако в последние годы эта заинтересованность принимает определенную политическую окраску. Япония все более активно участвует в консультациях и дипломатических инициативах на трехсторонней основе (Вашингтон—Пекин—Токио) при рассмотрении проблем в регионе, и в первую очередь так называемой «кампучийской проблемы».

Одним из первых проявлений японской политики стали экономические санкции, направленные против СРВ. Так, 16 января 1979 г. министр иностранных дел С. Сонода заявил, что «оказывая помощь Вьетнаму, Япония помнит о том, что целью помощи является налаживание отношений, а не обострение конфликтов в Индокитае. Следовательно, в настоящее время Япония не может не прекратить свою помощь Вьетнаму» в. Таким образом, Япония отказалась предоставить СРВ обещанную ранее помощь в размере 48 млн. долл. 7.

Характерна была позиция Японии в отношении военного конфликта между СРВ и КНР. Суть ее сводилась к оправданию действий последней. 22 февраля 1979 г. премьер-министр Японии М. Охира заявил, что «не располагает достаточными данными, позволяющими квалифицировать внешние действия Китая как агрессию» в Вместе с тем японское правительство заявило о своем «нейтралитете» в

Японское правительство, отказавшись признать законное правительство НРК, в то же время оказывало материальную и дипломатическую поддержку «красным кхмерам», обосновавшимся на таиландской территории, именуя ее помощью «кам-

боджийским беженцам». Так, через международные организации и правительство Таиланда Япония предоставила «камбоджийским беженцам и пострадавшим» 23 млн. долл. Кроме того, в соответствии с программой ООН, в 1979, 1980 и 1981 гг. на эти цели было предоставлено соответственно 63, 100 и 81 млн. долл. В частности, Япония посылает «камбоджийским беженцам в Таиланде» медицинских специалистов, принимает участие в разведывании местонахождения питьевой воды, оказывает техническое сотрудничество и т. д. 10. Она стала одним из инициаторов осуществления разработанного Вашингтоном плана создания «нейтрального государства» в Кампучии во главе с находящимся в эмиграции принцем Нородомом Сиануком.

Япония, придавая все большее значение политическим аспектам развития отношений со странами АСЕАН, стремится повысить свою роль в решении международных проблем региона. Во время визита Дз. Судзуки в страны АСЕАН в январе 1981 г. японский премьер-министр объявил, что «Япония воздержится от помощи Вьетнаму до тех пор, пока он не изменит свою позицию». Он дал понять, что его проект безопасности в регионе включает обещание значительной японской финансовой помощи для восстановления Вьетнама, Кампучии и Лаоса, если Ханой примет его условия. Чтобы рассеять беспокойство в странах АСЕАН активизацией политики Токио в регионе, он заявил: «Мы не хотим повторять ошибки, сделанные Японией в прошлом. Эти ошибки отняли жизнь многих людей в Азии» 11.

На переговорах министров иностранных дел стран АСЕАН с руководителями дипломатических ведомств США, Японии, Австралии и Новой Зеландии в Маниле 19—20 июня 1981 г. С. Сонода высказался за вывод вьетнамских войск из Кампучии, создание «демилитаризованной зоны мира» вдоль границы с Таиландом и проведение «свободных выборов» под международным контролем 12. Он еще раз подтвердил эту позицию Японии на международной конференции по Кампучии, состоявшейся 13 июля 1981 г. в Нью-Йорке.

Японское правительство рассматривало визит Дз. Судзуки в страны АСЕАН, участие С. Сонода в конференции в Маниле и в «международной конференции по Кампучии» в Нью-Йорке как «исключительно активные дипломатические усилия для дальнейшего стимулирования мира и стабильности в Азии» ¹³. Однако японская печать отмечала, что «усиленная поддержка Японией полпотовцев вряд ли пойдет на пользу дела мира в Азии» и скорее «будет демонстрировать игнорирование воли и чувств-кампучийского народа, более всего опасающегося возвращения полпотовцев к власти» ¹⁴.

С приходом к власти в Японии в 1982 г. правительства Я. Накасонэ негативные моменты во внешнеполитическом курсе Токио усилились. Это выразилось, в частности, в дальнейшем втягивании его в опасные глобальные планы Вашингтона, что отразилось и на позиции Японии в отношении нормализа-

щии обстановки и поисков путей к сотрудничеству и добрососедству в ЮВА. Об этом свидетельствуют итоги визита Я. Накасонэ в страны АСЕАН 30 апреля—10 мая 1983 г. В ходе бесед премьер-министра Японии с руководителями стран—членов Ассоциации одной из основных тем была «кампучийская проблема». Министр иностранных дел С. Абэ в интервью корреспонденту газеты «Асахи» 6 мая 1983 г. в Сингапуре заявил: «Необходимо приложить больше усилий, чтобы изменить ситуацию в Кампучии. Что касается возобновления помощи Вьетнаму, то она будет невозможной, пока не осуществится безоговорочный вывод вьетнамских войск из Кампучии до последнего солдата» 15.

Продолжением этого курса явилась встреча С. Абэ с «вицепрезидентом коалиции» Кхиеу Самфаном 18 апреля 1984 г. в Токио, на которой последнему была обещана всесторонняя помощь. Японский министр иностранных дел подтвердил свои обещания и «президенту коалиции» Нородому Сиануку, который находился с визитом в Токио в конце мая 1984 г. 16.

На совещании стран—членов АСЕАН в Куала-Лумпуре (июль 1985 г.) Япония поддержала курс Вашингтона и экстремистских сил внутри Ассоциации на проведение «непрямых переговоров» между СРВ и представителями кхмерских реакционных группировок и на игнорирование правительства НРК. Тем самым она внесла свой вклад в блокирование развития пози-

тивных тенденций в странах «шестерки».

Политика Японии в этом районе отнюдь не исчерпывается ее позицией в отношении «кампучийской проблемы». Серьезное беспокойство среди стран ЮВА вызвало, в частности, решение Токио расширить радиус действия японского военно-морского флота до 1000 морских миль от японских островов 17, что позволяет японским военным кораблям находиться в непосредственной близости от границ этих стран. АСЕАН не раз высказывала свое опасение по этому поводу. В связи с этим бывший министр иностранных дел Японии С. Окита признал, что страны ЮВА «не желают, чтобы Япония расширяла свой периметр обороны за счет ЮВА» 16.

Стремление Японии играть в регионе роль политического и экономического «лидера» нашло отражение и в активно про пагандируемой идее создания «тихоокеанского сообщества». Эта идея, родившаяся на экономической основе, в последнее времи приобретает все больший политический характер, т. е. по существу, делается попытка возродить в новых формах старо концепции «сферы сопроцветания Великой Восточной Азиии Идея «сообщества» в ее нынешнем виде в наибольшей мер отвечает интересам монополистической буржуазии империали стических держав, в первую очередь Японии и США. Они видя в ней средство укрепления своих позиций в азиатско-тихоокеам регионе в борьбе с силами социализма и национальном освобождения. Вместе с тем в японском варианте она отражаю

прямую взаимосвязь между ростом экономического потенциалаи политических амбиций Токио.

Однако стремление капиталистических стран, и в первуюочередь Японии, реализовать эту идею наталкивается на противодействие со стороны стран АСЕАН, которые понимают, чтов любом варианте «тихоокеанского сообщества» им отводится роль экономической и политической периферии, что значительноосложнит их борьбу за равноправные отношения.

¹ Правда, 26.02.1986.

² Keesing's Contemporary Archives. Record of World Events. L., 1985, c. 33733.

3 Необходимо отметить, что Малайзия, которая считает себя инициатором. идеи «зоны мира, свободы и нейтралитета», проводит в то же время непоследовательную политику: она является членом военных союзов, на ее территории находятся австралийские войска.

 На конференции в Пномпене министров иностранных дел стран Индокитая в августе 1985 г. было сделано заявление, что вьетнамские войска пол-

ностью будут выведены из НРК до 1990 г.

5 Правда. 26.01.1986.

⁶ Асахи симбун. 17.01.1979.

- ⁷ Вага гайко-но кинкё. Токио, 1979, с. 81.
- ⁸ Санкэй симбун. 23.02.1979. ⁹ Асахи симбун. 02.03.1979.
- 10 Данные по: Вага гайко-но кинкё. Токио, 1980, с. 91; Diplomatic Bluebook. Tokyo, 1982, с. 45.
 11 Санкэй симбун, 13.01,1981.

12 См.: Кокусай мондай сирё. 1981, № 7, с. 58. ¹³ Diplomatic Bluebook. Tokyo, 1982, c. 39.

™ Токио симбун. 06.09.1980. ¹⁵ Асахи симбун. 07.05.1983.

¹⁶ Работническо дело. 19.04.1984.

¹⁷ Асахи симбун. 26.08.1983, вечерний выпуск.

18 Journal of International Affairs, Summer 1983, № 1, c. 13.

политика японии в азии

В условиях резкого обострения международного положения в первой половине и в середине 80-х годов, вызванного курсом республиканской администрации США, серьезного внимания заслуживает политика Японии в эти годы на международной арене, в частности в азиатско-тихоокеанском регионе. Со времени прихода к власти в 1982 г. правительства Я. Накасонэ (существовало до 1987 г.) во внешней политике Японии наблюдаются некоторые качественно новые черты. Главной чертой стало стремление Японии повысить свою политическую роль в международных делах, привести ее, как заявляют в официальных кругах Японии, в соответствие с тем местом, которое страна занимает в мировом хозяйстве. Отсюда вытекает новая стратегическая концепция японских правящих кругов, согласно которой Япония должна утвердиться как полноправный член западного сообщества для защиты «общих интересов» Запада и противоборства с мировым социализмом.

В последние годы правящие круги Японии взяли курс на форсирование программ военного строительства, реализация которых определяет одно из основных направлений милитаризации страны. Реализация 6-й пятилетней программы укрепления и развития «сил самообороны» на 1983—1987 гг., которая являлась составной частью новой военной политики кабинета Я. Накасонэ, имела следствием качественное совершенствование японских «сил самообороны», занимающих по боевой мощи 6-е место в капиталистическом мире.

Правящие круги Японии рассматривают расширение связей с Соединенными Штатами и всестороннюю поддержку военностратегических и политических целей Вашингтона как важную составную часть планов повышения вклада страны в решение международных проблем. В своей программной речи в парламенте 27 января 1986 г. Я. Накасонэ заявил: «Основополагающая политика Японии состоит в том, чтобы укреплять связи с Соединенными Штатами...». Краеугольным камнем японо-американских отношений является «договор безопасности» 1951 г., согласно которому США обладают возможностью все большего вовлечения Японии в орбиту своей военно-политической стратегии в глобальном масштабе. Сфера действия японо-американ-

ского «договора безопасности» все время расширяется. Так, в частности, Япония взяла на себя ответственность за военные операции на морских и океанских коммуникациях в зоне до 1000 миль от берегов своей страны, углубляется координация военной деятельности с американскими вооруженными силами, включая планы блокирования проливов для советского флота на Дальнем Востоке, проводятся другие мероприятия, превращающие японские острова в «непотопляемый авианосец».

Однако в середине 80-х годов в позиции США в отношении военной политики Японии, как нам кажется, произошли определенные изменения. Американская администрация, требовавшая до недавнего времени резкого увеличения военного бюджета Японии, на проходивших в середине января 1986 г. в Гонолулу очередных японо-американских консультациях по вопросам обеспечения безопасности недвусмысленно дала понять, что на нынешнем этапе от Японии не требуется больше того, что она делает в области военных приготовлений. По мнению газеты «Токио симбун», в Вашингтоне пришли к выводу, что в рамках ныне действующих японских планов оборонный потенциал страны вполне может функционировать в качестве одного из составных элементов глобальной стратегии США. На наш взгляд, за этим кроется также и определенная озабоченность тем, что если без конца требовать от Японии увеличения ее военных расходов, то на какой-то стадии это может выйти из-под контроля и достичь опасного для США уровня. Это, возможно, связано также с тактическими соображениями в связи с предстоящими выборами председателя ЛДП.

В целом Япония превращается в плацдарм агрессивных действий американского империализма в районе Дальнего Востока и Тихого океана.

Правительство Японии предпринимает также шаги, направленные на установление и расширение военно-стратегического сотрудничества с НАТО. На последних совещаниях ведущих империалистических держав Япония присоединилась к политическим заявлениям стран—членов НАТО. Эти шаги японского правительства можно расценить как качественно новый момент ее вовлечения в деятельность НАТО и очередной этап формирования новой «оси» Вашингтон — Западная Европа — Токио с целью стратегического окружения СССР и стран социализма.

Япония придавала и придает большое значение своим отношениям с Китаем. Развитие политических и торгово-экономических связей с КНР используется правящими кругами Японии для укрепления своих международно-политических позиций и обеспечения интересов японских монополий. В своей программной речи в парламенте 27 января 1986 г. премьер-министр Я. Накасонэ заявил: «Поддержание и развитие хороших и стабильных отношений с Китаем было неизменно одной из важнейших основ японской внешней политики. Мы и впредь будем содействовать дальнейшему развитию отношений с Китаем,

включая расширение наших торговых отношений на основе договора о мире и дружбе 1978 года, а также принципов мира и дружбы, равенства и взаимной выгоды, взаимного доверия и долгосрочной стабильности».

Между двумя странами поддерживаются тесные контакты на различных уровнях. Регулярно проводятся встречи высших руководителей обеих стран. В практику входит обмен и официальными военными делегациями. В 1984 г. министр обороны КНР посетил Японию, а в 1985 г. делегация УНО посетила Китай. Подобные поездки приводят к установлению официальных связей между Японией и КНР в военной области.

Характерная особенность японо-китайских отношений — формирование относительно прочной материальной базы в результате высокого уровня развития торгово-экономических связей. Торговля Китая с Японией превышает его товарооборот с США, ФРГ, Англией, Францией и Италией, вместе взятых.

Таким образом, расширяя сотрудничество с Китаем, Япония добивается обеспечения интересов империалистического лагеря в целом, пытается привязать его экономику к капиталистическим странам. Развитие этого сотрудничества происходит прежде всего в рамках взаимоотношений обеих стран с США, причем и Япония и США не оставляют надежд разыграть «китайскую карту» в отношениях с Советским Союзом.

Вместе с тем в японо-китайских отношениях сохраняются определенные проблемы. В японских официальных и деловых кругах имеют место сомнения относительно возможной политической линии Пекина в будущем по мере укрепления экономического и военного потенциала Китая. Несмотря на заявления об укреплении взаимного доверия, у сторон остается настороженность относительно стратегических целей каждого из партнеров.

Политика Японии в отношении государств, входящих в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), тесно связана с внешнеполитическим курсом Токио, направленным на превращение Японии в мировую державу.

В целом японское правительство заинтересовано в сохранении как политической ситуации в регионе, так и структуры торгово-экономических отношений со странами АСЕАН.

С начала 80-х годов резко активизировались японо-южнокорейские связи в самых различных областях. В январе 1983 г. состоялся визит в Сеул тогдашнего премьер-министра Японии Я. Накасонэ. Во время этого визита был урегулирован вопрос о предоставлении экономической помощи Южной Корее и было положено начало дальнейшим контактам между руководителями двух стран. В сентябре 1984 г. с ответным визитом Японию посетил президент южнокорейского режима Чон Ду Хван. Результаты переговоров на высшем уровне свидетельствовали о взаимном желании расширить японо-южнокорейские отношения и поднять политический престиж Японии и Южной Кореи на международной арене. В результате этих визитов произошли определенные сдвиги в характере японо-южнокорейских отношений. Активизировались контакты на различных уровнях, имели место встречи и совещания представителей военных ведомств Японии и Южной Кореи. Вместе с тем они показали невозможность разрешить ряд сложных политических и экономических проблем, которые тормозят развитие двустороннего сотрудничества.

Шаги, предпринятые японским правительством в начале 80-х годов по укреплению отношений с Южной Кореей, связаны и с настоятельным требованием Вашингтона углублять военно-политические связи Японии с другими союзниками США в Азии и увеличивать расходы Японии на укрепление военного потен-

циала этих стран.

Правящие круги Японии и Южной Кореи, объединенные общими антикоммунистическими целями, настойчиво стремятся проводить курс, направленный на расширение и укрепление политических и военных связей.

Теперь остановлюсь на монголо-японских отношениях.

Империалистическая Япония всегда проявляла захватнические стремления в отношении Монголии.

После победы народной революции в этой стране политика Японии приобрела открыто враждебный характер по отношению к Монголии. Япония вынашивала планы захвата Монголии и превращения территории страны в военный плацдарм для агрессии против Советского Союза. Для осуществления этих замыслов Япония вначале использовала белогвардейские банды атамана Семенова и барона Унгерна, а также китайских милитаристов.

Япония неоднократно посягала на суверенитет и территориальную целостность МНР. Самой крупной агрессией, предпринятой Японией против МНР, явилась развязанная ею в 1939 г. необъявленная война в районе Халхин-Гола, где японские войска потерпели сокрушительное поражение от совместных ударов советско-монгольских вооруженных сил.

В годы второй мировой войны Япония искала удобного момента для нападения на МНР, постоянно угрожала ее независимости. Поэтому МНР в августе 1945 г. объявила справедливую войну Японии и приняла непосредственное участие в разгроме Квантунской армии — ударной силы японского милитаризма.

При вступлении МНР в ООН в 1961 г., что явилось результатом изменения соотношения сил на международной арене в пользу социализма и укрепления международных позиций МНР, Япония проголосовала за ее принятие, признав тем самым МНР де-факто.

Исходя из интересов укрепления мира и безопасности в Азии и на Дальнем Востоке, руководствуясь принципами мирного сосуществования государств с различным социальным строем, МНР неуклонно придерживалась курса на нормализа-

цию отношений между двумя странами. В результате переговоров, продолжавшихся более 10 лет из-за нежелания японской стороны удовлетворить требование монгольской стороны о выплате Японией военных репараций, в 1972 г. между двумя странами были установлены дипломатические отношения, обе стороны взаимно открыли посольства и обменялись послами. Это отвечало интересам мира и безопасности в Азии и на Дальнем Востоке и открыло возможности для развития взаимовыгодного сотрудничества между МНР и Японией.

В последующие годы были установлены контакты и стал регулярно проводиться обмен мнениями на различных уровнях. Расширились связи по линии общественных организаций.

Что касается экономических связей, то они были установлены еще с 1957 г. Внешнеторговые организации МНР развивают торговлю с частными компаниями Японии.

На основе ежегодно заключаемых с 1974 г. планов культурного обмена развивается сотрудничество в области культуры, науки и техники путем обмена учителями, студентами, артистами, журналистами и организации кинопросмотров и т. д.

Все это создает определенные предпосылки для дальнейшего развития отношений между двумя странами в политической, торгово-экономической, культурной и других областях.

Кроме того, Япония рассматривает свои отношения с МНР как благоприятную возможность для изучения как бы со стороны политики СССР и КНР и их взаимоотношений.

Однако в последнее время наблюдаются некоторые негативные моменты в политике Японии в отношении МНР. В частности, японская сторона выражает недовольство отрицательным отношением в МНР к политике правящих кругов Японии, направленной на милитаризацию страны, еще большее вовлечение ее в орбиту военно-политической стратегии США.

МНР, со своей стороны, твердо придерживается курса постепенного и стабильного развития отношений с Японией в политической, торгово-экономической, культурной и других областях на основе принципов равноправия, взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела друг друга.

ЯПОНИЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ: соперничающие союзники

Японо-американские отношения являются одной из наиболее важных систем международных отношений нашей эпохи. Они имеют огромное значение для восточноазиатского и тихоокеанского регионов и оказывают значительное влияние на всю международную обстановку.

В настоящее время Япония является одним из самых значительных с глобальной точки зрения и важнейшим азиатским союзником Соединенных Штатов, играя особую роль в общей империалистической стратегии против Советского Союза и других социалистических стран. Зависимость Японии в этом союзе очевидна. Степень ее, конечно, несравнима с полной зависимостью в годы оккупации после второй мировой войны, но даже в нынешней качественно измененной форме она все еще существенна.

В данной статье на основе показа совпадений и расхождений интересов в политической, экономической и военной сферах внутри системы японо-американских отношений делается попытка дать прогноз, будет ли укрепляться этот союз, или можно ожидать усиления тенденции к самостоятельности Японии. Необходимо отметить, что как преувеличение значения, так и недооценка часто возникающих трений одинаково неправомерны. Только реальный анализ центробежных тенденций внутри союза может послужить основой для объективной оценки прямых двусторонних и косвенных, затрагивающих всю международную обстановку, отношений и их последствий.

Соединенные Штаты дважды в истории глубоко влияли на политическое, общественное и экономическое развитие Японии. Осуществленная с помощью американского военного флота в середине прошлого столетия ликвидация многовековой изоляции Японии положила начало радикальным изменениям, направившим страну на путь капиталистического развития. Почти столетием позже американцы также активно участвовали в тех преобразованиях, которые последовали за военным поражением и капитуляцией милитаристской Японии. Причем в XIX в. зависимость Японии от Соединенных Штатов не была столь тесной и долгосрочной, какой она стала после 1945 г.

Капитуляция положила начало зависимости Японии от Соединенных Штатов, которая за последние более чем 40 лет претерпела важные как по существу, так и по форме изменения, но не прекратилась, а упрочилась в рамках очень сложной, широкой системы взаимных интересов и противоречий.

Япония впервые в истории потерпела военное поражение и оказалась в условиях военной оккупации. Японское общественное мнение было глубоко потрясено случившимся. Однако, довольно многие в стране были лишь ошеломлены и разочарованы поражением, не чувствуя вины за соучастие в жестокостях, считая правомерным вынашивание и осуществление экспансионистской политики.

Курс на демократизацию и демилитаризацию страны, осуществлявшийся Соединенными Штатами во время военной оккупации под давлением прогрессивных сил во всем мире и японских левых кругов, продолжался короткое время. За этот период в Японии была создана система буржуазно-демократического устройства. Затем начался период так называемого обратного курса, замораживания реформ, замены демилитаризации курсом на постепенное создание определенных вооруженных сил. Соединенные Штаты стремились максимально использовать свое военное присутствие для укрепления своих позиций. На основе общих интересов японских и американских монополий было положено начало сотрудничеству, хотя и отягощенному противоречиями.

Возвращение государственного суверенитета, согласно Санфранцисскому мирному договору 1952 г., не означало освобождения от американской опеки. Постоянно действующим фактором японской зависимости продолжают оставаться военные базы Соединенных Штатов в Японии и находящиеся там американские войска, что обусловлено действием японо-американского «договора безопасности». Постепенно создавался и укреплялся политический и военный союз Японии и США, в рамках которого Япония брала на себя все более активную роль в осуществлении проводимого Соединенными Штатами империалистического, антисоветского курса. Благодаря своей политической стабильности и быстрорастущей экономической мощи Япония стала играть ключевую роль в политической и военной стратегии Соединенных Штатов в азиатском регионе.

Исходя из этого, Соединенные Штаты стремятся к возрастанию военной роли Японии в рамках общей стратегии, к ее активизации в этих рамках в области внешней политики и дипломатии. Однако в то же время американцы не хотели бы, чтобы растущая военная мощь Японии и ее внешнеполитическая активность сопровождались растущей самостоятельностью. Подобная перспектива несколько беспокоит Вашингтон. Ведь после того, ка Япония стала второй по своей экономической мощи страной капиталистического мира, временами даже в официальных кругах стали проявляться, хотя в последнее время и слабее,

тенденции, направленные на ограничение зависимости от Соединенных Штатов, стремление к большей защите собственных интересов, к решению отдельных проблем иными, чем у ее основного союзника, тактическими способами.

Примером может служить выступление премьер-министра X. Икэда в начале 60-х годов о необходимости «автономной» японской внешней политики. Об этом же говорит и попытка Токио в 70-х годах разработать собственный внешнеполитический курс, не всегда совпадающий с планами и стремлениями Вашингтона. Правящие круги Японии в тот период провозгласили так называемую омнидирекционность, т. е. внешнюю политику, проводимую во всех направлениях.

Однако стремление Японии к самостоятельности имеет свои границы. Что касается экономики, то американские политические деятели, бизнесмены и экономисты из тактических соображений часто склонны преувеличивать ее успехи. По экономическому и научно-техническому потенциалу Япония все еще отстает от Соединенных Штатов, и предсказывать достижение в сколько-нибудь обозримом будущем полного экономического превосходства над США вряд ли имеет под собой почву. Соотношение валового национального продукта США и Японии приблизительно равно 3:1, и не предвидится значительного изменения этого соотношения в пользу Японии. И даже производительность труда в американской промышленности все еще выше, чем в Японии. В Соединенных Штатах бытует презрительное, но довольно точно отражающее действительную обстановку изреяпонцы — это «работо-алкоголики» в кроличьих чение, что клетках.

Кроме того, сохранение огромного американского рынка для получения сырья и продовольствия, а также для сбыта промышленных товаров означает не только зависимость, но и экономическую безопасность. Это также является важным фактором, укрепляющим двусторонние отношения.

При этом правящие круги Японии хорошо понимают, что если резко поднять уровень военных расходов, то сравнительное отставание от США в экономической и социальной областях вновь возрастет. Поэтому они считают, что если в будущем будут опираться на военное присутствие Соединенных Штатов, включающее в себя и «ядерный зонт», то выбирают из двух зол меньшее. Подобный подход Токио к союзу сохраняет зависимость Японии от ее союзника.

Все это привело к тому, что начиная с середины 70-х годов политические отношения между Токио и Вашингтоном становятся более уравновешенными. В значительной степени этому способствовал нефтяной кризис 1973 г., обнаруживший слабость экономической структуры Японии, которая зависит от носителей энергии.

Выравнивание двусторонних отношений сказалось и в том, что после серии визитов в Вашингтон руководителей японского

правительства в 1974 г. тогдашний президент США Д. Форд

нанес официальный визит в Токио.

После прихода к власти Р. Рейгана в США и Я. Накасонэ в Японии во внешней политике Токио почти полностью исчезло стремление к самостоятельности. Япония стала примерным союзником Вашингтона. В силу существующей между обеими странами взаимозависимости Япония была вынуждена приспосабливаться к агрессивным тенденциям во внешней политике Соединенных Штатов.

Еще в мае 1981 г. в ходе визита в Вашингтон предшественника Я. Накасонэ, Дз. Судзуки, японо-американские отношения впервые были официально определены как союз. Это событие в то время вызвало острый спор в Японии даже внутри правящей ЛФП, однако вскоре определение этих отношений как союза стало считаться естественным и признанным. Я. Накасонэ пользовался любым случаем, чтобы заверить Соединенные Штаты в своей солидарности с ними. Японский премьер-министр на конференциях глав правительств развитых капиталистических стран и на других международных форумах всегда первым выражал солидарность с различными внешнеполитическими и военными инициативами Вашингтона.

Но не только Япония нуждается в Соединенных Штатах, но и США нуждаются в ней. Их важнейший азиатский союзник вызывает у них двойственные чувства. Американцы свыклись с мыслью о бесспорном преимуществе западной цивилизации, о том, что Соединенные Штаты почти во всех отношениях стоят на первом месте в капиталистическом мире и им фактически нечему учиться у Востока. Экономические успехи Японии изменили это положение, выдвинув ее на первое место в ряде важных областей. Для Вашингтона особенно болезненным было то, что Япония добилась преимущества в производстве стали и автомашин, поскольку именно в этих отраслях Соединенные Штаты традиционно занимали первое место в капиталистическом мировом хозяйстве. Утрата руководящей роли в этих отраслях промышленности кроме экономических потерь привела к снижению престижа США в мировой политике.

Таким образом, гнев в отношении военного противника сменился в Соединенных Штатах горечью в отношении сильного внешнеторгового конкурента. С одной стороны, Японию стали считать одной из основных причин внутренних экономических неурядиц, безработицы, инфляции и т. д. А с другой стороны, в Японии видят соперника, который стимулирует движение вперед. Однако для администрации США Япония является прежде всего политическим и военным союзником особого значения в рамках общей империалистической стратегии, по отношению к которому можно и нужно проявлять гибкость в области внешней торговли, поскольку последняя играет все же второстепен-

ную роль.

Подведем некоторые итоги. В рамках глобальной стратегии

США в отношениях с Японией приоритет всегда отдается военным факторам. Поскольку Вашингтон, как правило, добивается осуществления своих интересов силовым путем, предъявляя максимальные требования союзнику, а Токио пытается противостоять им и осуществить собственные планы, то конфликты стали более или менее постоянным элементом этой чрезвычайно объемной и сложной системы двусторонних отношений. Соединенные Штаты начиная с конца 60-х годов стремились усилить военное значение Японии. В условиях разразившегося в середине 70-х годов экономического кризиса на первый план вышли экономические факторы, что привело к обострению торговых противоречий. Затем с конца 70-х годов в условиях усиления агрессивной, конфронтационной политики Вашингтона США вновь настаивают на форсировании вооружения Японии.

Специфической чертой японской политики является ее склонность делать уступки скорее во внешнеполитической или военной областях, чем в экономической. Другими словами, уступая в первых двух сферах, Токио стремится смягчить Вашингтон

в области внешней торговли.

Но и в первых двух сферах Токио имеет свои специфические интересы. Так, бедная нефтяными запасами Япония, естественно, по-другому, нежели США, реагирует на проблемы Ближнего Востока, в частности занимает иную позицию в вопросах арабо-израильского конфликта, в отношении Ливии, делает некоторые жесты в адрес Организации Освобождения Палестины.

Япония считает себя в основном частью западного мира. Однако, желая распространить свое внешнеполитическое влияние, представители японского правительства на разного рода международных форумах, ссылаясь на географическое положение Японии, стремятся выдавать себя за защитников развивающих-

ся стран. Но все это остается на уровне общих фраз.

Руководители Японии часто указывают на военную уязвимость своей страны, имеющей относительно небольшую территорию и очень концентрированные население и промышленность. Особенно это подчеркивалось после встречи М. С. Горбачева и Р. Рейгана в 1986—1988 гг.

Поэтому интересы Японии диктуют ей улучшение отношений с Советским Союзом. Для улучшения этих отношений можно использовать применяемую Японией формулу отделения политики от экономики, что в данном случае могло бы быть выражено в отказе от территориальных претензий, как первоначального условия, и в согласии на значительное развитие экономических связей. Оживление японо-советских связей дало бы больший простор для внешней политики Японии, укрепив ее позицию и в отношениях с ее важнейшим союзником.

Однако реальная оценка обстановки не дает оснований предполагать какого-либо ослабления в ближайшем будущем двусторонних союзнических отношений Японии и США.

На основе негативного со всех точек зрения опыта середины

XX в. представляется невероятным осуществление к концу настоящего и началу будущего столетия новой полной милитаризации Японии, возрождение ее политики военной экспансии. Это находилось бы в вопиющем противоречии не только с интересами Соединенных Штатов, но и с интересами азиатских капиталистических стран и вызвало бы самый решительный отпор социалистических стран. Япония явно стремится добиваться удовлетворения национальных амбиций экономическими средствами, как более целесообразными и менее рискованными.

В ближайшем будущем трудно представить себе, что Япония изменит свой внешнеполитический курс на более нейтральный или на курс неприсоединения. В этом случае она могла бы отказаться от союза с Соединенными Штатами лишь при условии существования помимо прочего альтернативного стабильного и широкого рынка сбыта ее промышленных товаров, способното также обеспечить ее необходимым сырьем и продовольствием. А такое допущение в настоящих обстоятельствах нереально.

Форсируя дальнейший рост своей экономической мощи и укрепляя военный потенциал, Япония, вероятно, сможет добиться большего равноправия в двусторонних отношениях. Можно предполагать, что Соединенные Штаты будут вынуждены чаще предоставлять своему союзнику возможность принимать участие в разработке общей глобальной империалистической стратегии и играть более активную роль в ее осуществлении, особенно в области внешней политики в азиатско-тихоокеанском регионе. И поскольку Япония в силу своего особого положения и уязвимости объективно заинтересована в стабильных международных условиях, можно ожидать, что она станет способной более эффективно оказывать смягчающее влияние на проводимую Соединенными Штатами политику неоглобализма.

ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В ЯПОНИИ

Учение о государственно-монополистическом капитализме было создано В. И. Лениным в годы первой мировой войны и непосредственной подготовки социалистической революции. Отмечая, что в отношении государственного экономического регулирования «война сделала то, что не было сделано за 25 лет», что «общественное регулирование в силу давления обстоятельств вводится в ряде стран» 1, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что такие черты капитализма, как сращивание монополий и государства, соединение «гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм» 2, вытекают не из войны, а из углубления основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частным присвоением, из капиталистической концентрации и конфликта между монополией и конкуренцией.

водства и частным присвоением, из капиталистической концентрации и конфликта между монополией и конкуренцией.

Эти основные положения ленинской теории государственномонополистического капитализма верны и сегодня. Вместе с тем ленинская теория не имеет ничего общего с любыми вариантами теории автоматического краха капитализма или его перерождения. Если, как подчеркивается в Программе КПСС, «никакие модификации и маневры современного капитализма не отменяют и не могут отменить законов его развития, не могут... вывести исторически обреченную капиталистическую систему из состояния всеохватывающего кризиса» 7, то это ни в коем случае не означает, что мы можем хоть на минуту ослабить внимание к анализу самих этих модификаций и маневров — напротив, мы обязаны резко усилить их изучение. Тем более что, как отмечается в программе, «современный капитализм во многом отличается от того, каким он был в начале или даже в середине XX века» 4.

Для того чтобы сделать более плодотворным нынешний анализ ГМК, целесообразно напомнить о недостатках в его изучении, имевших место в прошлом, о том застое, который наблюдался во второй половине 50-х годов и который, как нам представляется, еще до сих пор не полностью преодолен. Суть дела была в том, что в ряде работ (прежде всего в учебниках политической экономии) анализ новых явлений подменялся суммой таких примеров, которые призваны были демонстрировать пра-

вильность положений, выдвинутых в первые годы общего кризиса капиталистической системы. Такой подход, безусловно, недостаточен и неудовлетворителен с точки зрения совершенно новых задач, рожденных исторически сложившейся обстановкой соревнования и борьбы двух мировых систем. Одна из главных сторон углубления кризиса капиталистической системы, бесспорно, заключается в том, что господство частного капитала не могло бы сохраняться без активного и многогранного государственного регулирования. С величайшей определенностью подтверждается предвидение К. Маркса о том, что развитие акционерных обществ «ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства» 5.

С наибольшей остротой такого рода необходимость проявлялась в воспроизводственном процессе, и его-то изучение в аспекте государственно-монополистического регулирования, во взаимосвязи государства и всех звеньев, субъектов и черт капиталистического производства (а не только монополий) стало самой актуальной задачей политической экономии капитализма. Для этого надо было существенно изменить подход к изучению проблем регулирования: от выяснения их социальной основы, социального происхождения перейти к анализу его воздействия на воспроизводственный процесс. Между такого рода двумя подходами — огромная разница, и шаблоны, сложившиеся в годы культа личности, здесь лишь мешали подлинно научному анализу.

Такого рода поворот в изучении проблем ГМК, отказ от догматизма проходил не безболезненно. Что касается страновой стороны дела, то можно с уверенностью сказать, что в этом повороте, в обращении учения о ГМК к проблемам воспроизводства значительную роль сыграли труды советских японоведов, созданные в Институте мировой экономики и международных отношений и в Институте востоковедения Академии наук СССР.

Обращение к конкретным целям государственно-монополистического регулирования в Японии отчетливо показывает, что в условиях рыночной экономики, основанной на частной собственности и монополистической конкуренции, государственное регулирование носит не только многоцелевой, но и во многих случаях разнонаправленный характер. К тому же есть цели постоянные, неизменные, и есть долгосрочные, средне- и краткосрочные цели, что также усиливает разнонаправленность.

Чтобы пояснить свою мысль, я приведу следующие примеры. — Государство поддерживает крупную частную собственность, крупные монополистические корпорации, которые являются средоточием богатства финансовой олигархии и одновременно — наивысшей производительности труда. И в то же время государство постоянно озабочено тем, чтобы монополия не перешла за определенные пределы, чтобы на олигополитической основе (на основе множественности корпораций в каждой от-

расли) не только сохранялась, но и усиливалась конкуренция, как стимул экономического прогресса.

- Государство ни в коем случае не остается нейтральным в отношении занятости. Его усилия постоянно устремлены к тому, чтобы безработица, которая складывается на основе коренных закономерностей капиталистического общественного строя, служила средством давления на работающих, повышения интенсивности труда и эксплуатации, и в то же время чтобы она не выходила за такие рамки, при которых может стать опасна в общественном отношении, имея в виду интересы буржуазного общественного строя.
- Государство ни в коем случае не остается нейтральным в отношении динамики общественного производства и его отдельных частей. На разных этапах исторического развития цели и направление структурной политики японского правительства были различными. Но она всегда отличалась самой большой активностью, а в послевоенные годы в Японии она приобрела вполне определенный характер: после краха военной агрессии и при необычайно высокой зависимости японской экономики от импорта сырых материалов, и, следовательно, от экспорта готовых изделий, в центр внимания государственной экономической политики встала внешнеэкономическая экспансия, которая сама по себе, независимо от других аспектов структурной политики, представляет собой сложнейший комплекс различных средств и направлений — начиная от активнейшей финансовой и административной поддержки экспортных отраслей, от поддержки разного рода картелей и кончая такого рода таможенной и валютной политикой, которая ограждает японский рынок от иностранной конкуренции, а в мировой войне валют добивается для Японии как можно более благоприятных позиций. В специальных работах советских японоведов, посвященных этим вопросам, показано, что, несмотря на активное участие Японии во многих мероприятиях по либерализации внешнеэкономических связей, ее система государственного экономического регулирования носит в высшей степени националистический характер. Меняются формы протекционизма, но сам по себе протекционизм был в прошлом, остается в настоящем и абсолютно неизбежен в будущем.

Разумеется, государственная структурно-экономическая политика не ограничивается теми сферами экономики, которые связаны с внешней торговлей. Сюда же относятся и такие области, как активное участие государства в создании транспортной и социальной инфраструктуры, в формировании промышленного ядра постепенно возрождающегося милитаризма, в создании благоприятной экологической обстановки; как школьное и высшее образование, а в последнее десятилетие возрастающее внимание уделяется научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам (НИОКР).

Далее необходимо отметить, что государство ни в коем слу-

чае не остается пассивным в отношении распределения вновьсоздаваемой стоимости среди разных слоев населения: оно постоянно пытается выступать в роли арбитра между корпорациями и профсоюзами и старается демонстрировать свою нейтральность или даже озабоченность в отношении требований профсоюзов и других массовых организаций трудящихся при помощи таких мер, как фиксирование минимума заработной платы, соблюдение трудового законодательства, совершенствование системы медицинского обслуживания и социального страхования, воздействие на динамику внутренних цен и т. д.

Таковы в самых общих чертах цели государственного регулирования. Но для анализа социально-экономического содержания государственно-монополистического капитализма особо важное значение имеет фиксирование не только целей, но и средств. Здесь нельзя не отметить следующее: именно в трудах советских экономистов-японоведов впервые были сформулированы положения, которые затем в той или иной форме нашли свое развернутое отражение в ряде работ по другим странам. Суть этих положений в том, что в системе средств государственно-монополистического регулирования следует различать четыре его главных звена, или блока: 1) государственная собственность, 2) государственное перераспределение национального дохода, которое находит свое отражение прежде всего в государственных финансах. Здесь, во втором блоке, содержание заключается в безвозвратном изъятии государством части ВНП и в переброске сумм, изымаемых главным образом с помощью налогов, из одних сфер экономики в другие; 3) государственное регулирование сферы кредита, которая отличается от сферы финансов тем, что здесь изъятие части стоимости производится не безвозвратно, а временно, с последующим возвратом и компенсацией при помощи процентов; 4) прямое административное государственное регулирование, осуществляемое как в законодательном порядке, так и на основе исторически сложившихся традиций.

Каждый из перечисленных четырех блоков имеет самостоятельное значение, но в то же время все они функционируют при самом тесном взаимодействии, и раскрыть характер этого взаимодействия и его эффективность — едва ли не самая трудная задача исследователя. Трудность эта тем более видна, что и вся система ГМР в целом, и ее отдельные звенья постоянно находятся в подвижном состоянии. Но несмотря на их подвижность, можно и необходимо сделать определенные выводы в отношении современных масштабов регулирования й его природы. В чем отличие нынешлего государственного регулирования от того, которое было в первой половине ХХ в. В том, что тогда оно осуществлялось в широком масштабе только при чрезвычайных обстоятельствах, во времена войны или глубоких экономических кризисов, и отменялось или резко смягчалось после того, как эти чрезвычайные обстоятельства проходили.

Войны теперь нет, и если говорить о Японии, то ее военные расходы пока не оказывают серьезного воздействия на воспроизводственный процесс. Экономические кризисы, проистекающие из действия внутренних факторов, тоже не столь глубоки, как это было до второй мировой войны, и, за исключением кризиса середины 70-х годов, который был связан прежде всего с внешними факторами, глубоких падений производства ВНП не наблюдалось. Тем не менее достигшее весьма высокого уровня государственное регулирование остается более или менее стабильным, и, во всяком случае, пределы его колебаний невелики. не вносят в его характер качественных изменений. В свое время в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин писал о том, что «частно-хозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, которая неизбежно должна загнивать, если искусственно оттягивать ее устранение, - которая может оставаться в гниющем состоянии сравнительно долгое... время, но которая все же неизбежно будет устранена» 6.

«Оттягивание», о котором писал В. Й. Ленин, только потому и стало возможным, что в силу сложившихся исторических обстоятельств буржуазное государство, буржуазный строй постоянно прибегают к таким средствам регулирования, которые, при сохранении данной социальной базы и в ее интересах (т. е. прежде всего в интересах крупного капитала), оказываются способны смягчать анархию, смягчать стихийность, проявлять оп-

ределенную гибкость и адаптивность.

Сразу же встает следующий вопрос: а как же на фоне таких выводов нынешний почти всеобщий поворот к неоконсерватизму, как выглядит его японская разновидность — административно-финансовая реформа, которая при первом приближении предстает как смягчение государственного регулирования? Ответ на этот вопрос заключается в следующем: изменившаяся после войны мировая обстановка не только принесла с собой новый, более высокий уровень государственного регулирования, но и новые границы его изменений в ту или другую сторону в сторону усиления или ослабления. И сколь ни серьезны происходящие изменения, не может быть и речи о том, чтобы регулирование было «спущено» до того уровня, который существовал в период между двумя войнами, до начала японской агрессии против Китая, а если бы вдруг это все произошло, последствия для экономики были бы настолько губительны, что дело быстро пришло бы либо к гибели существующего общественного строя, либо к восстановлению прежних форм и методов регулирования.

Для того чтобы обосновать этот, в достаточной степени ответственный, вывод, необходим краткий историко-экономический экскурс, а также некоторые сравнения положения дел в Японии с другими странами. Это удобнее всего сделать, вновь обратившись к тем «блокам» экономического регулирования, о ко-

торых шла речь выше. Здесь будет идти речь о первом и третьем блоках, т. е. о государственной собственности и о кредите ⁷

На начало 80-х годов основной капитал сектора государственного предпринимательства составлял примерно 1/5 часть общего объема предпринимательского основного капитала и соответственно примерно 80% приходилось на частный капитал. При этом в транспорте и связи на государство приходилось около 70% всего основного капитала, а если взять за воспроизводимые государственные материальные активы, то на транспорт и связь приходилось 60% в. В 1971 г. из 1,5 млн. человек, занятых в общегосударственных предприятиях (не считая местных), на предприятиях транспорта и связи было занято 1016 тыс. человек, или 75% общего числа в. И вот по этой-то сфере как основе государственной собственности наносится самый мощный удар. После длительной подготовки в апреле 1985 г. парламент принял решение о приватизации «Дэндэн кося» — государственной корпорации, охватывающей всю систему телеграфной и телефонной связи. Вместо нее были созданы две акционерные компании со смешанным (частным и государственным) капиталом: «Дэндэн кабусики кайся» и «Дайни дэндэн» («вторая Дэндэн»). Предрешена приватизация государственных железных дорог (корпорации «Кокутэцу») с созданием на ее базе семи акционерных компаний. На повестке дня приватизация смешанной государственно-частной корпорации воздушного транспорта «Джэпэн эйрлайнс» (JAL). Кроме того, приватизированы «сэмбай кося» — бывшие государственные корпорации по монопольной закупке табака, соли и некоторых других товаров.

Что же происходит в третьем блоке, в сфере кредита, в кредитно-денежной системе? Все знают, какое большое значение придавал банкам В. И. Ленин. И самое суть финансового капитализма В. И. Ленин видел в сращивании промышленного и банковского капитала. Нельзя, однако, забывать о том, что учение о сращивании этих двух частей капитала было создано В. И. Лениным в то время, когда основой денежного обращения было золотомонетное обращение, когда вся масса средств обращения — будь то банкноты или бумажные деньги — регулировалась прежде всего и главным образом на основе их прямой или косвенной разменности на золото. Эти времена, времена золотой основы денежного обращения, ушли В настоящее время основой денежного обращения является кредит, который находится в руках огромной массы кредитных учреждений разного рода. И если бы эти учреждения имели свободное право на денежную эмиссию, то это внесло бы в денежное обращение такой хаос, при котором наступил бы немедленный крах не только всей кредитно-денежной системы, но и всего народного хозяйства.

Что представляет собой в настоящее время кредитно-бан-ковская система Японии? Всего в современной Японии насчи-

тывается более 7 тыс. кредитных учреждений общегосударственного и местного характера, но если говорить о тех, которые играют более или менее существенную роль, то таких наблюдается сотни полторы, включая Японский банк, 13 общеяпонских «городских» банков, 63 местных банка, 7 траст-банков, 3 банка долгосрочного кредитования, 10 траст-счетов, 3 финансовые компании по операциям с ценными бумагами и 23 страховые компании. Особо выделяются правительственные кредитные корпорации: Бюро доверительных фондов с его общирной сетью почтово-сберегательных касс, почтовый пенсионный фонд и государственный фонд по страхованию здоровья.

Хотя номинально чисто государственными банками являются только 6, включая Экспортно-импортный банк и Банк развития, на деле все обстоит совершенно по-иному. Во-первых, самым мощным кредитным учреждением страны является Бюро доверительных фондов министерства финансов с его обширной сетью почтово-сберегательных касс. Замечательно интересно, что еще в 1916 г. в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин писал о том, что в Германии «торговые палаты... требуют ограничения "банковской" деятельности почтовых учреждений. Банковские тузы как бы боятся, не подкрадывается ли к ним государственная монополия с неожиданной стороны» 10.

Конкуренция между разными звеньями кредитной системы стала еще острее, чем раньше, но то, что в те отдаленные времена было лишь в зародыше, т. е. вторжение государства в сферу кредитных операций, сейчас стало огромным по своему удельному весу, неотъемлемым и постоянно действующим фактором, фактором качественного характера, фактором, вносящим существенное изменение в саму природу финансового капитализма.

Помимо Бюро доверительных фондов под полным или весьма значительным, прямым или косвенным государственным контролем находится и ряд главных кредитных учреждений страны. Это относится прежде всего к Японскому банку, который представляет собой не что иное, как государственное министерство по делам кредита, обладающее не меньшими, а во многих отношениях большими ресурсами и правами, чем министерство финансов. Несмотря на весьма частые и довольно острые разногласия и конфликты между этими двумя учреждениями, оба эти «министерства» — министерство финансов и Японский банк — обладают громадной властью по отношению ко всем кредитным институтам. В чисто структурно-административном плане дело обстоит так, что ни одно новое кредитное учреждение (даже районное) не может быть создано без их разрешения или одобрения, а с другой стороны, осуществляя постоянный инспекторский контроль, министерство финансов, в качестве наказания за неподчинение соответствующим инструкциям или обнаружив угрозу в отношении платежеспособнос-

113;

ти, ликвидирует то или иное кредитное учреждение, чаще всего путем его слияния с другим, более сильным. В 70-х годах это произошло с крупнейшими банками «Дайити» и «Кангё», которые слились в один банк; в настоящее время министерство финансов и Японский банк предпринимают меры к слиянию третьего по мощи в стране коммерческого банка «Сумитомо» с оказавшимся в трудном положении одним из крупных банков взаимного кредита — «Хэйва». Кроме того, предполагается слияние банка «Сумитомо» с другим крупнейшим коммерческим банком — «Фудзи» (по примеру «Дайити-Кангё») 11. Вообще следует иметь в виду, что в то время, как банкротства мелких и средних корпораций мало кого интересуют, банкротства крупных предприятий, как правило, предотвращаются на основе идущих от государства спасательных слияний. Это относится ко всем странам монополистического капитала, а к Японии в особенности.

Что касается текущей деятельности, функционирования кредитных учреждений, то здесь государственный контроль также очень велик. Это относится прежде всего к размещению государственных займов. Государственный долг представляет собой то звено, которое связывает между собой финансовую, кредитную и административную системы, второй, третий и четвертый блоки государственного регулирования.

Связь эта проста: государство выпускает займы и размещает их как в самом Японском банке, так и в коммерческих банках, причем это размещение чаще всего носит не коммерческий, не добровольный, а принудительный или полупринудительный характер. На того, кто не подписывается, распространяются те или иные иногда открытые, иногда негласные, но достаточно жесткие санкции. При этом надо учесть, что в силу исторических особенностей, сложившихся в 70-е годы (проще говоря, в силу глубокого и затяжного экономического кризиса), государственный долг очень велик (вырос с 8,2% ВНП в 1970 г. до 51,5% в 1984 г. против 45,4% в США и 21,0% в ФРГ) 12. Но и это еще далеко не все. Государство (прежде всего Японский банк) устанавливает учетный процент, размеры которого оказывают очень большое влияние на ход воспроизводственного процесса.

После всего сказанного поставим такой вопрос: разве не дают все эти перемены, все эти новшества в кредитной системе оснований рассматривать эту систему как полугосударственную? Разве пример Японии не дает оснований рассматривать современный финансовый капитал не только как слившийся воедино промышленный и банковский капитал, но и как капитал, не просто находящийся под контролем государства, а как государственно регулируемый? Контроль может быть разным: могут быть ревизии с целью борьбы с преступностью — это тоже контроль. Нет, речь идет отнюдь не о ревизорском контроле, а о том, что государство является таким субъектом функциони-

рования кредитной системы, как частные кредитные институты и как монополии — заемщики капитала.

Другими словами, современный финансовый капитал — это не дуополия «промышленность—банки», а триумвират «промышленность—банки—государство». И пример Японии в этом отношении особенно показателен.

За последние 10—12 лет во взаимоотношениях внутри этого «триумвирата» произошли серьезные изменения. Вкратце их суть заключается в том, что в связи с ростом самофинансирования нефинансовых корпораций (т. е. в связи с тем, что для промышленных, торговых и других корпораций понизилась необходимость прибегать к займам) позиции коммерческих банков ослабли, прежние методы рационирования кредита потеряли свое значение, а Японский банк все больше прибегает к стандартным методам регулирования, примерно таким же, как в США и в ряде других стран монополистического капитализма, а именно: к манипулированию учетной ставкой процента, операциям на открытом рынке и изменениям норм обязательных резервов.

В таком повороте, несомненно, проявляется социальная природа кредитной системы ---ее неизменная привязанность к коренным принципам капиталистического общественного строя. Но из этого ни в коем случае не следует, что поворот к строгому государственному регулированию (вплоть до государственного рационирования кредитов) представляет собой временный и случайный зигзаг. Нет — и сейчас государство прибегает к активным операциям с целью регулирования курса иены, в зависимости от обстановки — повышения или понижения ее курса, включая такие меры, как ограничение использования иен во внешнеэкономических операциях, включая массированную продажу или скупку иностранной валюты и т. д. И в случае серьезного ухудшения экономического положения никакой «неоконсерватизм», никакая «монетарная парадигма», никакая административно-финансовая реформа не остановят правительство ни перед дальнейшим ростом государственного долга, ни перед активным воздействием на условия кредита и т. д. Другими словами, нынешний поворот должен являться свидетельством гибкости, адаптивности системы государственного регулирования, но отнюдь не ее возвращения к тому, что было до войны, или ее прихода к тому, что проповедуется нынешними адептами экономического либерализма.

Я не имею возможности в рамках данной статьи вдаваться в подробности, но могу сказать, что этот вывод сделан на основании положения дел не только в первом и третьем блоках, но и во втором и в четвертом, т. е. в сферах государственных финансов и административного руководства.

Сейчас еще рано давать точную оценку переменам, происходящим в связи с проводимой с 1980 г. административно-финансовой реформой. Самое простое, конечно, было бы сделать вы-

вод о том, что буржуазное японское государство в силу своей социальной природы «добивает» государственную собственность и ослабляет регулирование в интересах прибылей монополий. Но такой вывод был бы поспешен и преждевременен. Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в Японии существует обширный «третий сектор», который в широком смысле означает отнюдь не только существование смешанных государственно-частных компаний, но и осуществление ряда крупных временных или постоянных программ на основе финансового и иного сотрудничества государства и частных корпораций. Кроме того, есть отрасли, которые формально являются частными, но фактически находятся под эффективным государственным контролем, включая государственные субсидии, рассмотрение МВТП планов строительства и реконструкции и, наконец, контроль над тарифами. Это относится прежде всего к энергетике, что достаточно убедительно показано в книге С. С. Ульяничева «Энергетика Японии: экономические проблемы развития» (1981 г.). И я думаю, что мы вряд ли ошибемся, если выскажем предположение, что вся сфера железных дорог, воздушного транспорта и связи будет находиться на таком же положении, как и энергетика, т. е. при формально частном статусе — под фактическим государственным контролем. Мы уже говорили о банковской системе и не забудем о том, что помимо Японского банка есть и остаются государственные Банк развития, Экспортный банк и находящиеся под полным государственным контролем Токио-банк — центральный банк международных расчетов, Промышленный банк, а также некоторые другие полугосударственные кредитные учреждения общеяпонского и отраслевого характера.

Мы хотим обратить внимание на то, что наряду с основным общим счетом государственного бюджета в Японии сохраняется система многочисленных государственных специальных счетов, которые предназначены для государственного финансирования как предприятий, находящихся в государственной собственности, так и предприятий, что формально являются независимыми, но пользуются государственными субсидиями и кредитами. Вопрос об изменении статуса этих предприятий в связи с административно-финансовой реформой еще требует специального изучения. Но как бы то ни было, никакому сомнению не подлежит, что японское буржуазное государство не намерено выпускать из-под своего контроля ряд ключевых отраслей и предприятий, находящихся в сфере кредита, транспортно-коммуникационной и социальной инфраструктуры.

Полная или частичная передача в частную собственность происходит главным образом потому, что в условиях государственно-монополистического капитализма государственные предприятия оказываются либо нерентабельными, убыточными, либо малорентабельными по сравнению с предприятиями частными. И независимо от формального статуса новых предприятий дело

обстоит так, что передача ряда корпораций в «третий» сектор, в сектор смешанных предприятий, призвана, с одной стороны, повысить их рентабельность, с другой — сохранить их устойчивость, проистекающую из государственных гарантий.

Нечего и говорить, что подобного рода шаги связаны с определенными опасностями для экономики на Предстоят и уже начались массовые сокращения рабочих и служащих, рост косвенных налогов, увеличение тарифов и т. д. Наблюдается резкое снижение темпов роста трудовых доходов и потребительских расходов, их отставание от роста ВНП. В 1984—1985 гг. основным каналом, обеспечивающим реализацию ВНП, было положительное сальдо торгового баланса канал весьма ненадежный и уязвимый. Что возьмет верх, в каких формах проявятся противоречия НТП, заранее сказать нельзя. Но в отношении государственно-монополистического регулирования, при всей противоречивости, при спорности возможных суждений, представляется наиболее вероятным следующее: происходящие перемены наверняка будут содействовать повышению экономической эффективности на микроуровне (как самих государственных предприятий, так и во всем хозяйстве) в смысле поднятия производительности труда работающих и рентабельности соответствующих предприятий. Это тем более верно, что государство не выпускает из-под своего активного покровительства центральное звено всей экономической жизни — НИОКР.

Что же касается прогнозов состояния всего народного хозяйства в целом, то, разумеется, самым большим неизвестным является внешний фактор, состояние мировой конъюнктуры, и прежде всего конъюнктуры в США. Если же иметь в виду только внутреннюю конъюнктуру, то здесь наиболее возможной представляется следующая перспектива: государственные меры по ослаблению циклических колебаний, предотвращению или преодолению кризисов станут менее эффективными, чем раньше, но не настолько, чтобы в ближайшие 10—15 лет дело дошло до кризисов довоенного масштаба или масштаба 70-х годов.

В свете решений XXVII съезда КПСС главная задача, которая стоит перед советскими японоведами-экономистами, состоит в том, чтобы все стороны исследований, включая и исследование ГМК, обратить к анализу эффективности японской экономики, ее сильных и слабых сторон. Несмотря на то что в этом плане уже выпущено немало полезных и содержательных работ, внимательное знакомство с соответствующей литературой (не только по Японии) приводит к выводу о том, что мы здесь отстаем от наших коллег, изучающих США и страны Западной Европы, причем наметившееся в этом отношении отставание не преодолевается, а скорее усиливается.

Необходимо привлечь надлежащее внимание к этому факту с тем, чтобы как можно скорее добиться перелома к лучшему. Здесь не нужно гнаться за количеством, но необходимо добить-

ся того, чтобы в наших основных учебных и научных центрах были приняты меры, необходимые для того, чтобы готовить кадры высокой квалификации, которые наряду с необходимой языковой подготовкой были бы способны и глубоко заинтересованы в восприятии новейших методов экономического анализа, в работе со статистикой, в освоении огромного массива соответствующих исследований японских и западных экономистов. Не сомневаюсь, что с этой задачей можно и должно справиться.

¹ Ленин В. И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б).— Т. 31, с. 355, 449

² Ленин В. И. Война и революция.— Т. 32, с. 83.

3 Коммунист, 1986, № 4, с. 109.

4 Там же, с. 106—107.

⁵ Маркс К. Капитал.— Т. 25, Ч. I, с. 481—482.

- 6 Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Т. 27,
- 7 Подробно об этом см.: Государственно-монополистическое регулирование в Японии. М., 1985.

⁸ Там же, с. 24. ⁹ *Певзнер Я. А.* Государство в экономике Японии. М., 1976, с. 66.

10 Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Т. 27,

The Japan Economic Journal, 22,02,1986, c. 1—3.

12 Япония. Экономико-статистический справочник НИКИ. 1985, с. 5.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЯПОНСКОЙ ЭКОНОМИКИ. СООТНОШЕНИЕ МОНОПОЛИИ И КОНКУРЕНЦИИ

В нынешних условиях бурного роста производительных сил, ускорения научно-технического прогресса, существенных изменений в области рыночного спроса и в межотраслевых пропорциях перспективы развития японской экономики решающим образом зависят от того, насколько быстро и эффективно преобразуются формы организации хозяйственной деятельности. Огромное значение в данной связи приобретают происходящие сдвиги в монополистической структуре экономики, в соотношении монополии и конкуренции.

Главным фактором, определяющим направление сдвигов в монополистической системе, остается концентрация производства и капитала, изменения в соотношении крупного и мелкого предпринимательства.

Анализ тенденций концентрации производства в обрабатывающей промышленности Японии приводит к выводу двоякого характера. С одной стороны, наблюдается повышение удельного веса крупных, а также средних фирм (с оплаченным капиталом соответственно более 1 млрд. иен и от 100 млн. до 1 млрд. иен), в то время как доля мелких сокращается. Так, с 1965 по 1981 г. доля крупных фирм в совокупной добавленной стоимости возросла с 46 до 51%, средних—с 36 до 42% 1. С другой стороны, во многих отраслях и производствах, особенно технически передовых, налицо громадный рост мелкого предпринимательства.

Двоякий характер вывода отнюдь не содержит в себе противоречия. Сопоставление всей совокупности крупных фирм, с одной стороны, и мелких и средних,— с другой, показывает, что концентрация производства опирается на прочную экономическую основу. Крупные фирмы быстрее, шире и эффективнее внедряют достижения научно-технического прогресса и обновляют товарный ассортимент. Они в несравненно больших масштабах осуществляют НИОКР, обеспечивая наиболее существенные технологические прорывы. Лучше учитываются ими и сдвиги в области рыночного спроса. В качестве иллюстрации большего динамизма крупного бизнеса по сравнению с мелким

приведем лишь один пример. В начале 80-х годов в тяжелой промышленности Японии среди крупных фирм—изготовителей конечной продукции новые производства освоили 61%, среди мелких— 43%; в легкой промышленности— соответственно 55и 36% 2 .

Естественно, при этом следует иметь в виду хорошо известные преимущества крупных компаний в обеспечении высококвалифицированными кадрами в условиях кредитования и т. д. Концентрированным выражением технико-экономического превосходства крупных компаний служит их увеличивающийся отрыв от небольших фирм по производительности труда. Если в период высоких темпов экономического роста мелкие и средние фирмы сократили свое отставание по данному показателю, то в 70-х — начале 80-х годов оно вновь выросло. Так, с 1970 по 1981 г. производительность труда на небольших фирмах увеличилась на 59%, на крупных — на 74% 3.

Все сказанное относится ко всей совокупности крупных и небольших фирм. Однако всесторонний анализ проблем концентрации невозможен без учета растущей дифференциации в секторе мелких и средних компаний. Ее суть заключается в том, что на волне научно-технического прогресса в условиях индивидуализации спроса и углубления специализации производства выделился довольно широкий слой конкурентоспособных и экономически эффективных фирм небольшого размера. Особоследует сказать о так называемых венчурных предприятиях, чей быстрый рост и ярко выраженная специфика дают основания говорить об их становлении в качестве самостоятельного и чрезвычайно жизнеспособного элемента хозяйственной системы страны.

Сопоставление крупного и мелкого предпринимательства подводит к вопросу о той роли, которую в нынешних условиях играет эффект экономии на масштабах производства. Важная особенность отраслей—лидеров сегодняшнего дня заключается в том, что они подразделяются на огромное и притом постоянно увеличивающееся количество более или менее самостоятельных подотраслей, каждую из которых отличает своя технико-экономическая специфика. В их числе и капиталоемкие производства с ярко выраженным эффектом масштабности, и такие подотрасли, где большой размер предприятия или фирмы необязателен, более того, средний или малый размер более оправдан.

Рост дифференциации продукции ведет к тому, что даже выпуск одних и тех же видов ее может осуществляться одновременно как крупными, так и мелкими партиями. В целом такое производство нередко высокомонополизировано, но небольшие фирмы, несмотря на это, находят для себя «ниши», обеспечивающие стабильный и весьма обширный рынок. Подобная ситуация сложилась, например, в производстве интегральных схем и промышленных роботов, где за мелкими и средними фирмами.

остаются мелкосерийная продукция или уникальные образцы, изготавливаемые по специальным заказам.

Сумма указанных факторов и порождает ситуацию, когда, с одной стороны, усиливается концентрация в крупных фирмах, а с другой — открываются новые возможности для мелкого предпринимательства, повышается его роль в экономике. При этом, конечно, следует оговориться, что сказанное относится к мелкому предпринимательству в целом, и прежде всего к его передовой в технико-экономическом отношении части, но никак не означает «спокойную жизнь» для каждой небольшой фирмы в отдельности. Огромные массы мелких предприятий, не выдерживая требований конкуренции, разоряются.

До сих пор речь шла о концентрации и монополизации производства на уровне фирм. Теперь перейдем к анализу надфирменного уровня предпринимательской структуры, значение которого существенно возрастает. Главная тому причина — интенсификация регулярных, имеющих длительный характер межфирменных связей в их самых разных формах. Эффективность этих связей является одним из важнейших условий поступательного развития экономики, а для каждой отдельной корпорации — первейшим условием конкурентоспособности и обеспечения собственного влияния в деловом мире. Основным уровнем концентрации производства, централизации капитала, монополистической структуры экономики оказывается в данных условиях уровень предпринимательских объединений.

Межфирменные связи в современной Японии можно подразделить на две формы: более или менее традиционные и сравнительно новые, получившие развитие в последнее время. Среди первых основное место занимают вертикально-горизонтальные предпринимательские группы (кэйрэцу) и финансово-монополистические объединения (сюданы). Ко вторым следует отнести горизонтальные связи примерно равных по силе корпораций, ранее не поддерживавших отношений сотрудничества. Они устанавливаются, как правило, с целью освоения новых отраслей и производств. Кроме того, обращает на себя внимание увеличение числа и рост масштабов государственно-частных научнопроизводственных объединений, а также становление других типов межфирменных связей, произрастающих на иной, нежели кэйрэцу и сюданы, основе.

Коротко остановимся на каждой из названных фирм.

Вертикально-горизонтальные предпринимательские группы (кэйрэцу) претерпевают в настоящее время существенную эволюцию. Как известно, эти группы формируются вокруг крупнейших корпораций и включают фирмы малого, среднего и крупного размера. Сейчас налицо курс ведущих японских компаний на всемерное укрепление фирм — членов своих кэйрэцу и расширение их экономических функций. Так, зачастую не головным, а именно группированным фирмам отводится роль первопроходцев при освоении новых производств, в то время как сама

головная компания не отходит далеко от своей основной отрасли. Для проникновения в неосвоенные отрасли крупнейшие корпорации и их кэйрэцу широко применяют также практику создания новых фирм в соответствии с распространенным в японском деловом мире принципом «на каждое производство — отдельную фирму». Это увеличивает масштабы кэйрэцу и в еще большей степени усиливает их роль в экономике. Расширенце сферы хозяйственной деятельности через посредство кэйрэцу — важнейшая особенность стратегии крупных корпораций Японии. Она отличает их от компаний США и западноевропейских стран, где диверсификация производства осуществляется преимущественно в рамках самих ведущих корпораций, которые создают у себя новые подразделения или поглощают специализированные фирмы.

Японский тип организации освоения новых отраслей базируется на оперативно-производственной и финансово-экономической самостоятельности фирм—членов кэйрэцу. Значительная часть вопросов, касающихся функционирования кэйрэцу, решается на уровне группированных фирм, что позволяет «не тянуть» их в головную компанию. Отсюда ускорение процессов принягия и выполнения решений, оперативность реагирования на новое в науке и технике, на изменения спроса. Финансово-экономическая самостоятельность фирм-членов кэйрэцу, предполагает их полную ответственность перед вкладчиками капитала и кредиторами, невозможную в любом, пусть самом автономном, подразделении крупной диверсифицированной компании. Значительная часть группированных фирм непосредственно выходит со своей продукцией на рынок и вступает в отношения конкуренции с другими производителями. Все это, несомненно, стимулирует усилия управляющих компаний—членов кэйрэцу по улучшению технико-экономических показателей их деятельности, что положительно отражается и на группе в целом. Вместе с тем группированные фирмы тесно связаны со всем, что касается использования конкретных экономических ресурсов: капитальных, людских, информационных, кредитно-финансовых.

Анализ кэйрэцу приводит к важному общетеоретическому выводу, касающемуся всей предпринимательской структуры японской экономики. Каждая кэйрэцу есть сфера контроля одного и того же капитала, представленного в первую очередь головной корпорацией. Природа капитала такова, что стремится к постоянному расширению данной сферы. Это стимулирует его централизацию. Тенденция к безграничной централизации капитала, однако, вступает в противоречие с экономической потребностью в оптимизации структуры фирм и формировании эффективного хозяйственного механизма, в частности в смысле сочетания централизованного и децентрализованного управления. Рост кэйрэцу и других предпринимательских объединений в значительной мере и является порождением такого противоречия.

- 1

Финансово-монололистические объединения (сюданы) до сих пор с полным основанием характеризовались и в советской и в зарубежной экономической литературе как основные структурные компоненты монополистической системы Японии. Сюданы и ныне сохраняют господствующее положение в японской экономике, сосредоточивают в своих руках громадную мощь и влияние. Вместе с тем, на наш взгляд, сводить сейчас оценку монополистической структуры национального хозяйства Японии к господству шести сюданов было бы упрощением. По японским данным, на шесть сюданов приходится примерно 25% совокупных активов, 16% всего акционерного капитала, 15% продаж, 20% валовой прибыли . Здесь, однако, учитываются только корпорации-члены президентских советов. Согласно оценкам, учитывающим и другие компании, которые входят в сюданы, под контролем «большой шестерки» находится, грубо говоря, приблизительно 1/3 экономики страны. Между тем неизбежно возникает вопрос: а что же остальные 2/3? Ответ таков: вне пределов сюданов тоже сложились или складываются центры силы, превращающиеся в самостоятельные элементы монополистической структуры. Кроме того, формируются новые объединения на иной, нежели сюданы, основе.

Что же дает основания для такого рода выводов?

Во-первых, это расширение и укрепление крупнейших кэйрэцу, в результате чего они приобретают ряд черт, свойственных финансово-монополистическим объединениям. Кэйрэцу таких промышленных и торговых компаний, как «Син Нихон сэйтэцу», «Тоёта дзидося», «Хитати сэй сакусё», «Ниссан дзидося», «Мацусита дэнки», «Токю», «Тосиба-Исикавадзима Харима дзюкогё», «Сэйбу» и другие, по ряду важнейших показателей (объемы акционерного капитала, продаж, прибыли) сейчас сопоставимы с «большой шестеркой». Расширился круг отраслей, в которых действуют относящиеся к ним предприятия. Наконец, ряд головных компаний резко активизировал кредитно-финансовую деятельность и фактически выполняет в своих группах функции банков

Во-вторых, огромные масштабы приобретают межфирменные связи (соглашения о сотрудничестве, создание совместных предприятий) примерно равных по силе корпораций, включая ведущие (как одинакового, так и различающегося отраслевого профиля). При этом партнерами все чаще оказываются компании, которые принадлежат к различным финансово-монополистическим объединениям, ведут дела с разными банками и не связаны между собой ни собственностью на акции, ни личной унией. Объективные потребности хозяйственного развития, становления новых отраслей и освоения передовых технологий, рост обобществления производства — вот главная движущая сила укрепления таких связей. Очевидно, что далеко не всегда наиболее рациональное с точки зрения экономической эффективности партнерство между фирмами может вписаться в рам-

ки существующих финансово-монополистических объединений. Не случайно некоторые новые группы фирм выходят за их пределы. Например, в объединение по разработке и внедрению специального кода, позволяющего подсоединять друг к другу разные типы компьютеров, которое первоначально было создано в рамках группы Мицуи, одна за другой стали входить корпорации, к Мицуи не относящиеся. В итоге сложилось широкое, так сказать, надгрупповое объединение, и вывеска «Мицуи» уже не отражает действительного положения дел 5.

В-третьих, в условиях значительного повышения роли информации как экономического ресурса вокруг корпораций, занимающих ключевые позиции в информационной индустрии, начинают складываться свои предпринимательские объединения.

И наконец, в-четвертых, широкое распространение получают ассоциации, куда наряду с частными корпорациями входят государственные учреждения и организации, ВУЗы и НИИ. По существу, это крупные научно-производственные комплексы, создаваемые для решения важнейших научно-технических и других хозяйственных проблем. Подобные ассоциации функционируют, в частности, в таких областях, как сверхбольшие интегральные схемы, органическая химия, освоение новых источников энергии, связь, аэрокосмическая промышленность, биоиндустрия и т. д.

Укрепление кэйрэцу и рост многообразия межфирменных связей значительно усложняют монополистическую структуру японской экономики, увеличивают число формирующих ее центров силы. Новые межфирменные связи как бы накладываются на старые, и в результате усиливаются взаимное переплетение объединений, каждое из которых выполняет определенные экономические функции и занимает свое место в рамках монополистической системы.

Под влиянием сдвигов в монополистической структуре экономики новые черты приобретает и соотношение монополий и конкуренции. При безусловном сохранении монополии как явления, пронизывающего все стороны экономической жизни, различные периоды развития капиталистического хозяйства характеризуются разным уровнем остроты конкуренции, большим или меньшим «развязыванием» конкурентных отношений. Нынешняя полоса развития японской экономики, начавшаяся после прохождения ею кризиса середины 70-х годов, отмечена, на наш взгляд, заметным усилением конкурентных тенденций. Возрастает и значение конкуренции как фактора роста экономики, ускорения научно-технического прогресса.

Усиление конкурентной борьбы связано с действием многих факторов. Во-первых, концентрация производства протекает параллельно с увеличением абсолютного числа фирм всех размеров, в том числе крупного. В результате растет число сопоста-

вимых по силе участников конкурентной борьбы.

Во-вторых, рост конкуренции обусловлен узостью круга наиболее перспективных отраслей, находящихся на переднем крае научно-технического прогресса. Так, на рынке полупроводников сталкиваются интересы крупных компаний—производителей ЭВМ и оборудования связи, универсальных электротехнических фирм, ведущих производителей бытовой радиоэлектроники. В биотехнологические производства одновременно проникают крупные компании химической, пищевой, текстильной, фармацевтической, нефтяной промышленности, а также торговые гиганты.

В-третьих, конкуренция растет вследствие усиливающегося переплетения различных отраслей, слияния их отдельных частей. В результате начинают конкурировать корпорации, ранее не пересекавшие дорогу друг другу. Например, недавно появилась такая форма электросвязи и передачи информации, как видеотекст (система CAPTAIN). В результате компании сферы электросвязи оказались в отношениях прямой конкуренции с телекомпаниями, поскольку и те и другие при помощи различных технических средств стали предоставлять фактически один и тот же вид услуг: подачи неподвижных изображений, прежде всего текстовой информации, на телеэкран.

В-четвертых, действует и такой субъективный фактор острой конкуренции, как стратегия большинства японских корпораций, ориентированная на борьбу за расширение доли на рынке и увеличение масштабов продаж. Такая повышенная, по сравнению со многими западными фирмами, агрессивность ведет к тому, что даже в высокомонополизированных отраслях японской экономики (за исключением депрессивных) ведущие компании не придерживаются принципа расширения производства в той же пропорции, что и другие лидеры, принципа, позволяющего сохранить долю на рынке путем реального или молчаливого монополистического сговора. Анализ причин данного явления выходит далеко за рамки темы статьи. Укажем лишь, что оно связано с сильными позициями, которые в японских корпорациях занимают менеджеры-специалисты, поскольку они придают большое значение показателям эффективности производства и конкурентоспособности фирмы в долгосрочном аспекте.

Анализ факторов усиления конкуренции дает основания сделать следующий вывод. Объективные потребности экономического развития, роста эффективности производства, научно-технического прогресса вызывают необходимость устранения ряда препятствий, порождаемых феноменом монополии. Наиболее ярко это проявилось в областях, где уже ликвидированы или ликвидируются государственные монополии. Аналогичные тенденции просматриваются и на частномонополистическом уровне. Здесь происходит дробление ряда крупнейших корпораций и отпочкование их отдельных подразделений в самостоятельные фирмы, повышается роль группированных компаний как полноправных участников конкурентной борьбы, растет число новых

лидеров и т. д. Иными словами, приспосабливаясь к нынешним экономическим условиям, предпринимательская система должна максимально реализовывать заложенный в ней потенциал конкуренции.

Это, однако, не означает отсутствия тенденций противоположного характера — усиления контроля над экономикой со стороны горстки избранных. Обратимся к структуре рынков ряда важнейших видов продукции, таких, как сверхкрупные ЭВМ, малогабаритные ЭВМ, конторские и персональные компьютеры, микрокомпьютеры, полупроводники, интегральные схемы. Везде, за исключением конторских компьютеров, пятерка лидеров сосредоточивает в своих руках подавляющую часть производства. Общее число фирм, входящих в первые пятерки, равно 15 (т. е. многие из них являются лидерами одновременно на двух и более рынках). Шесть из них («Нихон ИБМ», «Фудзицу», «Хитати сэйсакусё», «Нихон дэнки», «Мицубиси дэнки», «Тосиба») заметно оторвались от остальных девяти в. Таким образом, всего шести фирмам принадлежит решающая роль в ключевых производствах, составляющих основу так называемой «электронной революции», современной информатики.

Анализ ряда новых явлений в монополистической организации японской экономики, в соотношении монополии и конкуренции показывает, что в Японии набирает силу процесс приспособления предпринимательской системы к потребностям бурно развивающихся производительных сил. Монополистическая система страны обнаружила немалые возможности внутренней перестройки, совершенствования механизма хозяйствования. В то же время такая перестройка не устраняет антагонистических противоречий, порождаемых монополией и ее соединением с конкуренцией. Рост обобществления производства, с одной стороны, и новые рычаги контроля над экономикой в руках узкого круга крупнейших корпораций и объединений — с другой; вовлечение в сферу монополистического хозяйствования все большего числа отраслей и предприятий; ярко выраженная иерархичность отношений крупного и мелкого бизнеса — и наряду с этим постоянные всплески знаменитой «избыточной конкуренции», заставляющие компании даже в переживающих подъем, быстрорастущих отраслях функционировать на грани и за гранью рентабельности, не говоря уже об отсеве огромных масс мелких предприятий. Таков далеко не полный перечень внутренних противоречий и слабостей монополистической системы Японии. В новых формах и с повышенной остротой проявляются сегодня противоречия между интересами монополий и потребностями хозяйственного развития, между крупным и мелким бизнесом, между монополистическим регулированием и рынком. Эти вопросы еще ждут своего глубокого исследования.

¹ Когё токэйхё (Статистические таблицы по промышленности). Токио, 1965, с. 196—235; 1981, с. 200—222, 231—234.

² Тюсё кигё хакусё 1983 (Белая книга по мелким и средним фирмам, 1983). Токио, 1983, с. 108.

³ Там же, с. 11.

⁴ Материалы XV советско-японского симпозиума ученых-экономистов. М.,

1984, с. 92.
⁵ Кигё кэйрэцу соран (Справочник по межфирменным группам). Токио,

1984, с. 19. ⁸ Тоё кэйдзай токэй гэппо. 1983, № 9, с. 27—29.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ ЯПОНИИ В 70—80-х голах

После перехода в середине 70-х годов к сниженным темпам экономического роста многие количественные показатели, характеризующие эффективность использования ресурсов в японской экономике, заметно ухудшились. Так, при снижении темпов роста ВНП более чем наполовину норма накопления (валовые вложения в основной капитал, включая жилищное строительство, в сопоставимых ценах) понизилась всего на 4-5 процентных пункта (с 35—36% в начале 70-х годов до 30—31% в начале 80-х годов). Соответственно если в 1965—1968 гг. на единицу прироста ВНП затрачивалось 2,7 единицы капитальных вложений, то в 1969—1972 гг. нужно было вложить уже 3,8 единицы, а в 1973—1980 и 1980—1984 гг. - 7,5-7,8 единицы і. Капиталоемкость экономического роста Японии установилась на новом, значительно более высоком уровне. Далее, темп роста производительности труда по всему народному хозяйству (ВВП в расчете на одного занятого, в сопоставимых ценах) замедлился с 5,3% в конце 60-х годов до 3% в конце 70-х и 2.7% в начале 80-х годов. Размеры потребительских расходов на душу населения возрастали в 80-х годах только на 1.5% в год против 4,3% в конце 60-х годов².

Почему же постоянно идет речь об ускорении технического прогресса в Японии, о качественно новом этапе технического прогресса, о лидерстве Японии в использовании новых технологий, если, согласно статистическим показателям, экономический рост удорожается, капиталовложения не ускоряют прироста производительности труда и не обеспечивают даже такого повышения жизненного уровня населения, какое было осуществлено при высоких темпах роста? С какими сдвигами в структуре японской экономики связана реализация технического прогресса? И другая сторона проблемы: какие количественные, статистические параметры лучше всего улавливают повышение эффективности использования ресурсов при интенсивном типе хозяйственного развития?

В пределах небольшой статьи трудно дать всесторонний ответ на эти вопросы, но можно попытаться найти некоторые объяснения этой, на первый взгляд парадоксальной, картины. Начать следует с того, какие движущие силы направляют

структурную перестройку японской экономики в 70—80-х годах, и с того, чем определяется выбор технологических направлений для первоочередной разработки и промышленного освоения.

Пределы экстенсивного роста в японской экономике отчетливо проявились в конце 60-х — начале 70-х годов. К этому времени в обновлении товарной номенклатуры промышленного производства Японии уже не располагала «временным лагом» в 10— 15 лет по отношению к США и странам Западной Европы. Возможности снижения издержек при наращивании масштабов производственных единиц были в основном исчерпаны. Резко снизились демографические ресурсы роста, причем быстрое удорожание рабочих мест ограничило перераспределение трудовых ресурсов из сельского хозяйства в промышленную сферу. Экологические трудности в конечном счете привели к удорожанию капитального строительства. Наконец, трудности топливносырьевого снабжения отразились в резком удорожании сырья и энергоисточников, сначала в 1973—1974 гг. и вторично в 1979—1980 гг. В течение 1973—1983 гг. цены на сырье, материалы и энергоресурсы поднялись в 2 раза, в том числе топливо и электроэнергия подорожали в 4,4 раза, первичное сырье в 2,7 раза, строительные материалы и промышленные полуфабрикаты — только на 60—70%. Элементы основного капитала по-дорожали в среднем на 58%, причем строительство нежилых зданий и инженерных сооружений стало дороже в 2-2,2 раза, транспортное оборудование — на 27%, а производственное оборудование — только на 12% 3.

Таким образом, ухудшение ценовых условий снабжения и сбыта (а это главная характеристика «структурного кризиса» в капиталистической экономике) было не сплошным, а выборочным. Материало- и энергоемким отраслям оно принесло не только снижение спроса, недогрузку мощностей, общее падение рентабельности, но и утрату перспективы, необходимой для дальнейшего крупномасштабного инвестирования. Цены на импортное сырье, и особенно цены на нефть, подвержены резким колебаниям. К тому же на их движении сказываются достаточно сильные периодические колебания курса иены, так как расчеты по топливно-сырьевому импорту ведутся главным образом на базе американского доллара. Это ставит работу базовых отраслей в условия неустойчивого ценового режима.

Удешевление оборудования по сравнению как с капитальным строительством, так и с текущими производственными затратами на сырье, топливо и рабочую силу благоприятно для замены и модернизации оборудования, что создает постоянный емкий рынок для отраслей, поставляющих новейшие средства труда.

Ценовые условия воспроизводства направляют разработку технологий, которые могут способствовать экономии и замещению подорожавших ресурсов (трудосберегающие микроэлектронные технологии, новые материалы, альтернативные энерго-

источники), компенсировать нестабильность топливно-сырьевых цен и в конечном счете ослабить ресурсные ограничения роста. Эти технологии закладываются в решения о капиталовложениях, принимаемые на микроуровне и нацеленные на экономию ресурсов, замену и модернизацию оборудования и переключение на новые виды деятельности («сангё тэнкан»). Дифференцированные условия существования сложились для двух групп отраслей: худшие — для отраслей материалоемких, перерабатывающих первичные ресурсы, и лучшие — для отраслей последующей обработки и сборки готовых промышленных изделий, а также для сферы услуг. Соответственно изменились основные пропорции распределения капитальных вложений.

Перестройка отраслевой структуры в конце 70-х — начале 80-х годов проявилась в резкой поляризации отраслевых групп по темпам роста, а именно: в хронической недогрузке мощностей и частичном свертывании производства в черной и цветной металлургии, нефтепереработке, нефтехимии, судостроении, текстильной промышленности при быстром развертывании новейших наукоемких производств, связанных с так называемыми «высокими технологиями». В среднем для отраслей, которые охвачены рассчитанными на 1978—1988 гг. государственными программами регулируемого свертывания, к 1984 г. масштаб фактического сокращения мощностей составил 23% 4. В эту величину входит как физическое уничтожение (демонтаж) оборудования, так и консервация, временное закрытие цехов и заводов в ожидании более низких цен или более высокого спроса. В некоторых отраслях (например, в черной металлургии) консервация оборудования используется для ремонта и реконструкции.

Освоение «высокотехнологической продукции» подняло темпы развития машиностроения. В целом комплекс машиностроительных отраслей в середине 70-х годов составлял более $^{1}/_{3}$ (34,3%) условно-чистой продукции промышленности, а в начале 80-х годов — уже более $^{1}/_{2}$ 5.

Современный этап развития отраслевой структуры в Японии отличается от периода экстенсивного роста более узким набором технологий, имеющих тем не менее широкое межотраслевое применение, а также мелкосерийностью и быстрой сменой изделий. Следует подчеркнуть, что именно материало- и трудосберегающая направленность новейших технологий обеспечивает японской экономике быструю адаптацию к изменившимся ценовым условиям воспроизводства.

Соответственно меняются и структурные характеристики капитальных вложений. Что касается их отраслевой структуры, то, по данным за 1975—1983 гг., среднегодовой темп роста капитальных вложений в электротехническом (включая электронику) и транспортном машиностроении составил 21—22%, а уровень загрузки мощностей—в среднем около 85%. В черной металлургии и химической промышленности объем капи-

таловложений не только не вырос, но сократился на 0,2% при

загрузке мощностей в пределах 63-69% в

Возьмем целевую разбивку капиталовложений. По данным обследований Японского банка развития, в 1978—1983 гг. только 27—30% капиталовложений затрачивалось на увеличение масштабов выпуска продукции (в 60-х годах — 50—60%). В то же время около ½ ассигнований предназначалось на рационализацию и установку трудосберегающего оборудования, 13—15%— на капитальный ремонт оборудования, около 10%— на установку очистного оборудования и экономию энергии и более 10%— на техническое оснащение научно-исследовательских работ, опытные производства и т. д. Таким образом, разного рода затраты на качественное обновление производственного аппарата решительно преобладают над затратами на его расширение. Такого рода затраты принято считать «автономными» от экономического цикла, так как на них влияют колебания объемов совокупного спроса.

По другим оценкам, масштабы инвестиционных затрат на три ведущих направления технического обновления с 1973 по 1983 г. удвоились (в сопоставимых ценах) и составляют около 20% всего объема вложений в основной капитал. Эти три направления: средства автоматизации фабрично-заводского производства (станки с ЧПУ, роботы, контрольно-измерительные приборы), средства автоматизации конторских работ (ЭВМ и копировальная техника) и новейшие средства связи в.

Еще одна характеристика капитальных вложений: соотношение затрат на оборудование и строительство. В 1972 г. затраты на оборудование занимали 30% в составе капиталовложений, а в 1982—1983 гг.—70% , а это означает, что новое заводское строительство в стране резко ограничено и идет быстрый оборот, замена средств труда. Действительно, средний статистический возраст основного капитала в японской экономике на 1983 г. оценивался в 8 лет 4 месяца, но оборудование и оснастка значительно новее: им примерно 3 года 8 месяцев .

Частая смена оборудования, несомненно, вызывается быстрым моральным износом микроэлектронных компонентов, тем обстоятельством, что на рынке появляется все более совершенная техника. Средний статистический возраст оборудования—это условная оценка, базирующаяся на объемах капиталовложений последних лет. Тем не менее она достаточно безусловно характеризует высокую эффективность капиталовложений, так как показывает, насколько быстро идет смена поколений технологий и насколько широко в реально функционирующем капитале воплощается технический прогресс.

Характер межотраслевого, «волнового» воздействия капитальных вложений на объем совокупного спроса тоже изменился. Эффект сопряженных капиталовложений сейчас в значительной мере ушел в прошлое. Это связано с сокращением относительного объема промышленного строительства и, вооб-

ще, с отходом от массового стандартизированного — к мелкосерийному производству, а также с ускоренным развитием менее капиталоемкой, чем промышленность, сферы услуг. Но в отраслях услуг, где в настоящее время занято более половины трудовых ресурсов Японии, возможности повышать производительность труда не слишком велики.

Мелкосерийное производство, рассчитанное на узкие, дробные рынки и частое обновление товарной номенклатуры продукции, не дает такого эффекта, как экономия на масштабах заводских единиц. К тому же оно требует повышенных затрат на научно-исследовательские работы, а также на изучение рынков и организацию сбыта. «Наукоемкость» производства хорошо иллюстрируется таким, например, способом, как соизмерение расходов на НИОКР с объемом капиталовложений. В среднем для всех отраслей японской экономики это соотношение поднялось с 8-9% в 1965-1974 гг. до 15-16% в 1975-1981 гг., в промышленности же — с 15—16% до 32. В электромашиностроении расходы на НИОКР уже равны 86,5% суммы капиталовложений 11. Сумма капиталовложений частично включает в себя расходы на НИОКР: в составе последних более 80% (в промышленности — $^{2}/_{3}$) приходится на стоимость лабораторного оборудования, опытных установок и т. д. 12. Это капиталовложения с повышенным уровнем коммерческого риска и в конечном счете с более длительными сроками окупаемости.

В то же время меняется и характер расходов на НИОКР: затраты капитального характера занимают в их составе несколько меньшее место, уступая затратам на оплату научно-исследовательского персонала и сопряженные услуги (информационное обеспечение, организация и т. д.). Происходит так называемая «софтизация» — рост невещественного компонента в функционировании экономики, накопление ресурсов информации и организационно-управленческого опыта, т. е. широкий процесс, касающийся не только экономики научно-технического прогресса как такового.

Именно этим объясняется то обстоятельство, что в японской экономике затраты на переналадку поточных линий и изменения в управлении производственными процессами, сопутствующие капиталовложениям (затраты на микроуровне), составляют в среднем чуть более 10% общей суммы капиталовложений. В экономике США эти «расходы на переналадку» (adjustment costs) поглощают 33%, а в ФРГ — 30% капиталовложений 13. Этот показатель прямо говорит о высокой эффективности инвестиционного процесса в Японии.

Подведем некоторые итоги с точки зрения продуктивной отдачи капиталовложений. Факторы замедления отдачи: меньшие относительные приросты мощностей и меньшие сопряженные связи капиталовложений, а также рост капитальных затрат, непосредственно связанных с научно-исследовательской работой. В то же время «автономный» характер большинства капи-

тальных затрат — стабилизирующая сила в циклическом развитии экономики. В этом же направлении действует и «сервизация» — ускоренное развитие сферы услуг. Эти стабилизирующие силы выравнивают ход инвестиционного процесса.

Факты ускорения отдачи: быстрый оборот средств труда и интенсивное техническое обновление, улучшающее качественные характеристики средств труда; накопление технического и управленческого опыта, находящее свое выражение в эффективной перестройке производственных процессов на уровне заводов и фирм.

Наконец, очень крупным народнохозяйственным эффектом капитальных вложений последних десяти лет является обновление товарного состава японского экспорта и создание в промышленности нового экспортного потенциала. Сейчас резко сократился «лаг» между освоением новейших технологий и экспортом. Экспортные поставки начинаются либо одновременно с выпуском на внутренний рынок, либо даже с некоторым опережением. Последствия этого процесса в международной торговле капиталистического мира известны достаточно хорошо.

Но это не отменяет того факта, что поддержание умеренно высоких темпов роста ВНП и соответствующего темпа повышения производительности труда стало требовать очень крупных капитальных затрат. Экономисты из японских правительственных учреждений отмечают, что «снижение производительности капитала — долговременный тренд», и принимают этот тренд как должное ¹⁴.

На наш взгляд, видимое снижение эффективности инвестиционного процесса при таких характеристиках, какие были приведены выше, следует трактовать более широко: как компенсацию, как необходимую цену экономии эффективного использования других ресурсов. Речь идет прежде всего о ресурсах топливно-сырьевых, так как ценовые условия в долговременном плане предопределяют приоритетность экономии топливносырьевых ресурсов на уровне принятия решений и выбора объектов для капиталовложений.

Принципиально важный эффект новейших технологий состоит в улучшении качества обработки сырья и уменьшении его потерь на всех стадиях обработки; в уменьшении потребности в топливе и электронеэргии, в вытеснении энергоемких процессов. В этом же направлении действует «структурный эффект» — замедление роста и частичное свертывание материалои энергоемких производств. В результате, например, объем промышленного потребления нефтепродуктов между 1973 и 1983 г. в Японии сократился на 40%, в то время как в США — только на 15% 15. Естественно, этот эффект в немалой степени снимает с японской экономики тяжесть топливно-сырьевого ограничения роста.

Можно было бы привести много частных, технико-экономических примеров экономики природных ресурсов в Японии: это

характеристики удельных сырьевых и топливных затрат (на единицу продукции), уже достаточно хорошо известные. К более обобщенным характеристикам относятся следующие. Вопервых, относительно уменьшился межотраслевой оборот предметов труда: в 1972—1973 гг. он составлял 117—118% по отношению к конечному продукту (ВНП), а в 1982—1983 гг.— 101—102% ¹⁶. Во-вторых, относительно снижается уровень промышленной продукции был на запасов: в 1984 г. объем 44% выше, чем десять лет назад, при неизменном объеме топливно-сырьевых запасов 17. Это — комплексный итог ряда процессов: прямой экономии ресурсов, организации компьютерного управления запасами в промышленности и торговле и, наконец, роста сферы услуг (работающей практически без запасов).

Выбранная монополистическим капиталом стратегия лидерства в техническом обновлении экономики поддерживает достаточно высокую напряженность инвестиционного процесса: норма производственного накопления в Японии (31—32% ВНП в 80-х годах) выше, чем в ФРГ (21—22%), Англии и США (16— 18%) 18. Таких затрат требует поддержание новизны производственного аппарата этого главного актива конкурентной борьбы на международных рынках.

1 Подсчитано по данным: Кокумин кэйдэай кэйсан немпо 1985 (Ежегод-

ник национальных счетов, 1985). Токио, 1985, с. 122—125.

2 Подсчитано по данным: Кокумин кэйдэай кэйсан немпо 1985, с. 114
117; Monthly Statistics of Japan. Tokyo, January, 1986, с. 151.

3 Подсчитано по данным: Кокумин кэйдэай кэйсан немпо, 1982, 1985; Кэйдзай токэй нэмпо (Ежегодник экономической статистики). Токио, 1985; Букка сису нэмпо (Ежегодник индексов цен). Токио, 1979.

 ⁴ Тоё кэйдзай. 13.13.1984, с. 68.
 ⁵ Подсчитано по данным: Кокумин кэйдзай кэйсан нэмпо, 1982, с. 329; 1985, с. 214. 6 ESP. Токио, июль 1984, с. 86—88.

7 Цусё хакусё (Белая книга по внешней торговле), общий обзор. Токио,

1983, с. 325.

8 ESP, сентябрь 1984, с. 102.

9 Кунинори М., Такахаси Н. Сэцуби тоси то нихон кэйдзай (Капиталовложения и японская экономика). Токио, 1984, с. 2.

¹⁰ Нихон **кэ**йдзай кэнкю сэнта кайхо. 15.07.1985, с. 9, 16.

11 Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо. 01.04.1985, с. 15. ¹² Тоё кэйдзай. 13.12.1984, с. 69.

¹³ Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо. 01.04.1985, с. 11.

¹⁴ Там же, с. 10.

- 15 Кэйдзай хакусё (Белая книга по экономике). Токио, 1985, часть I,
- 16 Подсчитано по данным: Кокумин кэйдзай кэйсан нэмпо, 1981, с. 314— 318; 1985, c. 212-214.

¹⁷ Нихон токэй гэппо, ноябрь 1985, с. 4.

18 Подсчитано по данным: OECD National Accounts, 1960—1983, vol. I. P., 1984; OECD Main Economic Indicators. P. December 1985, c. 34-35.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ

Непрерывный рост и качественное совершенствование научно-технического потенциала, одного из наиболее активных элементов современного воспроизводственного процесса, является важнейшим фактором, с которым непосредственно связаны как высокие темпы экономического развития послевоенной Японии, так и крупные качественные сдвиги в ее социальной сфере. В последнее время в японской экономике происходят особенно глубокие изменения, обусловленные непрерывным ростом наукоемкости производства. Соответственно меняются профессиональная структура занятости и содержание труда. Комплексная механизация производства, дополняемая автоматизацией его трудоемких и сложных операций, позволяет быстро осваивать новые разработки, выпускать продукцию с высшим уровнем качества. При этом следует особо подчеркнуть, что научно-технический прогресс в Японии активно формирует и все более сложную, диверсифицированную структуру потребления. Сегодня он обеспечивает не столько увеличение выпуска и удешевление продукции, сколько ее принципиальное улучшение, обогащение новыми полезными свойствами и возможностями.

Оценивая общее состояние и перспективы научно-технического развития Японии, следует подчеркнуть два важных обстоятельства. Во-первых, сферой приложения ее научно-технического потенциала являются лишь определенные области, а именно те, которые сочетаются с торгово-промышленными интересами частных компаний. В то же время по многим направлениям Япония проводит лишь чисто «ознакомительные» работы — систематизирует известные достижения мировой науки и техники, прорабатывает эскизные варианты, изготавливает некоторые модели и образцы и т. д. В первую очередь здесь можно упомянуть военную, авиационную и космическую технику, многие виды современных материалов (цветные сплавы, композиты), приборы для фундаментальных исследований. Вовторых, огромную роль сыграло и, по-видимому, будет играть и в будущем активное заимствование научно-технического и производственного опыта из-за рубежа. Общее количество лицензий, приобретенных Японией за последние 30 лет, составляет более 45 тыс., причем более половины закуплено в США.

В известной степени эти особенности научно-технического развития Японии связаны с тем, что его финансовое обеспечение исходит в основном от частного сектора, так в 1986/87 фин. г. он финансировал 78,6% всего объема научных исследований и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Это, безусловно, подчиняет научно-технический прогресс в стране коммерческим интересам компаний, проявляющих максимальную заинтересованность в работах, которые бы обеспечивали быструю практическую отдачу.

Рост расходов на НИОКР является постоянной, четко выраженной тенденцией в развитии научно-технического потенциала Японии. В первой половине 70-х годов среднегодовые темпы их прироста составляли 17% в текущих ценах и 2,8% в ценах 1975 г. Для второй половины 70-х годов эти цифры равнялись соответственно 12,3 и 5,4%, а для первой половины 80-х годов — около 12 и 8%.

В настоящее время как по размерам затрат на НИОКР, так и по числу занятых в этой области Япония находится на втором месте среди капиталистических стран. Так, ее расходы на НИОКР в 1986/87 фин. г. достигли 9,2 трлн. иен, или 2,75% ВНП 1.

Рассматривая общую структуру расходов на НИОКР в Японии, сформировавшуюся на начало 80-х годов, можно заметить, что доля расходов на фундаментальные исследования достаточно высока — 13,3% (1986/87 фин. г.) ². Обращает на себя внимание довольно большая доля расходов на опытно-конструкторские разработки (ОКР) — 62,3%, что, безусловно, способствует высокой степени освоения результатов фундаментальных и прикладных исследований.

В затратах компаний на НИОКР наибольший удельный вес, 72,3%, имеют опытно-конструкторские разработки, и лишь 6,1% затрачивается здесь на фундаментальные работы. В вузах главную часть расходов берут на себя фундаментальные исследования (54,2%) и весьма значительную прикладные (37,4%). В государственных НИИ в достаточно крупных пропорциях присутствуют все три вида работ: фундаментальные — 13,8%; прикладные — 27,4, ОКР — 58,8% 3.

С учетом распределения затрат на НИОКР между различными типами проводящих их учреждений можно отметить, что около 60% всего объема фундаментальных исследований приходится на вузы и около 30% — на компании. Последние финансируют около 60% всего объема прикладных исследований и основную часть (около 85%) опытно-конструкторских разработок.

Таким образом, выполнение прикладных и особенно являющихся их завершением опытно-конструкторских разработок напрямую связано с финансовым, научно-техническим и производственным потенциалом японских промышленных компаний. Поскольку во многих случаях компании широко диверсифици-

рованы по отраслям, особенно когда речь идет о крупных компаниях, то в результате распространение научно-технических достижений охватывает сразу несколько отраслей.

Как известно, в литературе часто встречаются данные о «патентном балансе» между странами, т. е. производится, например, сравнение числа патентов, выданных в США заявителям Японии, и, наоборот — выданных в Японии американским заявителям. Делать какие-либо конкретные выводы из таких балансов довольно трудно, хотя естественная направленность подобных сравнений довольно очевидна — это констатация некоего преимущества одной страны над другой. Вместе с тем следует подчеркнуть, что без анализа содержания патентов судить о взаимных позициях сторон в сфере патентования, разумеется невозможно. Тем не менее сравнения в части «патентного баланса» все же представляют определенный интерес. Так, можно отметить, что с середины 70-х годов «патентный баланс» Японии положителен, причем не только по отношению ко всем зарубежным странам в целом, но и по отношению к США, ФРГ, Англии, Франции и ряду других высокоразвитых стран. В начале 80-х годов общий «патентный баланс» складывался в пользу Японии с перевесом порядка 15 тыс. патентов в год.

Наиболее представительные сопоставительные оценки научно-технического развития различных стран, естественно, требуют учета довольно большой группы параметров. Подобные оценки периодически проводятся в самой Японии и публикуются в «Белой книге по науке и технике». Эти оценки даются в виде такого показателя, как достигнутый уровень научно-технического развития («гидзюцурёку»), и показателя, оценивающего возможности к дальнейшему повышению этого уровня («гидзюцу кайхацурёку») 4.

По величине первого показателя, вычисленного для первой половины 80-х годов, Япония значительно опережает западноевропейские страны, причем наблюдается весьма заметный прогресс, достигнутый за предыдущие десять лет (в скобках даны значения этого показателя для первой половины 70-годов):

США	RUHOПR	ΦΡΓ	Франция	Англия
100	58,4	45,1	19,6	$ \begin{array}{c} 22,2 \\ (25,3) \end{array} $
(100)	(41,0)	(49,4)	(31,7)	

В этих цифрах находят отражение такие четыре параметра, как: 1) общее число патентов на изобретения, полученных национальными заявителями, 2) объем внешней торговли лицензиями в стоимостном выражении, 3) величина экспорта наукоемкой продукции, 4) добавленная стоимость, созданная в обрабатывающей промышленности. Все эти параметры, как нетрудно видеть, оценивают научно-техническое развитие по конечным результатам как в сфере исследований и разработок, так и в производственном секторе. Чтобы оценить возможности к

дальнейшему росту первого показателя, дополнительно учитываются ресурсные факторы НИОКР (затраты на НИОКР и численность научных работников) и факторы результативности НИОКР (объем экспорта лицензий и число патентов, полученных за рубежом). Они используются для корректирования первого показателя («гидзюцурёку») и преобразования его в показатель, учитывающий одновременно и результаты НТР, и его будущие перспективы («гидзюцу кайхацурёку»).

По величине этого второго показателя Япония также занимает второе место после США, хотя его значения заметно ниже,

чем для первого показателя:

США	винопR	ФРГ	Франция	Англия
100	42,8	32,1	15,8	16,3
(100)	(30,0)	(35,6)	(23,4)	(18,6)

В последнее время в Японии возрастает стремление к максимальной научно-технической самостоятельности, значительному расширению фронта НИОКР. Патентование зарубежными фирмами своих изобретений в Японии не позволяет ей полностью преодолеть зависимость от этих фирм, приходится идти на все ужесточающиеся условия приобретения лицензий, в частности соглашаться с ограничениями на торговлю производимой по ним продукцией. Одновременно резко возросли требования по экономии энергии и ресурсов, росту производительности труда в первичных и третичных отраслях, управлению социальными процессами, связанными со старением населения, и т. д.

Реализация мер, способных помочь решению этих проблем, естественно, связывается с научно-техническим прогрессом, особенно с его организационными аспектами: совершенствованием подготовки кадров, углублением исследовательских процессов, созданием новых лабораторий, улучшением информационного

обеспечения, развитием фундаментальной тематики.

В опубликованных в конце 1984 г. рекомендациях Совета по науке и технике (кагаку гидзюцу кайги) относительно дальнейших перспектив научно-технической политики страны была подчеркнута первоочередная необходимость активизации творческого элемента, создания широкой базы для генерирования научно-технических новшеств. Это, в сущности, явилось официальным указанием на необходимость перестройки научной стратегии. Для учета и усвоения зарубежного опыта предложено значительно усилить международное научно-техническое сотрудничество — наладить более интенсивный обмен учеными и информацией, организовать совместные международные исследования, создать новые научные учреждения и др. Особое внимание было обращено на необходимость активизировать работы в целом ряде областей, которые ранее были освоены слабо, например: космические исследования, «науки о жизни», материаловедение, информатика и искусственный интеллект.

Одной из программ форсирования фундаментальной науки

в Японии должна стать программа «Новые рубежи человечества» («Нитап Frontier Program»), выдвинутая министерством внешней торговли и промышленности выдвинутая министерством понии придают ей огромное значение, полагая, что на ее основе может быть осуществлена международная мобилизация ресурсов науки, в результате чего Япония получит доступ к уникальным результатам фундаментальных исследований в области «наук о жизни». Планируя программу на 20-летний период и выражая готовность взять на себя не менее половины расходов по программе, японская сторона предполагает тем самым вывести японские исследования в этой области на качественно новый уровень. В настоящее время он близок к западноевропейскому, но заметно ниже американского (особенно по изучению механизма наследственности и иммунитета, работы мозга, внутриклеточных процессов и др.).

Весьма важны для Японии и экономические аспекты этой программы. По мере ее выполнения будут создаваться предпосылки для зарождения целого комплекса принципиально новых отраслей, а рынки создаваемой здесь продукции и услуг, обеспечивающих совершенствование жизненных функций человека, как полагают, будут иметь беспрецедентно огромные масштабы. Приоритет в овладении этими рынками обеспечил бы рост не только экономического, но и политического престижа Японии.

С перспективами успешного научно-технического развития страны японские правящие и деловые круги связывают решение многих острейших проблем, с которыми сталкивается сегодня мировое капиталистическое хозяйство. Чрезвычайно строгими стали, как известно, ограничения, связанные с естественными ресурсами. Серьезным нарастанием социальной напряженности оборачиваются меры по рационализации производства. Необыкновенной остроты достигла конкуренция на мировых рынках, в частности здесь появился целый ряд стран, сочетающих дешевизну своей рабочей силы с высоким научно-техническим уровнем производственного аппарата и потому весьма успешно конкурирующих с высокоразвитыми странами.

В этих условиях государственно-монополистический капитализм проявляет крайнюю заинтересованность в создании средств для координации и оптимизации всех элементов воспроизводственного процесса, начиная с орудий труда и кончая макроэкономическими объектами. При этом особое внимание уделяется такому направлению научно-технического прогресса, как информатизация. Здесь японские позиции достаточно прочны и внушительны. Информатизация японской экономики и общества происходит быстрыми темпами, чему способствует высокий уровень науки, техники и производства в области электроники. Японской промышленностью освоены практически все виды современных средств информатики, от микрокомпьютеров до супер-ЭВМ. Вся эта техника непрерывно закладывается в фундамент дальнейшего научно-технического прогресса, на ее основе

происходит автоматизация не только производства или управленческих функций, но и исследовательского процесса, а также инженерного труда. Успешно развиваются работы по созданию в начале 90-х годов ЭВМ пятого поколения, т. е. компьютера с искусственным интеллектом. Как в научных лабораториях, так и в промышленности приобретают распространение экспертные системы (в 1987 г. их было около 40), обеспечивающие автоматическое консультирование исследователей и разработчиков, а также автоматическое регулирование особо слож-С 1985 г. технических объекто**в**. под эгидой МВТП ных осуществляется проект, позволяющий добиться интеграции всех видов баз данных в единую систему, эксплуатация которой станет доступной практически с любого терминала ⁶.

Не будет преувеличением сделать вывод, что все основные направления научно-технического прогресса глубоко и комплексно осваиваются японской наукой и находят свою материализацию в высококачественных технических разработках. Исключение, как уже отмечалось, составляют работы в области чисто военной тематики. Здесь спектр исследований и разработок ограничен, а тематика достаточно узка. Это позволяет значительно больше ресурсов направлять на промышленные разработки, усиливая в этой области японские позиции. Но одновременно идет и своеобразный встречный процесс — во многих видах гражданской техники реализуются такие технические функции и такие процессы, которые выдвигают эту технику в резерв военных арсеналов (например, супер-ЭВМ, особокомпактные запоминающие устройства, датчики, оптоволоконные системы, радиоаппаратура и др.).

В конечном счете прогресс науки и техники в Японии сопровождается формированием столь тесного переплетения и такого энергичного взаимодействия различных направлений, что уже в ближайшее время закономерным станет качественное преобразование ее научно-технической стратегии. Японская селективная стратегия научно-технического развития, строившаяся на ограниченной совокупности приоритетов, в процессе быстрого отмирания старых приоритетов и при еще более быстром росте числа новых естественным образом преобразуется в стратегию всеобщего развития. Это значительно повысит роль японской науки и техники и будет способствовать дальнейшему укреплению позиций Японии в системе мировых хозяйственных и научно-технических связей.

¹ Гакудзюцу гэппо. 1988, № 3, с. 40.

² Здесь и далее учитываются расходы только в области естественных и технических наук.

⁸ White Paper on Science and Technology 1987, Foreign Press Center. Feb-

гиагу 1988, с. 31. ⁴ Кагаку гидэюцу хакусё 1987 (Белая книга по науке и технике 1987). Токио, 1988, с. 514—515.

⁵ Кагаку кэйдзай, 1987, № 10, с. 9.

⁶ Japanese Software Alert. 1987, № 11, c. 2

РАЗВИТИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ В ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Начиная с незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (1867—1868), Япония предпринимала огромные усилия для модернизации и повышения технического уровня экономики с общей целью догнать развитые капиталистические страны Запада. К середине 70-х годов XX в. эта цель правящих кругов страны была в основном достигнута.

При анализе научно-технической политики Японии в западной литературе сложились общепринятые стереотипы, что страна обладает большей способностью копировать или имитировать иностранную технологию, чем изобретать или делать пионерные технические разработки. Указывают, в частности, и на различные формы проявления такой политики «следования за лидером». Так, Япония проводит мало фундаментальных исследований по сравнению с западными странами, но умело использует западные продажи технологии для стимулирования экономического роста. Японское правительство способствует интенсивному распространению иностранной технологии во всех отраслях, поэтому большинство японских фирм осваивают на практике передовые методы производства быстрее, чем западные компании, хотя открытие или изобретение было сделано на Западе, а не в Японии.

Во всех этих утверждениях есть большая доля истины. Однако упрощенные гипотезы, что Япония только заимствовала или копировала иностранную технологию, ведут к недооценке ряда важных факторов, которые, если их игнорировать, могут привести к серьезным ошибкам в понимании современной научно-технической стратегии страны. Реалистическая оценка политики внедрения и развития западной технологии должна учитывать широкие, непрерывные и утонченные усилия Японии по контролю глобальных тенденций в области науки и техники и своевременной модификации своей политики с целью учета этих тенденций.

Политика технологической имитации не может проводиться в вакууме (как будто любая страна может принять на вооружение подобный подход). Начиная с эпохи Мэйдзи успехи Японии в освоении иностранной технологии базировались прежде

всего на достаточно высоком уровне национальной технологии и высоком уровне образованности населения.

В мировой практике это далеко не уникальное явление. Япония не была единственной страной-имитатором, цивилизация и культура США первоначально также были формой имитации. Ведь именно в Европе были разработаны основные принципы в естественных науках, которые позже были индустриализованы в широких масштабах в США.

Согласно японским оценкам, в первые годы эпохи Мэйдзи технологический разрыв между Японией и Западом был больше 10 лет. Непосредственно перед второй мировой войной он сократился до нескольких лет, но поражение в войне отбросило Японию примерно на десять лет назад 1.

Есть два фундаментальных подхода к ликвидации научнотехнического отставания: полагаться в первую очередь на освоение зарубежного опыта или сделать акцент на развитие внутренних исследований и разработок. В первом случае, при прочих равных условиях, можно продвигаться с высокой скоростью и результаты могут быть получены в сравнительно короткое время. Во втором случае можно столкнуться с затяжными трудностями. Фронт пионерных научно-технических разработок неизбежно сопряжен с неопределенностями, риском и неудачами.

Вплоть до последних лет в Японии преобладало первое направление. Исторически становление японской тяжелой и химической индустрии требовало тесных контактов сначала с европейским технологическим развитием, затем — американским.

Более чем любая другая страна, Япония осознала и использовала стоимостные преимущества покупки технологии на мировых рынках по сравнению с ее самостоятельной разработкой. Дж. Абегглен и Т. Хоут подсчитали, что за период особенно активной закупки иностранных лицензий в 60-х — первой половине 70-х годов их кумулятивная стоимость была около 6 млрд. долл. (более 25 тыс. контрактов), или чуть больше 10% годовых расходов США на НИОКР того времени 2. И эта технология взлелеяла конкурентов, которые теперь теснят фирмы США и Западной Европы на мировых рынках.

Успешному освоению и быстрому распространению передовой технологии в Японии способствовал также ряд факторов, отражающих специфику подхода страны к решению научно-технических проблем.

Во-первых, в отличие от многих других стран, Япония никогда не рассматривала технологию как низшую категорию по отношению к науке. Техническим дисциплинам, имеющим наинизший статус в европейских университетах, в Японии придается приоритетное значение. Известное пренебрежение к технической работе непосредственно в цехах — одна из основных причин вялых темпов прогресса в европейской промышленности.

Во-вторых, основным средством повышения технического

уровня Япония сделала покупку лицензий, а не освоение технологии на основе зарубежных инвестиций в Японии (как, например, поступает Канада). Это означает, что приоритет отдавался освоению процессов, знаний, а не приобретению конечного продукта. Помимо того что такой подход значительно более дешевый, его успех поддерживался и даже умножался превосходством японских управляющих в инженерной подготовке, обеспечивающей высокую восприимчивость к новым идеям, новой технологии, новым методам управления.

В-третьих, очень часто недооценивается такой фактор технологической политики Японии, как создание хорошо отлаженной инфраструктуры для пристального изучения и контроля научно-технических тенденций на глобальном уровне и распространение на этой основе информации о новейшей технологии. Например, крупнейшие универсальные торговые компании (сого сёся) осуществляют постоянный мониторинг научно-технических разработок во всех основных странах Запада. Японская ассоциация содействия внешней торговле (ДЖЕТРО), тесно связанная с МВТП, имеет более 100 отделений в главных торговых и промышленных центрах мира, которые собирают информацию о технологических тенденциях. В Японии даже маленькие компании ведут активное изучение промышленной ситуации.

В-четвертых, в послевоенный период японское правительство (особенно до либерализации технологического обмена в 1968 г.) осуществляло формальное и неформальное давление на фирмы с целью передачи технологических знаний большими предприятиями мелким и «ключевыми» фирмами субподрядчикам. В 70-е годы МВТП поощряло дублированные закупки иностранной технологии, т. е. импорт одной и той же технологии более чем одной фирмой, чтобы уравнивать конкурентные силы в определенных отраслях и предотвращать получение временной монополии. МВТП, как правило, активно поддерживает конкурирующую японскую фирму, чтобы обеспечить ей равные возможности доступа к иностранным лицензиям.

В-пятых, соблюдается правило, в соответствии с которым роль правительства в регулировании распространения технологии не должна быть слишком велика, чтобы не затмевать основополагающую рыночную ориентацию и конкурентные принципы японской экономики. В отличие от бытующих на Западе стереотипов Японии, как страны картелей и жестоких государственных ограничений, степень конкуренции здесь в целом выше, чем в других промышленно развитых странах. Жесткая внутренняя конкуренция — важный фактор быстрого распространения технологии. Она создает стимулы к повышению технического уровня и производительности труда намного лучше, чем государственное регулирование.

В первой половине 80-х годов в научно-технической политике государства и частного бизнеса Японии произошли серьезные изменения. Согласно принятым на 80-е и 90-е годы программам,

дальнейший экономический рост Японии будет опираться во все большей степени на собственные НИОКР, ибо возможности поглощения американской и европейской технологии во многом исчерпаны, снижается эффективность использования зарубежных достижений. Поэтому важнейшей задачей для Японии стал переход из группы «следующих за лидером» в лидеры.

Долгосрочная стратегия развития НИОКР исходит из необходимости переориентации технической политики на преимущественную разработку и освоение отечественной техники и технологии, превращения страны в мощную научно-техническую державу.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, изменение сложившейся в послевоенный период модели научно-технического развития создает для Японии большие трудности.

Хотя Япония и преуспела в использовании своей технологии для захвата рынков и усиления международной конкурентоспособности, сейчас она достигла такой стадии, когда неразумно, да и невозможно и далее отдавать приоритет только «технологии, делающей деньги», т. е. коммерчески выгодной технологии 3. Во-первых, уменьшается поток лицензий на фундаментальные исследования, на базе которых могут быть сделаны усовершенствования. Западные компании все менее склонны продавать такие лицензии Японии. Во-вторых, Япония долгое время развивала только «безопасную» технологию, которая апробирована и гарантирует успех, оставив фундаментальные исследования, которые отличаются высокой степенью и длительностью получения результатов, странам да. Такой подход может быть более эффективен, но он исключает какие-либо крупные научные открытия 4. Игнорирование фундаментальных исследований лишило японские компании эффективного обмена. Они зачастую не имеют технологии, достойной для предложения западным фирмам. Последние же все более заинтересованы не в продаже своих научно-технических зпаний, а в налаживании сотрудничества на базе обмена лицензиями. В-третьих, односторонняя политика стимулирования прикладных исследований принизила статус фундаменталистов, уменьшила их возможности в структурах исследовательских подразделений корпораций.

Эти и ряд других реальностей японского «технологического климата» породили «чувство кризиса», которое получило широкое распространение среди бизнесменов, ученых и технических специалистов.

Тем не менее тенденция к снижению зависимости от импортированной технологии бесспорна и, видимо, будет набирать силу. Специалисты из министерства финансов Японии оценили накопленные фонды знаний (в основном это кумулятивная сумма инвестиций в НИОКР) в отраслях обрабатывающей промышленности следующим образом: высшей точки зависимость от импортированной технологии достигла в 1970 г. составив

17%, затем до 1975 г. находилась на уровне 16%, после чего снизилась до 11% по всей обрабатывающей промышленности 5 Расчеты свидетельствуют о том, что после 1975 г. национальная технология стала постепенно вытеснять иностранную, и процесс этот ускоряется по мере усиления позиций Японии в

разработке новой промышленной технологии.

На микроуровне одной из наиболее заметных текущих тенденций является быстрый рост удельного веса самостоятельных НИОКР. Если в 1965 г. отношение собственных разработок к заимствованной технологии в расходах частных корпораций на НИОКР составляло 4 1, то в 1982 г. оно увеличилось более чем в три раза — до 14 1 в. Японский исследователь X. Одагири подсчитал, что в 1969—1972 гг. в обрабатывающей промышленности на каждый доллар, затраченный на НИОКР, 36 центов корпорации тратили на выплату ройялти (платежи за иностранные лицензии). В 1977—1980 гг. последняя цифра сократилась до 19 центов, ярко свидетельствуя о том, что японские компании все меньше полагаются на лицензии и все больше — на внутренние исследовательские усилия. Х. Одагири приходит к выводу, что для крупных японских корпораций внутренние расходы на НИОКР более эффективны для роста продаж, чем покупка лицензий, причем относительная эффективность этих двух средств освоения нововведений изменилась в пользу внутренних НИОКР в конце 70-х годов Тезусловно, в основе таких изменений лежит выравнивание технологического уровня японских машиностроительных компаний с ведущими западными фирмами.

Следует особо подчеркнуть существенный новый момент в исследовательской деятельности японских фирм: большинство из них тратят на НИОКР больше средств, чем на инвестиции в машины и оборудование. Набирает силу тенденция усиления внимания к неприбыльным фундаментальным исследованиям. Разумеется, позволить себе это могут в основном крупные компании. По данным на конец марта 1983 г., на 187 крупных японских корпораций с капиталом более 10 млрд. иен (1,3% общего числа корпораций) приходилось 58% всех расходов промышленности на НИОКР и 63,6% — на фундаментальные исследования. Если несколько расширить круг крупных корпораций, то картина становится еще более отчетливой. На 763 частные корпорации с капиталом более 1 млрд. иен приходилось уже 82% всех расходов промышленности на НИОКР и 87,9% — на фундаментальные исследования в

Несмотря на тенденцию к росту затрат на фундаментальные исследования, их уровень по сравнению с ведущими капиталистическими странами все еще относительно низок. По абсолютной величине расходы Японии на фундаментальные исследования превышают расходы Западной Германии, Франции и Англии. Однако если за период 1967—1982 гг. реальный рост всех расходов на НИОКР составил в Японии 160%, то на фун-

даментальные исследования — только 37%. За тот же период реальные расходы на фундаментальные исследования возросли в Западной Германии на 86%, в США — на 21% 9.

По подсчетам Национального научного фонда США, доля государства в общей сумме расходов на фундаментальные исследования составляет в США около 70%, в Западной Германии и Англии — 80, во Франции — 90, а в Японии — только около 50% 10. Серьезное отставание Японии по этому показателю создает большие трудности. В принципе капиталистическая рыночная экономика не обеспечивает оптимального с точки зрения всего общества финансирования НИОКР со стороны частного сектора. Фундаментальные исследования по самой своей природе — весьма рискованное предприятие. И риск падает в первую очередь на частные корпорации, ибо в конечном итоге только они переводят «язык изобретений на язык инвестиций». Многочисленные на Западе исследования, посвященные стратегии распределения ресурсов отдельной фирмой, показывают, что при отсутствии государственного вмешательства частная промышленность склонна к «недовложению» средств в фундаментальные исследования с точки зрения интересов ства 11.

Подавляющая часть фундаментальных исследований в Японии, как и в других развитых капиталистических странах, ведется в университетах и государственных лабораториях. Однако, в отличие, например, от Соединенных Штатов, где многие военно-космические исследования фактически проводятся в университетах, в коммерчески-ориентированной Японии связь университетов с частными фирмами по линии выполнения заказов на фундаментальные исследования находится на крайне низком уровне:

Такое положение уже не удовлетворяет японские корпорации. Вице-президент исследовательского института компании «Мицубиси» Н. Макино считает главной причиной отставания Японии от Запада в области фундаментальных исследований недостаточную активность университетской профессуры. Академический климат в Японии таков, утверждает он, что, однажды попав в члены университетского совета, ученый на всю жизнь свободен от забот о хлебе насущном, независимо от его способностей и достижений 12.

Специальное обследование 763 крупнейших частных корпораций Японии отразило высокую степень обеспокоенности отставанием в области созидательной науки. Выяснилось, что только 3,3% компаний считают, что у них фундаментальные исследования достаточны, 52,8% — недостаточны и 43,8% — почти не ведутся. Среди тех, кто считает фундаментальные исследования недостаточными (403 компании из 763), 52,6% видят наиболее реальный выход из положения в усилении сотрудничества с внешними организациями (университетами, государственными НИИ, зарубежными университетами и исследовательскими цент-

рами) и 24,6%— в расширении собственных фундаментальных исследований в будущем ¹³.

Судя по результатам специальных обследований, японские компании сознают, что для успешной конкурентной борьбы им необходимо прилагать больше усилий для расширения собственных фундаментальных исследований, закладывающих контуры технического уклада будущего века. Так, электротехническая фирма «Хитати», которая занимает первое место в Японии по затратам на НИОКР, имеет семь исследовательских институтов с числом занятых около 10 тыс. Однако требующих решения проблем так много, что «Хитати» открыла в 1984 г. новый исследовательский центр специально для развития фундаментальной науки. Специальные институты для фундаментальных исследований в электронике создали также фирмы «Нихон дэнки» (1982 г.), «Тосиба» (1984 г.), «Мацусита дэнки» (1985 г.), «Санъё» (1985 г.). Подобные исследовательские институты стали создаваться частными компаниями и в других отраслях экономики.

В определенной мере решение проблемы может быть достигнуто на основе менее рискованного и в краткосрочном плане более эффективного подхода, заключающегося в использовании исследовательских мощностей других развитых капиталистических стран, прежде всего США. Стратегию японских корпораций в этом плане хорошо выразил вице-президент «Нихон дэнки» М. Уэнохара, заявив, что наука и техника являются международным достоянием, поэтому Япония должна финансировать университеты за рубежом 14. Своего рода Меккой для Японии, как средоточие американской передовой технологии, является Массачусетский технологический институт. Используя интеллект американских ученых и инженеров, организуя совместные исследования, японские корпорации надеются укрепить свои конкурентные возможности на основе сочетания собственной силы в -производственной технологии с американскими созидательными исследованиями. Такое «перекрестное опыление» необходимо японским фирмам и для ознакомления молодых ученых с несвойственным им подходом к науке.

Здесь очень важно учитывать одну из особенностей японской национальной психологии — сильную зависимость среднего японца от коллектива, отождествление себя с той или иной организацией. В свое время, в период ликвидации отставания и восприятия уже готовых образцов, это свойство играло положительную роль, но оказывается помехой на новом этапе, когда возникает необходимость более энергичных оригинальных научных и технических разработок. Проф. Л. Эдзаки, лауреат Нобелевской премии в области физики, считает, что слишком много японских ученых предпочитают устоявшуюся колею в научных исследованиях. Японцы никогда не бросают вызов неизвестному, им не хватает духа новаторства. В конце концов это действительно приводит к отсутствию индивидуализма 15. В част-

ных и государственных исследовательских учреждениях в течение многих лет работников так настойчиво побуждали разрабатывать новые рыночные продукты (в противовес открытиям в области теории), что у них ныне почти не сохранилось моральных и материальных стимулов, способствующих реальному развитию фундаментальных исследований. Ведь работа людей, связанных с фундаментальными исследованиями, не может быть оценена текущими экономическими показателями. Поэтому японские управляющие не умеют придать должный статус людям, чье поле деятельности не имеет осязаемых результатов.

Помощь государства в этой области также имеет свои пределы. Хронический дефицит государственного бюджета ставит под сомнение возможность вести фундаментальные исследования широким фронтом. Мероприятия, осуществляемые японским правительством в рамках административно-финансовой реформы, затронули и сферу НИОКР. В частности, в 1984 г. был принят закон об упорядочении основных направлений научных исследований, на основании которого государственные субсидии будут концентрироваться лишь на наиболее крупных и рискованных проектах. Этот шаг, во многом вынужденный, осложнит переориентацию Японии на развитие собственного созидательного научно-технического потенциала.

Следует также учитывать, что накопление фундаментальных знаний — долгий процесс. Потери, связанные с низким уровнем фундаментальных исследований в предшествующие годы, могут быть компенсированы лишь ценой огромных усилий в будущем. Япония не может ожидать быстрого улучшения фундаментальных исследований только потому, что к ним декларировано новое отношение.

Резюмируя наиболее общие тенденции научно-технического развития Японии, необходимо отметить, что ориентация на превращение страны в мощную технологическую державу является важным элементом идеологии национального самоутверждения. Вслед за экономическим «вызовом» Япония активно подготавливает технологический «вызов», опираясь на усиление сотрудничества государства и частного сектора в сфере НИОКР. Правительственные и деловые круги, видимо, отчетливо сознают, что только опережающая реакция на происходящие изменения может обеспечить усиление позиций японской экономики.

Разворачивающийся новый этап научно-технического прогресса несет огромные конкурентные преимущества тем странам, которые опережают соперников. Лидерство в создании и освоении технических достижений становится существенным элементом в политике перераспределения рынков и изменения их структуры. Поэтому следует ожидать, что, наряду с внешнеторговыми противоречиями, все шире будет развертываться также научно-технический протекционизм, ведущий к «войнам» в этой области между развитыми капиталистическими странами.

¹ Экономисуто, 10.04.1981, с. 66—70.

² Foreign Affairs. Fall 1978, c. 146-168.

⁸ Moritani M. Advanced Technology and Japanese contribution, 1983, c. 55.

4 Из 359 лауреатов Нобелевской премии в области естественных наук, удостоенных этой награды за 1901-1983 гг., только четверо (физика - 3, химия — 1) являются японцами [Кагаку гидзюцу хакусё (Белая книга по науке я технике). 1984. Токио, 1985, с. 85]. ⁵ The Oriental Economist. October 1984, № 888, с. 23.

6 Кэйдзай хакусё (Белая книга по экономике). 1984. Токио, с. 139. ⁷ The Journal of Industrial Economics. September, 1983, № 1, c. 65-70.

⁸ Кагаку гидзюцу хакусё 1984, с. 48—51.

⁹ Там же, с. 18—19.

10 Там же, с. 24.

¹¹ Management science. 1983, № 9, c. 1015. 12 The Oriental Economist. 1984, № 860, c. 16.

¹³ **Кагаку** гидзюцу хакусё 1984, с. 54.

¹⁴ The Oriental Economist, 1984, № 888, c. 26.

15 Mc. Millar Ch. I. The Japanese Industrial System. N. Y., 1984, c. 14.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ НТП НА ЭКОНОМИКУ ЯПОНИИ

Поскольку экономический рост происходит на основе достигнутого уровня развития производительных сил и неразрывно связан с прогрессом науки и техники, воздействие научнотехнического прогресса (НТП) на экономическое развитие любой страны является постоянно действующим фактором. В то же время превращение науки на современном этапе в непосредственную производительную силу развития общества значительно усиливает, углубляет и расширяет масштабы воздействия этого фактора, который становится в значительной степени определяющим и даже доминирующим для практически всех параметров хозяйственного роста.

Очевидно, что воздействие НТП на экономику представляет собой чрезвычайно сложную систему с большим набором прямых и обратных связей, что требует учета и анализа всего спектра этих связей. Кроме того, следует иметь в виду, что НТП оказывает влияние на экономику в сочетании со мно ими другими факторами (конъюнктурными, циклическими, ценовыми, социальными, политическими, психологическими и т. д.). Поэтому выделение «вклада» НТП в экономический рост, скажем, в виде некоей «технологической составляющей» представляется если не невозможной, то чрезвычайно трудной задачей. Цель нашей статьи более скромная — очертить наиболее важные направления, по которым влияние НТП на экономику прослеживается в относительно явной форме. В данном контексте пример Японии может быть достаточно показательным, так как эта страна является лидером в реализации достижений НТП в рамках мирового капиталистического хозяйства, и поэтому воздействие научно-технического прогресса на ее экономику проявляется наиболее отчетливо и динамично, в максимально сконцентрированном виде.

Отметим, что хотя автор и не вполне разделяет взгляды сторонников теории «длинных волн» Кондратьева, однако вместе с тем исходит из того, что современный этап НТП характеризуется не столько революционным переворотом в производительных силах, сколько реализацией научных открытий и достижений, сделанных, как правило, за несколько десятилетий, т. е. представляет собой не НТР в ее изначальном смысле,

а широкое и глубокое техническое и технологическое освоение и коммерциализацию ранее накопленного потенциала науки. Это замечание представляется необходимым, так как новые научные открытия «прорывного» характера, возможно, смогут кардинальным образом трансформировать как базу, так и саму сущность и направления экономического роста, которые сложились в условиях нынешнего этапа НТП. В качестве примера достаточно привести возможную реализацию идеи термоядерного синтеза, практически означающую получение человечеством доступа к неограниченным ресурсам энергии со всеми вытекающими из этого последствиями.

Если обратиться к послевоенному развитию экономики Японии, то наиболее примечательным в этом процессе является, по-видимому, то, что как раз в условиях нынешнего этапа НТП и на его основе она совершила переход от экстенсивной модели роста к интенсивной. Причем в отличие от США, где этот переход был значительно растянут во времени и поэтому как бы «размыт», в Японии он происходил в чрезвычайно сжатые сроки с явно выраженной начальной границей (середина 70-х годов). Примечательно также и то, что переход этот в значительной степени был «насильственным», так как необычайно большую роль сыграли внешние по отношению к экономике факторы. Конечно, предпосылки для данного перехода объективно вызревали внутри японской экономики. В частности, объективные пределы экстенсивного роста явственно ощущались уже к началу 70-х годов, что проявилось в ухудшении целого ряда параметров экономического развития Японии: демографических (рост заработной платы вследствие исчерпания трудовых ресурсов), технологических (достижение в ряде отраслей оптимально-максимальных размеров производственных мощностей), экологических (удорожание капитального строительства в силу необходимости оздоровления окружающей среды), внешнеэкономических (начало повышательной тенденции цен на сырье и энергоносители, исчерпание задела возможностей импорта научно-технических знаний из-за рубежа в силу повышения уровня «зрелости» японской экономики) и т. д. Тем не менее очевидно, что если бы ухудшение внешних условий воспроизводства не было столь сильным и стремительным, переход Японии на «интенсивные рельсы» мог бы затянуться на весьма продолжительный период и произойти не столь болезненно, как это было в действительности. Переход этот еще не полностью завершен (так как определенные экстенсивные факторы продолжают действовать) и скорее всего продлится до конца 80-х годов, но то обстоятельство, что уже сейчас экономический рост Японии опирается преимущественно на интенсивные факторы, не вызывает сомнений. Безусловным является также и то, что именно форсированная реализация достижений НТП явилась одним из важнейших элементов, сделавших возможным этот переход, т. е. интенсификация экономического роста является наиболее агрегированным и самым важным результатом воздействия НТП на экономику Японии.

Переход Японии к интенсивной модели роста на базе ускорения реализации достижений НТП сопровождается парадоксальным на первый взгляд явлением - существенным снижением темпов экономического роста: среднегодовые темпы прироста ВНП в 1976—1984 гг. были почти вдвое ниже, чем в 1966—1973 гг. Однако на самом деле все здесь закономерно и объективно обусловлено. Во-первых, с ростом масштабов экономики каждый процент прироста «весит» больше и, следовательно, достигается с большими затратами. Так, если в 1970 г. 1% прироста ВНП Японии «весил» чуть более 1 трлн. иен, то в середине 80-х годов был вдвое «тяжелее». Во-вторых, немаловажную роль играют и сами специфические особенности нынешнего этапа НТП, под которым сейчас фактически понимают лишь три его ведущих направления: электронику, производство новых материалов и биотехнологию. Биотехнология пока что находится практически в «зачаточном» состоянии, и ее широкое внедрение в производство ожидается не ранее будущего столетия. С новыми материалами дело обстоит несколько лучше, однако и здесь, по самым оптимистичным прогнозам, масштаб рынка этих материалов в Японии в 2000 г. оценивается не более чем в 3% ВНП, т. е. и это дело будущего. Остается электроника. Хотя ее влияние на экономику преимущественно является качественным, а не количественным (так как ее материальный «вклад» в экономический рост в целом очень незначителен), тем не менее вряд ли можно отрицать, что реальная база НТП выглядит весьма узкой с точки зрения возможности стимулирования роста. В-третьих, действие рыночного механизма накладывает существенные ограничения на реализацию достижений НТП, отбирая не просто технически передовые, а лишь экономически рентабельные варианты, причем ценовые ограничители нередко «перекрывают» потенциальный эффект от внедрения результатов НТП, тем самым как бы «отбраковывая» их. В-четвертых, осуществляемый на базе НТП переход к интенсивной модели роста имманентно предполагает относительное, а зачастую и абсолютное сокращение масштабов вовлечения в экономический рост всех видов ресурсов (за исключением, пожалуй, интеллектуальных) за счет их более эффективного и рационального использования, что, естественно, снижает величину мультипликативного эффекта и, следовательно, темпы экономического роста. И наконец, в-пятых, замедление темпов роста экономики самым непосредственным образом связано со снижением темпов роста личного потребления (самого крупного компонента совокупного спроса), причем более быстрыми темпами, чем ВВП. Естественно, доминирующим фактором здесь является существенное падение темпов роста реальных доходов населения со второй половины 70-х годов. В то же время очевидно, что нынешний этап НТП не предлагает принципиально новых потребительских товаров, как это было в предыдущий период. Фактически вплоть до самого последнего времени Япония ориентировалась на американскую модель потребления 50-х годов, под которой понимается достаточно ограниченный, «стандартный» набор товаров длительного пользования. Когда же к середине 70-х годов эта модель в целом была достигнута (за исключением жилья), промышленность оказалась не в состоянии предложить новую модель. Появление на рынке таких новых, являющихся воплощением НТР товаров, как видеомагнитофоны и персональные компьютеры, не решило проблемы стагнации потребительского спроса, который стал все более «переключаться» на услуги.

Непосредственным проявлением перехода Японии к интенсивной модели экономического развития может служить тот факт, что замедление темпов роста таких важнейших компонентов совокупного спроса, как частные инвестиции в оборудование и частные конечные потребительские расходы, оказалось более интенсивным, чем снижение темпов ВНП (среднегодовые темпы прироста, %) 1:

Годы	Реальный ВНП	Личное потребление	Инвестиции в оборудование
1966—1973	9,9	15,4	19,6
19761984	4,7	8 ,2	7.2
1980—1984	4,3	6,2	6,4

Существенно повысилась эффективность использования ресурсов в японской экономике: за 1975—1983 гг. удельное потребление (по отношению к ВНП) кокса снизилось на 47,1%, черных металлов— на 52,5%, угля— на 36,4%, энергии— на 47,8%, электроэнергии (промышленного использования)— на 42,9% ². Нефтеемкость ВНП в 1984 г. была на 43% ниже, чем в 1973 г.³. Возросла и эффективность капитальных вложений: если в 1966—1973 гг. прирост ВНП на 1% обеспечивался за счет увеличения инвестиций на 1,98%, то в 1980—1983 гг.— на 1,49%.

Чрезвычайно важным является вопрос о влиянии НТП на отраслевую структуру японской экономики. Данная проблема глубоко исследована в работах И. П. Лебедевой, Е. Л. Леонтьевой, В. Я. Росина, поэтому здесь уместно отметить лишь следующее: «подталкивая» отраслевую перестройку в сторону большей науко- и интеллектуалоемкости, НТП, в свою очередь, стимулируется этой перестройкой, т. е. процесс в целом развивается как бы по спирали с постоянным ускорением. При этом особого внимания заслуживают два чрезвычайно примечательных явления, отражающие важнейшие направления структурной перестройки японской экономики. Это «сервизация» и «софтизация». Под «сервизацией» экономики понимается увеличение удельного веса комплекса отраслей сферы услуг во всем спектре макроэкономических параметров: конечном и промежуточ-

ном продукте, занятости, инвестициях и потребительском спросе. В сущности, процесс «сервизации» является объективным результатом экономического роста вообще (в силу долговременной тенденции опережения темпов роста производительности труда в материальном производстве по сравнению с нематериальным), однако связь его с НТП проявляется в том, что нынешний его этап резко ускорил этот процесс, повысил долю услуг производственного характера (в том числе и внутри самого материального производства), превратил значительные сегменты самой сферы услуг в область самостоятельной предпринимательской деятельности.

«Софтизация», будучи более широким понятием и включая в себя «сервизацию» в качестве важнейшего компонента, означает увеличение роли и места невещественных факторов в экономическом развитии. В отличие от «сервизации», динамика которой поддается четкому количественному измерению, процесс «софтизации» в значительной степени имеет качественную основу, что, естественно, не означает невозможности ее параметрирования в количественном аспекте. Наиболее явно «софтизация» проявляется в опережающих темпах роста инвестиций в невещественные факторы, в ресурсосберегающую технологию, в «индустрию знаний». В этом смысле «софтизация» является прямым результатом воздействия НТП на структуру всей экономики, включая межотраслевые связи. Нужно подчеркнуть, что часто упоминаемая в Японии «информатизация экономики и общества», под которой понимается целый комплекс проблем (превращение информации в важнейший ресурс экономического развития вследствие повышения роли внепроизводственных факторов роста, широкое распространение микроэлектроники, создание информационных сетей различной архитектуры, формирование информационно-индустриального комплекса и т. д.), также является одним из элементов «софтизации».

«Софтизация», включающая «сервизацию» и «информатизацию», определяет главное направление развития японской экономики. В промышленности важнейшим отраслевым сдвигом, сопровождавшим переход Японии к интенсивной модели роста, явилась резкая диспропорциональность в темпах роста различных групп отраслей. С одной стороны, отрасли материалопроизводящего типа, отличающиеся высокой энерго- и сырьеемкостью, существенно замедлили свои темпы вследствие ухудшения общих условий воспроизводства. Именно к этой группе относятся базовые отрасли тяжелой промышленности, внесшие самый большой вклад в обеспечение высоких темпов роста экономики в 50-60-е годы. Технологическая модернизация этих отраслей на базе внедрения достижений НТП позволяет многим из них до сих пор поддерживать высокий уровень международной конкурентоспособности (например, черной металлургии и судостроению), однако в целом динамизм их развития утраченным, что наиболее ярко проявилось в скрапировании

производственных мощностей (в производстве алюминия, нефтехимии и судостроения). С другой стороны, отрасли сложной переработки и комплексной сборки, в большей степени опирающиеся на НТП и в меньшей степени зависящие от движения цен на сырье и энергоносители (в силу высокого уровня добавленной стоимости в их продукции), смогли сохранить достаточно высокие темпы роста и на этой основе трансформировать отраслевую структуру: удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП повысился за период с 1975 по 1983 г. лишь на 0.5% (с 30.1 до 30.6%), в то время как доля отраслей машиностроительного комплекса увеличилась почти на 2% (с 10.2 до 12,1%), причем почти исключительно за счет электротехнического и транспортного машиностроения, доля которых выросла соответственно с 2,8 и 3,9% до 4,3 и 4,2% 4, при соответствующем сокращении удельного веса материалопроизводящих отраслей. Таким образом, в отличие от периода экстенсивного роста в настоящее время динамизм экономики поддерживается значительно более узким набором отраслей.

Еще одним чрезвычайно важным последствием «софтизации» японской экономики на базе развертывания НТП явилось сглаживание экономического цикла, связанное с изменением вклада материального и нематериального производства в экономический рост. Расчеты Е. Л. Леонтьевой показывают, что мультипликативное воздействие материальной сферы снижается, а нематериальной — повышается, и хотя мультипликативный эффект в материальной сфере пока что выше, тем неменее явно проявляется тенденция к их сближению. Выравнивание же мультипликативного воздействия различных сфер хозяйства на основе сокращения зависимости хозяйственного развития от сферы материального производства в целом повышает устойчивость экономического роста.

Очень ярко влияние НТП отразилось на внутреннем содержании инвестиционного процесса. Если снижение инвестиционной активности, особенно явное в начале 80-х годов, было преимущественно следствием общего ухудшения условий воспроизводства, то интенсификация инвестиционного процесса, проявившаяся в трансформации воспроизводственной, отраслевой и технологической структуры капиталовложений, является прямым следствием НТП. Во-первых, все более очевидной становится тенденция к переориентации инвестиционного процесса с вложений в новое строительство на реконструкцию. Если в 1966—1973 гг. на обновление активной части основного капитала шло чуть более $\frac{1}{5}$ валовых инвестиций, то теперь — около 1/2. Во-вторых, наблюдается замедление притока капитальных ресурсов в материальную сферу по сравнению с нематериальной. В самой же материальной сфере инвестиционная активность все более концентрируется в отраслях машиностроительного комплекса, и в первую очередь в электротехнике. При этом в масштабах всей экономики все большая доля инвестиционного спроса начинает удовлетворяться за счет роста производства в весьма ограниченном круге отраслей (моноцентризм межотраслевых инвестиционных потоков). В-третьих, широкое внедрение электроники во все сферы материального и нематериального производства меняет саму воспроизводственную структуру капитальных вложений, все более ориентирующуюся на новые виды техники и технологии. И наконец, в-четвертых, налицо наглядная «софтизация» инвестиций, вносящая новый смысл в понятие производственных капиталовложений и проявляющаяся в расширении затрат на невещественные факторы производства (НИОКР, «ноу-хау», «софтуэа» и т. п.). Особенностью этих затрат является то, что по своему экономическому содержанию и по характеру участия в производственном процессе они выступают как основной капитал (появилось даже новое понятие — софт капитал сток).

Чрезвычайно своеобразным оказывается воздействие НТП на соотношение монополии и конкуренции. Этот вопрос рассматривается в другой статье, поэтому отметим здесь самое главное. Относительно узкая база НТП, реализующегося сейчас в весьма ограниченном круге отраслей, объективно влечет за собой повышение уровня монополизации. Так, на долю пяти крупнейших производителей в 1984 г. приходилось 90,7% выпуска больших ЭВМ, 87% — словных процессоров, 82,5% — персональных компьютеров, 79% — интегральных схем, 75% — цветных телевизоров, 74,4% — видеомагнитофонов 5. В то же время именно концентрация потенций роста в узком кругу динамично развивающихся отраслей необычайно обостряет конкуренцию за счет стремления аутсайдеров (зачастую тоже весьма крупных фирм) «прорваться к пирогу». Кроме того, спецификой нынешнего типа НТП является то, что во многих отраслях он носит как бы «очаговый» характер, создавая большое число новых рынков за счет «отпочкования» многочисленных подотраслей, производств, различных видов услуг. Это предоставляет достаточный «простор» для деятельности мелких и средних фирм, в том числе и «венчурных», что еще более усиливает конкуренцию. Факты японской действительности свидетельствуют, что в настоящее время вторая тенденция является преобладающей. Таким образом, в японских условиях активизация конкурентных начал является прямым следствием НТП, причем здесь действует и обратная связь — ужесточение конкуренции «подстегивает» темпы НТП.

Активная реализация достижений НТП оказала существенное влияние и на внешнеэкономический блок японской экономики. Во-первых, это явная тенденция к изменению характера участия Японии в международном разделении труда: от вертикального межотраслевого — к горизонтальному внутриотраслевому, что особенно наглядно проявляется в отношениях Японии с другими развитыми капиталистическими странами. Во-вторых, изменение потоварной структуры внешней торговли: в импор-

те — переориентация с массированного ввоза сырья общего назначения на избирательный ввоз специализированных видов сырья и полуфабрикатов; в экспорте — повышение удельного веса «высокотехнологичных» товаров (промышленные роботы, интегральные схемы, телекоммуникационное оборудование, бытовая электроника). В-третьих, снижение уровня зависимости от импорта иностранной технологии и превращение Японии с середины 70-х годов в нетто-экспортера технических знаний, причем при опережающих темпах роста такого экспорта в развитые капиталистические страны.

Особого внимания заслуживает вопрос о социально-экономических последствиях НТП, представляющий собой чрезвычайно сложную и комплексную проблему, требующую углубленного и всестороннего анализа. В связи с этим мы укажем здесь лишь наиболее явные, «лежащие на поверхности» сдвиги, многие из которых связаны преимущественно с трансформацией общеэкономической ситуации и лишь косвенно — с воздействием НТП. Первое — это изменение всех параметров структуры занятости. В отраслевом разрезе имеет место сокращение удельного веса занятых в «первичном» и «вторичном», секторах при повышении доли «третичного» сектора, и в первую очередь сферы услуг. В профессиональном аспекте наблюдается сокращение доли физического труда при росте удельного веса умственного за счет увеличения числа специалистов (ИТР, управляющих, занятых в НИОКР и т. д.) и квалифицированных работников. Изменение половозрастной структуры занятости происходит в сторону расширения масштабов вовлечения в экономическую деятельность женского труда и повышения удельного веса работников старших возрастов (вследствие активизации процесса старения населения). Второе — это обострение проблемы занятости, связанное в первую очередь с тем, что широкое внедрение микроэлектроники (в форме автоматизации заводов и конторского труда), обладающей сильным ресурсосберегающим (в том числе и живого труда) потенциалом, ведет к исчезновению многих «старых» массовых профессий, к «выталкиванию» рабочей силы из процесса воспроизводства. В силу особенностей японской системы найма этот процесс пока что протекает относительно сглаженно, однако, как ожидается, уже в конце 80-х начале 90-х годов он «заявит о себе в полную силу». Так, практически все прогнозы предусматривают повышение уровня безработицы, различаясь лишь «степенью пессимистичности»: прогноз НИИ «Номура» оценивает этот уровень в 4,2% экономически активного населения в 1990 г. и в 5,5% в 1995 г.°, прогноз НИИ национальной экономики — в 3,3% в 1989 г. и в 3.4% в 1994 г.7. Даже всегда отличающийся наиболее оптимистичными прогнозами Японский центр экономических исследований (ЯЦЭИ) предполагает, что уровень безработицы повысится с 2,7% в 1984 г. до 3,4% в 1989 г.в. При этом примечательно, что рост безработицы будет сопровождаться увеличением дефицита по широкому спектру профессий, непосредственно связанных с НТП, что уже сейчас является следствием качественного несовпадения спроса и предложения труда. И наконец, третье — это замедление темпов роста пролетаризации населения и ослабление позиций рабочего класса в классовой борьбе с буржуазией, проявляющееся в снижении степени охвата трудящихся профессиональными союзами и резком падении накала забастовочного движения. Эти проблемы требуют особого осмысления и углубленного анализа.

Таким образом, влияние НТП на экономику Японии является многоплановым и комплексным, что требует дальнейшего его изучения.

Рассчитано по: Қэйдзай ёран, 1985, Токио, 1985, с. 14-15.

Рассчитано по: Кэйдзай ёран, 1985, с. 14, 118—125.

 ³ Japan 1985. An International Comparison. Tokyo, 1985, с. 63.
 ⁴ Рассчитано по: Кокумин кэйдзай кэйсан нэмпо (Ежегодник национальных счетов) за соответствующие годы.

⁵ Japan 1985. An International Comparison, c. 25.

6 Номура сого кэнкюдэё. Нихон кэйдзай-но тёки тэмбо. 1985—1995 (Долгосрочный прогноз экономики Японии. 1985—1995), с. 27.

⁷ Кокумин кэйдзай кэнкю кёкай. 1994 нэн-но нихон кэйдзай (Экономика

Японии в 1994 г.), с. 22.

⁸ Нихон кэйдзай кэнкю сэнта. Дай 11 кай 5 ка нэн кэйдзай ёсоку. Сёва 60 нэн — 64 нэн (Японский центр экономических исследований, 11-й пятилетний прогноз развития экономики. 1985—1989 гг.). Токио, 1985, с. 39.

ЯПОНСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

В японском сельском хозяйстве за последние два-три десятилетия произошли большие изменения, в значительной степени преобразовавшие облик деревни. За сравнительно короткий срок сельское хозяйство превратилось из отсталой, полуфеодальной области экономики, основанной на ручном труде, во

вполне современную отрасль народного хозяйства.

Эти изменения в значительной степени явились следствием научно-технического прогресса. Роль последнего в развитии послевоенного сельского хозяйства страны трудно переоценить. Внедрение достижений науки и техники начало осуществляться в отрасли еще с конца XIX в. Однако вплоть до окончания второй мировой войны как сами исследования в области сельско-хозяйственных наук, так и особенно масштабы их внедрения в практику были очень незначительны. Полуфеодальная аграрная структура, наличие огромной массы лишних рабочих рук являлись серьезным препятствием на пути научно-технического прогресса в отрасли.

Комплекс различных правительственных мероприятий, проведенных в деревне за послевоенный период, и прежде всего земельная реформа, отдавшая землю в руки тех, кто ее обрабатывает, а также общее развитие экономики страны ликвидировали основные препоны на пути внедрения научно-технических новшеств в сельскохозяйственное производство, открыли возможность модернизации отрасли. Большое значение в качестве предпосылки этой модернизации имели расширение и углубление самих научных исследований в области сельскохо-

зяйственных наук.

Усилиями научных учреждений страны были выведены новые продуктивные сорта сельскохозяйственных культур, более устойчивые к неблагоприятным погодным условиям, к болезням и вредителям растений, отзывчивые на удобрения, позволяющие использовать механизацию. Сконструированы сельскохозяйственные машины, приспособленные к работе в условиях японского хозяйства, для которого характерными являются малые размеры полей, влажная почва, полегание растений. Созданы новые виды удобрений и пестицидов, улучшены методы их применения. Отработана технология производства овощей и других

культур в защищенном грунте. Разработаны различные нормы для первичной обработки, упаковки и хранения продукции и т. д. Работа ученых была направлена также на улучшение вкусовых качеств продукции и снижение удельных затрат на ее производство.

Внедрению достижений науки и техники в производство способствовало также повышение уровня профессиональной подготовки занятых в отрасли, хорошо поставленная агропропаганда, организация семеноводства и племенного дела, целенаправленное кредитование хозяйств со стороны государства, местной администрации и кредитных учреждений сельскохозяйственной кооперации, высокий уровень развития смежных с сельским хозяйством отраслей промышленности и соответствующие усилия с их стороны по реализации своей продукции (пропаганда новых препаратов, послепродажное обслуживание купленной техники и т. д.).

Особо надо отметить тесное взаимодействие между научными сотрудниками префектурных опытных станций и работниками службы распространения сельскохозяйственных знаний. Наиболее тесные связи науки и производства наблюдались в новых для Японии отраслях хозяйства. Так, в овощеводстве закрытого грунта примерно в 30% хозяйств новшества использовались еще до их официальной публикации, еще 30% применяли эти достижения через два года после их публикации и все остальные — через год 1.

В настоящее время большинство хозяйств использует в производстве рекомендуемые научными учреждениями сортовые семена и продуктивные породы скота и птицы, а также применяют современную технологию. Так, 95% площади под рисом, около 70% под соей и 58% под чайными кустами заняты селекционными сортами. Гибридными семенами высевается 90% основных видов овощей 2. По применению сельскохозяйственных ядохимикатов для борьбы с вредителями и болезнями растений Япония стоит на первом месте в мире (а до войны пестициды практически не использовались), по внесению минеральных удобрений — в первой десятке стран. В животноводстве Япония почти 100% молочных коров осеменяется искусственным путем (в то время как в странах ЕЭС лишь 60%). Повсеместно вводится новейшая техника, с начала 80-х годов началось внедрение в производство ЭВМ. Практически завершена комплексная механизация рисоводства. Созданы новые отрасли сельского хозяйства — выращивание бройлеров, а также овощеводство, плодоводство и цветоводство закрытого грунта, по площади которого Япония занимает первое место в мире. Уже работает ряд экспериментальных овощефабрик, где продукция выращивается методом гидропоники в условиях контролируемой атмосферы в несколько раз быстрее, чем в полевых условиях.

Такие отрасли, как птицеводство яичного и мясного направления, ведутся, как правило, на индустриальной основе.

В результате реализации достижений научно-технического прогресса повысилась урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота и птицы. По нашим подсчетам, во второй половине 70-х годов за счет роста урожайности было получено свыше 20% производства затопляемого риса и почти 30% всего урожая кормовых культур (кормовых трав, кукурузы и сорго на силос) 3. По урожайности риса Япония входит в первую шестерку стран (по данным ФАО). При этом надо учитывать, что рис здесь возделывается по всей стране, в том числе на о-ве Хоккайдо, несмотря на неблагоприятные климатические условия для него.

Заметно повысилась и продуктивность в животноводстве. Так, за 1960—1986 гг. поголовье молочных коров выросло в

2,5 раза, а производство молока — в 4 раза 4.

Одним из важнейших последствий внедрения результатов научно-технического прогресса в сельскохозяйственное производство явилось значительное ускорение в послевоенный период темпов роста производительности труда в отрасли. По данным официальной статистики, среднегодовые темпы прироста этого показателя за первые 40 лет XX в. составляли 1,9%, а за 1960—1985 гг.— 5,6% 5.

По отдельным видам продукции динамика производительности труда выглядит следующим образом: в 1980 г. по сравнению с 1965 г. за 1 час рабочего времени производилось коконов, мандаринов, сои и риса больше в 2—2,4 раза, молока—в 3,4, сахарной свеклы—в 3,6, свинины и яиц—в 4,8—4,9, пшеницы—в 5,8 раза в.

Основным фактором роста производительности труда является применение интенсивных технологий в производстве, прежде всего механизация его процессов. В свою очередь, рост производительности труда становится важнейшим фактором увеличения производства продукции, так как на протяжении уже длительного периода происходит постоянное сокращение посевных площадей и численности занятых в этой отрасли хозяйства.

В то же время на пути развития сельского хозяйства Японии стоят сложные и подчас трудноразрешимые проблемы. Прежде всего нельзя не отметить все еще неудовлетворительный уровень развития отрасли. В области производительности труда она значительно отстает от обрабатывающей промышленности и других отраслей экономики Японии, а также от сельского хозяйства большинства развитых капиталистических стран. Так, стоимость чистой продукции в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве в 1983—1985 гг. составляла лишь 27—28% этого показателя в обрабатывающей промышленности 7. Особенно велика разница при сравнении сельского хозяйства и смежных с ним отраслей.

Хотя по темпам роста производительности труда в сельском хозяйстве Япония в 70-е годы обогнала США, Англию, ФРГ, Францию и Италию, в абсолютном выражении производитель-

161

ность труда составила в Японии в начале 80-х годов лишь 21%, уровня США, 37—40% — уровня Швеции, ФРГ и Англии и 60% — уровня Италии в.

Другой важной проблемой, непосредственно связанной спредыдущей, являются сравнительно низкие темпы развития сельскохозяйственного производства. В среднем за 1960—1986 гг. ежегодные темпы прироста составляли 1,4%. Быстро и стабильно развивается лишь животноводство (5,7%), перекрывая сокращение производства ряда земледельческих культур.

Низкие темпы роста сельскохозяйственного производства создают, в свою очередь, серьезную проблему, связанную с возможностями обеспечения населения продовольствием за счет внутренних ресурсов. Она усугубляется не только ростом численности населения, но и повышением калорийности питания в расчете на одного человека. В наибольшей степени спрос на продовольствие за счет внутреннего производства покрывался на рубеже конца 50-х — начала 60-х годов. После 1960 г. он с некоторыми колебаниями все время снижался и стабилизировался в конце 70-х — начале 80-х годов на уровне 72—73%. Особенно низким является процент самообеспеченности зерновыми (за исключением риса), главным образом ввиду нехватки фуражного зерна. Все это привело к тому, что Япония является одним из крупнейших импортеров продовольствия в мире.

С середины 70-х годов японское правительство начало принимать меры к повышению степени самообеспеченности продовольствием. Толчком к этому, в частности, послужило использование Вашингтоном зависимости Японии от импорта продовольствия для оказания на нее давления. В настоящее время повышение степени самообеспеченности продуктами питания является составной частью концепции обеспечения комплексной безопасности страны.

Серьезной проблемой сегодняшнего сельского хозяйства страны является и степень его эффективности. Происходящая индустриализация сельского хозяйства, введение интенсивных технологий значительно повысили материалоемкость и капиталоемкость японской сельскохозяйственной продукции. В течение-20 лет (1960—1980) темпы прироста капиталовооруженности значительно опережали темпы прироста производительности труда, что привело к быстрому росту капиталоемкости продукции. В начале 80-х годов положение несколько изменилось. В 1980—1984 гг. темпы прироста капиталовооруженности были выше (соответственно 2,65 и 2,2%) и капиталоемкость несколько снизилась. Но насколько эта тенденция станет стабильной, пока сказать трудно. Другие частные показатели эффективности: например, эффективности материальных затрат (стоимость валовой продукции на единицу материальных затрат) и экономической эффективности капитальных вложений (отношение прироста конечной продукции к чистым инвестициям) — также показывали понижательную тенденцию. Правда, надо отметить, что в 70-е годы темпы снижения этих показателей эффективности были намного ниже, чем в 60-е годы, а в начале 80-х годов наблюдается даже некоторое повышение экономической эффективности капитальных вложений 9.

Высокий уровень издержек производства создает еще две проблемы. Это, во-первых, неконкурентоспособность японской сельскохозяйственной продукции на внешнем рынке. И отсюда вытекает невозможность для Японии открыть рынок для свободного ввоза ряда продуктов питания из-за границы, поскольку это может повести за собой разорение значительной части производителей и создать не только экономические, но и социальные трудности. Ограничения на импорт этой продукции, в свою очередь, вызывают трения между Японией и ее внешнеторговыми партнерами.

Во-вторых, высокий уровень издержек производства вызывает необходимость государственной поддержки сельскохозяйственного производителя. Ибо только за счет сравнительно высоких государственных закупочных цен на рис и системы поддержания цен на другие виды продукции большинство японских жрестьян имеет возможность вести расширенное воспроизводство.

Основной причиной низкого уровня прироста сельскохозяйственного производства и других отмеченных проблем является наличие большого числа мелких хозяйств.

Средний размер землепользования в стране составляет 1,2 га. В 1985 г. свыше 43% хозяйств (без учета Хоккайдо, где размеры землепользования выше, чем в остальной Японии) имели в пользовании менее 0,5 га. Их экономические показатели намного ниже, чем в сравнительно крупных хозяйствах. Уровень производительности труда в хозяйствах, имеющих до 0,5 га земли (без учета Хоккайдо), в 1985/86 г. был в 4 раза ниже, чем в хозяйствах размером 2 га и более (а ведь в 80-е годы сравнительно крупными хозяйствами в Японии можно называть лишь имеющих не менее 3 га земли!). Стоимость же основного капитала на единицу площади в этих хозяйствах была на 17% выше, чем в имеющих 2 га. Отсюда фондоотдача и выход (чистой) продукции на единицу обрабатываемой площади были соответственно в 3,5 и в 2,9 раза ниже, чем в сравнительно крупных 10. Среди тех хозяйств, основным источником доходов которых является работа в других отраслях экономики, много мелких. В среднем чистый сельскохозяйственный доход в таких хозяйствах составлял лишь 12-20% уровня доходов в других группах хозяйств. А в 1985 г. они составляли около 70% всего числа хозяйств страны, имели в своем пользовании 43% сельскохозяйственных угодий и давали 31% продукции, в том числе 52% риса ¹¹.

Издержки производства на единицу продукции в животноводстве в сравнительно мелких хозяйствах (имеющих менее 10 голов крупного рогатого скота, 30 голов свиней и 5 тыс. несушек) превышали соответствующий показатель в крупных

(имеющих более 30 молочных коров, 20 мясных коров, 300 голов свиней и 10 тыс. несушек) на 9-27%. В рисоводстве издержки производства в хозяйствах, имеющих менее 0,5 га земли, превышали этот показатель в имеющих свыше 2 га — на 36% ¹².

В мелких хозяйствах сельскохозяйственные доходы едва покрывают материальные издержки производства. В 1983— 1985 гг. эти издержки составляли свыше 80% их валового сельскохозяйственного дохода. Высокий уровень материало- и капиталоемкости производства, и прежде всего наличие большого количества техники, особенно сказывается на рентабельности мелких хозяйств, где эта техника используется крайне непроизводительно. В то же время именно благодаря наличию машин и интенсивных технологий, т. е. благодаря научно-техническому прогрессу, мелкие хозяйства и могут существовать; их владельцы имеют возможность заниматься сельским хозяйством в свободное от другой работы время. Но, как было сказано выше, наличие таких хозяйств, в свою очередь, задерживает дальнейшее развитие отрасли, так как их существование стоит на пути полной реализации достижений научно-технического прогресса. Достигнув определенного уровня развития, их владельцы уже не заинтересованы в дальнейшем совершенствовании водства.

Начиная с 60-х годов в Японии предпринимались различные мероприятия, направленные на укрупнение хозяйств (в частности, такие, как льготное финансирование, организация производственных объединений, машинных банков). Однако эта политика пока не дала ощутимых результатов. Мелкие хозяйства (причем мелкие даже по японским масштабам) все еще, как было показано, дают весьма значительную долю продукции; особенно это относится к земледелию — основной отрасли сельскохозяйственного производства.

В настоящее время определенные перспективы развития сельскохозяйственного производства и повышения самообеспеченности страны продовольствием связывают со значительным повышением продуктивности сельского хозяйства на основе нового витка научно-технического прогресса. В последние годы все больше внимания обращается на изучение таких проблем, как экономия энергии и других ресурсов, создание безотходных производств, в частности изучаются вопросы переработки сельскохозяйственных отходов на корма и удобрения. Особое внимание придается разработке биотехнологий.

В документе, принятом в 1983 г., научно-технический совет министерства сельского, лесного и рыбного хозяйства, выдвинул как основные следующие направления исследований: развитие производительных сил и производительности труда на основе повышения генетических способностей живых организмов; удовлетворение растущего и становящегося все более разнообразным потребительского спроса на основе улучшения технологии в

области сбыта и переработки продукции; охрана окружающей среды на основе изучения и рационального использования живых организмов; создание локальных жизнеспособных систем; проведение научных разработок с перспективой развития в XXI в. на основе таких передовых областей науки, как биотехнология.

Для выполнения такого рода исследований была проведена реорганизация сети государственных научных учреждений в области сельского хозяйства. С декабря 1983 г. начали работать два новых научно-исследовательских института: Институт изучения биоресурсов в области сельского хозяйства и Институт экологических проблем сельского хозяйства. В их обязанности входит сбор и сохранение генетических ресурсов, селекция на основе методов слияния клеток и пересадки генов, радиационная селекция, разработка методов повышения фотосинтезирующей способности растений, вопросы безотходного производства, охраны окружающей среды, разработка биологических мер защиты от болезней и вредителей животных и растений, альтернативных нефти источников энергии.

В 1984 г. при Научно-техническом совете министерства создан специальный отдел биотехнологических исследований в качестве координирующего органа изучения этих передовых технологий. Были созданы также Совет содействия развитию передовых технологий и две ассоциации: по разработке пестицидов на основе биотехнологических исследований и по проблемам биореакторов. Все эти три организации созданы в тесном сотрудничестве с частными промышленными фирмами. И наконец, планируется создание комплексной информационной системы, призванной осуществлять сбор за границей, сохранение и распределение генетических ресурсов, а также селекционную работу 13.

О возможных сроках внедрения новейших технологий можно судить на основании данных опроса, проведенного Управлением по науке и технике в начале 80-х годов среди авторитетных научных и промышленных кругов. Согласно этим данным, в начале 90-х годов будут внедрены в производство технологии получения физиологически активных веществ с помощью культуры тканей и высокопородного потомства путем пересадки эмбрионов. Во второй половине 90-х годов можно ожидать реализании исследований в области генетического культур и скота путем применения методов молекулярной биологии и получения новых видов культур и животных путем слияния клеток и ядер. К концу века средняя урожайность затопляемого риса должна повыситься в 1,5 раза по сравнению с началом 80-х годов. К этому же сроку будут созданы локальные системы использования биомассы и широко внедрены биологические методы борьбы с вредителями и болезнями растений. В начале следующего века степень обеспечения кормами за счет собственного производства фуражных культур с высоким

уровнем содержания перевариваемых веществ возрастет с 30 до 60% 14.

Согласно долгосрочным прогнозам развития японского сельского хозяйства с учетом внедрения достижений НТП, темпы прироста сельскохозяйственной продукции составят в течение 1984—1993 гг. 2,2%. Ожидают также, что производство зерновых повысится к 2005 г. против 1980 г. примерно в 2 раза, производство мяса — в 1,7 раза, молока — более чем в 2 раза, а доля продукции животноводства в общем объеме валовой продукции отрасли — с 30 до 40%, т. е. производственная структура станет более сбалансированной. Предполагается также значительное сокращение общего числа сельских дворов, создание к этому времени примерно 400 крупных предпринимательских хозяйств — производителей основной доли сельскохозяйственной продукции, которая будет выдерживать конкуренцию мирового рынка 15.

¹ Farming Japan. 1976, № 3, c. 24.

2 Нихон ногё нэнкан (Японский сельскохозяйственный ежегодник). Токио, 1982, с. 264; Дайдзу гэппо. 1983, № 11, с. 5—6; Farming Japan. 1985, № 1,

³ Подсчитано по: Покэтто норинсуйсан токэй (Карманный справочник по сельскому, лесному и рыбному хозяйству), Токио, 1963, с. 148—149; 1982,

4 Покэтто норинсуйсан токэй, 1963, с. 219, 225; 1988, с. 251, 258.

5 Подсчитано по: Оути Цутому. Нихон ногёрон (Сельское хозяйство Япо-

нии), 1978, с. 207; Ногё хакусё фудзоку токэйхё, 1987, с. 17.

6 Ногё хакусё фудзоку токэйхё (Статистическое приложение к Белой книге по сельскому хозяйству). Токио, 1982, с. 37; Нихон ногё нэнкан, 1981, с. 276.

7 Ноге хакусе фудзоку токэйхе, 1987, с. 18.

⁸ Подсчитано по данным ФАО. The State of Food and Agriculture. Rome 1984, c. 203-204; 1985, c. 173-174.

9 Рассчитано по: Ногё хакусё фудзоку токэйхё, 1986, с. 23; Покэтто норинсуйсан токэй за соответствующие годы.

10 Покэтто норинсуйсан токэй, 1987, с. 142.

¹¹ Там же, с. 143; Ногё хакусё фудзоку токэйхё, 1987, с. 136.

¹² Нихон ногё нэнкан, 1986, с. 474, 484—487.

13 Нихон ногё нэнкан, 1984, с. 77. 14 Нихон-но гидзюцу. Мирай нэмпё 1982—2010 (НТП в Японии. Перспективы на 1982—2010). Токио, 1983, с. 16—17, 77—79, 143—169.

15 Нихон кэйдзай но тёки тёмбо (Долговременный прогноз развития японской экономики). Токио, 1984, с. 39.

ВЕНЧУРНЫЙ БИЗНЕС И ВЕНЧУРНЫЙ КАПИТАЛ В ЯПОНИИ

Перестройка японской промышленности в направлении снижения ее энерго- и материалоемкости и повышения наукоемкости привела к возникновению новой формы предпринимательства — венчурного (рискового) бизнеса или мелкого предпринимательства исследовательского типа.

Венчурное предпринимательство — явление относительно новое для японской экономики. В отличие от США, где венчурный бизнес начал развиваться с конца 50-х годов на основе многочисленных идей, родившихся в ходе выполнения университетами, колледжами и другими научными центрами правительственных заказов на НИОКР, в Японии он существует не более 8—10 лет.

Две основные причины обусловили бурное развитие венчурного предпринимательства в Японии в последние годы. С одной стороны — это достаточно высокий уровень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, достигнутый ко второй половине 70-х годов. С другой — перенакопление капитала как следствие сужения традиционных сфер финансирования и инвестирования капитала в Японии.

В Японии пока не выработаны единые четкие критерии определения венчурных предприятий, поэтому даются самые различные оценки их количества. Так, по оценке МВТП, их насчитывается свыше 5 тыс., а по мнению некоторых японских ученых, не более 200—300 ¹.

Наиболее четкий набор критериев для определения венчурных предприятий дала «Никкэй сангё симбун» («Японская экономическая газета») ².

Согласно определению этой газеты, к венчурным могут быть отнесены мелкие и средние предприятия следующего типа:

- разрабатывающие собственную оригинальную технику и технологию;
- 2) демонстрирующие высокие темпы развития;
- 3) основанные в последние 10-20 лет;
- 4) имеющие объем ежегодных продаж не более 10 млрд. иен.
- В январе 1984 г. «Никкэй сангё симбун» провела обследование 1000 венчурных компаний, выделенных в соответствии с названными выше критериями. В результате оказалось, что в

среднем за 1979—1982 гг. темпы роста продаж у венчурных компаний в 2 раза превышали показатели 581 крупнейшей компании, зарегистрированной в первой секции Токийской фондовой биржи, и в 5 раз — показатели 290 крупнейших компаний, зарегистрированных во второй секции Токийской фондовой биржи. Лишь за 1982—1984 гг. 100 наиболее быстро развивающихся венчурных компаний увеличили объем продаж в 2,2 раза; при этом среди них есть компании, увеличившие объем продаж в эти годы в 20—40 раз 3.

Венчурные предприятия концентрируются в основном в производстве программного обеспечения ЭВМ, электронном и точном машиностроении, тонкой химии, биотехнологии, производстве пищевых продуктов. Наряду с высокими темпами роста их отличает также более высокая, чем у других предприятий, доля расходов на научные исследования. Так, у 1000 опрошенных «Никкэй сангё симбун» венчурных компаний в 1983 г. доля расходов на научные исследования в объеме продаж составила в среднем 3,2%, в то время как у крупнейших компаний, зарегистрированных на Токийской фондовой бирже,— в среднем 2%. При этом более чем у 100 венчурных компаний этот показатель превышал 10%.

В условиях ожесточенной капиталистической конкуренции успех венчурных предприятий зависит прежде всего от их подвижности и расторопности: насколько быстро они смогут внедрить результаты своих исследований в производство, насколько быстро смогут использовать информацию о рынках для развития научных исследований в определенных направлениях, для предвосхищения новых потребностей. Так, на вопрос газеты «Нихон кэйдзай симбун»: «В чем секрет ваших успехов?»— 17 из 100 обследованных наиболее быстро развивающихся венчурных компаний ответили: «В предвидении новых потребностей», а 13 компаний ответили: «Нам удалось перехватить рынок» 4.

Многое в деятельности венчурных предприятий, прежде всего их возможность предвосхитить новые потребности рынка, зависит от интуиции и способностей их менеджеров. Менеджеры венчурного бизнеса — это, как правило, высококвалифицированные специалисты, обладающие способностями к оригинальной творческой деятельности, смелостью и предприимчивостью, готовностью к риску.

По данным за 1983 г., менеджеры венчурных предприятий были в среднем на 12 лет моложе менеджеров компаний, за-регистрированных на Токийской фондовой бирже (соответственно 47,5 года и 59,1 года); при этом около 40% президентов венчурных компаний—лица моложе 45 лет.

Свыше 70% президентов венчурных компаний прежде являлись служащими ведущих японских фирм, в частности таких, как «Син Нихон сэйтэцу», «Мицуи Буссан», «Сони», «Хитати сэйсакусё». Лишь ¹/₃ из них получили гуманитарное образова-

ние, в то время как 2 /₃ — техническое. При этом интересно отметить, что наряду с выпускниками ведущих японских университетов, таких, как Васэда, Кэйо, Токийский, среди президентов венчурных компаний встречаются и те, кто имеет лишьсреднее образование. Так, среди президентов 100 ведущих венчурных компаний 50% — выпускники частных университетов, 26% — выпускники государственных университетов, 16% — выпускники средних специальных учебных заведений, 5% — окончили полную среднюю школу, 3% — среднюю школу.

Жизненный цикл венчурного предприятия состоит из следую-

щих периодов:

1) разработка научной идеи;

- 2) воплощение результатов научных исследований в производство;
- 3) налаживание производства;
- 4) освоение массового выпуска продукции;

5) стабильный рост.

Наибольшей степенью риска отличается первый период разработка научной идеи. Точных сведений о количестве и доле терпящих крах венчурных предприятий получить не удалось, но, по мнению Като Хироси (университет Кэйо), на стадии разработки научной идеи банкротами становятся около 2/3 венчурных предприятий. Большинство венчурных предприятий (свыше 80%) начинают дело, опираясь на собственные деньги или на деньги своих ближайших родственников и друзей. Внешние источники финансирования (венчурный капитал, правительственные организации, занимающиеся финансированием мелкого и среднего предпринимательства, банки) подключаются к финансированию венчурного бизнеса на последующих стадиях, когда уже становится возможным оценить результаты и перспективы научных степень риска соответственно существенно исследований И уменьшается.

Потребность венчурных предприятий в привлечении значительных заемных средств привела к образованию нового звена в структуре кредитно-финансовой системы Японии — венчурного капитала, представляющего собой компании, специализирующиеся на финансировании венчурного предпринимательства, в том числе частные компании, главным образом в форме партнерских фондов, банки, государственные и префектуальные организации содействия развитию венчурного бизнеса.

Частный венчурный капитал представляет собой акционерные компании, капитал которых состоит из взносов финансовых органов (банков, страховых компаний), брокерских фирм, промышленных и прочих монополий, а также индивидуальных вкладчиков. В соответствии с правилами, регулирующими деятельность этих партнерств, величина каждого отдельного пая определена в размере 50—100 млн. иен (одна и та же компания может одновременно сделать несколько взносов). При этом пай не может быть изъят в течение 10 лет, т. е. периода, ко-

торый обычно проходит от начала деятельности фирмы до вы-

хода ее на фондовую биржу.

В 1983 г. в Японии существовало уже более 30 компаний венчурного капитала, общая сумма капиталовложений которых составила около 30 млрд. иен. Основной формой финансирования ими венчурных предприятий является приобретение пакета акций. Если дела венчурного предприятия идут успешно и оно получает возможность публичной продажи акций, компания, владеющая пакетом акций этого предприятия, получает огромные доходы за счет значительного роста цены акций.

Наряду с приобретением пакета акций венчурный капитал приобретает краткосрочные и долгосрочные облигации венчурных предприятий и предоставляет им долгосрочные кредиты.

Обычно инициаторами создания партнерств, финансирующих венчурные предприятия, выступают брокерские фирмы, т. е. компании по операциям с ценными бумагами («сёкэн гайся»). Для того чтобы получить возможность продать свои акции венчурному капиталу, венчурные предприятия должны представить «сёкэн гайся» сведения, полностью раскрывающие различные стороны их деятельности, в том числе технические и коммерческие секреты. В «сёкэн гайся» созданы специальные отделы, занимающиеся анализом этих сведений (сохранение тайны при этом гарантируется). Отобрав перспективные, с их точки зрения, предприятия, «сёкэн гайся» приступают к организации партнерства, рекомендуя различным банкам, монополиям, страховым фирмам и т. д. приобретать акции этих предприятий.

Владея часто весьма значительной частью акций венчурного предприятия, компании венчурного капитала крайне заинтересованы в успехе дела и скорейшем выходе предприятия на рынок ценных бумаг. Их содействие развитию венчурных предприятий проявляется не только в предоставлении финансовых ресурсов, но и в оказании различных консультационных услуг в области маркетинга, управления, а часто — и в прямом участии в управлении предприятием.

В случае успеха венчурное предприятие получает возможность публичной продажи акций на бирже (на второй секции), но чаще на так называемом рынке «тэнто сидзё». «Тэнто сидзё» представляет собой, по существу, ту же биржу, но со значительно более либеральными условиями регистрации компаний в отношении размеров капитала, уровня дивидендов и т. д. В декабре 1983 г. условия регистрации компаний на «тэнто сидзё» были еще более смягчены, благодаря чему многие венчурные предприятия получили возможность публичной продажи акций на этом рынке.

Облегчение венчурным предприятиям условий выхода на рынок ценных бумаг приводит к сокращению срока от начала деятельности предприятия до публичной продажи акций, т. е. означает, по существу, ускорение оборота капитала, а следовательно, и более быстрый возврат вложенных средств. Вот почему в последние 2—3 года значительно усилился интерес к финансированию венчурных предприятий не только со стороны компаний венчурного капитала, но и со стороны японских банков.

Многие банки, до этого имевшие дело с венчурами путем участия в партнерских фондах, приступают теперь к финансированию венчуров напрямую — путем предоставления им кредитов.

Как это ни парадоксально, но, несмотря на значительный риск, условия предоставления банками кредитов венчурам являются весьма благоприятными. Так, долгосрочные кредиты предоставляются им, как правило, на уровне ставки «прайм рэйт», т. е. на наиболее благоприятных условиях, на которых кредитуются обычно крупнейшие предприятия, заслуживающие безусловного доверия (в среднем 7,2% годовых).

С целью облегчения венчурным предприятиям финансовогобремени некоторые банки используют так называемую систему «двойных ставок». В течение определенного периода времени после предоставления кредита они взимают с венчуров более низкий процент, чем обычно, а затем по мере освоения предприятием этих средств поднимают процент до обычного уровня.

Переход японских банков к кредитованию венчуров на условиях «наибольшего благоприятствования» объясняется следующими двумя обстоятельствами. С одной стороны, как уже отмечалось выше, произошло сужение традиционных сфер финансирования японских банков. С другой стороны, японские банки, в отличие от американских делающие акцент на долгосрочных стратегических интересах, несмотря на определенный риск, идут на расширение сделок с венчурами, рассматривая их как «крупные предприятия XXI века», «хороших клиентов XXI века». При этом расчеты многих из них основаны на опыте финансирования венчуров путем участия в партнерских фондах.

В то же время следует отметить, что возросший интерес японских банков к финансированию венчурного бизнеса отнюдь не означает, что кредит может получить любое венчурное предприятие. Как правило, прежде чем предоставить венчурным предприятиям кредиты, японские банки проводят более строгую, чем обычно, проверку состояния их дел, а предоставив кредит, осуществляют контроль за деятельностью предприятий, консультируют их по вопросам финансов и управления.

Отражением благоприятных изменений в сфере финансирования венчурного бизнеса является тот факт, что из 1000 опрошенных газетой «Никкэй сангё симбун» венчурных предприятий лишь 25% ответили, что они испытывают затруднения с получением средств в. Но в то же время необходимо отметить следующую особенность японской системы финансирования венчурного бизнеса: компании венчурного капитала, банки и страховые компании предоставляют деньги в первую очередь тем предприятиям, которые прошли самый трудный период в своем развитии — этап становления; что же касается предприятий,

находящихся в стартовом периоде, их владельцы, как и прежде, вынуждены опираться на собственные силы, т. е. рассчитывать либо на свои собственные деньги, либо на деньги своих родственников и знакомых. Как уже отмечалось выше, свыше 80% венчуров начинают дело именно таким образом.

С целью облегчения финансового положения венчуров, в частности с целью обеспечения им доступа к банковским кредитам и займам, в Японии функционирует система государственных и местных органов содействия развитию венчурных пред-

приятий.

В 1975 г. на правах общественного юридического («коэки ходзин») была создана правительственная организация Центр содействия развитию предприятий, ориентированная на НИОКР, имеющая фонд в 1,2 млрд. иен. Целью этой организации является гарантирование 80% объема кредитов, предоставляемых частными банками венчурным предприятиям 7. При Центре функционирует специальный комитет, который изучает положение дел венчуров, обратившихся за помощью, делает заключение о перспективности или неперспективности разработки того или иного проекта и на основании этого производит отбор предприятий для рекомендации их тем или иным банкам. Характерно, что при посредничестве Центра к кредитованию венчурного бизнеса подключились такие крупнейшие банки, как «Дайити гинко», «Фудзи гинко», «Мицуи гинко», «Дайва гинко» и т. д.

Помимо Центра содействия развитию предприятий, ориентированных на НИОКР, государство оказывает поддержку венчурному бизнесу через три акционерные компании содействия инвестициям в мелкие и средние предприятия, созданные в 1963 г. и подотчетные в своей деятельности МВТП. Свыше 80% акционерного капитала этих компаний принадлежит частному капиталу (банкам, брокерским и страховым компаниям, промышленным монополиям), остальная часть— местным общественным корпорациям в. Основной функцией этих компаний является приобретение акций мелких и средних предприятий с целью последующей их продажи на рынке ценных бумаг. Кроме того, они выступают посредниками и гарантами при дополнительной эмиссии акций и размещении займов, а также оказывают мелкому и среднему бизнесу различные консультационные услуги.

До недавнего прошлого объектом внимания этих трех «особых акционных компаний» были главным образом мелкие и средние, предприятия с благополучным положением дел. Но с 1983 г. они начали финансировать и венчурные предприятия. Для этого был выделен фонд в размере 1,5 млрд. иен и одновременно смягчены условия получения денег для венчуров. Так, если обычные мелкие и средние предприятия могут продать свои акции «особым акционерным компаниям» лишь при условии, что в последнем году их деятельности размер дохода (до упла-

ты налогов) на одну акцию достоинством 50 иен составлял не менее 17 иен, то для венчурных предприятий этот уровень понижен соответственно до 5 иен °.

Кроме того, в отличие от обычной практики, когда в качестве одного из условий приобретения акций «особыми акционерными компаниями» выдвигается контроль за деятельностью предприятия со стороны этих компаний, венчуры могут на два года освобождаться от такого контроля.

В то же время, учитывая повышенный риск финансирования венчурных предприятий, «особые акционерные компании» устанавливают определенные пределы этих операций: на венчурное финансирование направляется не более 5% общей суммы финансирования мелкого и среднего бизнеса или 20% объема внутренних резервов 10.

В апреле 1984 г. этими тремя компаниями на правах финансового юридического лица был создан Фонд содействия мелким и средним венчурным предприятиям (величина фонда — 360 млн. иен). Из этого фонда венчурные предприятия могут получать ссуды (до 2 млн. иен) на развитие оригинальных научных исследований и разработку передовой техники.

Фонды или системы содействия развитию венчурных предприятий созданы в настоящее время в большинстве префектур Японии местными органами самоуправления с целью активизации развития местной промышленности. Все они действуют на практически одинаковых условиях. В их задачу входит предоставление льготных кредитов (обычно под 5,5—6,5% годовых) венчурам, разрабатывающим и производящим передовую технологию, а также мелким и средним предприятиям, переключающимся на новую сферу деятельности. Для отбора соответствующих предприятий привлекаются в качестве консультантов специалисты и преподаватели местных университетов.

Общее представление о масштабах и динамике венчурного финансирования в Японии в последние годы могут дать следующие цифры. С 1982 по середину 1985 г. инвестиции в акции и облигации венчурных предприятий возросли с 16,5 млрд. иен до 105,8 млрд., или в 6,4 раза, а количество венчурных предприятий, участвовавших в этих сделках,— с 384 до 2128, или в 5,5 раза. За тот же период объем кредитов, предоставленных венчурному бизнесу, увеличился со 106,0 млрд. иен до 262,8 млрд., или почти в 2,5 раза 11.

В заключение следует отметить, что, хотя в Японии много говорят и пишут о «венчурном буме», в этой области Япония значительно отстает от США. Так, если в США в 1982 г. насчитывалось около 62 тыс. венчурных предприятий, то, по последним данным, в Японии в 1985 г. их число составило 1750. Рынок венчурных капиталов в Японии составляет 4—5% объема американского рынка, а количество компаний венчурного капитала (40) — на порядок меньше, чем в США (448 на конец 1983 г.) 12.

Развитие венчурного бизнеса в Японии сдерживается целым рядом факторов. Это и отсутствие практики свободного перехода из одной компании в другую, и стремление подавляющего числа служащих работать в крупных компаниях, и невозможность для компаний венчурного капитала в силу антимонопольного закона ввести своих служащих в состав руководства венчурных предприятий и т. д. Но главное — это незрелость системы финансирования венчурного бизнеса.

- ¹ Far Eastern economic review, 20.12.1984,
- ² Никкэй сангё симбун, 01,—04.01,1984.
- 3 Якусинсуру бэнтя бидзинэсу Токио, 1984, с. 7, 9.
- ⁴ Там же, с. 18. ⁵ Там же, с. 31.
- 6 Никкэй сангё симбун. 01-04.01.1984.
- ⁷ Far Eastern economic review. 20.12.1984.
- 8 Бэнтя капитару-но сайкин-но кэйко ни цуйте. Служебный материал Института Номура. 1985, декабрь, с. 3.
 - ⁵ Якусинсуру бэнтя бидзинэсу, с. 53. ¹⁰ Там же, с. 55.

 - 11 Бэнтя капитару-но сайкин-но кэйко ни цуйтё. 1985, декабрь, с. 5.
 - 12 Economy society policy. 1984, № 12, c. 32.

ПЕРЕСТРОЙКА КРЕДИТНО-ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ ЗА ДЕНЕЖНОЙ МАССОЙ

В последние годы в исследованиях, посвященных экономике развитых капиталистических стран, большое место занимает проблема контроля за денежной массой в обращении. Такое внимание вызвано вполне определенными тенденциями в экономической политике стран развитого капитализма, а именно неоконсервативной монетаристской перестройкой всей системы и механизма государственно-монополистического регулирования экономики. Не является исключением в этом отношении и Япония, где начиная со второй половины 70-х годов наблюдаются такие же тенденции. В то же время проблема изучения контроля за денежной массой, средств и эффективности такого контроля со стороны правительства в экономике современного ГМК имеет и более широкое значение, так как данный контроль наряду с фискально-бюджетными средствами регулирования является одной из двух основ всего государственного вмешательства в экономику развитых капиталистических стран, вмешательства, начавшегося в 30-х годах под влиянием «Великой депрессии» 1929—1933 гг. и особенно получившего развитие после второй мировой войны.

Изучение японского примера в этой области представляется тем более важным, что в функционировании кредитно-денежной системы и соответственно в формах и методах государственномонополистического контроля за денежной массой в Японии имеется большая специфика, правильное понимание и исследование которой помимо вскрытия важных черт государственномонополистического регулирования экономики страны может внести вклад также в развитие общей марксистской теории денег.

денег. Денежное обращение в странах современного ГМК коренным образом отличается от того денежного обращения, которое имело место в период существования золотого стандарта. Золото в настоящее время не играет никакой особой роли по сравнению с другими товарами и не имеет никакого отношения к денежному обращению; оно полностью утратило свою былую роль всеобщего эквивалента ¹. В основе современного денежного обращения лежит кредит, т. е. кредитные деньги, банк-

ноты, выпускаемые банковской сферой, векселя и чеки разных видов служат одновременно резервами для банков. Самой же кредитной экспансией, созданием кредитных денег «дирижирует» центральный банк (в Японии — Японский банк), который обладает исключительным правом денежной эмиссии. Политика центрального банка заменила, таким образом, для коммерческой банковской сети дисциплину золотого стандарта. В то же время, как и ранее, реальное количество денежной массы в обращении определяется не только и не столько денежными явлениями, сколько ситуацией, складывающейся в воспроизводственной сфере, ее потребностями в денежном обеспечении. Говоря о значительно возросшей роли центрального банка, таким образом, не следует впадать в заблуждение относительно того, что последний может произвольно определять желательный для него размер массы кредитных денег. На размер кредитной экспансии и денежной массы в обращении влияют самые различные факторы, лежащие вне контроля центрального банка и определяемые состоянием в первую очередь экономической конъюнктуры. В данной статье сделана попытка осветить эти отнюдь не простые вопросы возможностей и границ государственного регулирования денежной массы в Японии, показать применение такого регулирования и его последствия для японской экономики.

Проблема контроля за денежной массой в японской экономике впервые была поставлена в повестку дня правящих кругов страны лишь в середине 70-х годов, после бурной и разрушительной инфляции 1974—1975 гг. До этого периода Японский банк практически не уделял никакого внимания этому аспекту кредитно-денежной политики, который традиционно считается одним из самых важных для центральных банков капиталистических стран. Причины этого следует искать в своеобразии механизма финансирования экономики Японии и в специфике форм и методов кредитно-денежной политики Японского банка, преобладавших до кризиса 1974—1975 гг.

Преимущественным методом финансирования экономики других развитых капиталистических стран, в первую очередь США, давно является финансирование в условиях сильноразвитого и свободного рынка ссудных капиталов, включая рынок прямого финансирования — акций, облигаций и других ценных бумаг. Крупные американские корпорации располагали и располагают значительным собственным капиталом, из которого осуществляется основная часть финансирования их текущей и инвестиционной деятельности. Частные банки также функционируют на основе собственных и привлеченных на депозиты средств, прибегая к займам центрального банка (Федеральной резервной системы) лишь в исключительных случаях. Центральный банк выступает на финансовом рынке, таким образом, лишь как один из равноправных контрагентов, а не как всесильный диктатор. Для того чтобы проводить в жизнь желаемую политику снижения или повышения темпов роста денежной массы, он может варьировать лишь свою собственную денежную эмиссию (с помощью операций на открытом рынке), оказывая тем самым воздействие на размер ликвидных ресурсов (денег высокой эффективности) в экономике, что отражается на состоянии рынка ссудных капиталов, процентных ставок на нем и через посредство этого механизма, рыночного и стихийного в своей основе, влияет на размер денежной массы.

В Японии же до середины 70-х годов складывалась совершенно иная ситуация. Механизм финансирования экономики опирался на две специфические японские особенности, получившие название «заемного перебора» и «перекредитования». Вопервых, что касается финансирования текущей деятельности корпораций, то они постоянно испытывали «финансовый голод». т. е. их потребности в финансовых средствах были выше, чем возможности. Рынок прямого финансирования (акций, облигаций и других ценных бумаг) был в течение всего этого периода развит весьма слабо, поэтому практически единственным источником пополнения финансовых ресурсов для корпораций служили банковские займы. Существовала, таким образом, сильная зависимость корпораций нефинансового сектора от банков. Во-вторых, сами банки тоже испытывали постоянную нехватку ликвидных ресурсов для предоставления кредитов корпорациям. Особенно это касалось городских банков, которые кредитовали крупнейшие фирмы в тяжелой индустрии и в экспортных отраслях

Причины нехватки ликвидных ресурсов у городских банков весьма многочисленны и связаны с целым рядом особенностей государственного регулирования кредитно-денежной сферы Японии, однако подробное их рассмотрение выходит за рамки данной статьи. Важно лишь подчеркнуть, что такое положение компенсировалось возможностью для городских банков прибегать к дешевому и доступному кредиту центрального банка. Займы у него служили важным источником обеспечения кредитной экспансии городских банков Японии. Таким образом, в условиях, когда корпорации зависели в финансировании своей деятельности от банковских кредитов, а последние зависели от кредитов центрального банка, формировалась структура не косвенной, как, например, в США, а прямой зависимости размеров кредитной экспансии, а следовательно, и денежной массы от политики Японского банка. Практическое выражение эта структура нашла в механизме, известном японистам как «мадогути сидо», который заключается в административном руководстве кредитной экспансией городских банков, выражающемся в установлении Японским банком, использующим свое положение крупнейшего кредитора этих банков, количественных лимитов на увеличение кредитования данной категорией банков их клиентуры². Тем самым Японский банк мог непосредственно задавать темпы роста основной массы кредитных денег в стране,

12 Зак. 704

чоэтому ему не требовалась никакая другая специальная форма контроля за денежной массой.

Однако ситуация резко изменилась в середине 70-х годов и особенно в конце 70-х — начале 80-х годов. Причины этого лежат как в воспроизводственной, так и в кредитно-денежной областях. Как хорошо известно, кризис 1974-1975 гг. не был просто очередным циклическим кризисом в японской экономике, но ознаменовал собой переход страны к иной модели экономического развития, характеризуемой в первую очередь значительно менее высокими темпами прироста частных капиталовложений и экономического роста. Соответственно уменьшилась и потребность японских корпораций в заемных средствах, ослабло давление спроса на рынке ссудного капитала. Возник также огромный дефицит государственного бюджета, потребовавший выпуска большого количества облигаций государственного займа. Все эти хорошо известные факты экономического положения Японии на современном этапе положили начало значительной трансформации самого рынка ссудного капитала и кредитно-денежной сферы, что непосредственно отразилось на возможностях и средствах контроля за денежной массой.

Во-первых, снижение темпов экономического роста и частных инвестиций снизили и в последние годы практически свели на нет «заемный перебор». Рынок банковского кредитования превратился из рынка кредиторов в рынок заемщиков. Существенную конкуренцию банкам составили также быстро расширившие сферу деятельности в последние годы финансовые компании.

Во-вторых, выпуск чрезвычайно большого количества облигаций государственного займа (достаточно сказать, что размер накопленного размера государственного долга в форме облигаций госзаймов вырос с 3,6 трлн. иен в 1970 г. до 130 трлн. иен в 1985 г.) привел к тому, что для обеспечения его распространения среди подписчиков уже нельзя было, как прежде, фиксировать процентные платежи по нему на искусственно заниженном уровне. Неизбежная либерализация процента по облигациям государственного займа привела в движение всю структуру процентных ставок на японском рынке ссудного капитала, на котором начался и набирает скорость процесс либерализации и освобождения от правительственного регулирования.

В-третьих, интернационализация японской экономики также поставила перед кредитно-денежной сферой Японии и рынком ссудного капитала задачу либерализации, более точного отражения соотношения спроса и предложения.

В новых условиях, когда действовавший ранее механизм рационирования кредитных фондов с помощью механизма «мадогути сидо» потерял свою действенность и все большее значение стали приобретать рыночные факторы, проблема поиска новых форм контроля за денежной массой встала перед Японским банком со всей остротой. Эту остроту наглядно продемонстрировала инфляция середины 70-х годов, испытав которую Япон-

ский банк осознал недостаточность в новых условиях старых методов контроля за денежной массой. Со второй половиных 70-х годов, объявив инфляцию «врагом экономики номер один», Японский банк изменил среднесрочный ориентир своей политики с контроля за размерами банковского кредитования на контроль за кассовым остатком денежной массы³. Тем самым он официально признал механизм контроля за одним лишь банковским кредитованием с помощью «мадогути сидо» в новых условиях недостаточным и впервые выделил контроль за денежной массой как самостоятельную задачу своей деятельности, причем задачу наиважнейшую. Рассмотрим в связи с этим тот механизм, с помощью которого Японский банк осуществляет этот контроль в настоящее время.

Основой контроля служит теперь, как и в США, регулирование Японским банком своей денежной эмиссии. Однако такое регулирование осуществляется не прямыми волевыми решениями о печатании того или иного количества денежных знаков. Каждый выпущенный Японским банком банкнот представляет собой его дебет, которому, по закону о центральном банке, обязан соответствовать какой-либо из элементов кредита. Способов кредитного обеспечения банкнотов Японского банка в самом общем виде насчитывается три. Это, во-первых, заграничные активы или активы в иностранной валюте, во-вторых, кредит центральному правительству под соответствующие ценные бумаги (облигации госзаймов или же краткосрочные ценные бумаги правительства), в-третьих, кредит частным финансовым институтам под залог первоклассных векселей компаний. Оченьважно при этом иметь в виду следующее. Не только от Японского банка требуется кредитное обеспечение каждого выпущенного им банкнота, но и, наоборот, необходимость любой из указанных выше кредитных операций неизбежно влечет за собой выпуск банкнотов, т. е. денежную эмиссию. Учитывая это, ясно, что контролировать свою денежную эмиссию Японский банк может лишь в том случае, если он сможет каким-то образом: самостоятельно принимать решение хотя бы по части кредитных операций, указанных выше. Рассмотрим поэтому каждуюиз них в отдельности. Изменения в заграничных активах Японского банка определяются расчетами валютного спецсчета правительства, которые, в свою очередь, зависят от состояния платежного баланса страны и вызванных им операций купли-продажи иностранной валюты. Очевидно, таким образом, что расчеты по этому спецсчету целиком зависят от внешнеэкономического положения Японии, а не от политики Японского банка. Поэтому на эмиссию своих банкнотов по данному каналу Японский банк не может оказывать никакого прямого воздействия. Положение не очень меняется по существу и с переходом к системе «плавающих курсов» основных валют. Кредит центральному правительству также определяется балансом расчетов государственного и частного секторов, а не политикой Японского банка. Хотя в условиях современного денежного обращения, основанного на кредите, правительство лишено возможности просто печатать бумажные деньги, а обязано, в случае необходимости покрыть свой дефицит путем дополнительной эмиссии, прибегать к займам у Японского банка, размеры этого займа и соответственно размер самой эмиссии по этому каналу юрисдикции Японского банка не подлежат, а определяются парламентом. Таким образом, те или иные решения, принимаемые правительством и парламентом, о государственных финансах требуют от Японского банка создания определенного кредита в отношении правительства и вызывают тем самым не зависящий от его воли выпуск банкнотов.

Единственной формой кредита Японского банка и соответственно единственным каналом выпуска его банкнотов, размеры которых в принципе определяются им самим, является кредитование частных финансовых институтов, принимающее в последнее время все больше форму операций на открытом рынке, и вызываемый им выпуск банкнотов. Особенно в настоящее время, с отходом от регулирования денежной массы посредством «мадогути сидо» и переходом к ее регулированию с помощью определения и изменения размеров денежной эмиссии Японского банка, этот канал становится основным каналом контроля за денежной массой в стране.

Эмитированные Японским банком банкноты являются для банковской сферы деньгами высокой эффективности. Манипулируя выпуском этих денег высокой эффективности с помощью операций на открытом рынке, Японский банк может изменять темпы роста денежной массы в целом благодаря действию механизма, известного как банковский мультипликатор. Общий размер денежной массы, созданной в экономике в результате эмиссии банкнотов Японского банка на сумму, например, 1 млрд. иен, превысит эту первоначальную эмиссию в пропорции, равной значению банковского мультипликатора. Как показывают данные по японской экономике на середину 80-х годов, величина банковского мультипликатора равна в Японии примерно 10,1. Таким образом, эмиссия Японским банком банкнотов на указанную выше сумму приведет к созданию в экономике в целом дополнительной денежной массы в 10,1 млрд. иен. Аналогичный же механизм действует и в обратную сторону.

С переходом к новой модели кредитно-денежной политики именно таким в принципе является механизм контроля Японского банка за денежной массой. Однако его практическая эффективность значительно изменилась по сравнению с периодом, когда он осуществлялся посредством «мадогути сидо». Первым и наиболее серьезным изменением является то, что важнейшую роль в определении размеров денежной массы стали играть пропорции и отношения, складывающиеся в частном секторе, так как именно от них зависит величина банковского мультипликатора и, следовательно, конечный эффект изменения эмиссион-

ной политики по отношению ко всей денежной массе в целом.

Величина банковского мультипликатора, т. е. той пропорции, в которой изменение всей денежной массы превышает изменение в денежной эмиссии, зависит от трех соотношений. Это отношение, в котором экономические агенты распределяют свои финансовые ресурсы между наличными деньгами и деньгами на банковских и прочих видах депозитов, доля текущих резервов банковской ликвидности в общем объеме средств, хранимых на их депозитах, и, наконец, норма обязательных банковских резервов, в размере которой частные банки обязаны по законодательству иметь депозиты в Японском банке.

Наиболее важным для Японии является первое отношение. Его величина зависит от степени развития денежного обращения, во-первых, и от состояния конъюнктуры, во-вторых. Первый из этих факторов определяет долгосрочный тренд данного отношения, а второй — его циклические колебания. В последние годы в японской экономике особенно отчетливо наблюдается тенденция к долгосрочному падению величины данного отношения, т. е. к понижению потребности в наличных деньгах. Это связано с возрастающей степенью ликвидности различных видов банковских депозитов, не исключая и срочные депозиты. Понижение доли финансовых ресурсов, которые держатся в форме наличных денег, ведет к увеличению банковского мультипликатора и ставит серьезные проблемы перед правительственным контролем за величиной денежной массы, если степень этого понижения невозможно точно предвидеть заранее. Либерализация рынка ссудного капитала Японии и создание в экономике страны большого количества новых ликвидных ценных бумаг, наблюдающееся в последние годы, как раз затрудняет это предвидение и значительно усложняет для Японского банка контролирование денежной массы. Хотя данные процессы еще не зашли в Японии так же далеко, как, например, в США, продолжение и развитие нынешних процессов либерализации рынка ссудного капитала в перспективе ставит для Японии те же проблемы. Что же касается циклических колебаний доли наличных денег в общем размере денежной массы и соответственно самого банковского мультипликатора, то они имеют в Японии тенденцию перекрывать расширение денежной массы в период экспансии и ослаблять ее сокращение в период рестрикции, т. е. имеют определенное стабилизирующее воздействие.

Циклические колебания банковского мультипликатора выполняют, таким образом, функцию своеобразного амортизатора, используемого частным сектором для определенного смягчения последствий эмиссионной политики Японского банка, и требуют от последнего принятия более решительных или более продолжительных по времени мероприятий в эмиссионной политике для достижения ставящихся целей, чем потребовалось бы, в противоположном случае.

Таким образом, с перестройкой кредитно-денежной полити-

ки в Японии в направлении снижения роли административного регулирования кредитной экспансией и повышения значения рыночного воздействия на состояние кредита и размер денежной массы с помощью эмиссионной политики Японского банка задача контроля за денежной массой значительно осложнилась. На волне критики инфляционных последствий ошибок, допущенных Японским банком в начале — середине 70-х годов, пришедшие к руководству его политикой представители монетаристских, неоконсервативных кругов, учитывая также описанные выше изменения в объективных возможностях контроля за денежной массой, стали уделять задаче предотвращения разбухания последней и недопущения инфляции повышенное, временами преувеличенное внимание. Результатом такой политики, как это хорошо известно, было действительно имевшее место «обуздание» инфляции, но одновременное снижение возможностей воздействия на экономическую конъюнктуру средствами кредитно-денежной политики. Ослабление экономической конъюнктуры, которое наблюдалось в японской экономике в 1981— 1983 гг. и из которого удалось выйти лишь благодаря подъему в американской экономике и расширению экспорта, в значительной мере усугубилось монетаристской кредитно-денежной политикой. Последствия чрезмерно жесткого монетаристского курса в этой области могут быть весьма тяжелыми и в будущем. Не далее как в 1982 г. один из крупнейших авторитетов среди японских монетаристов, Х. Като, предлагал во исполнение рецептов своей школы законодательным порядком определить темпы роста денежной массы в японской экономике на ближайшее десятилетие в размере 3% годовых, исходя из того. что именно таковы, по его расчетам, потенциальные возможности роста экономики страны . На деле же уже в 1984 г. реальный рост японской экономики превысил 5%. В случае принятия предложения Х. Като такие темпы были бы просто недостижимы из-за нехватки кредитных ресурсов.

Развивающаяся стихийно капиталистическая экономика не дает возможности составить научно обоснованный план потребности ее в кредитных ресурсах и соответственно в денежной массе. В то же время стихийность в кредитной экспансии и выпуске денежной массы, когда Японский банк своей эмиссионной политикой лишь идет в фарватере рыночной ситуации и «узаконивает» постфактум расширение денежной массы, чревата, как показывает практика, чрезмерным, спекулятивным расширением денежной массы и вспышкой инфляции. Поиски выхода из такой ситуации представляют собой для японского правительства сложную дилемму, решение которой в настоящее время ищется на путях определенного компромисса между жестким монетаристским контролем за денежной массой и расширением роли частных финансовых и нефинансовых корпораций в ее формировании. Речь идет, таким образом, не о простом свертывании государственного регулирования в кредитно-денежной

сфере, в частности кредитно-денежной политике, но о значительном перераспределении ролей между правительством и частным сектором. При этом последний, будучи освобожден от связывавших его оков «мадогути сидо», в значительной мере обретает независимость в том, что касается определения размеров денежной массы в каждый момент в зависимости от потребностей финансирования своей деятельности, в то время как Японский банк сохраняет за собой функции «верховного надзирателя» и при необходимости стремится внести коррективы в ситуацию для обеспечения стабильности денежной единицы с помощью своей эмиссионной политики.

2 Государственно-монополистическое регулирование экономики в Японии

М., 1985, гл. III.

³ Судзуки Е. Нихон кэйдзай-то кинъю (Японская экономика и кредитно-

денежная сфера). Токно, 1981, с. 189-191.

4 Като Х. Манэтарисуто-то Нихон кэйдзай рон (Японская экономика глазами монетариста). Токио, 1982, с. 187—188.

¹ См.: Борисов С. М. Золото в экономике современного капитализма. М., 1985, гл. I—III.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЯПОНИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Развитие социального обеспечения в Японии подчинено общим законам капиталистического воспроизводства и потому обладает целым рядом черт, характерных для буржуазного государства. Как и в других развитых капиталистических странах, система социального обеспечения Японии представляет собой многоотраслевой комплекс, отдельные звенья которого призваны исполнять функцию общественного воспроизводства рабочей силы. В этот комплекс входят следующие отрасли: пенсионное обеспечение, обеспечение по временной нетрудоспособности в связи с общим заболеванием или бытовой травмой, обеспечение в связи с производственной травмой или профессиональным заболеванием, обеспечение по безработице, обеспечение несовершеннолетних.

К тем общим чертам, которые придают сходство процессам развития социального обеспечения в Японии и в других капиталистических странах, относится переплетение государственных и частных форм в этой области. Построение финансового аппарата системы социального обеспечения в Японии, ориентированное главным образом на метод страхования (т. е. изъятия страховых взносов из доходов трудящихся), обусловлено закономерным для буржуазного общества взглядом на обеспечение нетрудоспособных как на расходы, которые должны нести прежде всего сами трудящиеся. Отсюда вытекает присущая капитализму проблема хронически недостаточного уровня развития социального обеспечения, характерная и для Японии, по сравнению с теми объективными требованиями, которые предъявляет производство к степени развития совокупной рабочей силы на современном этапе.

Вместе с тем в развитии системы социального обеспечения в Японии имеется значительная специфика, которую можно понять, лишь рассматривая эту систему как часть всего комплекса трудовых отношений, в основе которых лежит система так называемого пожизненного найма. Эта система предполагает, что как заработная плата работников, так и размеры дополнительных льгот и выплат социального характера, получаемых ими от предприятия, ставятся в зависимость от длительности трудо-

вого стажа работников на данном предприятии и служат средством их закрепления на нем.

Защищая идею о якобы благотворительном характере этих льгот и выплат, предприниматели активно выступают против законодательного оформления этой практики, добиваясь ограничения сферы ее распространения рамками действия системы пожизненного найма. Это оказывает сдерживающее влияние на развитие системы государственного социального обеспечения в Японии, так как средства, выделяемые компаниями на частные формы обеспечения и расходуемые на ограниченный контингент нуждающихся, выдаются представителям капитала как вполне достаточные для исполнения функции воспроизводства рабочей силы.

Такая политика отвлекает значительные средства, которые могли бы быть направлены на государственное социальное обеспечение, объективно составляющие основу интересов трудящихся в этой области. На выплаты работникам от предприятия монополии расходуют в настоящее время в 2,5 раза больше средств, чем на взносы в государственную систему по пенсионному обеспечению 1.

Кроме того, та незначительная часть трудящихся, которая получала частные пособия, поддерживала идею приоритетного развития частных форм обеспечения как этих пособий, так и других преимуществ, связанных с их принадлежностью к особой группе рабочего класса, охваченной системой пожизненного найма. Организованная в профсоюзы, эта часть рабочего класса использовалась представителями капитала как дополнительная сила, противодействующая развитию объективно необходимой тенденции создания полноценной государственной системы социального обеспечения, отвечающей нуждам всех трудящихся.

Следствием этих специфических условий и явилось современное состояние организационной структуры системы социального обеспечения, отличающейся крайней сложностью. Помимо деления этой системы на частные и государственные формы, а также на указанные выше отрасли обеспечения японская практика организации социального обеспечения характеризуется множественностью режимов в рамках одних и тех же отраслей, и в первую очередь в таких важнейших из них, как пенсионное обеспечение и обеспечение по временной нетрудоспособности. В рамках государственной пенсионной системы насчитывается 13, а системы обеспечения по временной нетрудоспособности — 8 различных режимов регулирования вопросов, касающихся формирования контингентов обеспечиваемых лиц, условий предоставления пособий, их уровня, источников финансирования и т. п.

Существование различных режимов социального обеспечения в рамках одних и тех же отраслей не связано с какой-либо объективной необходимостью обеспечить разные условия от-

дельным категориям работников. Многозвенность системы социального обеспечения, ее раздробленность затрудняет решение проблемы эффективного управления ею и пагубно отражается на положении нетрудоспособных. В силу этого система социального обеспечения не только не в состоянии выполнить одну из важнейших функций — уменьшения дифференциации доходов различных слоев населения, но и более того, способствует обострению этой проблемы.

Раздробленность системы социального обеспечения используется предпринимателями как дополнительное средство для сокращения их расходов на нужды трудящихся на всех уровнях организации этой системы (в области формирования контингентов, финансирования, размера выплат). Это обстоятельство, играющее значительную роль для социально-экономического и политического управления рабочей силой, сдерживало развитие системы социального обеспечения в Японии. До начала 70-х годов эта система, как уже отмечалось выше, не обладала всем комплексом отраслей, необходимых для воспроизводства рабочей силы, не охватывала всех ее категорий. Лишь в 1971 г. был принят первый закон о страховании несовершеннолетних и закон об обязательном страховании крестьян. Длительное время не был решен вопрос о пересмотре уровня социальных выплат (особенно пенсий), несмотря на продолжавшийся процесс их фактического обесценивания под давлением инфляции. Значительные массы нетрудоспособных лиц обеспечиваются через систему вспомоществования, предусматривающую крайне низкий уровень выплат.

Особенно отставало развитие пенсионного обеспечения. Еще в середине 70-х годов доля расходов на государственное пенсионное обеспечение в общей сумме расходов на социальное обеспечение составляла в Японии немногим более 20%, в то время как в США — 36,9, в Англии — 37,5, в Италии — 42,7, в ФРГ — 62,0%. Сумма национального дохода, расходуемая государством на одного гражданина в пенсионном возрасте, в Японии была меньше, чем в Англии, в 1,5 раза, чем в Италии — почти в 3, чем в США — почти в 4, чем в ФРГ — почти в 5, чем в Франции — более чем в 6 раз 2.

Низкий уровень обеспеченности лиц пенсионного возраста и нетрудоспособных до сих пор вынуждает их к поискам дополнительных доходов, в том числе от найма. Уровень занятости пожилых работников в Японии выше, чем в любой другой развитой капиталистической стране.

Низкий уровень развития социального обеспечения отражается на положении не только нетрудоспособного, но и всего японского населения. Имея в виду расходы на обеспечение нетрудоспособного периода жизни (будь то временная нетрудоспособность, инвалидность или старость), трудящиеся вынуждены сберегать значительную часть (около 20%) своих заработков, сознательно идти на снижение уровня текущего потребления.

Эта нерасходуемая часть личных доходов в Японии гораздо выше, по свидетельству японских и зарубежных специалистов, чем в любой другой стране³.

Таким образом, в Японии сложилась система социального обеспечения, которая, наряду с общими закономерностями своего развития, присущими всем капиталистическим странам, обладает целым рядом отличительных особенностей. Это, во-первых, низкий уровень развития системы, особенно ее государственной формы; во-вторых, в рамках государственной системы явное отставание системы пенсионного обеспечения; в-третьих, организационная раздробленность системы, множественность несогласованных друг с другом звеньев; наконец, в-четвертых, ориентация системы социального обеспечения в целом на частные формы, что является одной из серьезных причин всех указанных выше недостатков государственной системы, усиливающих ее несовершенство.

Развитие социального обеспечения в Японии происходит под влиянием многочисленных факторов, как общих для капитализма, так и специфических именно для этой страны.

Кроме объективной потребности производства в высоком качестве рабочей силы на развитие системы социального обеспечения при капитализме оказывает огромное влияние такой фактор, как классовая борьба.

В середине 60-х и начале 70-х годов недовольство масс состоянием социального обеспечения в стране начало принимать все более активные формы. Настроения трудящихся, позиция прогрессивных сил создали предпосылки для формирования «единого фронта борьбы», выступающего за совершенствование системы социального обеспечения. Результатом этой борьбы явились значительные перемены в социальной сфере.

За 1965—1984 гг. доля расходов на социальное обеспечение в национальном доходе страны увеличилась более чем в два раза (с 6,03 до 13,5%). Особенно большое развитие в этот период получило пенсионное обеспечение. Расширение пенсионного обеспечения обусловило в значительной мере рост расходов на социальное обеспечение в целом. За 1965—1981 гг. среднегодовые темпы роста расходов на пенсионное обеспечение составили 24,5%, в то время как на другие виды обеспечения—17%.

В результате за указанный период структура расходов на социальное обеспечение существенно изменилась в сторону увеличения доли пенсионного обеспечения. Если в 1965 г. 57% всех расходов на социальное обеспечение приходилось на обеспечение по временной нетрудоспособности и лишь 21,9% — на пенсионное обеспечение, то в 1981 г. эти доли составили соответственно 41,8 и 43% 4.

Основной причиной роста расходов на пенсионное обеспечение явилось повышение уровня пенсий (48% прироста расходов на 1970—1980 гг.). Вторым по значимости фактором явился

рост числа пенсионеров. Вместе с тем в последнее время наблюдается тенденция повышения значения старения населения как фактора, влияющего на его развитие. Таким образом, это развитие становится все более обусловленным не только прежним, неудовлетворительным, состоянием пенсионной системы, но и объективными демографическими процессами, имеющими место в стране.

Таково было состояние системы социального обеспечения в Японии к моменту проведения в стране административно-финансовой реформы (АФР). Эта реформа, начавшаяся с принятием в 1981 г. так называемых «специальных законов», включала в себя и реформу социального обеспечения И это не случайно, если принять во внимание основную цель АФР, заключающуюся в том, чтобы перестроить организационную структуру государства, добиться снижения расходов на ее функционирование и подчинить ее задаче дальнейшего повышения эффективности воспроизводства частного капитала. Взаимоувязанность организационной и финансовой частей реформы при подчиненности первой из этих частей целям второй является основной характерной чертой всех проводимых в рамках реформы мероприятий. Характерно это и для тех мероприятий, которые проводятся в настоящее время в области социального обеспечения. Реорганизация системы социального обеспечения, с одной стороны, ориентируется на создание его единых условий, норм и уровней, а с другой — проводится в условиях сокращения расходов государства на социальные нужды и увеличения бремени, которое вынуждены нести сами трудящиеся в этой области. Это означает, что совершенствование организации системы социального обеспечения не могло не происходить параллельно с ее ухудшением с точки зрения интересов трудящихся. В этом направлении и были затронуты многие отрасли социального обеспечения: был осуществлен отказ от полного возмещения расходов на выплаты при временной нетрудоспособности, ухудшено медицинское обслуживание пенсионеров, уровень лечения пациентов поставлен в зависимость от платежеспособнос-ИХ ти и т. п.

Но наиболее ощутимый и последовательный натиск на интересы трудящихся был осуществлен в области пенсионного обеспечения. Были существенно ухудшены условия и нормы выплаты пенсий. В частности, пенсионный возраст был повышен до 65 лет (по сравнению с 55—60 годами до проведения реформы), срок страхования был увеличен с 20—25 до 40 лет, были внесены такие изменения в методы исчисления пенсий, которые привели к ухудшению материального положения пенсионеров (снижение размера ставок, увеличение срока страхования, принимаемого к исчислению пенсий и др.).

Тот факт, что главным объектом внимания при проведении реорганизации социального обеспечения явилась пенсионная система, связан с общей направленностью административно-фи-

нансовой реформы, с ее подчиненностью задачам повышения

эффективности капиталистического воспроизводства.

Хорошо известно, что в Японии монополии гораздо больше, чем в любой другой стране, опирались на заемный капитал. Одним из его значительных источников являются наряду с личными сбережениями граждан также и пенсионные фонды государственной системы, финансовый аппарат которой построен по принципу накопления страховых взносов. В конце 70-х годовсумма средств, ежегодно поступающих в пенсионную систему в целом только от трудящихся, в 2,5 раза превышала расходы по выплате им пенсий 5.

В 1974 г., т. е. после того, как государство предприняло ряд мер по повышению уровня социального, и в том числе пенсионного, обеспечения населения, превышение доходов всей системы социального страхования над расходами составляло в Японии 43%, что было значительно больше, чем в других развитых капиталистических странах (в Голландии—19,7%, в Канаде—18,7, в Швеции—18, в Соединенных Штатах Америки—15,2, в Англии—7,5, в ФРГ—1,5, в Италии и Франции—0,5%) в. При этом динамика доходов и расходов всей системы социального страхования зависит от ее состояния прежде всего в пенсионной системе.

Этот источник средств, используемых на капиталовложения, в настоящее время в Японии очень велик. На конец 1983 г. стоимость резервных фондов двух основных систем пенсионных режимов оценивалась в 43 млрд. иен, составляя 31% всей суммы средств Бюро доверительных фондов министерства финансов⁷. В качестве такого источника капиталовложений пенсионные накопления имеют целый ряд достоинств, таких, как стабильность и долгосрочный характер действия, доступность ввиду относительно низкого процента на ссужаемые средства, централизованность управления. Резервные фонды пенсионной системы дают возможность правительству на 25% покрыватьогромные расходы по программам государственных займов и инвестиций в.

Метод финансирования, основанный на капитализации страховых взносов, особенно выгоден для государства и частнопредпринимательских кругов на ранних этапах становления в стране пенсионной системы, когда происходит интенсивный процесс накопления страховых взносов, не сопровождаемый адекватными расходами по выплатам пенсий. Эти выгоды тем больше, чем длительнее период накопления взносов, жестче условия назначения пенсии (прежде всего в отношении страхового стажа и пенсионного возраста), выше страховые взносы и ниже пенсионные выплаты.

Однако, по мере увеличения продолжительности существования пенсионной системы, накопления достаточного страхового стажа основной массой страхуемого контингента, а также расширения числа лиц, достигших пенсионного возраста (что,

в свою очередь, зависит от темпов старения населения и норм пенсионного возраста), ее фонды начинают исчерпываться.

Как считают представители министерства здравоохранения и социального обеспечения, при сохранении существующих условий и норм пенсионного обеспечения Япония в недалеком будущем может прийти именно к подобной ситуации. Так, согласно расчетам министерства, к 2025—2035 гг. фонды системы пенсионного страхования (косэй нэнкин) будут полностью исчерпаны, если страховые взносы не будут увеличены примерно в три раза по сравнению с современным уровнем.

Японские ученые пытаются подвести теоретическую базу под развитие так называемой «японской модели общества благосостояния», в которой роль социального обеспечения должна сводиться лишь к дополнению личных усилий населения по обеспечению своего существования в период нетрудоспособности. Так, Э. Мацуи, в частности, ссылается на следующее место из текста «Нового семилетнего плана экономического развития», опубликованного Управлением экономического планирования в 1979 г.: «Удовлетворение общественных потребностей населения растет, и, если в будущем эта тенденция продолжится, возникнет опасность снижения темпов экономического развития по мере расширения социальной сферы. Успех политики правительства, в основе которой лежит прежде всего стремление к эффективному развитию экономики, зависит от того, насколько оно при определении направлений и приоритетов административно-финансового курса, ориентированного на такое экономическое развитие, сможет выработать адекватную создания общества благосостояния нового типа, сочетающего личные усилия граждан, солидарность общества и семьи и развитие социального обеспечения» в. Поэтому, рассматривая проблему совершенствования административно-финансового аппарата японского государства, Э. Мацуи связывает ее решение с сокращением социальных расходов и со стимулированием населения к обеспечению своих потребностей за счет собственных

Многие экономисты, в частности Ф. Мицухиро, И. Масатоси 10, считают, что дальнейшее развитие социального, и особенно пенсионного, обеспечения поведет к снижению уровня личных сбережений населения, разовьет паразитические настроения и нанесет значительный ущерб экономическому развитию Японии. Рассмотренная с таких позиций финансовая сторона реформы не могла не повлиять соответствующим образом на еефорганизационную часть.

Подводя итоги и давая оценку тем организационным мероприятиям, которые проводятся в настоящее время в Японии в области социального обеспечения, следует подчеркнуть следующее.

Попытка унифицировать подход к обеспечению всех трудящихся на основе введения ряда единых норм фактически не

привела к объединению разрозненных пенсионных режимов, которое объективно составляет основу развития полноценной системы обеспечения нетрудоспособных и выделялось в качествеодной из первоочередных задач при подготовке реформы. Введение новых условий обеспечения привело к резкому ухудшению положения трудящихся (и особенно пенсионеров) именно на том этапе, когда японская система социального обеспечения едва начала развиваться. Проводимые в настоящее время мероприятия в рассматриваемой области свидетельствуют о том, что новый курс правительства в области социальной политики направлен на сокращение государственных расходов, путем стимулирования населения к обеспечению своих жизненных потребностей за его собственный счет.

1 Тоё кэйдзай токэй гэппо. 1977, № 12, с. 30.

² См.: Социалистические страны и страны капитала в 1975 г. (Статисти-

ческий сборник). М., 1976.
³ Minoguchi T. Personal Savings and Consumption in Postwar Japan. Toминовисні 7. Регѕонаї Savings and Constitution III Роѕкмаї Зарап. То-куо, 1970, с. 64, 72, 224; Postwar economic growth in Japan. Berkley, 1966, с. 157—177; Канамори X. Нихон-но тётику рицу ва нани юэ такай ка? (Поче-му в Японии высока доля сбережений?).— Кэйдзай гэппо. 1971, № 11, с. 94— 95; Синохара М. Кодо сэйтё-то химмицу (Секрет высоких темпов роста). То-кио, 1972; Public Pensions and Saving Rate. Токуо, 1985, 6, № 2, с. 18—29; Ни сэннэн-но Нихон: Корэйка-ни тайо сита, фукуси сякай-но кэйсэй (Формирование общества благосостояния). Токио, 1984, с. 46-49.

4 Дзинуси С. Сякай хосё: сэйдо-но тэнкан тэн (Социальное страхование:

изменение системы).— Нихон родо кёкай дзасси. 1984, № 304, с. 2—12.

5 Рассчитано по: Сякай хосё нэнкан (Ежегодник по вопросам социальногострахования). Токио, 1984, XII, с. 319, 332.

⁶ The Cosf of Social Security. International Labor Organisation, Geneva, 1979, c. 73-95.

7 Сякай хосё нэнкан. Токио, 1984, XII, с. 300. 8 Shigeyoshi Y. Social Security System in Transition.— Developing Econo-

mies. 1972, № 4, c. 496—515.

9 Мацуи Э. Нихон-кэй фукуси сякай-рон на окэру дзидзё то фукуси (Об-щество благосостояния японского типа и благосостояние) — Кэйдзай ронсо. 1985, No. 3, c. 105—123.

10 Mitsuhiro F., Masatoshi I. Public Pensions and the Saving Rate.— Econo-

mic Eye. Vol. 6, № 2, c. 18-29.

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО СПРОСА И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Начало 80-х годов было отмечено резким увеличением активного сальдо японского торгового баланса. С 1982/83 по 1984/85 фин. г. оно возросло с 12,2 млрд. до 33,8 млрд. долл. с США и с 19,3 млрд. до 35,1 млрд. долл. со всем миром. В 1985/86 фин. г. соответствующие показатели достигли 44,3 млрд. и 52 млрд. долл.¹. В этой обстановке давление на Японию со стороны ее внешнеторговых партнеров, и особенно США, приобрело небывалые масштабы и интенсивность. Высокопоставленные представители администрации, члены конгресса, поддержанные словесными атаками видных ученых и журналистов, предъявляют Японии весьма жесткие требования, сопровождаемые неприкрытыми угрозами возмездия в случае их неудовлетворения. На сей раз дело не ограничивается ставшими уже традиционными указаниями на необходимость сокращения ее экспорта или большей открытости собственного рынка. Нарастающий нажим извне затронул кардинальной важности хозяйственные и даже социально-культурные проблемы, попытки решения которых обычно принадлежат к категории исключительно национальных прерогатив. Речь шла о генеральном курсе внутренней экономической политики, о характере внутренней предпринимательской практики, о том, как сберегают и тратят японские потребители, в какой степени они пользуются плодами длительного процветания страны, в каких пределах ей надлежит увеличивать и без того тяжкое финансовое бремя ради повышения жизненного уровня населения.

Японская печать широко обсуждала шедшие из-за рубежа настойчивые рекомендации. Они сводились к следующему: 1. Более энергичное стимулирование экономического роста, которое, по мысли рекомендующих, даст японским потребителям больше средств для приобретения иностранных товаров, усилит приток частных капиталовложений и позволит, наконец, серьезно усовершенствовать социальную инфраструктуру. 2. Реформа налоговой системы, нацеленная на изменение положения, при котором вкладчики пользуются льготами, а заемщики их лишены, вследствие чего сбереженные средства расходуются не на покупку иностранных товаров или внутренние инвестиции, а на приобретение американских казначейских облигаций.

3. Ужесточение антимонополистического законодательства, с тем чтобы покончить как с антидепрессионными картелями, участники которых из числа фирм структурно-больных отраслей могут сплотиться и не допустить проникновения иностранных товаров, так и с любыми корпорационными союзами, направленными против зарубежных конкурентов. 4. Отмена закона, ограничивающего в интересах защиты мелкого бизнеса развертывание крупных розничных цепных систем, с помощью которых иностранные товары лучше доходят до потребителя 2. На фоне этого перечня обычный набор предъявляемых Японии претензий, связанных главным образом с тарифными и нетарифными барьерами и с неоправданно низкими ценами на экспортную продукцию, выглядит уже не столь «весомым», как прежде.

Дискриминационные меры, предпринимавшиеся до последнего времени в отношении Японии, отнюдь не являются односторонними. Подобно своим контрагентам, Япония (а точнее, правительственная бюрократия, уступая местному лобби), несмотря на многочисленные опровержения ее руководителей, продолжает более или менее искусственно ограждать ряд звеньев экономического механизма протекционистским частоколом, ставя миллионные массы потребителей в заведомо невыгодные рыночные условия. Об этом красноречиво свидетельствуют примеры строгого квотирования ввоза таких видов сельскохозяйственной продукции, как говядина или цитрусовые, или изощренных инспекционных проверок импортных товаров. Япония далеко не изжила еще архаичный менталитет бедного государства. Одной из примет этого допустимо считать ее финансовую систему, ориентированную на поощрение поисков внешних рынков при относительном сдерживании освоения внутреннего рынка. К началу 1986 г. избыточные фонды в стране достигли 3,5 трлн. долл. Они обязаны своим происхождением уменьшившимся капиталовложениям, высоким экспортным прибылям, усилиям государства по сжатию бюджетного дефицита, но главным образом колоссальным личным сбережениям. Институциональным фактором высокой нормы сбережений, несомненно, является система, освобождающая от обложения вкладам, которые не превышают 17 тыс. долл. ТЫ ПО суммы индивидуальных депозитов сосредоточена в 22 тыс. отделений Почтово-сберегательного банка (ему разрешено выплачивать несколько больший процент по вкладам, чем коммерческим банкам). Количество индивидуальных счетов в отделениях Почтово-сберегательного банка превышает 600 млн. (по 5 счетов на каждого японца), что свидетельствует о массовом уклонении от налогообложения посредством дробления вкладов (согласно имеющимся оценкам, объем необлагаемых в обход закона вкладов достигает 800 млрд. долл., т. е. примерно 5% японского ВНП). В то же время на займы, в частности на займы на жилищное строительство, налоговые льготы не распространяются. Естественно, что сбереженные средства не рас-

13 3ak, 704

ходуются на внутренние инвестиции, а уплывают за рубеж, прежде всего в США, которые теряют около 5% своего ВНП на льготах заемщикам и инвесторам.

Тем не менее следует подчеркнуть, что недовольство японскими экспортными успехами приняло на Западе воистину маниакальные формы и что степень японского «участия» в обострении его экономических проблем явно преувеличивается. Такой преувеличенностью в первую очередь грешат обвинения, исходящие из Соединенных Штатов. Япония не может нести ответственность за дефицитность американского государственного бюджета, за высокий уровень американских процентных ставок и соответственно за длительный этап сверхсильного доллара. Трудно вменить ей в вину и низкие темпы повышения производительности труда на американских предприятиях, и «пошатнувшееся» качество американских товаров, и инертность рыночной тактики американских фирм. Более того, растущая часть японской экспортной выручки возвращается в США в качестве портфельных и прямых инвестиций. Первые подпирают доллар и работают на сдерживание дальнейшего роста процентных ставок, на финансирование бюджетного дефицита, а вторые создают в США дополнительные рабочие места. Наконец, довольно стабильный уровень безработицы и цен в США показывает, что японский экспорт (как и экспорт других стран) заполняет на американском рынке брешь, которая вряд ли была бы закрыта самой американской индустрией без инфляционной вспышки.

Так или иначе, накал антияпонской критики (в дополнение к словесным атакам и единогласно принятой, но, правда, необязывающей резолюции сената, осуждающей нарушения японцами правил внешнеторговой игры, на рассмотрение конгресса было представлено более двухсот законопроектов откровенно протекционистского свойства) заставил японское правительство и деловые круги пойти на серию конкретных мероприятий, призванных разрядить ситуацию. В течение 1985 г. свет увидели две официальные «программы действий». Первая (июльская) программа предусматривала снижение тарифов по широкому кругу импортируемых товаров, упрощение процедуры их прохождения через таможенные рогатки, смягчение стандартов, которым эти товары должны отвечать. Вторая (октябрьская) делала акцент на активизацию частнопредпринимательского сектора, органов местного самоуправления и потребителей. В ней содержались обещания увеличить объем займов (при несколько меньших процентных ставках), предоставляемых Корпорацией жилищного строительства, освободить некоторые государственные земельные участки для коммерческого освоения, расширить инвестиции в электроэнергетическое и газовое хозяйство (одна из целей этих инвестиций — покончить с чрезмерной сетью воздушной проводки), в инфраструктуру, ослабить регламентации. ограничивающие потребительский кредит при покупке телевиворов и автомобилей, за пятилетний срок ввести дополнительно десять нерабочих дней в году. Еще более фундаментальную программу разработала специальная комиссия во главе с бывшим президентом Банка Японии Х. Маэкава. В докладе комиссии, одобренном тогдашним премьер-министром Я. Накасонэ, подчеркивалась необходимость такой среднесрочной правительственной стратегии, цели которой определялись бы не необходимостью сдерживания инфляции и безработицы, а необходимостью достижения равновесия по статьям «текущие операции» торгового баланса фактически посредством отказа от экспортной ориентации экономики. Напомним также, что Япония стала членом группы пяти ведущих капиталистических стран, договорившихся о совместном вмешательстве на валютных рынках (заметим в связи с этим, что в апреле 1986 г. иена стала на 35% дороже по отношению к доллару, чем в сентябре 1985 г.), компенсировала США убытки кожевенной промышленности, понесенные из-за запретительных пошлин на ввозимые в Японию кожевенные товары, разрешила с ними конфликт по поводу импорта лесоматериалов, объявила о согласии 134 крупнейших фирм резко расширить закупки иностранных товаров и т. д.

Значимость всех этих шагов преподносится японской прессой, лидерами делового и политического мира, по крайней мере, с той же долей преувеличений, которая типична для обвинений в адрес Японии. Широковещательные декларации о предстоящем «втором открытии Японии», об «исторической трансформации» традиционного стиля управления ее экономикой и жизненного стиля нации, о драматическом сдвиге в образе мышления японцев звучат недостаточно убедительно. Во-первых, идея перенесения центра тяжести на внутренний спрос прямо противоречит твердой линии нынешнего руководства страны на ограничение государственных расходов, сжатие бюджетного дефицита, утверждение «малого правительства» (нельзя не подчеркнуть здесь, что и японское и американское правительство руководствуются на протяжении всех последних лет одинаковой философией и известные успехи первого из них на этом поприще, в частности тот факт, что в 1980—1985 гг. дефицит государственного бюджета Японии был сокращен с 5 до 2% от объема валового национального продукта, усложняют проблемы, стоящие перед американским). Во-вторых, подавляющее большинство намеченных к использованию рецептов может дать зримый эффект лишь по прошествии какого-то времени, возможно нескольких лет, между тем как внешнеторговые партнеры Японии настроены на немедленный результат. В-третьих, многие влиятельные предпринимательские круги, принимая в расчет относительно благоприятное состояние национальной экономики, не проникаются ощущением остроты переживаемого момента, демонстрируют самодовольство и благодушие и не собираются всерьез подыгрывать правительственным программам, вынужденность которых им очевидна. В-четвертых, согласно имеющимся оценкам, даже претворение в жизнь всех правительственных наметок не изменило бы существенно сложившуюся ныне картину. Так, по расчетам американского Института международных отношений, полная отмена Японией видимых и невидимых таможенных барьеров сократила бы отрицательное сальдо торгового баланса США не более чем на 5-6 млрд. долл. В то же время, как свидетельствуют подсчеты японского министерства финансов, при увеличении государственных инвестиций на 12 млрд. долл. импорт увеличился бы всего на 1,3 млрд. долл., а сокращение налогов на 20 млрд. долл. уменьшило бы отрицательное сальдо американского торгового баланса всего на 700 млн. долл.³. В-пятых, способности внутреннего рынка вообще и рынка потребительских товаров в особенности к поглощению импортных потоков являются и в обозримом будущем обещают оставаться гораздо меньшими, чем это может показаться наблюдателю, который исходит из прикидок, имеющих хождение на Западе.

По всей вероятности, такие радужные прикидки объясняются убежденностью в том, что основным, а скорее и единственным, препятствием на пути иностранных товаров к японскому рынку служит фактор субъективного порядка: определенная регуляционная система, введенная в эксплуатацию волевым решением. Подобная убежденность очень хорошо просматривается во всячески варьируемых призывах к Японии обеспечить лишь допуск на рынок товаров, без предоставления каких-либо гарантий сбыта, которым, мол, уж займется ввозящая сторона.

Однако самым труднопреодолимым барьером для иностранной продукции, по крайней мере для той ее части, которая предназначается для потребительского рынка, выступает современный характер предъявляемого населением спроса. За последнее десятилетие он претерпел чрезвычайно важные изменения, как с точки зрения его динамики и структуры, так и с точки зрения направляющих поведенческих установок, что значительно усилило его социально-экономическую роль. Темпы прироста потребительских расходов в конце 70-х — первой половине 80-х годов сократились более чем в 2,5 раза по сравнению с концом 60-х — началом 70-х годов. Решающими причинами наступившей вялости, вне всякого сомнения, были: замедление или, на отдельных временных отрезках, приостановка увеличения заработной платы и семейных доходов, удвоение нормы безработицы, повышение розничных цен. Но наряду с этим торможение роста указанных расходов обусловливалось и завершением периода первоначального потребительского накопления, переходом к этапу «перезрелости личного потребления», которая характеризуется такими во многом относительными, условными, но все-таки реальными моментами, как насыщенность рынка потребительскими предметами и зажиточность населения (об этом говорят и высокая степень распространенности товаров длительного пользования, и неуклонное

удельного веса семей, получающих более крупные доходы).

Устойчивое, необратимое преобладание сервисного компонента спроса над материально-вещным, современных его элементов над традиционными, селективных над базисными сказалось и на облике потребителя. Доминировавший ранее стереотип, отличавшийся повышенной возбудимостью, «всеядностью», дилетантством, но одновременно и наличием точно обозначенных, конкретных целей, уходит в прошлое. Он уступает место новому стереотипу, которому присущи трезвость, расчетливость, рационалистичность, развитая способность к критическим суждениям, меньшая склонность поддаваться внешним влияниям, разборчивость, требовательность, капризность, своенравие, прихотливость, готовность привносить профессиональные начала в управление домашним хозяйством, вытесняя всякого рода любительство. Вместе с тем его выделяет сильная «размытость», а то и вообще отсутствие четко сформулированных рыночных целей, кроме разве что стремления выбиться из массы себе подобных, а не раствориться в ней, как это было прежде, стремления превратить объекты потребления в средство самовыражения, стремления создать уникальный бытовой стиль. Распространение данного стереотипа неизбежно лишает потребительский спрос былой напряженности, безотлагательности, но зато углубляет его диверсифицированность, неизмеримо повышает значение революционной новизны и безупречного качества поступающих на рынок товаров и услуг.

Японская индустрия сумела быстро среагировать на эту трансформацию спроса, многократно ускорив обновление ассортимента и сортамента продукции и добившись не просто сведения доли брака к минимуму, а массового прорыва к высшим международным качественным стандартам. И именно это обстоятельство диктует японским потребителям их предпочтения, именно благодаря ему происходит катастрофическое ослабление синдрома преклонения перед иностранными изделиями, которые, несмотря на сетования сторонников «наказания» Японии за закрытость ее рынка, не являются на нем какой-то редкостью. Например, в 1984 г. японский импорт из одних только США равнялся 25 млрд. долл., но к этой величине необходимо приплюсовать еще те 44 млрд. долл., которыми выражается объем продукции американских компаний, производящих и продающих в самой Японии, вместо того чтобы производить себя на родине и экспортировать (соответствующий японский показатель достигал 12 млрд. долл.). Выручка от 2 тыс. ярмарок импортной продукции, устроенных в 1985 г., составила 79 млн. долл. Внушительная доля названных сумм приходится на потребительские товары. Во всяком случае, американские журналисты, работающие в Японии, подтверждают, что в большинстве крупных и малых городов страны товары из разных стран, и в первую очередь из США, в изобилии доступны потребителю. Среди этих товаров автопокрышки, подвесные лодочные моторы, кухонное оборудование, пакетированное жареное мясо, косметика, матрасы, персональные компьютеры, фотоаппараты с мгновенным проявлением отснятых кадров, бытовая
электроаппаратура, бритвенные приборы, мебель, модные туалеты. Те из зарубежных фирм, которые согласились действовать
в точном соответствии с документально оформленными и неписаными правилами поведения на японском внутреннем рынке, которые не пожалели долговременных усилий для преодоления трудностей адаптации к вкусам японских потребителей, не
могут жаловаться на результаты 5.

Однако такие фирмы представляют собой редкое исключение. В целом же зарубежная продукция не пользуется в Японии особым успехом. Именно этим объясняются неоднократные призывы к населению Я. Накасонэ покупать больше заграничных товаров. Судя по всему, в числе критериев потребительского выбора в пользу отечественных товаров решающее значение имеет их более высокое качество. На это недвусмысленно указывают и японские и зарубежные источники. Если верить результатам опросов, проводимых влиятельными японскими органами массовой информации, многие импортные товары пользуются в стране репутацией «сделанных кое-как», «спроектированных без учета особенностей местного потребителя». По словам корреспондентов, импортная бытовая электроаппаратура «слишком громоздка» для тесного японского жилья, импортная одежда «плохо сшита», спортивные товары произведены из «плохих исходных материалов», а продукты питания имеют «неподходящий вкус и запах». Бывший лидер республиканцев в сенате США X. Бейкер отмечает: «Откровенно говоря, я сомневаюсь в том, что многие американские товары заинтересуют японских потребителей, особенно если американские производители не приложат более добросовестных усилий с целью приспособить свою продукцию к японским запросам». Ему вторит посол США в Японии М. Мэнсфилд: «Нашим ским.— В. Р.) компаниям надо делать больше, чтобы обеспечивать высочайшее качество при самых низких ценах и лучшее послепродажное обслуживание, особенно на таком конкуренционном рынке, как японский» в. Как показал опрос 1569 американцев и 1428 японцев, проведенный в июле 1985 г., 43% американцев (против 30%) и 84% японцев (против 4%), заявили, что японские легковые автомобили лучше американских; 30% американцев (против 21%) и 54% японцев (против 16%) заявили, что технологический уровень японских потребительских товаров выше, чем у американских; 49% американцев (против 29%) и 56% японцев (против 36%) заявили, что американские компании не прилагают достаточных усилий для проникновения на японский рынок; 53% американцев (против 30%) и 70% японцев (против 19%) заявили, что критика Соединенными Штатами Японии является попыткой сделать ее козлом отпущения за внутренние проблемы американской экономики 7.

Конечно, было бы наивным полагать, будто понимание подспудных причин противоречий Японии с ее внешнеторговыми партнерами сможет устранить их. В Японии вот уже сорок лет идут оживленные дискуссии между сторонниками первоочередного освоения либо внешних рынков, либо рынка внутреннего. Практически весь послевоенный период прошел под знаком торжества экспортной направленности в. Резкий отход от нее в тот самый момент, когда Япония закрепила за собой статус экономической державы мирового калибра, выглядит маловероятным. Но даже если Япония, как дают понять ее руководители, находится в пути от экономики, стимулируемой экспортом, к экономике, в которой обе ориентации сбалансированы, все равно трудно представить себе крупный сдвиг потребительского спроса в сторону предпочтения импортной продукции. В совокупности с постоянными опасениями за устойчивость конъюнктуры, острой внутриполитической борьбой за дополнительные депутатские мандаты, маневрами влиятельного лобби, действующего от имени низкопроизводительных отраслей хозяйства, это будет лишь способствовать разжиганию все новых и новых столкновений Японии с зарубежными соперниками.

The International Herald Tribune, 29.07.1985.
 Майнити симбун, 20.05.1985.

⁵ Time. 09.12.1985.

¹ Нихон кэйдзай кэнкю сэнта кайхо. 1985, № 499, с. 19; Нихон токэй гэппо. 1986, № 299, с. 74-80.

⁴ Майнити симбун. 15.09.1985.

⁶ The International Herald Tribune. 22.08,1985; Speaking of Japan, Vol. 6. № 61, January 1986, c. 31.
The International Herald Tribune. 14.08.1985.

⁸ Х. Канамори, Д. Вада. Кокусай кэйдзай кокка Ниппон (Япония: мировая экономическая держава). Токио, 1983, с. 1.

СОВЕТСКО-ЯПОНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИЯ К СТАБИЛИЗАЦИИ И РОСТУ

С конца 70-х — начала 80-х годов экономические отношения между СССР и Японией переживают сложный период. Усилилось воздействие неблагоприятных экономических и политических факторов на эти отношения. В результате практически по всем направлениям советско-японских экономических связей наблюдается либо сокращение, либо стагнация. В наиболее обобщающем виде указанную тенденцию можно проследить во взаимной торговле. Ее оборот сократился с 3682 млн. руб. в 1982 г. до 2601 млн. в 1987 г. В результате среди партнеров СССР в группе развитых капиталистических стран Япония отошла на 6-е место.

Среди неблагоприятных факторов, воздействующих на советско-японские экономические отношения, с особой силой проявились политические факторы. Японская сторона осуществила повсеместную политизацию этих отношений, т. е. тесно увязала их с различными проблемами политических отношений как между двумя странами, так и в рамках взаимоотношений Восток—Запад. Цель политизации состоит в оказании нажима на СССР, с тем чтобы затруднить, насколько это возможно, его экономическое развитие и внешнеэкономические связи. Кроме того, Япония, проводя политизацию, явно подыгрывает США и стремится таким путем смягчить некоторые проблемы своих собственных отношений с США, особенно в экономической области.

Для политизации экономических отношений японская сторона выдвигает различные предлоги события в Афганистане или Польше, так называемый «территориальный вопрос» и т. п. Используя их, Япония стремится нанести удар по наиболее чувствительным, по ее мнению, точкам советского импорта. В частности, затруднено получение кредитов для оплаты советского импорта из Японии ряда видов машин и оборудования, для осуществления новых проектов сотрудничества по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока и др.

В последнее время японская сторона заметно активизировала свою деятельность по ужесточению экспорта в СССР наукоемкой и технически сложной продукции, новейшей технологии. Причем этот курс вдохновляется на самом высоком правительственном уровне. Так, бывший министр иностранных дел С. Абэ

заявил: «Наша экономическая политика в отношении СССР будет более жесткой, чем политика стран Западной Европы. Япония будет использовать свою экономическую мощь в качестве оружия против СССР» г. В течение 80-х годов японская сторона неоднократно пересматривала национальный список КОКОМ, включая в него новые товары, запрещенные для экспорта в СССР. Специальные меры предпринимаются в Японии для ужесточения проверки содержимого отгружаемых в Советский Союз партий товаров. По вине японской стороны было заморожено действие межправительственного соглашения о научнотехническом сотрудничестве.

Давая в целом оценку подобного рода действий японской стороны, Председатель Совета Министров СССР в ответах японской газете «Иомиури» отметил, что японское правительство «ввело ограничения на политические контакты, на заключение новых взаимовыгодных контрактов в торгово-экономической области, приостановило выполнение соглашения о научно-техническом сотрудничестве и т. д. Причем эти действия сопровождаются развертыванием недружественных нашей стране кампаний... Трудно избежать впечатления, что японская сторона преднамеренно заводит советско-японские отношения в тупик» 3.

Политизация Японией экономических отношений тесно связана и с проведением ею дифференцированного подхода в торгово-экономических вопросах к СССР и другим социалистическим государствам. Содержание упомянутого подхода заключается в выделении Японией одной или нескольких социалистических стран, которым предоставляются какие-либо индивидуальные льготы или для которых, наоборот, вводятся те или иные дискриминационные меры по конкретным направлениям торгово-экономических связей (внешняя торговля, кредитно-финансовые, научно-технические отношения и т. д.). Подобная практика, во-первых, направлена на то, чтобы добиться для японских компаний максимально благоприятных условий на рынках социалистических стран, успешнее конкурировать с западноевропейскими и американскими фирмами. Во-вторых, на основе дифференцированного подхода правящие круги Японии пытаются вызвать трения между социалистическими странами и тем самым ослабить позиции социалистического содружества. В этом же контексте следует рассматривать и тот факт, что Япония не признает СЭВ как международную экономическую организацию стран социалистического содружества и не сотрудничает с ним. Отмеченные выше обстоятельства ставят на повестку дня вопрос о согласовании торгово-экономической политики в отношении Японии в рамках СЭВ.

Что касается неблагоприятных экономических факторов, сказывающихся на советско-японских экономических отношениях, то здесь в первую очередь следует выделить фактор структурной перестройки японской экономики в. В ней в результате потребностей нового этапа научно-технической революции су-

щественно увеличился и продолжает увеличиваться удельный вес отраслей промышленности, находящихся на переднем крае науки и техники, произошел переход экономики страны на путь интенсивного развития. В результате происходит заметное сокращение показателей материалоемкости японской экономики, сокращение ее абсолютных и относительных потребностей в импортном сырье.

Это не могло не коснуться и Советского Союза, поскольку сырье занимает главное место в его экспорте в Японию. Так, только на три экспортных товара — лес, уголь и хлопок — присодится более 70% вывоза СССР на японский рынок. В связи

руктурным фактором, а также движением конъюнктуры японской экономики поставки советского леса, угля, хлопка, калийных солей и других сырьевых товаров в Японию сокращаются. Перекрыть это сокращение увеличением вывоза других товаров в силу ряда причин не удалось. В результате в советско-японской торговле на стороне СССР образовался значительный дефицит, только в 1987 г. составивший 655 млн. руб. Наличие такого рода несбалансированности, несомненно, сдерживает расширение взаимной торговли. В указанном направлении действуют и некоторые организационные трудности.

В этих условиях потребовались большие усилия СССР по преодолению застойных тенденций в торгово-экономических связях с Японией, по приданию им нового импульса. По инициативе советской стороны в декабре 1984 г. в Токио состоялось IX совместное совещание Советско-японского и Японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству, играющих важную роль в определении общих направлений взаимного экономического сотрудничества.

В ходе совещания стороны отметили наличие значительных экономических возможностей обеих стран, взаимодополняемость структуры их экономик и географическую близость, подтвердили желание расширить взаимные экономические связи на основе равенства и взаимной выгоды. Стороны признали необходимым добиваться устранения препятствий, ограничивающих развитие торгово-экономических связей между двумя странами 5

Стороны рассмотрели ход выполнения действующих Генеральных соглашений о сотрудничестве в разработке лесных ресурсов, в разработке Южно-Якутского угольного бассейна, в разведке и обустройстве месторождений газа и нефти на шельфе о-ва Сахалин. Были рассмотрены также вопросы сотрудничества в области лесной промышленности, транспорта, производства стройматериалов, цветной металлургии, химической и других отраслей промышленности.

В принятых на совещании договоренностях предусматривалось заключить очередные Генеральные соглашения о поставках в Японию технологической щепы и балансового долготья лиственных пород, а также о разработке лесных ресурсов районов Сибири и Дальнего Востока. Стороны признали целесообразным рассмотреть возможности сотрудничества в строительстве второй очереди порта Восточный, перевалочной базы химических наливных товаров на Дальнем Востоке на компенсационной основе и др. Совещание рекомендовало также продолжить изучение возможностей сотрудничества в разработке на компенсационной основе месторождений асбеста «Молодежное» и Удоканского медного месторождения.

Продолжением развернувшегося диалога между двумя странами в торгово-экономической области явилось X совещание комитетов по экономическому сотрудничеству СССР и Японии, проходившее в апреле 1986 г. На нем стороны подробно рассмотрели состояние взаимной торговли и пути сокращения ее несбалансированности; проблемы развития новых форм сотрудничества; расширение связей в области научно-технического обмена; организационные вопросы. Совещание констатировало совпадение точек зрения сторон по большинству проблем взаимных экономических связей, наметило конкретные средства их решения.

XI совещание экономических комитетов двух стран, состоявшееся в январе 1988 г., отметило необходимость коренного улучшения структуры советско-японской торговли, подробно рассмотрело ход выполнения проектов сотрудничества, особенно сахалинского, возможности внедрения новых форм сотрудничества, активизации научно-технических связей в.

В целом IX, X и XI совещания экономических комитетов двух стран способствовали оживлению советско-японских торгово-экономических связей. В частности, в декабре 1984 г. было заключено Соглашение между правительством Советского Союза и правительством Японии о взаимных отношениях в области рыболовства у побережий обеих стран. В январе 1985 г. прошла внеочередная сессия Советско-японской комиссии по рыболовству. В подписанном протоколе установлены равные квоты вылова, советским рыбакам продлен срок промысла у восточного побережья Японии на более эффективный для лова период. Как и прежде, рыболовные суда смогут швартоваться в портах обеих стран для пополнения продовольствия и отдыха экипажей 7.

12 мая 1985 г. было подписано новое советско-японское соглашение в области рыбного хозяйства. Оно включает такие важные аспекты сотрудничества, как научно-технический обмен, взаимное изучение биоресурсов 200-мильных зон, кооперацию в области рыбоводства, совместные исследования проходных видов рыб. На принципиально новой основе в соглашении решены вопросы использования лососей советского происхождения, учитывающие особые права Советского Союза на их запасы 8.

5 декабря 1985 г. стороны заключили второе Генеральное соглашение о поставках из СССР в Японию технологической щепы и балансового долготья лиственных пород и из Японии в

СССР соответствующих машин, оборудования и материалов для выполнения соглашения.

Активизировались контакты между сторонами в связи с реализацией Сахалинского проекта по разведке, обустройству и добыче нефти и газа с месторождений на шельфе этого острова. В частности, советская сторона предоставила свой вариант технико-экономического обоснования проекта и конкретные предложения о сроках и объемах поставки нефти и газа.

Несомненно, положительную роль в стабилизации взаимных экономических отношений и в выводе их из того трудного состояния, в котором они находились в предыдущие годы, сыграл официальный визит в Японию в январе 1986 г. министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе. Незадолго перед визитом, 26 ноября 1985 г., японское правительство приняло решение об отмене «экономических санкций» в отношении СССР, полагая, что продолжение их действия не будет способствовать успеху предстоящих переговоров, а японские фирмы будут нести убытки в результате потери заказов советской стороны.

В ходе советско-японских переговоров вопросы взаимных экономических связей заняли большое место, был подписан ряд документов в этой области. В частности, министры иностранных дел СССР и Японии подписали соглашение о товарообороте и платежах между двумя странами на 1986—1990 гг. Была заключена конвенция об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы. Стороны договорились также повысить уровень ежегодных консультаций по торгово-экономическим вопросам 9.

В области рыболовства СССР и Япония пришли к единому мнению о необходимости и в дальнейшем прилагать усилия для успешного выполнения имеющихся договоренностей, продолжения конструктивного обсуждения всех связанных с ними вопросов.

Были выведены из застоя отношения в области науки и техники. Стороны, в частности, договорились созвать после длительного перерыва очередную сессию Советско-японской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. Ее 4-я сессия, проходившая в декабре 1987 г., привела к договоренностям в области совместных исследований в сельском хозяйстве, касающихся генетики растений. Намечено развернуть работы в области вирусологии, создания искусственного сердца, борьбы с заболеваниями деревьев, повышения безопасности атомных реакторов и др. Впервые страны облекли свои намерения в подписание специальной программы научно-технического сотрудничества на 1988 г.

Достижение указанных договоренностей отвечает интересам Японии в не меньшей мере, чем Советского Союза. «У нас одинаковая заинтересованность в развитии экономического сотрудничества... Мы не конкуренты, наши экономические и торговые структуры взаимодополняемы. В этом смысле ясно, что должна

быть взаимная заинтересованность в развитии наших торговоэкономических связей, отюда вытекает и их полезность» 10, подчеркивал Э. А. Шеварднадзе.

Подобная оценка позитивных сдвигов в двусторонних отношениях была подтверждена во время ответного визита в СССР в мае 1986 г. министра иностранных дел Японии С. Абэ. Касаясь торгово-экономических связей, стороны «выразили намерение содействовать дальнейшему расширению торгово-экономических отношений между СССР и Японией на основе взаимной выгоды, в том числе умножить усилия с целью поиска новых форм сотрудничества...» ¹¹.

Какими в связи с этим представляются перспективы советско-японских торгово-экономических отношений? Прежде всего необходимо иметь в виду, что, как показал опыт последних лет, на эти отношения возрастающее воздействие оказывают политические факторы. Поэтому для их успешного развития нужен благоприятный политический климат. В результате переговоров министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе с японскими руководителями в январе 1986 г. появились основания для известного оптимизма в этой области, хотя переоценивать его не следует. Между двумя странами был возобновлен политический диалог. Тогдашнему премьер-министру Японии Я. Накасонэ было передано приглашение посетить Советский Союз, а Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву — Японию. Имело место сближение позиций по ряду международных проблем, прежде всего региональных, а также по некоторым двусторонним вопросам. Как отметил Э. А. Шеварднадзе, «будущее наших отношений видится нам теперь более оптимистично, несмотря на имеющиеся сложные проблемы» 12.

Что касается перспектив в чисто экономическом плане, то здесь следует иметь в виду прежде всего действие структурного фактора. Представляется, что его роль будет постепенно уменьшаться ¹³. Это приведет в конце концов к более сбалансированной взаимной торговле на качественно ином, чем сейчас, уровне. Основания для такого рода вывода дают решения XXVII съезда КПСС, нацелившего экономику страны на ускоренное внедрение достижений науки и техники, интенсификацию, резкое улучшение качественных характеристик выпускаемой продукции. Все это должно привести к сдвигам в советском экспорте: постепенно начнет сокращаться доля сырья и одновременно повышаться степень его переработки, будет увеличиваться доля машин и оборудования с высокими характеристиками, отвечающими требованиям мирового рынка.

Советско-японские экономические отношения не ограничиваются лишь внешней торговлей и совместными проектами по развитию природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Существуют и другие важные направления взаимовыгодных связей, которые могли бы сыграть роль нового импульса в экономической области. Это относится прежде всего к научно-техни-

ческому сотрудничеству. Здесь стороны дополняют друг друга и возможно, таким образом, сочетание сильных сторон советской науки в виде развития фундаментальных исследований и японской, которая известна своими практическими исследованиями и разработками.

Большие резервы имеются в области «невидимых операций», или услуг. Дальнейшее быстрое развитие могли бы получить транспортные перевозки, в том числе с использованием Байкало-Амурской магистрали. Стороны могли бы продолжить сотрудничество в строительстве второй очереди порта Восточный вблизи Находки.

СССР и Япония в состоянии существенно расширить туристический обмен. Неиспользованные возможности имеются в области валютно-финансовых отношений между двумя странами. Речь идет, в частности, о необходимости открытия в обеих странах советских и японских банковских учреждений, заключения межправительственного глобального кредитного соглашения.

СССР и Япония могли существенно продвинуться вперед и в области создания совместных предприятий (обществ), углубления специализации и кооперирования производства, совмест-

ного строительства объектов в третьих странах.

В обобщающем виде предложения СССР по развитию торгово-экономических связей с Японией были изложены в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева во Владивостоке 28 июля 1986 г. Он подчеркнул, что «обоюдный интерес представляет хозяйственная кооперация. В первую очередь речь идет о наших прибрежных районах, где уже имеется практика деловых контактов с японскими фирмами. Можно обсудить вопрос и о создании совместных предприятий в прилегающих и близко расположенных друг от друга районах СССР и Японии. Почему бы также не наладить долговременное сотрудничество в исследовании и комплексном освоении ресурсов океана, не состыковать программы мирного изучения и освоения космоса» 14.

Перечисленные и другие возможные направления развития экономических связей с Японией базируются на принципиальном подходе СССР к такого рода связям. На XXVII съезде КПСС подчеркивалось: «Мы исходим из того, что в современном мире активное развитие экономических и научно-технических связей, участие в международном разделении труда насущно необходимы. Мы видим в этом важное средство поддержания и укрепления мирных, добрососедских отношений между государствами, взаимного содействия в решении народнохозяйственных проблем» 15. Насколько полно это положение съезда будет реализовано в экономических отношениях с Японией, зависит не только от Советского Союза, но и от самой Японии. Складывается впечатление, что в последнее время японская сторона более реалистично подходит к развитию внешнеэкономического обмена с СССР. Не переоценивая этой тенденции и не закрывая

глаза на имеющиеся немалые трудности, можно все же сделать достаточно осторожный вывод о том, что советско-японские экономические отношения прошли низшую точку и понемногу выходят на путь более устойчивого развития.

1/Подробно см.: СССР — Япония: проблемы торгово-экономических отношений. М., 1984, с. 35-43.

² Нихон кэйдзай симбун. 18.10.1984.

³ Правда. 02.01.1984.

4 Подробно см.: Современный монополистический капитализм: Япония. М., 1981, глава 1. ⁵ Новое время. 1985, № 30, с. 14.

⁶ См.: Нихон кэйдэай симбун. 27.01.1988.

⁷ Новое время. 1985, № 28, с. 29. ⁸ Известия. 04.06.1985.

⁹ Правда. 20.01.1986.

10 Новое время, 1986, № 5, с. 13.

^{1:1} Правда. 02.06.1986.

- 12 Новое время. 1986, № 5. с. 11.
- 13 Подобной же точки эрения придерживается японский специалист Қ. Судзуки. См.: Кокубо. Токио, 1986, c. 100—108.

14 Правда. 29.07.1986.

15 Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. M., 1986, c. 255.

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В СИСТЕМЕ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Со страниц японских и американских газет, журналов и научных изданий не сходит тема японо-американских экономических противоречий. Она является предметом обсуждений на всех встречах представителей делового и политического мира обеих стран. Насколько сильны и серьезны эти противоречия? Могут ли они оказать дестабилизирующее влияние на японо-американские отношения в целом? Каковы в этом плане перспективы японо-американских отношений? Каков механизм японо-американских отношений, как в них сбалансированы общность и несовпадение интересов? Правильный ответ на эти вопросы важен не только в теоретическом, но и в практическом отношении, так как речь идет о двух крупнейших державах капиталистического мира. Забегая с выводом вперед, выскажу свою точку зрения по этому вопросу. Она сводится к следующему: экономические противоречия не являются деструктивным фактором в общем контексте японо-американских отношений. Они не оказывают и не могут оказать в обозримом будущем дестабилизирующего влияния на отношения двух стран.

Такой вывод поначалу может вызвать некоторое недоумение хотя бы потому, что «трения» в экономических связях с США постоянно называют в Японии на самом высоком уровне главной проблемой экономики этой страны. Едва ли не каждое второе японское периодическое издание, занимающееся проблемами экономики и международной политики, содержит статью, посвященную «японо-американским экономическим трениям».

Однако рассмотрим внимательнее японо-американские экономические противоречия.

Во-первых, это нашумевшие «торговые войны»: «текстильная», «стальная», «автомобильная», «телевизионная». Они начались с конца 60-х годов в результате массированного экспортного наступления японских товаров на рынок США. Первый предедент был связан с продукцией текстильной промышленности Японии (конца 60-х годов). Завершилась «текстильная война» подписанием многостороннего соглашения по изделиям из волокон («Multifiber Agreement» в начале 70-х годов). Оно ограничивало экспорт иностранного текстиля в США. «Телевизионная война» закончилась тем, что Япония была вынуждена принять

«соглашение об упорядочении рынка» («orderly marketing agreement»), по которому экспорт телевизоров в США ограничивался. «Стальная война» завершилась в 1977 г. введением системы «пороговых цен» (или «курковых цен» — trigger pries), которая была направлена на сокращение доли Японии на рынке продукции черной металлургии в США. В настоящее время в США вводится система квот для иностранных поставщиков стали. «Автомобильная война» завершилась в 1981 г. принятием Японией добровольных ограничений на экспорт автомобилей в США.

«Торговые войны» сопровождались резкими выступлениями с обеих сторон, однако сейчас можно сделать вывод, что эта резкость была нарочитой. Она отражала не столько сложность возникшей ситуации, сколько стремление как США, так и Японии оказать психологическое давление на партнера. Более того, приходится констатировать, что в конечном счете «торговые войны» каждый раз завершались взаимным согласием сторон. Формально в результате «торговых войн» ущемленной оказывалась Япония, так как ей навязывались различные ограничения. Однако японские корпорации оказывались вполне удовлетворенными той долей американского рынка, которую им удалось себе гарантировать. Прибыли автомобильных компаний Японии в США, например, даже выросли после введения ограничений на экспорт, так как спрос на японские автомобили превысил предложение, и цены выросли.

Реально были ущемлены скорее интересы некоторых американских фирм. Понесли потери металлургические компании США, производители автомобилей в Детройте, производители бытовой электроники. Но и в США было значительно больше тех, кто выиграл. Во-первых, это американские потребители, которые желают покупать высококачественные японские товары длительного пользования и японскую продукцию промышленного назначения. Во-вторых, в закупках японских товаров заинтересованы американские торговые компании типа «Сирз», а также дилерские фирмы по продаже автомобилей, которым все равно что продавать — «Шевроле» или «Хонду». Можно сказать, что в США в результате «торговых войн» с Японией ущемлены были интересы меньшинства американцев, а подавляющее большинство оказалось в выигрыше.

На нынешний день крупнейшей проблемой в японо-американских экономических отношениях считают торговый дефицит США. Он возник в 1965 г., а в 1985 г. достиг 50 млрд. долл. Цифра огромная. Однако чреват ли этот дефицит какими-либо проблемами для США? Для любой другой страны такой дефицит явился бы серьезнейшей экономической проблемой. Он потребовал бы резкого увеличения экспорта, роста валютных поступлений. Но для США такой проблемы просто не существует, что связано с особым местом доллара в мировой экономической системе. Короче говоря, дефицит, как таковой, не может при-

вести к каким-либо отрицательным последствиям для экономики США.

При этом следует отдавать себе отчет, что картина с дефицитом совершенно меняется, если рассмотреть отношения этих двух стран не в их национальных границах, а как отношения американского и японского капитала. Нужно учесть не только взаимный экспорт, но и производство товаров американскими фирмами в Японии и японскими — в США. Так. в 1984 г. фирмы, где участвует американский капитал, произвели в Японии продукции на 43,9 млрд. долл., а экспорт товаров из США в Японию составил 25,6 млрд. долл. Итого в Японии было продано на 69,5 млрд. долл. продукции, произведенной американскими фирмами. В том же году японские фирмы произвели в США продукции на 12,8 млрд. долл. А экспорт из Японии в США составил 56,8 млрд. долл. В итоге в США было продано на 69,6 млрд. долл. продукции, произведенной японскими фирмами 1. Итак, 69,5 млрд. долл. и 69,6 млрд. Получается, что движение товаров между американскими и японскими фирмами сбалансировано. А ведь Япония импортирует намного больше, чем США, по статьям «невидимой торговли». Кроме того, значительная часть импортируемой Японией нефти закупается у американских нефтяных монополий. Если с учетом сказанного выше рассматривать баланс торговли (включая «невидимую торговлю») между фирмами Японии и Соединенных Штатов, то окажется, что крупный дефицит имеют не США, а Япония.

И все же проблема в японо-американских экономических отношениях существует. Но связана она не с самим дефицитом, а с тем, что часть японского экспорта (примерно ¹/₃) активно конкурирует с американской продукцией и в конечном счете способствует возникновению безработицы в ряде отраслей. Так, американцы утверждают, что из-за японского экспорта в автомобилестроении лишились мест 500 тыс. человек. Однако мы здесь вновь возвращаемся к тому, что интересы американских фирм, теряющих прибыли, и рабочих, теряющих свои места, приходят в противоречие с интересами множества других фирм и американских граждан. В конечном счете те, кто терпят убытки, оказываются в меньшинстве. Но все же США получают почву для обвинения Японии в «экспорте безработицы». Эти обвинения США, как мы покажем, умело используют в своей политике.

Изложенное выше — это основа японо-американских экономических разногласий, отправная точка, от которой исходят все экономические требования и претензии США в отношении Японии. Эти требования и претензии стали за последние 10 лет весьма разнообразными, что связано с тем, что ряд американских фирм и организаций (прежде всего сельскохозяйственные ассоциации США и американские финансово-кредитные учреждения) на общей волне «требований к Японии» выдвигают но-

вые претензии, чтобы извлечь из связей с Японией больше, чем они имеют в настоящее время.

Важнейшим для понимания механизма отношений США и Японии является то обстоятельство, что следует одновременно рассматривать как экономические, так и военно-политические факторы. По экономическим вопросам Япония является «провинившейся», «обвиняемой» страной, нарушающей зафиксированный в психологии отношений между двумя странами принцип «взаимности». Несмотря на то что предметы экономических разногласий не являются существенными и в целом не оказывают сколько-нибудь серьезного отрицательного влияния на США, они служат очень удобным пунктом, по которому США могут оказывать и оказывают давление на Японию для достижения своих геополитических целей.

Так, Юдзи Масуда из университета Осака пишет: «Для того чтобы избежать экономических трений, Япония сделала критический выбор — дальнейшее углубление военного сотрудничества с США» ². А другой японский автор, Косай Ютака, отмечает: «С точки зрения японо-американских отношений в целом даже незначительные различия во взглядах Японии и США по политическим вопросам серьезнее, чем столкновения, затрагивающие экономические интересы. Именно такие различия, по сути дела, затуманивали горизонт японо-американских отношений до назначения в 1982 г. премьер-министром Я. Накасонэ» ³.

В американской администрации сложилось даже определенное разделение ролей в отношении оказания давления на Японию. Особенно силен накал антияпонских страстей в конгрессе, который сейчас подготавливает протекционистское законодательство, направленное против Японии. С протекционистских позиций выступает и министерство труда. Наступательные позиции занимают департамент торговли и министерство сельского хозяйства. С другой стороны, государственный департамент США, имеющий непосредственное отношение к выработке внешней политики США, рассматривает японо-американские отношения с более широкой точки зрения, считая, что главное в японо-американских отношениях - это поддержание военно-политического альянса. Однако и представители госдепартамента также используют на переговорах факт наличия экономических трений для оказания давления на Японию. Одним из приемов в дипломатии США является использование полуофициальных и неофициальных фигур. В таких случаях экономико-политический шантаж в отношении Японии выглядит особенно откровенным. Например, в декабре 1985 г. Токио посетил бывший помощник президента США по национальной безопасности Р. Аллен. В интервью газете «Санкэй симбун». Р. Аллен прямо увязал возможность урегулирования экономических разногласий с участием Японии в СОИ США. Он заявил: «Если Токио примет решение участвовать в исследованиях в рамках программы

СОИ, то это решение участвовать может в некоторой степени способствовать урегулированию экономических противоречий» ⁴.

Так в целом выглядит вопрос о японо-американских экономических противоречиях, об их месте в общей системе отноше-

ний двух стран.

Таким образом, хотя японо-американские противоречия и являются важным системообразующим фактором в отношениях США и Японии, сами по себе они не представляют угрозы для развития их сотрудничества, их экономической интеграции. Что же касается экономических связей Японии и США, то к настоящему времени они получили очень большое развитие. В 1985 г. объем товарооборота между США и Японией составил 94,19 млрд. долл. Долгосрочные капиталовложения Японии в США оцениваются в 50—40 млрд. долл. Американские прямые капиталовложения в Японии составляют 14,8 млрд. долл. (1984 г.) 7.

Ежегодно Япония закупает около 1700 зарубежных лицензий в, и более половины таких контрактов приходится на США. Даже японо-американское торговое соперничество оценивается американскими экономистами как позитивный процесс, стиму-

лирующий развитие этих двух стран.

С конца 70-х годов усилился процесс укрепления связей между японскими и американскими корпорациями. В настоящее время практически все ведущие корпорации в каждой из существующих в Японии финансово-промышленных групп активно сотрудничают с американскими корпорациями. Такие связи охватывают все отрасли: черную металлургию, автомобилестроение, робототехнику, станкостроение, электронику и электротехнику, авиакосмическую промышленность, химию и нефтехимию. Формы связей весьма разнообразны: лицензирование, перекрестное лицензирование, создание смешанных предприятий, участие в капитале партнера, технологическое сотрудничество в определенных областях. Причем если раньше японские компании были «младшим партнером», то в середине 80-х годов сотрудничество идет на равных.

Симптоматична в этом отношении публикация в новогоднем номере газеты «Нихон кэйдзай симбун» (31 декабря 1985 г.), в которой рассматривается сценарий изменения основных экономических показателей США и Японии в случае ликвидации всех барьеров на пути движения товаров и денег между двумя странами и создания сообщества типа «общего рынка». Авторы сценария оговаривают, что их проект носит гипотетический характер, но сам факт проведения такой работы указывает на направление, в котором развиваются события.

Что же касается экономических трений между США и Японией, то они не исчезнут. Скорее всего будут даже возникать новые области таких противоречий. Как выразился Косай Ютака: «Трения нарастают, несмотря на сближение США и Японии,— или даже благодаря такому сближению» в Видимо, ка-

питалистическая модель экономической интеграции заранее предполагает такой ход взаимопроникновения экономических систем, при котором ущемляются интересы отдельных фирм, отдельных групп населения в обеих странах. Нам же важно правильно оценивать политический смысл происходящего и ясно понимать, что основным и главным является общность интересов США и Японии, а производным и второстепенным — их экономические разногласия.

1 Бунгэй сюднзю. 1986, № 4, с. 96.

² Кэйдзай хёрон. 1985, № 1, с. 103.

³ Economic Eye. 1985, vol. 6; № 4, c. 4.

4 Известия, 14.12.1985.

5 Тоё кэйдзай токэй гэппо. 1986, № 2, с. 52 (статистическая). Данные за декабрь экстраполированы, исходя из средних цифр за предыдущие 11 месяцев.

⁶ ESP. 1985, № 5, c. 9.

- ⁷ Survey of Current Business. 1985, № 8, c. 36.
- ⁸ Имеются в виду лицензионные соглашения типа «А».

⁹ Economic Eye. 1985, vol. 6, № 4, c. 5.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЯПОНИИ С НОВЫМИ ИНДУСТРИАЛЬНЫМИ СТРАНАМИ АЗИИ

В зарубежной экономической литературе существует определенный критерий для отнесения страны к так называемым «новым индустриальным странам» (НИС). Согласно этому критерию, к ним относят развивающиеся страны с ВНП на душу населения, превышающим 1100 долл., и с долей обрабатывающей промышленности в ВНП, составляющей примерно 20% 1.

Почти дюжина из более чем 100 развивающихся стран включены в эту категорию, но наиболее выдающимися из них с точки зрения темпов развития экономики являются НИС Азии, которых часто называют «четырьмя молодыми тиграми», «драконами» и даже «бандой четырех». Это — Сингапур, Южная Корея, Гонконг и Тайвань (последние две в строго юридическом смысле представляют собой территории). Экономические отношения Японии с этими четырьмя странами являются темой данной статьи.

Темпы экономического развития этой «четверки» в течение последних двадцати лет были высокими. Так, темпы прироста ВНП в Южной Корее в 60-е годы составляли 8,5%, а в 70-е годы — 9,5% 2, в то время как этот показатель во всех развивающихся и развитых странах в среднем в последнее двадцатилетие достигал лишь 4% 3. Структура экспорта НИС Азии резко изменилась. Если в 1960 г. готовые товары составляли 30% экспорта Южной Кореи и Тайваня, то в 1980 г. их доля была близкой к 90%.

Каковы же причины успехов НИС Азии? Во-первых, встав позже других стран на путь индустриализации, «четверка» смогла привлечь технику и капитал развитых стран. Во-вторых, не обладая богатыми природными ресурсами и имея узкий внутренний рынок, НИС Азии избрали своим путем индустриализацию, опирающуюся на экспорт. Успехам НИС Азии в значительной степени содействовали США и Япония, которые предоставили им свои огромные рынки, осуществляли значительные инвестиции, оказывали финансовую помощь. Система преференциальных тарифов, которыми пользовались разивающиеся страны, также содействовала расширению экспорта НИС Азии.

НИС Азии являются довольно крупными торговыми партнерами Японии. Так, в 1986 г. Южная Корея занимала третье

место в экспорте Японии (после США и ФРГ), Тайвань— пятое, Гонконг— шестое и Сингапур— десятое и на их долю приходилось 14,4% всего японского экспорта 5. Для сравнения укажем, что на страны АСЕАН (без Сингапура), являющиеся очень важными торговыми партнерами Японии, приходилось лишь 3,6% японского экспорта.

В первой половине 80-х годов экспорт Японии в НИС Азии вырос с 19,2 млрд. долл. в 1980 г. до 30,0 млрд. долл. в 1986 г., т. е. на 56%. Доля НИС Азии в импорте Японии за эти годы

возросла с 5,2 до 9,9% ⁶.

В экспорте и импорте НИС Азии Японии также принадлежало важное место. Так, в экспорте Южной Кореи и Тайваня в 1985—1986 гг. она делила первое и второе места с США. В 1983 г. в импорте Южной Кореи первое место принадлежало США (23,9%), а второе — Японии (23,8%), т. е. разрыв был незначителен. В 1984 г. Япония заняла первое место в импорте (24,9%), а на долю США пришлось 22,4% т. С тех пор она удерживает это первенство. В импорте Тайваня Япония прочно занимает первое место: в 1985 г. на ее долю приходилось 27,6%, а в 1986 г. — 34,1% всего импорта в. Доля Японии в экспорте Сингапура в 1986 г. составляла 8,6% (третье место после США и Малайзии). В то же время Японии принадлежало первое место в импорте Сингапура (в 1986 г. — 19,9% всего импорта) в 1986 г. — 19,9% всего импорта 1986 г. — 19,9

Товарная структура торговли Японии со странами НИС Азии похожа на структуру торговли Японии с промышленно развитыми капиталистическими странами. Она экспортирует текстиль, химические продукты, сталь, машины и оборудование (продукция тяжелой и химической промышленности составляет свыше 4/5 ее экспорта в НИС Азии) и ввозит товары аналогич-

ной номенклатуры.

На рынке НИС Азии реализуется значительная часть японских товаров, вывозимых на внешний рынок: примерно 15— 16% стали, металлоизделий, продукции общего машиностроения, точного оборудования, изделий легкой промышленности; 20% подъемного оборудования, проволоки, алюминия и сплавов алюминия, пряжи синтетического волокна; 25% цемента, огнеупорного кирпича, текстильных изделий (в том числе тканей из синтетического волокна), шелковых тканей, коротковолокнистого синтетического волокна; свыше 25% органических соединений, искусственного пластика; 33% пряжи, обуви, бумаги и изделий из бумаги, полосовой стали, магнезитового клинкера, меди и сплавов меди; примерно 35% полупроводников, часов, свыше 40% экспортируемых Японией красок и красителей, меди и сплавов меди, конденсаторов, хлопчатобумажных тканей, более 50% хлорвинила, терефталевой кислоты, 75% капролактама 10

В свою очередь, НИС Азии уже превратились в поставщиков машин и оборудования в Японию. В 1984 г. Япония ввезла

из этих стран 10,7%, а в 1986 г.— 11,4% всех импортированных ею машин и оборудования 11. НИС Азии поставляют в Японию продукцию общего машиностроения, канцелярские машины, металлообрабатывающие станки, нагревательно-холодильное оборудование, электрооборудование. Анализ структуры экспорта Японии в НИС Азии и импорта из этих стран свидетельствует о взаимодополняемой структуре внешнеторговых связей, о взаимозависимости Японии и НИС Азии. В структуре экспорта «четверки» постепенно прослеживается переход от трудоемкой продукции к технологически емкой продукции, что связано с обостряющейся конкуренцией со стороны других разивающихся стран Азии с более дешевой рабочей силой (например, Филиппин и Таиланда).

Взращенные с помощью японского оборудования, технологии и капитала отрасли промышленности в НИС Азии во все больших объемах поставляют на японский рынок продукцию, которая успешно конкурирует с японской. Оказалось пророческим высказывание видного японского экономиста Имагава Такэси, что «появление в экспорте НИС изделий тяжелой промышленности будет серьезной проблемой в будущем для Японии» 12. Это время уже наступило. Наблюдается так называемый «эффект бумеранга». Это особенно видно из поставок стали на японский рынок. Так, на поставки только из Южной Кореи и Тайваня в 1983—1986 гг. приходилось свыше 1/3 всей закупаемой Японией стали.

Поставка стали по более низким ценам, чем в Японии, представляет угрозу для японской металлургической промышленности. Достаточно сказать, что тонна толстолистовой стали, импортированной из НИС Азии и Бразилии, стоила на 10 тыс. иен дешевле, чем тонна такого же товара местного производства 13.

В то же время японские монополии, осуществляя структурную перестройку промышленности, стараются передавать НИС Азии такие «структурно больные» отрасли промышленности, как текстильная, швейная, радиоэлектронная, химия полимеров и другие, которые сворачиваются в самой Японии и продукция которых из НИС Азии хлынула на японский рынок ¹⁴. Можно полностью согласиться с мнением советского экономиста Ю. С. Столярова, который заявил, что НИС Азии «играют роль своего рода амортизатора для японской экономики, весьма существенно облегчая ее структурную перестройку» ¹⁵

Одной из проблем торговых отношений между «четверкой» и Японией является их несбалансированность. Так, в 1980—1986 гг. страны «четверки» имели хронический дефицит в торговле с этой страной. Только в 1983—1986 гг. дефицит Южной Кореи в торговле с Японией составил 14,3 млрд. долл., а Тайваня—12,1 млрд. долл. 18. Такой дисбаланс объясняется тем, что Япония стремится защитить свой рынок от ввоза промышленных товаров из этих стран. Так, по данным МВТП Японии, тарифные барьеры на импорт из Южной Кореи составляют в

среднем 9%, т. е. на 3% выше, чем средние импортные тарифы 17

Японская сторона объясняет дефицит тем, что промышленность Южной Кореи сильно зависит от японских машин, оборудования, полуфабрикатов 18. В этом есть доля правды, так как многие созданные с помощью японского капитала смешанные предприятия в этих странах рассчитаны на получение полуфабрикатов, деталей и узлов из Японии.

По мнению тайваньских деловых кругов, несбалансированность тайвано-японской торговли в значительной степени была вызвана тем, что Япония, несмотря на отсутствие квот в торговле с Тайванем, практиковала «замаскированный протекционизм», который выражался в проволочках на таможнях, в жестком контроле над качеством, в трудностях проникновения для тайваньских товаров во внутреннюю распределительную сеть и в розничную торговую сеть Японии ¹⁹.

Другой проблемой экономических отношений между «четверкой» и Японией является передача последней технологии. Так, южнокорейское правительство и промышленники требуют от Японии либерализовать передачу технологии. В 1983 г. Южная Корея выдвинула требования, состоящие из 50 пунктов, о более широкой передаче технологии и с тех пор повторяет эти требования применительно к таким жизненно важным отраслям, как полупроводники, компьютеры и другие виды электроники, а также в области биохимии и керамики 20. Однако Япония не хочет делиться своей новейшей наукоемкой технологией. В заключенном между Японией и Южной Кореей в 1984 г. соглашении о научно-техническом сотрудничестве были исключены некоторые важнейшие отрасли: судостроение, тонкая химическая технология, компьютеры пятого поколения, новые материалы.

Серьезной проблемой торговых отношений Японии и НИС Азии является обострение конкуренции между японскими компаниями и фирмами «четверки» на рынке Японии. Это относится в первую очередь к таким видам товаров, как суда, химические удобрения, швейные машины, синтетический каучук, органические и неорганические соединения, сталь, стальные трубы, металлообрабатывающие станки, подъемные краны, под-

вижной железнодорожный состав, радиоприемники.

Успех «четверки» в проникновении на японский рынок объясняется конкурентоспособными ценами, высоким качеством и послепродажным обслуживанием. Даже сложные электронные товары нередко продаются по цене, которая на 30% ниже цен на аналогичные японские товары.

Все более обостряется конкурентная борьба между Японией и «четверкой» на рынке США. В работах зарубежных экономистов И. Такэси и Гр. Джорджа, посвященных этому вопросу 21, указывалось, что в 1970—1976 гг. НИС Азии уже опередили Японию на американском рынке по ряду товаров. Так, первое место по поставкам фанеры и обуви заняла Южная Корея, по

хлопчатобумажным тканям — Гонконг, а по поставкам мебели и верхней одежды Японию обошли и Южная Корея и Гонконг ²².

С начала 80-х годов в связи с расширением круга экспортных отраслей и появлением новых товаров из НИС Азии (в частности, автомобилей, цветных телевизоров, видеомагнитофонов, ЭВМ) конкурентная борьба между Японией и «четверкой» еще более обострилась. Наряду с Японией ведущие позиции на рынке США заняли Тайвань и Южная Корея.

«Четверка» быстро догоняет Японию также и по общему объему поставок. Так, если удельный вес Японии в импорте промышленных изделий Соединенными Штатами увеличился с 21,6% в 1970 г. до 25,6% в 1984 г., т. е. в 1,2 раза, то доля НИС Азии за эти же годы выросла с 6,8 до 16,2%, т. е. в

2,4 pasa 23.

Об укреплении позиций экспортеров из НИС Азии на рынке США свидетельствуют данные об усилении их позиций по таким товарам, как болты, гвозди, карманные калькуляторы, видеомагнитофоны, трубки для цветных телевизоров, сортовая сталь простых профилей, интегральные схемы, столовые приборы, игрушки. По всем этим товарам позиции Японии ослабли 24. Японские автомашины на американском рынке все более теснят автомашины, сделанные в Южной Корее и на Тайване.

Другой сферой взаимоотношений Японии с «четверкой» является экспорт частного капитала в эти страны, сыгравший важную роль в увеличении экспорта странами «четверки» средств

производства.

С начала 70-х годов по 1 апреля 1986 г. японские инвестиции в НИС Азии выросли с 1007,1 млн. долл. до 7644 млн., т. е. в 7,6 раза, причем в Гонконге и Сингапуре они увеличились в 13 раз, в Южной Корее и на Тайване — в 4 раза 25. Поданным на 1 апреля 1986 г., в НИС Азии было вложено 9,1% всех инвестиций Японии за рубежом 26.

Начиная с 60-х годов главное внимание японские монополии уделяют проникновению в обрабатывающую промышленность стран Азии. Оно началось с инвестиций в трудоемкие отрасли промышленности, в частности в текстильную, а затем в производство трудоемких деталей в электротехнической и электронной промышленности.

Согласно обследованию, проведенному МВТП Японии, основным мотивом проникновения текстильных, химических, металлургических предприятий и предприятий по производству бытовых электроприборов, электроники и других сборочных производств в развивающиеся страны Азии до 70-х годов были более низкие издержки производства в этих странах на основе более низкой заработной платы рабочих. Несмотря на происшедший в 70-х годах заметный рост заработной платы рабочих в странах «четверки», разница в издержках на рабочую силу в Японии и в этих странах остается все еще очень значи-

тельной, и они продолжают сохранять свою привлекательность для японских инвесторов. В то же время со второй половины 70-х годов к прежним стимулам прибавились и такие, как необходимость преодоления торговых трений, стремление к завоеванию местных рынков, или организации производства товаров для экспорта в третьи страны.

Осуществляя перестройку экономики на основе развития наукоемких отраслей, Япония переводит в развивающиеся страны Азии ряд морально устаревающих, требующих большого количества сырья и энергии, загрязняющих атмосферу отраслей промышленности. Так, в Южной Корее японские компании вкладывают свои капиталы в основном в трудоемкие и экологически вредные производства. По данным на 1 апреля 1986 г., японские инвестиции в Южной Корее достигли 1683 млн. долл., или 2% всех японских инвестиций за рубежом 27. Японские компании активно действуют в двух экспортно-промышленных зонах в Южной Корее: Масане и Ири. Из 110 иностранных компаний в Масане 99 японских 28.

Из 115 млн. долл. иностранных инвестиций в Масане в 1979 г. 105 млн. долл., или 91,3%, были инвестициями японских компаний ²⁹.

В автомобилестроении Южной Кореи нередко возникают смешанные компании, куда вложен капитал сразу трех стран: Японии, США и Южной Кореи.

Что касается японских инвестиций на Тайване, то в течение многих лет Тайвань рассматривался как одно из самых благоприятных мест в Азии для иностранных инвестиций. Это было связано с политической стабильностью на острове, наличием квалифицированной, хорошо обученной и дисциплинированной рабочей силы, высокоразвитой инфраструктурой, прекрасными коммуникационными и транспортными связями, возможностью создавать предприятия, на 100% принадлежащие инвесторам, позволяющие полностью репатриировать капитал, а также с оспредприятий на 5 лет от подоходного налога. **в**обожд**е**нием Однако в начале 80-х годов положение изменилось. Уже нет избытка рабочей силы, и она подорожала, поэтому Тайвань уже не может эффективно конкурировать с другими развивающимися странами, где заработная плата рабочих все еще достаточно низка. Поэтому на Тайване стала наблюдаться новая тенденция: вместо трудоемких отраслей промышленности развиваются капиталоемкие и техноемкие отрасли, например производство компьютеров, точного оборудования. С этой целью помимо трех экспортных промышленных зон на Тайване, в одной из которых, в Гаосюне, около 40% компаний принадлежит японцам 30, была создана еще одна зона, так называемый Промышленный парк. Эта зона, основанная на последних достижениях науки и техники, создана с целью содействовать развитию технологии. Из уже действующих здесь 42 компаний 10 имеют иностранные инвестиции в составе своего капитала 31.

На конец 1984 г. в экспортно-промышленных зонах на Тайване японские инвестиции составили 167 млн. долл., или 52,8% всех иностранных инвестиций. Одна треть всех инвестиций Японии на Тайване была вложена в электронную и электротехническую промышленность.

В начале 80-х годов произошли большие изменения рактере японских инвестиций в Сингапуре. Здесь стала наблюдаться тенденция все большего привлечения капитала в наукоемкие, высокотехнологичные отрасли и в отрасли с высокой добавленной стоимостью. Это было вызвано повышением стоимости рабочей силы. С 1979 по 1982 г. заработная плата в Сингапуре росла на 20% в год, и в результате Сингапур стал государством с самым высоким уровнем заработной платы среди стран ЮВА. Находясь в сильной зависимости от экспорта готовых товаров, он вынужден форсировать развитие новых технологий для того, чтобы обеспечить достаточную конкурентоспособность. В созданном в Сингапуре Парке науки исследовательском городке, где правительство пытается сосредоточить наукоемкий иностранный капитал) с июня 1985 г. действует первая японская компания «Плантэк интернэшнл», созданная при участии «Кёва хакко когё К°», «Сумитомо К°», американской и индийской компаний. Эта компания занимается улучшением сельскохозяйственных культур посредством биоинженерии 32. Кроме того, Сингапур с помощью привлечения японского капитала стремится добиться успехов в области развития систем информации и связи, надеясь стать спутником токийского финансового центра, обслуживая его функции 33.

Японские инвестиции в Гонконге особенно увеличились за последние пять лет, когда было инвестировано 1836 млн. долл., или более 60% всех японских инвестиций ³⁴. Они в основном вложены в сферу обслуживания: в универсальные магазины и супермаркеты. Что касается инвестиций в обрабатывающую промышленность, то из 11,8 млрд. долл. иностранных инвестиций, вложенных в эту отрасль промышленности Гонконга, на долю японских приходилось 21,1% (или второе место после США, которым принадлежит здесь 54,3% всех иностранных капиталов) ³⁵. Япония рассматривает Гонконг как торговую базу в ЮВА и ворота в Китай.

Многие строительные компании Японии имеют в Гонконге свои филиалы, которые принимают заказы на строительные проекты. Особенно активна «Кумагаи гуми». В 1986 г. она получила три крупных заказа: на строительство здания для китайского банка, тоннеля в порту и на расширение терминала для контейнеров ³⁶.

Все более широкое участие японского капитала в развитии промышленности стран «четверки» привело к значительному усилению взаимозависимости между их экономикой и экономикой Японии. Это проявилось прежде всего в углублении разделения труда между ними в целом ряде производств. Широкое разви-

тие получила такая форма разделения труда, как специализация в производстве определенных видов продукции. Так, Япония специализируется на производстве и экспорте в Южную Корею преимущественно специальных сталей высокого класса: нержавеющей стали и стали с вольфрамовым покрытием, а Южная Корея — на производстве и вывозе в Японию обычной стали, болтов, гвоздей. Важно отметить, что разделение труда на основе специализации распространяется не только на отдельные товары, но и на целые отрасли и производства. Так, к настоящему времени Япония фактически «передала» Южной Корее такие трудоемкие производства, как производство тканей, пряжи, одежды, органических химических соединений, текстильных машин, и перешла к импорту отсюда этих товаров.

В последние годы все большее развитие получает так называемое внутрифирменное разделение труда, основанное на различных формах производственной кооперации. Наиболее типичным при этом является вертикальное разделение труда — перенос за рубеж части процесса производства основной компании. Примером такого разделения труда является производство цветных телевизоров. Все техноемкие процессы в их производстве осуществляются в Японии, трудоемкие (сборка и проверка) — за рубежом.

Начавшееся с конца 1985 г. стремительное повышение курса иены, ослабившее позиции японского экспорта и приведшее к росту стоимости рабочей силы в Японии относительно других стран, способствовало усилению горизонтального разделения труда. Оно явилось мощным стимулом дальнейшего расширения зарубежного производства японских компаний в НИС Азии и роста экспорта готовых товаров из этих стран в Японию.

Все изложенное выше позволяет сделать следующие выводы. Экономические отношения Японии с новыми индустриальными странами Азии, несмотря на усиление конкурентной борьбы между ними, становятся все более тесными. Через конкурентную борьбу между Японией и этими странами складывается взаимодополняемая структура внешнеторговых связей. Страны «четверки» опираются на импорт из Японии необходимой для них продукции производственного назначения. Японская промышленность выигрывает от массовых поставок такой продукции. Растет доля «четверки» как в экспорте, так и в импорте Японии. Дефицит этих стран в торговле с Японией перекрывается активным балансом в их торговле с третьими странами и другими валютными поступлениями. Он не вызывает особого недовольства этих стран и не вырастает до уровня политической проблемы. Японские монополии проявляют осторожность в передаче технологии НИС Азии.

Рост конкурентной борьбы между японскими монополиями и фирмами «четверки» вызван структурной перестройкой экономики этих стран и появлением новых товаров, которые успешно конкурируют с японскими.

Инвестируя капитал в НИС Азии и переводя туда «структурно больные» отрасли промышленности, Япония пытается решить проблему структурной перестройки своей собственной экономики.

Для решения проблемы конкуренции с НИС Азии Япония, по-видимому, будет более решительно перестраивать свою промышленность в направлении создания более высокотехнологичных отраслей и производств с высокой добавленной стоимостью.

Стремящиеся к созданию своего собственного технического потенциала новые индустриальные страны Азии будут заинтересованы в дальнейшем развитии экономических связей с Японией, в привлечении ее техники и технологии.

Cm.: Woronoff. East Asia's NICs Lead The Way (1) .- The Oriental Economist. April 1985, c. 22.

² Цутоми Томио. Адзиа Нис-ни кагэри (Небо над НИС заволакивается

тучами). - Сэкай сихо. 15.10.1985, с. 40.

³ The Oriental Economist. April 1985, c. 22. 4 Цусё хакусё 1987 (Белая книга по вопросам торговли, 1987). Токио, 1987, с. 800. ⁵ Там же.

6 Подсчитано по: Цусё хакусё за соответствующие годы.

⁷ Цусё хакусё 1986, с. 282. ⁸ Цусё хакусё 1987, с 292 ⁹ Цусё хакусё 1987, с. 309.

10 Подсчитано по: Цусё хакусё 1985, с. 41—46, 54—56, 64—66, 76—78, 90, 92, 94—97, 120—121, 124, 133—134, 145. 11 Цусё хакусё 1985, с. 227; 1987, с. 234.

12 Тюо дайгаку кэйдзайгаку ронсан. 1979, № 3, с. 10.

¹³ Business Japan. 1985, № 1, c. 93. ¹⁴ Business Japan. 1985, № 11, c. 41.

15 Мировая экономика и международные отношения. 1986, № 2, с. 104. 16 Подсчитано по: Цусё хакусё 1985, часть спец., с. 278, 284; 1986, часть спец., с. 282, 288; 1987, с. 286, 292.
17 Far Eastern Economic Review. 01.11.1984, с. 70.

¹⁸ The Daily Yomiuri. 21.11.1984.

19 Far Eastern Economic Review. 01.11.1984, c. 74-79.

²⁰ The Oriental Economist. October 1984, c. 2.

²¹ См.: Тюо дайгаку кэйдзайгаку ронсан. 1979, № 3, с. I—20, 47—49.
 ²² См.: Там же, с. 47—49.

²³ Цусё хакусё 1986, часть общая, с. 282.

²⁴ The Japan Economic Journal. 12.09.1987, c. 3.

25 Подсчитано по: Черевко Ю. М. Экспорт японского частного капитала в страны Азии. М., 1979, c. 51; Direct Overseas Investment Recorded in FY 1985. 1986, с. 2. ²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

28 Мировая экономика и международные отношения. 1985, № 6, с. 52.

29 Кэйдзай кёрёку-но гэндзё то мондайтэн. 1986, с. 114.

30 The Oriental Economist, July 1984, c. 14.

31 Far Eastern Economic Review. 27.12.1984-03.01.1985; Special Advertising Section, c. 4.

32 The Japan Economic Journal. 30.08.1985, c. 17. 33 The Japan Economic Journal, 30,08,1986, c. 12.

³⁴ Подсчитано по: Нихон АСЕАН-но сого идзон канкэй-но гэндэё то тэмбо. 1985, c. 301; Direct Overseas Investment Recorded in FY 1985, c. 2.

35 The Japan Economic Journal. 08.11.1986, c. 11.

³⁶ Там же.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ КНР: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Экономическая политика ведущих империалистических держав в отношении социалистических стран как важнейшая составная часть их внешнеполитического курса всегда была направлена на подрыв единства и сплоченности мировой социалистической системы, на использование временных трудностей в развитии ее экономики в своих политических расчетах, на проведение дифференцированной торговой политики в зависимости от коренных целей, решаемых Западом в отношении каждого из социалистических государств. Важнейшей отличительной чертой этой политики является преобладание классовых целей всего монополистического капитала над интересами отдельных монополистических групп, нередко стремящихся к расширению взаимовыгодных деловых контактов со странами противоположной социальной системы в условиях хронической неустойчивости хозяйственной конъюнктуры мирового капиталистического рынка, необходимости расширения районов сбыта и диверсификации источников сырья и энергоносителей.

Начиная с 70-х годов особое место во внешней политике капиталистических держав в отношении стран противоположной социально-экономической системы стало отводиться Китаю. Это было вызвано нежеланием империалистических кругов упустить историческую возможность попытаться деформировать социалистические начала в политической структуре и хозяйственном механизме КНР, стремлением теснее привязать ее к мировому капиталистическому рынку ради получения дополни-тельных возможностей экономического и политического давления в нужном для этих стран направлении, а главное, не допустить улучшения его отношений с Советским Союзом. Как отмечалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду партии, «можно с удовлетворением говорить об определенном улучшении взаимоотношений Советского Союза с великим соседом — социалистическим Китаем. Различия в подходах, в частности, к ряду международных проблем сохраняются. Но отмечаем и другое — возможность во многих случаях работать совместно, взаимодействовать на равноправной и принципиальной основе, не в ущерб третьим странам» 1.

Помешать этому процессу, попытаться углубить различия в подходах СССР и КНР к вопросам мировой политики — задача, которую ставят перед собой империалистические круги Запада.

В общей стратегии империализма в отношении Китая важную роль призвана сыграть Япония, правящим кругам которой за исторически короткий промежуток времени (с момента нормализации двусторонних отношений в 1972 г.) удалось достичь своей политике на китайском направлении определенных результатов.

Наиболее динамичной сферой сближения с КНР для Токио оказались торгово-экономические связи, которые, по расчетам японской стороны, должны стать прочным фундаментом всего комплекса взаимоотношений двух стран на перспективу. За 1972—1985 гг. общий объем двусторонней торговли возрос с 1,1 млрд. долл. до 19 млрд., т. е. более чем в 17 раз. Китай стал вторым по значению рынком для японского экспорта после США и шестым — по импорту. Особенно быстро увеличивались поставки в КНР различных видов машин и оборудования, а также бытовой электротехники. Только за 1984—1985 гг. экспорт из Японии в Китай грузовых автомобилей возрос более чем в 5 раз (с 20,6 тыс. до 106,7 тыс.), легковых автомобилей — более чем в 3 раза (с 71,7 тыс. до 226,6 тыс.), цветных телевизоров — почти в 3 раза (с 2,3 млн. штук до 6,4 млн.) ².

После нескольких лет осторожного выжидания японские инвесторы приступили к долгосрочным капиталовложениям на китайском рынке: к концу 1984 г. на территории КНР было создано 66 совместных японо-китайских предприятий, тогда как еще 5 лет назад их насчитывалось не более 10. Только за 1984 г. кумулятивный итог прямых японских инвестиций в экономику КНР увеличился с 3 до 11 млн. долл.³.

Активно развиваются контакты в научно-технической области. Все более заметный вклад вносит Япония в подготовку китайских специалистов в высших и специальных заведениях страны. Китай получает помощь в технической модернизации и перевооружении своих многочисленных предприятий.

Какие же факторы обеспечили японской стороне за столь короткий срок успех на китайском рынке, каким образом Японии удалось не только опередить своих конкурентов из США и стран Западной Европы, но что более важно — завоевать у китайского руководства позиции привилегированного торгового партнера? Ведь уже в 1985 г. на долю Японии приходилось более половины всей стоимости товарооборота стран ОЭСР с КНР 4.

На первый взгляд возникает большой соблазн свести причины, которые привели к заметному сближению обеих стран в торгово-экономической области, к таким факторам, как географическая близость, взаимодополняемость торговых структур, культурная близость, наконец, политика «открытых дверей», проводимая китайским руководством с конца 70-х годов. Не

принижая значения всех перечисленных выше факторов, хочется отметить, что столь традиционный подход к анализу японокитайских отношений в экономической области не может уже сегодия полностью удовлетворить исследователей этого вопроса, ибо он не позволяет выявить истинные причины и закономерности, а главное — нащупать пружины их динамичного развития.

Трудно согласиться и с такой, весьма распространенной, точкой зрения, что решающую роль в развитии японо-китайских отношений играет политика китайского руководства, направленная на поощрение контактов в торгово-экономической области с Западом, на втягивание Японии в орбиту китайских стратегических интересов. Разумеется, трудно отрицать, что без крутого поворота Пекина в отношении использования «западного фактора» для потребностей развивающейся китайской экономики, Японии было бы намного сложнее осуществлять свою экономическую политику на китайском направлении. Однако отводить Токио роль пассивного партнера Китая - значит упускать из виду и недооценивать возможности активной наступательной японской экономической дипломатии вообще и в отношении социалистических стран в частности. Япония накопила в этой области немалый опыт, о чем, собственно, и свидетельствуют результаты ее экономической политики в отношении KHP.

Анализ особенностей стратегии японского монополистического капитала при освоении китайского рынка позволяет выделить ряд моментов, наиболее характерных для экономической политики Японии на современном этапе. Прежде всего, это использование возможностей так называемой «частной дипломатии», которая оказалась весьма эффективной в период отсутствия официальных отношений между Японией и КНР в 50—60-е годы, но которая не утратила своей важности и после нормализации японо-китайских отношений. «Частная дипломатия», т. е. политика использования японскими фирмами частных каналов, способствовала формированию в 50—60-е годы тесных личных контактов между представителями японского бизнеса, с одной стороны, и сотрудниками государственных учреждений Китая — с другой.

Одной из сильных сторон экономической дипломатии Японии на этом уровне является то, что она позволяет фирмам свободно регулировать масштабы торговли, не связывать себя жесткими обязательствами, а действовать в соответствии с быстроменяющимися обстоятельствами. Вот почему основа двусторонних отношений не только не была разрушена, но и не была серьезным образом задета даже в условиях отказа китайской стороны от выполнения контрактов по закупкам японского оборудования для крупномасштабных проектов сотрудничества в конце 70-х — начале 80-х годов. Частному капиталу при финансовой поддержке правительства Японии удалось

найти решение многих сложных проблем и сохранить позиции на китайском рынке. Сделать это, используя лишь официальные каналы двусторонних отношений, было намного сложнее, ибо в этом случае пришлось бы идти на резкое обострение межгосударственных отношений. Однако возможности «частной дипломатии», в частности использование каналов универсальных торговых компаний Японии «сого сёся», деятельность которых отличается большой свободой маневра в предложении импортеру различной номенклатуры экспортной продукции и условий ее поставок, нередко позволяли значительно смягчить для обеих сторон нежелательные последствия периодически возникавших напряжений.

Созданная в 60—70-е годы в рамках «частной дипломатии» разветвленная сеть личных контактов и сегодня обеспечивает японским бизнесменам возможность быстро адаптироваться к жестким требованиям китайского рынка, уменьшать всякого рода трения, проистекающие из-за различий социально-экономических систем.

Однако сказанное выше не означает, что «частная дипломатия», как одна из сильных сторон экономической стратегии Японии в отношении КНР, свободна от недостатков. Главным из них, вероятно, следует признать то, что она оказалась достаточно уязвимой для многих японских компаний, так как позволяла китайской стороне активно использовать межфирменную конкурентную борьбу для давления на них и обеспечения наиболее выгодных для себя условий контрактов. Более того, отсутствие в течение длительного периода времени межправительственного соглашения между Японией и КНР в области торговоэкономических связей создавало предпосылки для сталкивания интересов японских, американских и западноевропейских компаний в борьбе за китайские заказы. И все-таки, несмотря на это. «частная дипломатия» способствовала созданию условий для быстрого развития японо-китайских связей в торгово-экономической области.

Экономическая политика Японии в отношении Китая всегда строилась с учетом возможностей маневрирования различными методами в зависимости от конкретно решаемых в каждый исторический момент японскими монополистическими кругами стратегических и тактических задач на китайском рынке. В 50—60-е годы с помощью «частной дипломатии» японский бизнес в первую очередь решал стратегическую задачу — проникнуть в Китай, создать там свои опорные пункты. В 70—80-е годы важная роль стала отводиться закреплению позиций японских монополий и обеспечению победы в конкурентной борьбе с монополиями Соединенных Штатов и стран «Общего рынка» за китайский рынок.

При этом широко использовалась тактика уступок Китаю, что приносило японскому капиталу гораздо больше прибыли, чем использование жестких приемов давления на партнера.

Так было в ходе переговоров о строительстве с технической и финансовой помощью Японии Баошаньского металлургического комбината в КНР, когда японская сторона пошла практически на удовлетворение большинства китайских требований о месте строительства, его сроках, сумме кредитов, выборе ведущего подрядчика и т. п., отстояв, правда, за собой право отвечать за техническое руководство проектом — от разработки документации до ввода в строй оборудования; так было и при решении вопроса о возобновлении поставок японского оборудования для крупномасштабных проектов, когда китайское руководство попыталось аннулировать многие заключенные ранее с японскими фирмами соглашения. Япония пошла на уступки Китаю и предоставила дополнительные кредиты для завершения строительства. При этом монополистический капитал Японии выиграл главное — возможность сохранить свое ведущее участие в проектах, продолжить экспорт оборудования на многие миллиарды долларов.

Немалое значение для успешного осуществления экономической политики Японии в отношении Китая имеет поддержание среди японских бизнесменов стабильного прокитайского климата. Это достигается тем, что японское правительство с помощью средств массовой информации постоянно поддерживает интерес к Китаю, его экономическим успехам, достижениям в области развития науки и техники, культуры — словом, все делает для того, чтобы доказать надежность Китая как партнера, его огромные потенциальные возможности как рынка сбыта. Вместе с тем в японской печати весьма сдержанно освещаются трудности в реализации программы модернизации экономики КНР. При этом всегда положительно оцениваются те факты, которые свидетельствуют об отходе китайского руководства от «советской модели» хозяйственного строительства.

С первой половины 80-х годов появились новые грани в проблеме развития японо-китайских отношений в торгово-экономической области.

Прежде всего, в определенных кругах Японии стало проявляться беспокойство по поводу выхода на китайский рынок новых партнеров из числа социалистических стран. Дело в том, что по мере нарастания противоречий в торгово-экономической области с ведущими капиталистическими державами Запада Китай стал налаживать контакты с Советским Союзом и восточноевропейскими социалистическими странами. При этом китайская сторона учитывает ряд выгодных для себя обстоятельств. Во-первых, к ним относится плановый характер ведения хозяйственной деятельности в социалистических странах, позволяющий Китаю рассматривать товарооборот с этой группой стран в рамках своих пятилетних программ развития народного хозяйства. Во-вторых, Китай получает возможность усиливать характер конкурентной борьбы на своем рынке, сталкивая интересы экспортеров из капиталистических и социали-

стических стран. В-третьих, для Китая открывается возможность стабильного экспорта своей продукции на рынки социалистических стран, без введения протекционистских мер, к которым в последнее время нередко прибегают США и страны «Общего рынка». Наконец, для Китая выгодно осуществлять торговые сделки с социалистическими странами на бартерной основе, что позволяет экономить резервы иностранной валюты.

В последние годы торгово-экономические связи КНР с состранами получили заметное развитие. циалистическими В 1985 г. объем торговли Китая с социалистическими странами превысил 4 млрд. долл. Советско-китайская торговля, достигнув 1 1 млрд. руб. в 1984 г., выросла 1985 г. до 1,5 млрд. руб. Заключены пятилетние соглашения с европейскими социалистическими странами о торговых и экономических отношениях. Предусматривается, что страны СЭВ примут участие в реконструкции и строительстве ряда китайских предприятий, в том числе построенных с их помощью в КНР в 50-е годы. Так, в частности, китайская сторона подписала в 1985 г. соглашение с ГДР об участии немецких специалисв технической реконструкции китайских промышленных предприятий, оснащении их передовой технологией. Аналогичные соглашения были подписаны в 1985 г. с Польшей и Советским Союзом.

Япония считает, что имеются определенные пределы расширению торговых связей КНР с социалистическими странами изза известной ограниченности их экспортной базы, но тем не менее сближение Китая с рынком стран СЭВ по опыту 50-х годов может в определенной степени сузить для японских предпринимателей возможности освоения рынка Китая.

Серьезные затруднения в отношениях между Японией и Китаем создает дисбаланс в торговле в пользу Японии, который принял хронический характер. Японский экспорт в КНР превышает закупки китайских товаров в 1,5-2 раза. Однако такое развитие торговли вызывает тревогу не только в Пекине, но и в Токио. Дело в том, что при сохранении этой тенденции на ближайшее будущее все успехи экономической политики Японии в отношении КНР, приобретенные в предшествующий период, могут быть сведены к минимуму, так как у китайских партнеров просто не окажется средств для оплаты растущих закупок японской продукции. Именно поэтому Токио проявляет заботу о росте экспортного потенциала Китая, в том числе за счет увеличения производства и поставок на внешние рынки нефти и нефтепродуктов. При этом, правда, японское правительство весьма сдержанно относится к увеличению закупок китайской нефти для потребностей самой Японии.

Правящие круги Японии озабочены также появлением в Китае откровенно антияпонских выступлений. Их диапазон постепенно расширяется, включая в последнее время критику японских школьных учебников, выступления против возрождения японского милитаризма и т. д. Так, в сентябре 1985 г. в Пекине и других городах Китая прошли многолюдные антияпонские студенческие демонстрации под лозунгами «долой кабинет Накасонэ», «нет — японскому милитаризму» в ходе антияпонских выступлений выдвигались также требования о прекращении экономической экспансии. Такого рода критику в адрес Японии правительство КНР использует как определенный рычаг давления с целью получения от Токио дополнительных уступок. Деловые круги Японии все ощутимее чувствуют острие китайской протекционистской политики и вынуждены всерьез задумываться о регулировании японского экспорта в КНР и увеличении импорта из этой страны.

В заключение надо подчеркнуть, что правящие круги Японии будут и в дальнейшем прилагать все усилия в рамках экономической дипломатии, чтобы сохранить за собой позиции главного торгового партнера Китая среди ведущих капиталистических держав Запада. Они рассчитывают использовать надежды китайского руководства на Японию как на страну, экономика которой, в отличие от США или стран «Общего рынка», развивается более стабильными темпами и поэтому дает основания не опасаться за резкое усиление протекционизма в отношении китайского экспорта. В этих условиях Китай может рассчитывать на увеличение технической и финансовой помощи со стороны Японии, а последняя — на дальнейшее укрепление своих позиций на китайском рынке.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986, с. 72.

² Цусё хакусё. Какурон. 1986. Токио, с. 686—687.

New York Times. 19.03.1985.
 Asiabanking. 1985, 12, c. 58.

⁵ Асахи симбун. 18.09.1985.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЯПОНИИ В VIII—X вв. (сравнительно-правовая характеристика)

Земельное законодательство Японии начала VIII в., представленное кодексом «Тайхо Ёро рё» 702—718 гг. (далее — кодекс), возникло не на пустом месте. Основные его принципы оглашены еще в «Манифесте Тайка» в 646 г. Правительство по китайскому образцу объявило все население своими непосредственными подданными, а землю — находящейся под верховным контролем государства (была объявлена «верховная государственная собственность на землю»). Таким образом была заявлена решающая роль центрального правительства в создании новой земельной системы. Сущность системы заключалась в том, что суверен раздавал в срочное владение подданным пахоту в размере и на условиях, им же установленных и согласованных с иерархией отношений подданных к суверену.

Кодекс облек в правовую форму новую аграрную систему. Глава IX кодекса (Земельные законы) открывается определением единицы измерения полей, соотношения разных мер длины, набора мер для измерения полей, эталонов мер для казенных учреждений. Вводилось понятие много- и малоземельных уездов, в зависимости от обеспеченности населения наделами. Допускалось однократное переселение в многоземельную провинцию с целью получения полного надела. Государственная надельная подушная система (кобунден) распространялась на все население страны, за исключением тех его категорий, которые либо вообще не имели права на землю (дети до пяти лет, осужденные, клирики), либо получали землю на других условиях (сановники, чиновники). По достижении пяти лет мужчины из «доброго люда» (рёмин) получали право на полный надел в два тана, а женщины — на ²/₃ мужского надела. Члены «подлого люда» (сэммин), не принадлежащие храмам, имели право на надел: казенные дворы и рабы — в размере 1/3 надела членов «доброго люда». Если землю требовалось держать под паром, то надел удваивали. Но если в местности земли не хватало, то могли дать неполный надел. Полагалось наделять землей вблизи усадьбы, избегать чересполосицы. Лишь в случае полного отсутствия свободных земель или изменения границ уездов допускалось наделение землей в чужом уезде. Если земельное владение двора оказывалось раздробленным, дворы

могли обмениваться участками, чтобы собрать все земли воедино. В малоземельных провинциях неместным жителям наделы не выделяли. Наделы разрешалось отдавать и брать в аренду на срок не свыше года. Для обязательной высадки тутовых и лаковых деревьев крестьянским дворам выделяли садовые участки (если в местности были свободные земли). Раз выделенные, они закреплялись за производителями. Лишь в том случае, если двор вычеркивали из списков провинции, садовые участки отходили государству. Допускалась аренда и продажа садов. Норма высадки лаковых и тутовых деревьев была рассчитана на пять лет и зависела от состоятельности двора. Приусадебный участок (с домом, хозяйственными постройками) разрешалось продавать с ведома властей.

На шестой год наделы подлежали переделу (фактически отсчет лет велся от 652 г.). Тем самым подтверждался принцип верховного контроля государства над пахотой. Передел заключался в возвращении в казну наделов убывших и умерших и в выдаче наделов прибывшим и повзрослевшим. Запрещалось возвращать надел мелкими участками, если была возможность вернуть полный надел: правительство могло выдать такой надел сразу же другому лицу. При наступлении времени передела глава двора подготавливал заявку на основе подворного списка, ее утверждал старшина, проверяли в уездном и провинциальном управлениях, после чего она попадала в Государственный совет. После рассмотрения в совете новая разнарядка наделов «спускалась» по тем же инстанциям до деревни. Процедура подготовки и осуществления передела была сложной и захватывала второй календарный год. Новые наделы выдавались в следующей определенной последовательности (ее реконструирует комментарий к кодексу): 1) тягловые безземельные, 2) тягловые малоземельные, 3) тягловые бедные, 4) тягловые состоятельные, 5) нетягловые безземельные, 6) нетягловые малоземельные, 7) нетягловые бедные, 8) нетягловые состоятельные. Наделение не в год передела допускалось в случае уничтожения полей наводнением.

Кодекс вводил систему пятидворок, связанных круговой порукой. Двор образовывал хозяйственную и податную единицу. Если бежал один из членов двора (или один двор из пяти), оставшиеся обрабатывали совокупный надел и несли повинность в течение шести (соответственно трех) лет, после чего надел отсутствующих возвращался в казну в любой год. Глава двора считался распорядителем всего имущества двора, в том числе и недвижимости; без его согласия члены двора не могли закладывать, сдавать в аренду, продавать земли и наделы, даже подушные.

Помимо подушных наделов кодекс предусматривал и другие земельные выдачи. Некоторые из таких выдач имели вид предоставление наделов в пользование, но на более привилегированных условиях, другие выданные наделы выглядели частно-

собственническими. Кодекс перечисляет размеры ранговых земель (идэн), т. е. земель, предоставленных лицам, принадлежащим к классам и старшим пяти рангам (т. е. к придворным). Царевичи (принадлежащие к одному из четырех классов) могли претендовать на 80-40 тё земли, сановники 1-5-го рангов — на 80-8 тё, женщины — на 2/3 соответствующей нормы. Если сановник умирал, не успев получить ранговой земли, сын или внук не могли претендовать на нее. Если сановник был разжалован, он, как правило, терял и ранговую землю. Чиновники, занимавшие в столице высшие посты, могли рассчитывать на должностные земли (сикибундэн) в размере 40-20 тё: средние и мелкие столичные чиновники таких земель не получали. Если в уездах после подушного наделения оставалась земля, то провинциальным и уездным чиновникам выдавались должностные земли, первым в размере 10-1 тё, а вторым — 6—2 тё. В случае увольнения от должности за проступки земля могла быть отобрана. Уволенные по старости, болезни, ушедшие в отставку сохраняли право на половину должностной земли; лишь начальники провинций и уездов теряли все. Если сановника исключали из списка чиновников, то землю отбирали. При перемещении чиновника предусматривалось право на урожай, на компенсацию, на выдачу довольствия натурой.

За служебные заслуги чиновники получали наградные земли (кодэн) на срок, зависящий от величины заслуги: на однотри поколения, не считая награждаемого, или навечно. Обладатели наградной земли теряли ее (и то не всегда), только если были уличены в одном из «десяти тяжелейших преступлений», чаще всего — в государственных. Неполучение такой земли награжденным не лишало наследника права на ее истребование. В случае смерти владельца земля не включалась в общую наследственную массу, а поровну делилась между сыновьями и дочерьми покойного. Наконец, существовали жалованные земли (сидэн), получаемые по особому императорскому указу; статус их в кодексе не определен.

Кодекс предусматривал выделение земли некоторым учреждениям. Во Внутренних (пристоличных) провинциях выделялись дворцовые поля (кандэн) площадью 30—20 тё. Почтовые станции получали земли (экидэн) в зависимости от разряда станций от 4 до 2 тё. Пограничные части обязаны были своими силами обрабатывать пустоши и существовать на урожай. Скот, семена, сельскохозяйственный инвентарь выдавала казна.

Кодекс исключал буддийские храмы и монастыри из перечня получателей земли. Ни чиновники, ни простонародье не имели права жертвовать, продавать им поля, усадебные и садовые участки, даже обмениваться таковыми. И тем не менее комментатор кодекса признает, что земли у этих храмов были. Они выдавались правительством раз и навсегда при официальном возникновении храмов, не облагались ни налогами, ни податя-

ми, ни другими повинностями, не подлежали переделу, но и не восполнялись в случае гибели при наводнении.

Условием описанного в кодексе землепользования была обязательная обработка земли независимо от статуса — лично или с привлечением работников. Земля должна была давать урожай, кормить население и приносить государству доход в установленной форме. В случае законного и длительного отсутствия владельца надела (командировки, плена) земля оставалась в распоряжении членов его двора в течение десяти лет. После этого срока подушный надел изымался окончательно. Ранговые и жалованные поля в случае возвращения владельца ему возвращались; должностной же надел отбирался сразу, так как должность замещалась другим лицом.

Свободные пахотные государственные земли (кодэн), оставшиеся после наделения, провинциальные власти обязаны были сдавать по местным ставкам в годовую аренду, арендную плату собирать дважды в год и вносить в казну. Если государственные нерозданные или личные розданные поля находились в запустении три года, местные власти могли сдать их в аренду на сторону. Личные поля возвращались владельцу через три года, государственные — в казну через шесть лет. Если по истечении аренды государственной земли у арендатора оказывался неполный подушный надел, разрешалось пополнить его до нормы за счет арендованной. Арендаторами могли стать и местные чиновники, но при их смене или увольнении аренда возвращалась государству. В случае самовольной обработки пустующего поля, при споре по поводу законно арендованной земли, за земледельцем всегда сохранялся урожай или компенсация за пахоту.

Управления наместничеств или провинций осуществляли неустанный контроль за землепользованием, оросительной системой, ремонтом плотин силами крестьян. Состояние земледелия служило критерием деятельности чиновников на местах при их аттестации. Увеличение запашки на 20% (обычно за счет целины) сопровождалось повышением в ранге на один разряд, уменьшение на 20% — понижением в ранге на один разряд ответственного чиновника.

При синхронном сравнении перечисленных положений с китайским кодексом «Тан лин» 651 г. выясняется, что большинство статей японского кодекса имеет в нем аналогии, хотя и с некоторыми различиями. Все японские земельные меры меньше китайских, что связано с менее выгодным соотношением численности населения и площади пахоты. Обе страны имели надельные системы, но в Японии площадь подушного надела зависела от пола и возраста, в Китае — от сословия, занятия, возраста, здоровья; женщины наделов не получали, но мужчины получали часть наделов в вечное пользование. Наградной надел в Японии наследовался полностью, в Китае — только наполовину. Японцы поровну наделяли крестьян садами, отказав-

шись от дробной китайской схемы, различавшей «добрые» и «подлые» дворы, многолюдные и малолюдные. В основе японской нормы высадки тутовых и лаковых деревьев лежала состоятельность двора, в основе китайской — площадь надела. В Японии существовал пятилетний, а в Китае — трехлетний срок пересмотра норм высадки. Японские статьи о купле-продаже приусадебного участка, об аренде земли значительно уже по содержанию китайских статей; в Китае аренда была свободной, в Японии — годовой. Срок, в течение которого законно отсутствовавший владелец надела мог сохранить земли, в японском кодексе увеличен до десяти лет против шести в Китае. Процедура подачи заявок на наделы, порядок наделения в Японии иные, нежели в Китае. Наделение «подлого люда», регламентированное кодексом, не предусматривалось в Китае. В Японии значительно упростили по сравнению с Китаем положение о наделении владельцев затопленных полей. Японцы увеличили срок допустимого запустения поля с двух (в Китае) до трех лет и детально оговорили использование таких земель. Названия двух категорий земель: за заслуги и ранговые — в китайском кодексе фигурировали как поля вечного В Японии эта характеристика подходила лишь к землям «за великие заслуги». Земли за прочие заслуги давали на 1-3 поколения, а ранговые земли — пожизненно. Те и другие нельзя было продавать. Статус должностных земель в Японии и Китае был в общем схож.

Среди положений китайского кодекса не имеют аналогий статьи о шестилетнем сроке передела (передел в Китае был ежегодный), о возвращении полей в казну — в Китае как будто отходила лишь часть такого поля; о запрещении передавать земли буддийским храмам, о судьбе жалованных полей — в Китае они считались частной собственностью; о должностных наделах вновь назначенным чиновникам, об аренде государственной земли, о чересполосице.

В государстве Силла на Корейском полуострове, по некоторым данным, в 722 г. была введена надельная система для тягловых, но просуществовала якобы лишь до 757 г. и, похоже, не имела четких сроков передела, но, как и в Японии, арендатор, получивший надел, должен был высаживать тутовые деревья. Должностные поля как будто были введены в 689 г., но в 757 г. их заменили кормовые деревни (по крайней мере, для аристократов).

В средневековом Вьетнаме существовали государственные подушные наделы, а также должностные, ранговые поля. Дворы из казенных крестьян получали наделы и на рабов. Переделы производились раз в четыре года. Наделы запрещалось продавать под угрозой уголовного наказания, как и некоторые привилегированные поля. За продажу должностного надела чиновнику угрожало понижение в ранге, за использование не по назначению купленных полей полагалось наказание.

Надельная система сходного типа существовала в ту же эпоху и в Бохае, а в чжурчжэньском государстве Цзинь — несколько веками позже.

Синхронное сравнение за пределами Дальнего Востока дает очень мало позитивного для интересующей нас проблемы.

Если мы обратимся к диахронному сравнению на материале японских памятников права, то перед нами возникает пестрая картина. В VIII-X вв., т. е. еще в период «правового государства» (рицурё кокка), но после обнародования кодекса, аграрной проблеме посвящено много законодательных актов (указов). Указами 798 и 799 гг. правительство напоминало о верховном контроле государства над землей. В зависимости же от характера землепользования сложилось три категории земель: общественная (коти), казенная (канти), личная или частная (сити). Общественным землям (горам, лесам, болотам, пустошам, пастбищам) надлежало находиться в совместном общественном пользовании. Казенная земля, кроме числящейся за учреждениями, предназначалась для раздачи. Личной считалась земля, находившаяся в распоряжении отдельных лиц. Самовольный захват общественной земли считался противоправным. В 706 г. запрещено изымать леса и болота под охотничьи угодья. Указами 711 и 713 гг. подтверждался запрет привилегированным сословиям и буддийским монастырям пахать целину. В 784 г. осуждено посягательство на эти земли чиновников и буддийского клира. За крестьянами право на аренду и подъем целины с ведома местных властей признавал еще кодекс. В 722 г. за распашку целины их освободили от личных повинностей. В 723 г. поднятую целину оставляли крестьянам пожизненно, если не было орошения, и на три поколения, если они создали орошение. В 743 г. обработанная целина передавалась любому. Наконец, в 749 г. подъем целины был разрешен и некоторым монастырям.

Реализация надельной подушной системы наталкивалась на трудности. Недостаток земель в провинции Сима вынудил правительство в 725 г. наделить население землей за счет соседних провинций Овари и Исэ. В провинциях Осуми и Сацума наделение не производилось до 730 г., и крестьяне пахали целину, а когда дошло дело до наделения, отказывались от превращения поднятой целины в наделы (целина либо вовсе не облагалась, либо мало облагалась налогами). В 775 г. в пристоличных провинциях нарезали наделы меньше нормы из-за нехватки земли. В 791 г. указ осуждал недобросовестное наделение: сановники распределяли среди крестьян плохие земли, назначая высокий налог как с хороших; местные чиновники и богачи захватывали плодородные земли в обмен на свои плохие. Не выдерживалось двойное наделение землями под паром. В 821 г. крестьяне провинции Кавати потребовали соблюдения этого правила. Становилась обычной практика, когда безземельные недоимщики самовольно переселялись, нарушая сбалансированное наделение, правила приписки, тайно пахали целину, не платя никаких налогов. Узаконенный срок перерегистрации и передела не всегда и не везде соблюдался. В 834 г. императору был подан запрос: в 801 г. шестилетний срок пользования наделами был увеличен до 12 лет, в 808 г.— вернулись к прежнему, однако после прошлого наделения уже прошло 69 лет. Как быть? Указано производить передел через 12 лет. Неурядицы в землепользовании оказывали пагубное влияние на стабильность оросительной системы. Указ 892 г. обязывал местные власти допускать крестьян к общественной и государственной оросительной системам.

Центральное правительство старалось не допустить оскудения слоя государственных арендаторов. В 751 и 783 гг. был запрещен заклад полей, в 735 г.— частная ссуда под проценты. Задолженность государству в то время не влекла за собой изъятия надела, принудительного взыскания. Более того, указ 711 г. разрешал губернаторам давать недоимщикам отсрочку на три года, а указ 720 г. позволял крестьянам возвращаться на наделы даже после шестилетнего бродяжничества и давал отсрочку взноса налогов на год.

Таким образом, уже императорские указы VIII—X вв. свидетельствуют о постепенном разложении аграрной системы, узаконенной кодексом. Но сами указы стремились отстоять основы этой системы.

В период развитого и позднего средневековья ситуация в Японии меняется коренным образом, и право живо откликается на эти изменения. Резко сокращается число аналогий. Это сокращение носит двоякий характер. Меняется аграрная система, теряя последние черты модели «правового государства». Меняются и законодательные памятники, Пространные кодексы не появляются вплоть до XVII—XVIII вв. Относительно ранние памятники (XIII—XIV вв.) очень кратки, но сохраняют общегосударственный характер, относительно поздние (XV—XVI вв.) — несколько более пространны, но действуют в пределах одного княжества. Однако и те и другие памятники мало касаются аграрных проблем. Из них мы привлекли один памятник XIII в. и три — XVI в.

Подобие прежнего земельного кадастра сохранялось. Земли, попавшие в него, подлежали обязательной обработке и налогообложению. Земельные выдачи, узаконенные кодексом, были заменены ленами. Лены создавались за счет части земель, некогда распределенных центральным правительством; причем эти изъятия нельзя было оспорить. Если по кодексу служебные и ранговые земли оставались за получателями, пока они занимали посты и имели ранги, то лены давались за выполнение более обширных, но менее конкретных обязанностей вассальных. Неисполнение такой службы не приводило к немедленному изъятию лена. Лены были наследственными, поэтому если не было сына, особенно старшего, то лен разрешалось на-

следовать дочери или жене (пока она оставалась вдовой). Лены нельзя было продавать, а закладывать разрешалось на срок не более трех лет. Они не подлежали отчуждению за долги без согласия сюзерена. Прежние рядовые подушные наделы уступили место участкам, выделяемым держателем лена крестьянам.

Храмовые земли сохранялись в неприкосновенности, как и их иммунитет от налогов, но все расходы храма покрывали за счет доходов с земель, поэтому их запрещалось продавать.

Власти на местах отвечали за обработку заброшенных и целинных земель. Как и кодекс, право последующих веков обязывало наместников в провинциях (дзито) контролировать оросительную систему.

Подведем итоги. В некоторых работах встречаются высказывания, отрицающие функционирование аграрной системы, узаконенной кодексом. Однако невозможно представить себе, чтобы детально разработанная система почему-то вовсе не вводилась в жизнь. Говорят, что система лишь оформила в виде казенных, арендованных участки, которыми фактически распоряжалось население. Часто так и было, но смысл реформы от этого не уничтожался. Ведь он заключался в изменении статуса земли, переход же земель из одних рук в другие был лишь способом (и не единственным!) установления нового статуса, не всегда обязательным. Кроме упомянутых выше есть и другие позитивные доказательства введения этой системы в странах Дальнего Востока. Идея верховного контроля государства над земельным фондом была ведущей в аграрной политике ряда стран Дальнего Востока в раннем средневековье и закреплялась правом. Наиболее последовательным ее воплощением стала система казенного (уравнительного) арендаторства. Подушные пахотные земли выдавались (или сохранялись) пожизненно, но в пользование. Их обработка считалась обязанностью, как и несение трояких повинностей. Но невыполнение этих условий само по себе не лишало права на надел. На это не всегда обращают должное внимание. В пользование выдавались должностные, ранговые и частично наградные земли — это роднило их с надельными. Только размер, налоговые льготы, иной характер службы получателя превращали их в привилегированные, во всяком случае по идее. Кодекс вообще не предусматривал частнособственнических земель, хотя некоторые «личные» земли на них похожи. Незыблемость аграрной системы, казалось, была рассчитана на века. Важность всего предприятия подчеркивалась особым разделом кодекса.

Сравнительный анализ на базе правовых памятников ряда стран и эпох показал, что нигде в мире, кроме Дальнего Востока, не существовало чего-то похожего на подобную оформленную законодательно аграрную систему. Но и на Дальнем Востоке, включая Японию, эта система не вышла за рамки раннего средневековья. Не входя в детали обсуждения причин ее быст-

рого упадка и краха, укажем на одну причину: ее установление было связано с ранней централизацией государственной власти, а упадок и крах — с децентрализацией, высвободившей экономические силы, работавшие совсем в ином направлении, чем это мыслили создатели системы.

Воробьев М. В. О верховной государственной собственности на землю в Японии (середина VII—IX вв.).— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Х годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1974.

Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (Х в.—1234 г.) Историче-

ский очерк. М., 1975.

Имамия Син. Дзёдай-то тоти сэйдо (Древнейшая земельная система). Токио, 1957.

История Кореи. Т. І. М., 1974.

Ниида Нобору. Торю дзюи (Подборка гражданских законов Тан). Токио, 1964. Нихон хосэй си (История японского законодательства). Токио, 1976.

Пак Сихён. Чосон тхочжи чедо са (История земельной системы в Корее). Т. І. Пхеньян, 1960.

Попов К. А. Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984.

Рё-но гигэ (Гражданские законы с комментарием).— Кокуси тайкэй. Т. 12. Токио. 1900.

Свод законов «Тайхорё». 702—718. Т. 1—2. М., 1885.

Силла чанджок чанбон (Фрагменты «Подворного списка Силла»).— Йокса квахак. 1957, № 4.

Тюрин А. Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII вв. М., 1980.

Хангукса (История Кореи). Т. 3. Сеул, 1984.

Чешков М. А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.

Шавкунов Э. В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.

АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ МЭЙДЗИ

К середине XIX в. Япония оказалась в состоянии структурного экономического и политического кризисов. Развитие товарно-денежных отношений в недрах японского общества подрывало основы феодального строя. Происходила фактическая

деформация социальной структуры.

Крестьянство уже не представляло собой однородного социального слоя. Оно подвергалось имущественному и социальному расслоению. Часть верхушки крестьянства, а также представители других сословий, в первую очередь торговцы, прибирая к своим рукам землю, образовали новый слой — дзинуси, т. е. землевладельцев, сдающих всю или часть земли в аренду. Увеличивалось число беднейших крестьян, многие из которых фактически теряли землю, отдавая ее в заклад, и стояли на грани разорения. Среди деревенской бедноты было значительное число арендаторов и батраков. Недовольство крестьян выражалось в выступлениях в форме «номин икки», число которых к середине XIX в. возрастало.

Даймё и другие представители высшего сословия частично оказались в долгах у купечества, а частично сами вступили на путь занятия торговлей и предпринимательством.

Усиление экономической силы купечества приводило к тому, что некоторым из них удавалось быть принятыми в семьи самураев (обычно путем брака или усыновления). В ряде случаев дело сводилось лишь к покупке документов об усыновлении, которое было, таким образом, номинальным. Некоторое слияние верхушки купечества с классом самураев в отдельных случаях приводило к тому, что ее представители оказывались на руководящих постах в княжествах.

В ряде княжеств появились капиталистические предприятия, в основном в форме мануфактур. Однако политика, направленная на развитие производства и торговли, проводилась лишь в тех княжествах, которые были наиболее развиты с точки зрения товарно-денежных и даже капиталистических отношений.

В период бакумацу руководство оппозиционными княжествами, видя опасность иностранного вторжения и закабаления страны, понимало необходимость создания сильной централизованной власти, которая покончила бы с феодальной раздроблен-

ностью. Низкоранговое самурайство и усиливавшаяся буржуазия выступили против политики закабаления Японии западными державами и, таким образом, играли на данном этапе исторически прогрессивную роль. Предотвращение опасности колонизации Японии вдохновители и руководители антисёгунского движения совершенно справедливо видели в объединении и модернизации страны, что, по существу, означало переход от феодализма к капитализму.

Важной особенностью Японии по сравнению с другими странами Востока было практически полное отсутствие компрадорской буржуазии, которая не успела сложиться за короткий период с 1854 по 1868 г. Кроме краткости этого срока сама обстановка подъема национально-освободительного движения в эти годы не способствовала образованию компрадоров.

Принятая дата начала революции Мэйдзи, 1868 год, является, конечно, весьма условной. Этим годом можно ограничиваться только в том случае, если принять версию официальной японской историографии о событиях Мэйдзи исин, сущность которых якобы сводится к реставрации власти императора. Истинное содержание этих событий можно оценить, только учтя весь комплекс основных мероприятий, проведение которых заняло несколько лет и которые входят составной частью в понятие революции 1868 г.

Государственный переворот 3 января 1868 г., в результате которого был ликвидирован сёгунат, привел к власти выходцев из низкорангового самурайства, выражавших интересы нового класса землевладельцев и торгово-промышленной буржуазии.

Революция 1868 г. была по своему содержанию буржуазной, но она носила половинчатый характер и не полностью решила задачи буржуазных преобразований. Ее половинчатость проявилась как в существе проведенных преобразований, так и в форме установленной власти.

Она открыла путь для развития капитализма, но в то же время сохранила многие пережитки феодализма. «Революция Мэйдзи не была результатом победоносного восстания городских санкюлотов и безземельных крестьян, как это было во Франции, а представляла собой соглашение, достигнутое между одним крылом феодального класса — крупнейшими тодзама, в качестве представителей которых выступали самураи и гоёнин, и богатейшим городским купечеством» Установление абсолютной монархии как формы государственной власти (при формальном конституционном правлении, введенном позже), компромиссные меры в отношении верхушки бывшего класса феодалов, создание нового класса помещиков, использующих в значительной мере докапиталистические формы эксплуатации, все это говорит о половинчатом, незавершенном характере революции.

События Мэйдзи исин одновременно с проблемами социальными решали и задачу национально-освободительной борьбы,

что также свидетельствует в пользу оценки этих событий как буржуазной революции. Давая оценку революции 1868 г., мы понимаем, что она все еще ждет своего более точного типологического определения.

Значение аграрных преобразований, проведенных в первые годы периода Мэйдзи, крайне велико. Они оказали всестороннее влияние на последующее развитие всего японского общества. С реформой аграрных отношений в первую очередь связаны такие мероприятия правительства, как отмена феодальной зависимости крестьян, феодальной собственности на землю, отмена запрета на продажу земли, введение свободы выбора возделываемых культур и, наконец, реформа поземельного налога. В сочетании с изменением классового характера власти (хотя и не радикальным) одних этих преобразований уже достаточно, чтобы признать события Мэйдзи буржуазной революцией.

Осуществление этих мер привело к утверждению частной собственности на землю с правом ее купли и продажи, что расширило возможность мобилизации земли. Отмена феодальной собственности и феодальных повинностей, каковые являлись правовой основой изъятия земельной ренты, бывшей главным источником дохода правящего класса, потребовала установления новой правовой системы, соответствовавшей капиталистическому способу эксплуатации. Главным источником создания материальных ценностей в государстве было сельскохозяйственное производство, и это придавало аграрному законодательству особое значение. (Отметим, что на конец эпохи Токугава крестьянство составляло 75% всего населения 2.)

Правовую основу новым аграрным отношениям дала реформа поземельного налога.

Непосредственной побудительной причиной введения поземельного налога послужила потребность нового правительства в источниках дохода для обеспечения государственного бюджета. Феодальная земельная рента-налог в существовавшей прежде форме была ликвидирована вместе с феодальным правом. Единственным возможным стабильным источником доходов для государственных нужд мог быть только поземельный налог. Однако для его введения было необходимо юридически точное определение права собственности на все земли. Причем речь могла идти лишь о частной собственности, со всеми вытекающими из этого понятия последствиями.

При этом в числе прочих встало два важных вопроса: об оформлении прав собственности на землю и о размере поземельного налога. Обе эти проблемы на первых порах были решены посредством выдачи удостоверений о праве собственности на землю (тикэн). Это мероприятие имело очень большое значение. По существу, оно закрепило сложившееся положение в области фактического владения землей. Эти мероприятия совпали по времени с мероприятиями по ликвидации феодальной системы землепользования, упомянутыми выше.

16 Зак. 704 241

27 декабря 1871 г. был издан указ об упразднении категории земель самураев и феодалов (букэдзи) и земель горожан (тёдзи) на территории префектуры Токио, о выдаче на них тикэн и об уплате с них поземельного налога з. Токио был избран как начальный пункт проведения выдачи тикэн. В январе 1872 г. министерство финансов опубликовало положение относительно выдачи тикэн на указанные земли в префектуре Токио и уплаты с них поземельного налога. В том же месяце было опубликовано распоряжение относительно распространения указанного положения на все остальные префектуры. 15 февраля 1872 г. указом дадзёкан (правительства) было отменено запрещение купли-продажи обрабатываемой земли.

В течение более чем полугода, по июль 1872 г., была завершена выдача тикэн. Тикэн стали на некоторое время единственным свидетельством права собственности на землю. Это было принципиальное отличие от того положения, какое было при феодальном праве. Документы на владение землей были выданы прежде всего «новым помещикам» («синдзунуси» или просто «дзинуси»). Тикэн получил тот, кто смог доказать, что он является фактическим владельцем земли. Иначе говоря, те, кому крестьяне сдавали землю в заклад, оказались владельцами земли, а заложившие землю крестьяне превращались в ее арендаторов. Кроме того, и до реформы производились различные сделки по купле и продаже земли, и документы, удостоверявшие эти сделки, служили доказательством признания права собственности на нее. Существовали и другие формы отчуждения крестьянской земли. которая превращалась в арендуемую землю.

По оценкам, в конце эпохи Токугава в руках новых помещиков было около ¹/₃ всей обрабатываемой земли. Это в среднем по стране. Но в районах, где производительные силы и товарные отношения были более развиты, доля арендной земли (т. е. земли, которую бывшие владельцы арендовали у новых помещиков) была выше этой средней цифры, и наоборот — в отсталых районах доля арендной земли была ниже.

В апреле 1873 г. в июле было опубликовано положение о реформе поземельного налога, которое приобрело силу закона (тисо кайсэй дзёрэй). В соответствии с положением о реформе поземельного налога были введены важные изменения не только в сам поземельный налог (т. е. в существовавшую ренту-налог), но, по существу, во всю систему эксплуатации крестьянства. Обложению налогом подлежали земли, на которые были выданы тикэн. В отличие от прежнего обложения, которое производилось с объема урожая риса (кокудака), размер налога определялся в соответствии с ценой земли.

В ходе проведения реформы поземельного налога были составлены кадастровые книги, в которые были внесены имена землевладельцев, качество и цена их земли.

Начиная с 1873 г. было проведено общенациональное обсле-

дование земель и определение их цены. Вся земля была разделена на 100 млн. участков. Каждому владельцу, как правило, принадлежало несколько участков. Была сделана более или менее успешная попытка провести это обследование по единой методике. Однако правительство не располагало ни необходимыми средствами, ни опытом, чтобы провести его на достаточно высоком уровне.

Обследование обрабатываемых земель длилось с 1873 по 1876 г., обследование лесов и пустошей тянулось до 1881 г. По данным первого обследования, площадь обрабатываемой земли составила на 1881 г. 4486 тыс. тё (эта цифра, по-видимому, была заниженной).

Составление кадастра дало возможность установить цены всех имевшихся в наличии земель. Земли, в соответствии с их качеством, были разделены на три группы: высшая, средняя и низшая. Размер государственного поземельного налога устанавливался в зависимости не от урожая, а от цены земли и был определен равным 3% от ее стоимости (к этому добавлялся местный поземельный налог величиной 1%). Налог должен был вноситься не натурой, как это было прежде, а только деньгами. Во времена бакуфу размеры поземельного налога (ренты-налога) составляли от 30 до 50% всего урожая. Новый поземельный налог равнялся примерно 30—35% стоимости урожая.

Классовая структура пореформенной деревни определялась существованием двух основных классов: класса помещиков и класса крестьян. Официально появившийся после первых преобразований Мэйдзи (фактически он возник гораздо раньше) класс помещиков значительно отличался от класса феодалов, который господствовал в эпоху феодализма.

Часть новых землевладельцев вышла из рядов верхнего слоя феодалов — даймё, которые, хотя и лишились феодальных привилегий, тем не менее оказались владельцами значительных денежных сумм. Бывшие даймё, а также кугэ и буси получили в 1876 г. облигации в результате капитализации их рисовых пенсий. Так, 289 бывших даймё стали обладателями облигаций в среднем по 97 тыс. иен, 148 кугэ — по 14 тыс. иен, а представителям низшего слоя буси досталось в среднем лишь по 415 иен на человека 5. Многие буси прожили эти средства, а бывшие крупные феодалы основали банки, вложили деньги в покупку земли, нередко увеличив свое богатство.

Следующая группа землевладельцев сложилась из бывших госи. Сельские самураи (госи) различались по своему происхождению. Это были полуземледельцы-полупомещики. Они имели право носить мечи. В категорию госи попадали и те зажиточные крестьяне и купцы, которые изъявили желание осваивать целинные земли. Таким образом, через госи также шло размывание границ между сословиями. Еще до революции Мэйдзи госи постепенно стали играть все более значительную

243

роль на селе; они часто были старостами или занимали другие важные деревенские должности. В некоторых княжествах (например, Сацума) госи представляли собой мелких помещиков, почти не участвовавших в обработке земли своими руками.

Звание госи в ряде случаев жаловалось за военные заслуги или тем, кто имел какой-то вес в деревне (например, зажиточным крестьянам). Госи не несли военной службы у даймё. Они не получали дохода от земли сюзеренов. Госи обычно обрабатывали свои собственные земли. Их военные функции ограничивались обороной своей провинции. В некоторых княжествах госи выполняли также некоторые административные функции в качестве агентов княжеских правительств. В целом госи были низшим слоем самурайского сословия.

Все госи в результате реформ Мэйдзи стали землевладельцами, составив значительную часть новых помещиков.

Значительную часть помещиков составили представители торгово-ростовщического капитала, сумевшие еще при Токугава (особенно в период разложения феодализма) приобрести тем или иным путем земли. Став в годы Мэйдзи законными владельцами земли, они продолжали заниматься торговлей и ростовщичеством. Некоторые из помещиков жили в деревне и вели свои хозяйства с помощью наемной рабочей силы. Они представляли собой, таким образом, капиталистические элементы в деревне.

Таков был новый класс японских помещиков, зародившийся еще в недрах Токугава и развивавшийся в послереволюционные годы.

Следует сделать существенную оговорку относительно использования термина «помещик» применительно к японским условиям. В японском языке нет термина, полностью адекватного русскому слову «помещик». Слово «дзинуси», которое часто у нас переводится как «помещик», на самом деле не вполне совпадает по смыслу с последним. Оно обычно используется для обозначения землевладельца, сдающего всю или часть своей земли в аренду вне зависимости от размеров землевладения. В этом последнем смысле мы и применяем этот термин.

Не все дзинуси были помещиками. Число дзинуси значительно превышало число землевладельцев, которых можно назвать настоящими помещиками, т. е. крупных или средних землевладельцев, сдающих землю в аренду. В число дзинуси входило много мелких и мельчайших землевладельцев, которые сдавали в аренду свои небольшие участки земли, а сами, занимаясь подсобными промыслами, вовсе не обрабатывали землю или обрабатывали небольшие клочки. Частично эти мелкие землевладельцы сдавали землю зажиточным крестьянам (там, где было выгодно приарендовывать землю).

Таким образом, положение крестьянства в результате революции Мэйдзи существенно изменилось, хотя для многих и не стало лучше, чем оно было.

Реформа поземельного налога в первую очередь изменила положение арендаторов. В эпоху Токугава существовало три основных вида аренды. Первый — это обычная аренда, при которой арендатор не имел никаких особых прав и целиком зависел от воли феодала. Второй вид — это «вечная» аренда, основанная на обычном праве. В этом случае землевладелец не мог произвольно согнать арендатора с земли. Обычно этим правом обладали крестьяне, своими руками освоившие целинную землю или улучшившие проведение мелиоративных работ. Одной из разновидностей вечной аренды была аренда, признанная помещиком вечной после 20 лет пользования землей арендатором. Третьим видом аренды была аренда на заложенной собственником земле. Кроме того, существовало много различных комбинаций типов аренды, различавшихся в зависимости от района.

Правительство, осуществляя реформу, проводило жесткую политику отделения собственников земли от арендаторов и стремилось ликвидировать переходные формы, которые могли создать неопределенность во взимании налога. Главная же цель этого отделения состояла в укреплении положения нового класса землевладельцев. В рамках этих мероприятий правительство, по существу, ликвидировало вечную аренду, ограничив ее срок двадцатью годами. Если речь шла о землях, которые были расчищены крестьянами (или их предками), то эту землю должен был выкупить или помещик, или арендатор. Все это, естественно, сильно ограничило права арендаторов.

В ходе проведения реформы было осуществлено разделение земель на частные и государственные. До реформы в силу сложившейся практики крестьяне всей общиной обычно пользовались княжескими лугами и лесами. В ходе реформы значительная часть этих угодий была признана собственностью государства или императорского дома, что привело к тому, что многие крестьяне потеряли какую-либо возможность пользоваться ими.

Таким образом, в эти годы в основном сложился характер социальной структуры послемэйдзийстской деревни. Господствующей силой в деревне стали сравнительно крупные землевладельцы, верхний слой которых составляли помещики. Основной формой эксплуатации крестьянства, которую использовали эти землевладельцы, была сдача земли в аренду мелким товаропроизводителям-крестьянам. Данный тип аренды носил докапиталистический характер: арендатором являлся безземельный или малоземельный крестьянин, арендовавший землю с целью содержания своей семьи из получаемой им части производимых продуктов. Рост цен на рис, наблюдавшийся в некоторые периоды, мало что приносил арендатору, так как последний был почти отделен от рынка, и, наоборот, приносил барыши землевладельцу.

Арендатор не платил поземельный налог, но выплачивал

арендную плату, как правило натурой. Размер арендной платы

по рисовым полям составлял 50—60% урожая.

Сложилась и была узаконена частично новая система эксплуатации. Чисто феодальная форма эксплуатации в виде ренты-налога была ликвидирована. Крестьяне-землевладельцы, не сдающие землю в аренду, стали платить поземельный налог. Это была главная форма их эксплуатации через государственные органы. Крестьяне-арендаторы стали подвергаться эксплуатации в форме издольщины, которую в Японии можно рассматривать как форму разложения феодальной эксплуатации крестьянства.

Аграрные преобразования, осуществленные в связи с революцией 1868 г., привели к заметным переменам, которые имели значение не только для деревни, но и оказали сильное влияние на всю социально-экономическую структуру государства. Вместо феодальной формы собственности на землю была введена буржуазная собственность. В ходе этого процесса была экспроприирована (лишена права собственности на землю) значительная часть крестьянства. В деревне возник новый класс землевладельцев-дзинуси, совмещавший использование докапиталистических методов эксплуатации крестьянства (сдача земли в аренду) с занятием различного рода предпринимательством.

Аграрные преобразования дали сильный стимул развитию процесса первоначального накопления, в первую очередь пу-

тем введения поземельного налога.

5 Охаси Таканори. Нихон кайкю косэй. Токио, 1972, с. 16—17.

¹ Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М., 1961. ² Allen G. C. A Short Economic History of Modern Japan. N. Y., c. 17. ³ Нэмпё ногё хякунэн. Нихон ногё нэнкан'68 бэссацу. Токио, 1967, с. 9. ⁴ Nakamura J. I. Agricultural Production, c. 23. Другой источник, One Hundred Years of Agricultural Statistics of Japan (Tokyo, 1969, с. 120), приводит для того же года цифру в 4449 тыс. га (пересчет из те в га).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЯПОНИИ НАКАНУНЕ МЭЙДЗИ ИСИН

Поворотным пунктом в истории Японии нового времени были события 1868 г., известные в японской историографии под названием «Мэйдзи исин». В политическом плане они привели к свержению феодальной надстройки — власти сёгуната Токугава, а также связанной с ней административно-политической системы «бакухан» и установлению новой системы политической власти — централизованного государства абсолютистского типа во главе с императором. В социально-экономическом плане смысл их заключался в создании необходимых предпосылок для развития капитализма, превращения формирующихся капиталистических отношений в формационный уклад. Однако специфический характер событий 1868 г. оставляет большой простор для дискуссий, ведущихся в советской и зарубежной историографии.

Специфику содержания Мэйдзи исин невозможно понять без учета той идейно-политической борьбы, которая велась в Японии в 50—60-е годы XIX в., накануне свержения сёгуната Токугава. Она находит свое отражение в программных установках различных политических сил, в тех идеологических одеяниях, в которые они облекались. В известном смысле к Японии применимы слова Ф. Энгельса, сказанные им по поводу Франции конца XVIII в. и Германии начала XIX в., что «философская революция предшествовала политическому перевороту» 1. И в самом деле, в Японии политическому перевороту предшествовало сильное брожение в умах, резко усилившееся после насильственного «открытия» страны капиталистическими державами в 50-е годы XIX в.

В исторической литературе принято выделять в общественной мысли Японии конца XVIII — середины XIX в. следующие школы и направления: официальная чжусианская школа (сюси гакуха), «национальная», или «классическая», школа («кокугаку» или «вагаку»), школа Мито («Мито гакуха»), «европейская», или «голландская», школа («ёгаку», «рангаку»)². Этико-политические доктрины чжусианской школы, идейным

Этико-политические доктрины чжусианской школы, идейным источником которых было сунское конфуцианство, лежали в основе государственной идеологии токугавской Японии, утверж-

давшей незыблемость существовавшего социального и полити-

ческого строя.

«Национальная» школа, возникшая в XVIII в., стремилась возвеличить ценности национальной истории Японии в противовес идеям чжусианской школы, рассматривавшей Китай как центр цивилизации и источник политической мудрости. Для нее характерно обращение к синтоизму и национальной мифологии, основной сферой ее деятельности были философия и история.

Школа Мито, возникшая в XVIII в. как объединение ученых-гуманитариев княжества Мито, занималась изучением национальной истории Японии вначале с позиций, близких к сунскому конфуцианству, но в процессе своей эволюции сумела впитать многие идеи, возникшие на японской национальной почве, и превратилась к началу XIX в. в центр идеологии, оппозиционной сёгунату Токугава.

«Европейская» школа объединяла ученых-естественников, знавших голландский язык и занимавшихся изучением и пере-

водом естественнонаучной и технической литературы.

Однако вышеприведенное деление для периода 50—60-х годов нуждается в коррективах. Характерными чертами развития общественной мысли Японии в период обострения кризиса феодального общества были усиливающаяся политизация ее, поиски наилучшей модели переустройства токугавского общества, которые приводили к смешению различных учений и их взаимопроникновению. Так, некоторые приверженцы официального учения испытали воздействие политического опыта и политической мысли западноевропейских стран; школа Мито, развиваясь как синтоизированный вариант японского чжусианства, также не осталась в стороне от воздействия европейских учений; «европейская» школа, соприкасаясь со сферой политической жизни, опиралась на политические идеи, возникшие на местной почве. Идеи «национальной» школы просматриваются у представителей школы Мито и их последователей.

В связи с этим в общественно-политической мысли Японии накануне Мэйдзи исин можно выделить следующие направления.

Официальная чжусианская школа переживала процесс трансформации. Среди ряда более дальновидных чиновников бакуфу, испытавших воздействие европейского опыта, возникает течение, стремившееся к преодолению кризиса токугавского общества путем реформ сверху. Это течение можно обозначить как феодально-реформаторское, чьи взгляды на пути достижения конечных целей во многом совпадают со взглядами сил, выступавших за свержение бакуфу. Однако основная масса официального чиновного и ученого мира бакуфу осталась на старых позициях официального чжусианства.

Школа Мито способствовала идейному оформлению движения «сонно дзёи» («почитание императора и изгнание варваров»). Эта школа как идейно-политическое явление вышла за рамки

отдельного княжества и приобрела общенациональную известность. Она оказала влияние на идеологов радикально настроенного самурайства 50—60-х годов XIX в., в частности на Есида Сёин и Екои Сёнан.

Европейская общественно-политическая мысль проникала в Японию сложными путями. Она представляла собой не столько законченные целостные учения, сколько сгусток политического опыта и сумму сведений о государственном устройстве и политике европейских государств. «Европейская наука» в политической форме опосредовала многие направления общественно-политической мысли Японии. Она явилась одним из истоков японского просветительства 70-80-х годов XIX в., оказала влияние на развитие школы Мито и на наиболее дальновидных представителей официального мира, стремившихся к реформам существующей общественно-политической системы. И наконец, надо сказать об идеологии народных масс. Она характеризовалась стихийным демократизмом и различного рода утопическими представлениями о переустройстве общества. Идейно-политические устремления народных масс часто облекались в форму религиозных идей. Синтоистские представления об общественном устройстве в «век богов», свободный от феодальной эксплуатации, были одним из составных элементов идеологии народных масс.

Характерной чертой сильного умственного брожения, происходившего в Японии в 50—60-е годы XIX в., было прекращение сложившейся в феодальную эпоху идейно-политической обособленности отдельных областей страны, появление мыслителей, превратившихся в идейных вождей общенационального масштаба. Среди них были Есида Сёин (1830—1859) в княжестве Тёсю, Екои Сёнан (1809—1869) и Хасимото Санай (1834—1859) в княжестве Этидээн, Сакума Сёдзан (1811—1864), формально принадлежавший к княжеству Мацудай. Их взгляды и программные установки оказали влияние на участников политических движений 50—60-х годов, заложили основы для формирования идеологии буржуазной Японии. Это идеологическое течение можно определить как идеологию радикально настроенного низшего самурайства и зарождающейся буржуазии, точнее, предбуржуазии.

Необходимо остановиться более подробно на состоянии общественно-политической мысли в Японии середины XIX в. и ос-

новных тенденций ее развития.

В господствующей официальной идеологии «сюсигакуха» в это время наблюдался застой. Ее схоластический характер, оторванность от действительности, приверженность идее «верноподданничества» («дайги мэйбун») сделали ее неспособной дать ответ на проблемы, порожденные кризисом токугавского общества. Виднейший представитель «сюсигаку» Ямагата Тайка был сторонником сохранения статус-кво. Он отстаивал идею о незыблемости управления страной на основе законов предков,

выступал против приверженцев школы «кокугаку» ³. Подобные взгляды приводили убежденных сторонников «сюсигаку» к трагической развязке. Типичным примером может служить судьба Кавадзи Тосиакира, занимавшего ряд крупных постов в правительстве бакуфу в 50—60-е годы и покончившего с собой после поражения сёгуната в гражданской войне.

Однако внутри официальной идеологии наметился альтернативный путь развития. Он был связан с воздействием на официальную идеологию европейского политического опыта и «европейской науки». Деятельность Абэ Масахиро (1819—1857), возглавлявшего правительство бакуфу в 50-е годы, послужила толчком к идеологическому оформлению альтернативного, феодально-реформистского направления в официальной идеологии. Его политический курс был первой попыткой реализации системы «кобу гаттай» (букв. «слияние» императорского правления и военной диктатуры бакуфу). Он впервые стал выдвигать в правительство людей независимо от родовитости и сословного положения. Абэ Масахиро начал проводить политику под лозунгом «Япония — один дом», искать поддержки императорского двора по важнейшим политическим вопросам, привлекать к выработке важнейших политических мероприятий представителей различных княжеств. При бакуфу был учрежден специальный департамент, куда были привлечены специалисты в области военного дела, «западной науки» и конфуцианского учения, ежемесячно проводились совещания правительства с их участием 4.

При Абэ Масахиро выдвинулись деятели, которые наиболее четко сформулировали курс на проведение реформ сверху с целью модернизации существующей системы. Среди них в первую очередь следует выделить Кацу Кайсю и Фукудзава Юкити. Кацу Кайсю сформулировал идею приоритета общих интересов над частными, выступал против приверженности к джусианской доктрине «долга» («мэйбун»). «Издавна великая сила Поднебесной не в приверженности к родословной и долгу, но непременно в приверженности к справедливости. Необходимо не сводить все к "я", а сводить к "общему"»,—писал он 5.

Фукудзава Юкити был активным сторонником «модернизации» феодальной Японии при сохранении ведущей роли сёгуната. В «Докладной о второй экспедиции против Тёсю», написанной в 1866 г., Фукудзава Юкити рекомендовал использование опыта европейских держав с «целью устранения внутренних беспорядков», энергичное насаждение современной промышленности, модернизацию вооружения, выпуск займа с целью покрытия чрезвычайных расходов по образцу европейских держав и т. п. 6.

Особая восприимчивость феодально-реформистского течения к «европейской науке» и европейскому опыту предопределила его дальнейшую эволюцию в направлении просветительства на базе слияния европейского буржуазного либерализма и японской

традиционной мысли. Не случайно в 70-е годы Фукудзава Юкити становится самой заметной фигурой среди представителей японской либеральной мысли.

Ведущая роль в развитии общественно-политической мысли Японии в первой половине XIX в., бесспорно, принадлежала школе Мито, которая с полным основанием могла претендовать на роль общенационального идейно-политического центра. Под влиянием этой школы находился ряд крупнейших идеологов Японии 50—60-х годов XIX в.

Существование школы Мито обычно делится на раннюю Мито (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) и позднюю Мито (конец XVIII — первая половина XIX в.). Первая была попыткой создания синтоизированного варианта сунского конфуцианства, что потребовало пересмотра основных категорий этого учения, особенно фундаментальной социально-политической категории «дайги мэйбун», обосновывавшей незыблемость существующего социально-политического устройства.

Синтоизированный вариант сунского конфуцианства получил свое дальнейшее развитие у идеологов поздней Мито. Крупнейшими представителями их были Фудзита Юкоку, Фудзита Токо и Айдзава Сэйсисай. Характерными чертами идейной эволюции поздней Мито были нараставшая политизация этого учения и впитывание им определенных сторон европейского опыта, пропущенного сквозь призму феодального сознания.

Особое значение в развитии политического сознания Японии имел трактат Айдзава Сэйсисай «Новое учение» («Синрон»), написанный в 1827 г. Хотя этот труд увидел свет лишь в 1857 г., он был широко известен по рукописным спискам и пользовался большой популярностью у противников сёгуната Токугава. В своем трактате Айдзава Сэйсисай опирался на две основополагающие идеи: джусианскую идею о необходимости гуманного правления и синтоистское представление о «единстве религиозного обряда и управления государством» («сайсэй итти»). При этом он обосновывал особую природу японской государственности («кокутай»). Сам дух трактата Айдзава Сэйсисай можно расценить как феодальную реакцию на усиление кризиса токугавского общества. Он обличал торговлю как источник зла, выступал за возвращение самураев на землю и т. п. 7.

Стоит обратить внимание на два положения трактата, давшие толчок развитию общественно-политической мысли. Во-первых, высказывалась мысль о необходимости выдвижения способных людей в систему государственного управления, независимо от их происхождения в. По существу, тем самым Айдзава Сэйсисай выступал против существующей сословной системы и отражал недовольство низшего самурайства своим положением. Во-вторых, намечались контуры новой концепции государственности. Автор выступал за усиление политической роли императора и формулировал идею «почитания императора и уважения бакуфу» («сонно кэйбаку») в. Эта идея в первую очередь отвечала интересам высшего дворянства (даймё), стремившегося к ограничению диктатуры Токугава и расширению своих политических прав.

Представители поздней Мито создали идейно-теоретические предпосылки будущего движения «сонно дзёи», которое было неоднородным по своему составу и неоднозначным по идейному материалу, на которое опиралось. Это движение прошло через стадии «кобу гаттай» (компромисса между императором и сёгунатом) и «тобаку» (свержения бакуфу). Каждая из этих стадий имела свою социальную базу и своих идеологов.

Социальная база движения «кобу гаттай» была очень узкой. Она опиралась главным образом на высшее дворянство, стремившееся сдержать развитие политической активности низов общества, в том числе и низшего самурайства. Одним из крупнейших его идеологов являлся Екои Сёнан, написавший трактат «Три учения о радении в пользу государства» («Кокудзэ санрон»). Идеи Екои сформировались не только под воздействием местных политических учений, но и в значительной степени под влиянием западного политического опыта. Об этом красноречиво говорит его тезис: «Выяснить путь Яо, Шуя и Конфуция, овладеть искусством западной техники». В своем труде Екои Сёнан в качестве образца политического устройства указывает на американскую систему президентского правления, а также на конституционную монархию в Великобритании 100

В японской историографии существует точка зрения, что Екои Сёнан обосновывал необходимость учреждения республиканского строя («кёва сэйдзи» — букв. «политика согласия») 11. Однако его «республиканизм» носил ограниченный характер, в основе этого «республиканизма» лежала идея организации совещательного органа из представителей крупнейших княжеств. В этом и состоит причина активного использования идей Екои Сёнан сторонниками системы «кобу гаттай».

Идейным вдохновителем движения «тобаку» был Ёсида Сёин, чьи взгляды, по общему признанию, являются вершиной политической мысли в Японии накануне Мэйдзи исин ¹². В своем учении Ёсида Сёин отразил интересы радикально настроенного низшего самурайства и верхних слоев японской деревни, поэтому в японской литературе его имя связывается с так называемым движением «героев» («сиси») ¹³.

Есида Сённ испытал заметное воздействие поздней школы Мито. Одно время под влиянием этой школы он был сторонником движения «кобу гаттай», но в конечном счете он пришел к выводу о необходимости свержения бакуфу. Незадолго до своей гибели Есида Сёин сформулировал идею активной деятельности личности «сомо» («героев из народа»), которая способна преодолеть внутри- и внешнеполитический кризис 14. Есида Сёин был сторонником «изгнания иностранцев» («дзёи»). Однако идея «изгнания иностранцев» сочеталась в его учении

с признанием необходимости «открытия страны», и между ними

не было противоречий 15.

При обосновании своей политической программы Ёсида Сёин стремился подкрепить синтоизированный вариант конфуцианства, созданный поздней Мито, идеями, заимствованными у крупнейших представителей классического конфуцианства. Особенно большое влияние на него оказали взгляды Мэн-цзы. В одном из своих лучших сочинений («Беседы о Мэн-цзы») Ёсида развивал тезис китайского мыслителя о том, что «народ является главным в государстве» 16. Идеи Мэн-цзы вполне соответствовали принципу монархизма, приверженцем которого был Ёсида Сёин, и в то же время могли служить обоснованием своего рода дворянского демократизма, без которого были невозможны серьезные изменения в существующей системе политической власти.

Одним из истоков политической программы Ёсида Сёин был воспринятый сквозь призму феодальной идеологии буржуазный национализм капиталистических держав Запада, в частности идея создания сильного централизованного государства ¹⁷.

Некоторые положения в учении Ёсида Сёин невозможно понять без влияния идей минского философа Ван Янмина, таких, как, во-первых, идея волевой, активно действующей личности, а во-вторых, приближение к обоснованию буржуазного индивидуализма, проявившееся в негативном отношении к сословной системе, в приоритете, который он отдавал интеллекту перед родовитостью.

Взгляды Ёсида Сённ являются образцом политического самурайского радикализма, для которого характерно сочетание прогрессивных элементов с консервативными и реакционными.

Выделение школы «европейской науки» во многих отношениях является условным. Как уже было отмечено, ее влияние в разной степени и в различных формах испытали представители многих направлений общественно-политической мысли Японии. Кроме общества «Сёсикай» («Клуба престарелых»), виднейшими представителями которого были Ватанабэ Кадзан и Накано Тёэй, к школе «европейской науки» можно отнести Сакума Сёдзан, который сформулировал идею «восточная мораль, западная техника» в качестве магистрального направления общественного развития Японии 18. Идеи «европейской науки» играли роль своеобразного фермента в развитии общественно-политической мысли Японии.

Важнейшим направлением общественно-политической мысли Японии середины XIX в. была идеология народных масс. Как отмечалось в советской историографии, среди крестьян и городского пролетариата получили распространение религиозномистические учения разных сект. Характерным примером этого является движение «Ии дзя найка?» («Так-то, пожалуй, лучше!») 19. Однако тезис об «идеологическом застое», характерном для движения народных низов 20, нуждается в уточнении.

В целом нужно отметить, что 50-60-е годы XIX в. ознаменовались бурным развитием общественно-политической мысли Японии, отразившим нараставшую активность различных общественных слоев. В это время шел процесс формирования единой национальной идеологии будущей буржуазной Японии, в которой наибольший вес приобрели идеи, обосновывавшие необходимость создания национального централизованного государства. Активное использование феодальных идеологических систем в этом процессе привело к тому, что японский буржуазный национализм унаследовал многие черты реакционного феодального национализма.

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой филосо-

фии. - Т. 21, с. 273.

² Очерки новой истории Японии. М., 1958, с. 83—86; Касаи Тадаси. Изучение истории общественной мысли Японии на современном этапе. Материалистические взгляды Ватанабэ Кадзана и Такано Тёэя. – Японские материалисты, М., 1985, с. 135—137.

³ Есида Сёинсю (сочинения Есида Сёин).— Нихон-но сисо (Японская идео-

логия). Т. 19. Токио, 1968, с. 305.

4 Итии Сабуро. «Мэйдзи исин»-но тэцугаку (Философия «Мэйдзи исин»).

Токио. 1971, с. 85—96.

⁵ Бакумацу сисосю (Идеология периода Бакумацу) — Нихон-но сисо (Японская идеология). Т. 20. Токио, 1968. с. 337.

⁶ Там же, с. 320—323.

- 7 Там же, с. 57. ⁸ Там же, с. 79.
- ⁹ Там же, с. 71.

10 Там же, с. 195.

11 Мэйдзи исин. Кёдо кэнкю (Мэйдзи исин. Совместное исследование).

Токио, 1968, с. 164.

12 Нарамото Тацуя. Сёин-но хито-то сисо (Сёин как человек и его идеи).— Есида Сёинсю, с. 19; Кано Масанао. Исин-но дзёсэцу (Прелюдия к исин).— Бакумацу сисосю, с. 16; Huber Th. M. The revolutionary origins of Modern Japan. Stanford (Cal.), 1981, c. 7.

¹³ Бакумацу сисосю, с. 16. Есида Сёинсю, с. 395.

¹⁵ Мэйдзи исин. Кёдо кэнкю, с. 133.

¹⁶ Ёсида Сёинсю, с. 270. ¹⁷ Там же, с. 104—105.

 18 Бакумацу сисосю, с. 151.
 19 Подпалова Г И. Народные движения в Японии перед революцией 1868 года.— Историко-филологические исследования. М., 1974, с. 403.

²⁰ Там же.

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АГРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

(Из истории учений японских идеологов 40-60-х годов XIX в.)

Идеи и теории милитаризма, внешней экспансии и колонизации зародились в Японии задолго до незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. Пройдя определенный путь эволюции в умах идеологов феодального общества, они нашли конкретное воплощение в политике правящих кругов страны после ее перехода к капитализму.

Это была эпоха, когда в японском обществе преобладающим влиянием пользовалась историческая школа Мито с ее неоконфуцианской методологией, приверженностью монархизму

и склонностью к японоцентризму.

Несмотря на явные признаки разложения феодального общества, в рамках всего государства и возникновения реальной угрозы вторжения извне, адепты этой школы сохраняли верность неоконфуцианским канонам и феодальному сепаратизму. Их в первую очередь волновали экономические трудности на уровне частных владений даймё, доманов, причину которых они видели в моральной деградации части верхушки общества. прежде всего сёгуна и его окружения. Как «хорошие» конфуцианцы, ученые школы Мито исходили из того, что политическая власть в стране является прерогативой императора, который, в свою очередь, возложил административную ответственность на сёгуна. Сёгуны же не выполняют роли, порученной им, - поддерживать спокойствие и процветание в стране. Автократия сёгуната наносит огромный ущерб государству, так как ослабляет домены в финансовом и военном отношении. Это не только подрыв установленного порядка, но и явное нарушение доверия императора. Исходя из этих положений, представители школы Мито ставили преодоление экономических и иных трудностей доменов в полную зависимость от морального очищения основополагающих принципов неоконфуцианства и реализации принципа «сонно» (преклонение перед императором). Выполнение этой задачи, по их мнению, позволило бы перейти к решению второй проблемы — внешней угрозы, выход из которой они принципа «дзёи» (изгнание варвавидели в осуществлении ров)².

Учение школы Мито очень сильно повлияло на мировоззрение радикально настроенного самурайства 40—60-х годов XIX в., в первую очередь на таких наиболее влиятельных и популярных идеологов этой части общества, как поэт и военный специалист Сакума Сёдзан (1811—1864), его ученик Ёсида Сёин (1831—1859), мыслитель и государственный деятель Ёкои Сёнан (1809—1869).

Они признавали авторитет и приоритет учения Мито в развитии интеллектуальной мысли японского общества в целом и своей в частности. Но они стремились найти реальные пути к процветанию и укреплению военного могущества Японии и обращались к изучению европейской науки и исторического опыта стран Запада. В результате они преступали узкие рамки идеологии Мито, что не всегда находило понимание среди современников, вызывало гнев правительства и в конце концов привело их к гибели.

Одним из первых идеологов предреволюционного периода, сумевшим реально оценить внутренние и внешние трудности Японии и прагматически отказаться от некоторых моральноэтических стандартов прошлого, был Сакума Сёдзан. В 40-х годах XIX в. он являлся советником даймё Санада Юкицура из Департамента военно-морского флота. Приказание военное дело побудило Сакума поступить в школу Эгава Тародзаэмон³. Участие в работе по обеспечению обороны побережья заставило его обратиться к европейским наукам. С присущим ему прагматизмом Сакума начал задумываться над различием в целях, преследуемых западными науками и неоконфуцианством. Его больше не удовлетворяли сентенции Фудзита Токо (одного из видных идеологов Мито), утверждавшего, что хотя «варвары (европейцы.— E. B.) и приобрели некоторые знания, но их доктрины следуют пути птиц и диких зверей. Они не должны быть использованы на земле императора». «Наша земля, — говорил Фудзита, — всего лишь близко расположенное к Китаю государство, но если бы мы заимствовали их обычаи, то должны были бы пойти по их пути» 1. Правда, Сакума отнюдь не ставил вопроса о заимствовании европейских обычаев, он стремился только к упрочению позиций Японии в настоящем и обеспечению ее независимости в мире в будущем. Став ярым приверженцем изучения военного дела по европейским образцам, он оставался верен конфуцианской морали. Им была разработана формула «Восточная этика, западная техника», оформившаяся впоследствии в популярный принцип «вакон ёсай» («японская душа, европейские знания»).

Сакума лучше и быстрее, чем большинство его соотечественников, смог оценить всю серьезность внешней угрозы. Известным толчком в этом смысле послужила для него победа Великобритании в первой «Опиумной» войне с Китаем. «Знаете ли Вы о недавних слухах насчет войны между Англией и Китаем?— писал Сакума в одном из писем в октябре 1843 г.—

Хотя это и досужая молва, но как раз такого рода, к какой мы не можем отнестись легкомысленно... Наша страна слишком близко расположена от Китая, кроме того, ни одно государство на Востоке не в состоянии оставаться вне пределов досягаемости ежегодных атак британских кораблей. Хотя эта информация и не основана на официальных данных, но тому имеются реальные доказательства» 5.

Задачи укрепления обороны на основе использования западной техники становятся лейтмотивом его произведений. Настойчиво, пользуясь каждым подходящим случаем, он доказывает, что для того, чтобы выжить, нужно узнать врага, ставить же препоны необходимым для этого знаниям значит проявлять беспочвенное самодовольство и чванство. Программа стратегической обороны, разработанная Сакума, носила разносторонний характер. Он предлагал строить форты с крупными дальнобойными орудиями в ключевых в военном отношении районах Японии, прекратить экспорт меди и использовать ее для отливки пушек, строить мощные корабли по европейским образцам, учредить бюро военно-морского контроля над внешней торговлей. Сакума призывал к созданию военно-морского флота и изучению европейской военно-морской стратегии в. Его интересовали в первую очередь практические дела обороны, производства и торговли и государственного устройства, вопросы морали и этики имели, с его точки зрения, вторичный характер. Он мечтал о великом будущем Японии и своей деятельностью стремился приблизить то время, когда страна его займет видное место «среди наций пяти континентов».

Ёкои Сёнан принимал активное участие в реформах княжества Этидзэн. Он был первым широко читаемым в Японии пропагандистом политики меркантилизма (видный ученый Хонда Тосиаки, который ратовал за развитие внешней торговли, мореплавания и т. д., был известен лишь очень узкому кругу лиц). Ёкои определил свою программу традиционной формулой «фокуку кёхэй» («богатое государство, сильная армия»).

Однако все преобразования Екои имели целью лишь усиление финансовой деятельности и военной автономии доменов. Он утверждал, что экономическое и военное возрождение мощи кланов, освобожденных от сёгунского деспотизма, приведет к усилению и обновлению народа в целом. Екои видел в этой формуле прямое указание к развитию меркантилизма. Но при этом он исходил не из интересов торгового капитала, к которому испытывал классовое презрение, а из сочувствия к самурайству, чрезвычайно обнищавшему к тому времени. Он считал возможным и необходимым привлечь их к участию в торговле и производстве и применять с пользой для государства их таланты, способности и рабочую силу. Он выдвигал планы миграции и экономической поддержки самурайства со стороны государства. Екои предлагал даже отменить запрет на возможность для самураев заниматься физическим трудом. В своем эссе о кодек-

се чести самураев (Сидорон) Ёкои Сёнан выказал безупречную веру в превосходство самурайского сословия, аналогичную той, которую позднее проявили и лидеры правительства Мэйдзи, в частности Ивакура Томоми, выступавший с бескомпромиссиой защитой самурайства 7.

Екои стремился к учреждению нового политического порядка, но на основе возрожденных конфуцианских догматов. Из истории «Трех династий» он твердо уверовал, что «благословенное государственное правление» должно всегда находиться в руках «просвещенных деспотов», которые достигают политической власти благодаря своим «талантам и возможностям» в Аргументируя необходимость развития торговли, он обращался не к будущему, а моделировал древность, традиционно ссылаясь в Трактате о хвале государственным устоям («Кокудээ санрон») на мудрецов из «Трех династий», видевших путь достижения благоденствия в развитии торговли.

По наиболее болезненному для своего времени вопросу об открытии страны Ёкои занимал расплывчатую позицию. С одной стороны, он признавал необходимость экономических, политических, культурных, внешних связей, а с другой — откровенно одобрял требования движения «сонно-дзёи» («преклонение перед императором, изгнание варваров») об изгнании «варваров».

В частной беседе Ёкои объяснял двойственность своих взглядов тем, что сторонники изоляции страны пользуются в народе большой поддержкой и влиянием, и нужно как-то сдержать этот подстрекательский курс. «Они глупо желают поджечь всю страну,— говорил Ёкои,— это непостижимо, но неизбежно» 9.

Большое внимание Ёкои уделял проблемам обороны и усиления военной мощи Японии, но опять-таки на уровне доменов. Он утверждал при этом, что «оборона японского архипелага не может быть обеспечена только сильной армией», и выражал сожаление, что «военно-морские силы никогда не были частью японской военной традиции». По мнению Екои, «меркантилизм, колонизация и мощный военно-морской флот идут рука об руку». Он указывал, что Япония, будучи островной страной, обладает естественным преимуществом, и поэтому ее связи с Европой и с Азиатским континентом должны быть подобны связям Англии с Европой. Обеспечение безопасности страны Екои, подобно Хаяси Сихэй, видел не столько в оборонительных мероприятиях, таких, в частности, как укрепление японского побережья, сколько в экспансии и внешней агрессии Японии. «Самая лучшая военно-морская оборона, — доказывал он, — господствовать в соседних морях, насильственно захватывать земли нашим военно-морским флотом и отбирать эти территории для нашей страны» 10.

Указывая на пример Англии, Ёкои подчеркивал, что «фактически Япония может превзойти Англию по традиции желез-

ной дисциплины и героической храбрости, если только бакуфу

возьмется за осуществление этих актов».

Суть учения Екои заключается в его словах: «Мы будем создавать технику Запада, разъясняя учение Конфуция, Яо и Шуня. Разве следует нам ограничиваться созданием богатой страны и сильной армии? Мы должны распространять великие

принципы во всем мире» 11.

Ёсида Сёин, ученик Сакума Сёдзан, молодой и энергичный самурай из клана Тёсю, был безгранично предан императору и идее расширения границ империи. Он призывал самураев покинуть кланы, создать собственное движение «несвязанных патриотов» и выступить в поддержку реставрации императорской власти. Он был убежден, что ни бакуфу, ни даймё не в состоянии справиться с проблемами, стоящими перед государством, и спрашивал в одном из писем к другу: «...откуда же придет

возрождение японского процветания?» 12.

В отличие от Сакума Сёдзан и тем более от Ёкои Сёнан, Есида Сёин не был ревностным сторонником заимствования опыта и знаний у европейских народов, не отличался их эрудицией и осведомленностью в теории государственного устройства, политики и экономики. Воинственный самурай, монархист и японоцентрист, в своих теоретических умозаключениях он обращался к истории японских императоров древнейших времен, «когда их могущества боялись иностранцы, их благосклонное правление простиралось на другие народы и их великие замыслы и стратегия сверкали через тысячи поколений» 13. Исходя из того, что англичане вторглись на Восток, что Индия уже находится под их контролем и следующий на очереди — Китай, Есида опасался, что «яд английского влияния и силы» распространится на о-ва Рюкю и проникнет через Нагасаки в Японию. В этих условиях, по его мнению, необходимо захватить Камчатку и Курильские о-ва, Формозу, о-ва Рюкю и часть Маньчжурии в порядке выполнения «божественной задачи» распространения на них «благословенного правления императора» 14. Корея, по мнению Ёсида, должна платить дань Японии, как в древние времена.

В качестве конкретного первого шага Ёсида предлагал аннексировать острова у побережья Кореи как плацдарм для военных операций на континенте. Имелся у него и второй вариант — захват островов в южных морях и их использование для подготовки вторжения в Индию. Эта территориальная экспансия, по мнению Ёсида, должна была выполнять двоякую задачу: удержать Россию и Америку от нападения на Японию и компенсировать ущерб, который их торговля нанесла ей. Ёсида понимал, что Япония отстала в экономическом отношении и чрезвычайно слаба в военном. Он дважды пытался тайком уехать из Японии, чтобы познакомиться с положением в других странах и использовать затем их военный опыт. Хотя Ёсида и был против «открытия» Японии в силу своих японоцентрист-

ских взглядов и презрения к «варварам», в то же время не мог не понимать, что для осуществления внешних захватов Японии нужен союз с более сильным государством, и он выступал за союз с Англией 15.

Казненный в 1859 г. за участие в мятеже против сёгуната, после революции Мэйдзи Ёсида был объявлен национальным героем.

Учения идеологов японского самурайства предреволюционного периода отражали типичность и специфику исторического лути развития японского общества. В их взглядах, феодальных по содержанию и эклектичных по форме, сочетались прогрессивное понимание необходимости реформ и приверженность неоконфуцианской традиции.

Они были пронизаны духом японоцентризма, проявлявшегося в обожествлении личности императора и земли, на которой он живет (т. е. Японии), в утверждении превосходства собственной культуры и уничижительном отношении к другим на-

родам, которых презрительно именовали варварами.

Поэтому идеи этих идеологов, в частности стремление к политике меркантилизма и заимствованию европейских знаний в условиях неравноправного положения Японии и необходимости борьбы за свою независимость, принимали односторонне милитаристский характер. Присущие учениям этих идейных вождей самурайства национально-освободительные черты в рамках военно-феодальной идеологии быстро трансформировались в от-

кровенные панегирики внешней экспансии и агрессии. Взгляды и теории Сакума Сёдзан, Ёкои Сёнан, Ёсида Сёин и их современников явились мыслительным материалом для следующего поколения политических деятелей и реформаторов Японии, уже нового времени. Среди учеников Сакума Сёдзан были многие будущие члены просветительского общества «Мэйрокуся»: Като Хироюки, Цуда Мамити, Нисимура Сигэки и др. 16. После революции 1867—1868 гг. они возглавляли политику «цивилизации и просвещения», всеми способами содействуя популяризации и внедрению любимой формулы Сакума: «восточная мораль, европейские знания».

Известный призыв Ёкои Сёнан «распространять великие принципы во всем мире» нашел свое отражение в обращении императора Мэйдзи к народу сразу после свершения революции 6 апреля 1868 г. В нем говорилось: «Мы сим приносим клятву вместе со всеми членами правительства... продолжать осуществление великих задач, завещанных нам нашими предками... Мы желаем распространить величие наше далеко за моря» 17.

Учениками Ёсида Сёин считали себя многие крупные деятели пореформенной Японии, в частности: Ито Хиробуми, занимавший высшие посты в государственном аппарате, Ямагата Аритомо, знаменитый создатель современной японской армии, апологет японского милитаризма.

Экспансионизм как стретегическая линия внешней политики

Японии после перехода ее к капитализму отвечал в конечном счете интересам японской буржуазии, которая в те годы еще только вставала на ноги и не имела сил и возможностей действовать самостоятельно на политической арене. От ее лица выступала правящая бюрократия, которая складывалась из кланового самурайства низших рангов, принимавшего активное участие в революции. Это были люди сравнительно энергичные, насквозь проникнутые военной психологией, для которых милитаризм и экспансионизм как система идей являлись основой полученного образования и воспитания. Выходцы из дворянства, они не могли не привносить в свою деятельность элементы классового сознания близкого им феодального обшества.

Идеология экспансионизма значительно опередила появление в Японии экономических условий, необходимых для ее реализации. Экспансионизм теоретический превратился в практику японского государства, когда оно вступило на путь ускоренного развития капитализма.

¹ Наиболее выдающиеся деятели «Мито гакуха» были Фудзита Юкоку, Фудзита Токо, Токугава Нариаки и Айдзава Сэйсисай. Подробнее см.: Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. M.— J., 1947, c. 300.

² Harootunian H. D. Towards Restoration. The Growth of Political Cons-

closness in Tokugawa Japan. Berkely, 1970, c. 34.

³ Эгава Тародзаэмон — самурай (1801—1855), военный специалист, занимался вопросами обороны побережья Японии, преподавал военное дело. См.: Historical and Geographical dict ionary of Japan. Tokyo, 1972, c. 78.

4 Harootunian H. D. Towards Restoration..., c. 146.

5 Сёдзан дзэнсю (Собрание сочинений Сакума Сёдзан). Токио, 1922, т. 1, c. 109-110,

⁶ Там же, т. 1, с. 62.

⁷ Cm.: Harootunian H. D. Towards Restoration..., c. 369-370.

⁸ Там же, с. 362.

⁹ Цит. по: Harootunian H. D. Towards Restoration..., c. 361.

¹⁰ См.: Там же, с. 371.

11 Цит. по: Бугаева Д. П. Японские публицисты конца XIX века. М., 1978,

с. 26.
12 Есида Сённ дзэнсю (Собрание сочинений Есида Сённ). Токио, 1938—

13 Pollard R. T. Ancient Dreams and Present Fears.—The Emergence of Imperial Japan. Self-Defense or Calculated Agression? Lexington, 1970, c. 16. ¹⁴ Там же.

¹⁵ Очерки новой истории Японии. М., 1958, с. 137.

16 Мэйдзи исинси но мондайтэн (Проблемы истории реставрации Мэйдзи). Токио, 1962, с. 60.

¹⁷ Oka J. Prologue.— The Emergence of Imperial Japan, Self-Defense or Calculated Agression? Lexington, 1970, c. 2.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В начале XX в. Дальний Восток превратился в арену ожесточенной борьбы за передел мира почти между всеми крупнейшими империалистическими державами. Молодой японский империализм устремился на материк с целью захвата колониальных владений.

Столкновение интересов российского царизма и японского империализма в Китае и Корее вылилось в крупный военный конфликт — русско-японскую войну 1904—1905 гг. Это событие начала нашего столетия нашло довольно широкое освещение в трудах советских и зарубежных авторов. Однако исследованию взглядов современных буржуазных японских историков на эти события не уделяется пока должного внимания.

На протяжении всей первой половины XX в лодним из приемов милитаристской пропаганды в Японии являлось прославление ее бывших военных успехов, в первую очередь победы в русско-японской войне, которая всегда занимала значительное место в национальном сознании японцев. Память о победе в этой войне являлась символом неуязвимости императорской армии вплоть до 15 августа 1945 г.

После разгрома Японии в 1945 г. в атмосфере критики японского милитаризма японские герои этой войны были забыты на некоторое время. Но с конца 60-х годов по мере усиления милитаристских тенденций в политике правящих кругов Японии вновь вспомнили о былых боевых успехах. Реваншистские круги стали раздувать кампанию по идеологической обработке населения, особенно молодежи, в духе национализма. Эта кампания началась с появления серии литературных работ, телепрограмм и фильмов определенной направленности. Так, в 1969 и 1970 гг. вышли из печати две биографии морских офицеров, принадлежащих перу профессора Токийского университета Киндзи Симада. За ними последовал в 70-е — начале 80-х годов роман одного из самых читаемых в Японии писателей, Рётаро Сиба, «Облако на холме» в 12 томах, сразу ставший бестселлером. На страницах этого романа автор описал жизнь генералов кавалерии, братьев Санэюки и Ёсихару Акияма и их друга детства, известного поэта Масаока Сики. В 1972 г. увидел свет двухтомный исторический роман Акира Ёсимура о Цусимском сражении «Историческая драма на море», а в 1979 г. роман «Флаг в Портсмуте» о тогдашнем министре иностранных дел Дзютаро Комура, который подписал Портсмутский мирный договор 1905 г.

В 1979 г. по японскому телевидению была показана трехчасовая драма «Море ожило» Гонбэй Ямато и в 1981 г. шестичасовая драма «Флаг в Портсмуте». В 1980 и 1983 гг. кинокомпания «Тоэй» сняла по сценарию Тосио Масуда два фильма: «203-метровый холм» (о сражении за Порт-Артур) и

«Сражение в Японском море».

В 1984—1985 гг. в связи с 80-летием русско-японской войны в стране была проведена кампания, в ходе которой средства массовой информации внушали населению, что русско-японская война была «войной за оборону отчизны», и рассказывали, как японцы мудро и храбро сражались против гораздо более могущественного врага и победили Россию с минимальными потерями. Проводились чествования памяти японских военачальников того времени. Такое «чествование», в частности, состоялось на родине адмирала Того в г. Кагосима.

Подобная массовая пропаганда основывается на оценке этого события буржуазными историками. Поэтому критический анализ их трудов по данной проблеме с точки зрения современной идеологической борьбы в области истории, выявление политических целей, которым они служат, является для советских японистов актуальной задачей.

Предметом данной статьи является рассмотрение работ историков консервативного и буржуазно-либерального направлений, посвященных характеру русско-японской войны и ее результатам; англо-японскому антирусскому союзу; роли США в подготовке Портсмутского мирного договора.

Одним из наиболее известных историков консервативного направления является Мориноскэ Кадзима 1. В 1966 г. он основал Институт мира, который выпустил «Историю японской дипломатии» в 28 томах. Седьмой том этой серии посвящен русскояпонской войне.

Другой представитель консервативного направления в современной японской историографии, Куроханэ Сигэру, исследующий вопросы внешней политики Японии и международных отношений на Дальнем Востоке, в своей монографии «Русско-японская война с точки зрения всемирной истории» годробно рассматривает дальневосточную политику европейских держав и США накануне русско-японской войны, саму русско-японскую войну, ее результаты и международное значение.

Будучи официальными историками, М. Кадзима и С. Куроханэ широко использовали официальные дипломатические документы из архивов японского МИДа, а также других стран участниц событий, мемуарную литературу.

К консервативному направлению может быть отнесен и Камимура Синъити, бывший дипломат, опубликовавший в 1960 г.

книгу «50 лет на дипломатической службе» з, в которой в числе многих вопросов международных отношений на Дальнем Востоке освещены вопросы русско-японской войны.

Для работ этих авторов, представителей официальной концепции консервативной японской историографии, характерен крайне односторонний подход к трактовке международных событий на Дальнем Востоке. Делая попытку выявить корни русско-японских противоречий на Дальнем Востоке, они совершенно игнорируют важнейшие объективные причины русско-японской войны: переход японского и российского капитализма в империалистическую стадию и как одно из вытекающих из этого последствий борьбу за передел мира между державами.

Авторы видят причину противоречий между Россией и Японией исключительно в агрессивности русского царизма, стремлении России проникнуть в Маньчжурию и Корею, поставить их на службу своим интересам вопреки интересам Японии, Англии, других держав. М. Кадзима и С. Камимура подменяют политические и экономические цели, которые преследовали японские правящие круги, осуществляя экспансию в Северо-Восточном Китае и Корее, традиционным аргументом о «самообороне Японии», вытекающей из якобы ее естественного географического положения и зависящей от «независимости и суверенитета Кореи» 4.

Авторы этого направления изображают японскую дипломатию не только защитницей собственных интересов в цинском Китае, но и сторонницей американской доктрины «открытых дверей», которая, по их мнению, удовлетворяла бы любые государства «в защите справедливых соответствующих прав в цинском Китае» 5.

Если М. Кадзима и С. Камимура характеризуют русско-японскую войну как «оборонительную» для Японни, то С. Куроханэ пошел в своих рассуждениях еще дальше. Он считает Японию защитницей национальных интересов всех азиатских народов от «наглой русской агрессии» в.

В работе С. Куроханэ, по сути дела, совершенно недвусмысленно преследуется цель затушевать агрессивный характер японского империализма, исказить правду о внешнеполитической истории Японии, прикрываясь «заботой» об интересах Китая и судьбе азиатов. Более того, С. Куроханэ утверждает, что Япония — это единственная сила в Азии, способная защитить азиатов, взять на себя роль лидера. Автор подводит читателя к мысли о наличии исторических корней для создания азиатского сообщества во главе с сильной Японией 7. Эти идеи откровенно перекликаются в вынашиваемыми ныне японскими правящими кругами планами создания «тихоокеанского сообщества».

Трактуя события русско-японской войны, С. Куроханэ, с одной стороны, отрицает агрессивность японского империализма, что полностью соответствует концепциям японской государст-

венной пропаганды, а с другой — восхваляет мощь японского государства и военного искусства, которое, мол, в сочетании с воинственным духом нации составляет гордость японцев. Отсюда проистекает противоречивость между утверждениями автора о миротворческом характере японской внешней политики и признанием ее колониальных захватов.

Оценивая итоги русско-японской войны, С. Куроханэ признает, что в результате победы «японский капитализм стал быстро развиваться и проводить политику с позиции силы, главной целью которой являлось крупномасштабное проникновение в Китай, где столкнулись интересы Японии, Англии, США» 8. Таким образом, автор вопреки своим же утверждениям противоречит традиционной концепции японской буржуазной историографии об «оборонительном характере» русско-японской войны,

Известно, что Япония, готовясь к войне с Россией, заключила в январе 1902 г. с Англией договор, который являлся важнейшим фактором, сделавшим невозможным разрешение японорусских противоречий на Дальнем Востоке мирным путем вотрицая это и полностью затушевывая истинный смысл англояпонского союза, историки консервативного направления упорно доказывают, что Япония заключила этот антирусский договор, исходя только из интересов собственной «обороны» 10.

Они признают, что Япония, несмотря на победы, одержанные в ходе русско-японской войны, понесла большие военные потери, а ее экономика и финансы были чрезвычайно в тери. Продолжение войны стало невозможно для Японии, так как Россия обладала несравненно большим военно-экономическим потенциалом. Японии был необходим скорейший мир 11.

Портсмутский мирный договор консервативные японские историки признают необходимым как для Японии, так и для России. Но при этом выражают явное неудовлетворение условиями договора. Однако прямо или косвенно признают, что стратегическая цель войны, выход Японии на материк, была достигнута. При этом и М. Кадзима, и С. Куроханэ, и С. Камимура дают высокую оценку посреднической роли тогдашнего президента США Т. Рузвельта в подготовке Портсмутского договора. Вообще выражение дружеских чувств к США в целом характерно для официальных японских историков, что продиктовано. желанием сгладить имевшее место японо-американское соперничество в осуществлении экспансионистских устремлений обеих держав в Китае 12 и подчеркнуть «традиционность» дружественных отношений Японии и США для оправдания тесного военнополитического сотрудничества Токио и Вашингтона на современном этапе.

Однако при этом М. Кадзима не обходит стороной важнейшие разногласия между Японией и США по вопросу о судьбе Маньчжурии после заключения Портсмутского мирного договора. Как известно, США настаивали на возврашении Маньчжурии Китаю и учреждении здесь зоны международного ней-

тралитета. Это фактически означало установление «политики открытых дверей» и противоречило интересам Японии, которая стремилась закрепиться в Северо-Восточном Китае и настаивала на отторжении этой территории. Однако М. Кадзима в силу своих консервативных взглядов не может дать объективной оценки разногласиям США и Японии при решении ими вопроса о судьбе Маньчжурии, вскрыть их причину, которая заключалась в столкновении империалистических интересов Японии и США, что в дальнейшем привело к тихоокеанской

Вопросы внешней политики Японии нашли свое отражение и в трудах историков буржуазно-либерального направления. В первую очередь нужно отметить насыщенную детальным описанием подготовки русско-японской войны, хода боевых действий и мирного урегулирования монографию преподавателя Киотоского университета Фуруя Тэцуо «Русско-японская война», выдержавшую три издания (в 1966, 1979 и 1983 гг.).

Т. Фуруя не дает объективного анализа империалистических противоречий Японии и царской России, приведших к русскояпонской войне. Он пытается представить вооруженное столкновение этих держав как фатальную неизбежность. Дальнейшие действия Японии, по признанию автора, носили захватнический характер. Однако Т. Фуруя не видит причин такой политики во внутреннем развитии Японии, а объясняет тем, что Япония была вынуждена это делать из-за политики России 13. Всю вину за агрессивную политику автор пытается переложить на японскую военщину, которая установила монопольное влияние на формирование внешнеполитического курса страны в силу слабости монополистического капитала.

Т. Фуруя отчасти признает значение японо-английского союза как важного фактора, обусловившего создание благоприятных условий для Японии при подготовке войны против России 14. Однако автор делает попытку оправдать действия правящих кругов Японии, считая, что «японо-английский союз хотя и предоставлял Японии возможность осуществить очередную войну, но прямо не указывал на русско-японскую войну. Все дело упиралось в оккупацию Россией Маньчжурии» 15.

Что касается заключения Портсмутского мирного договора, то Т. Фуруя подменяет анализ событий их описанием. Чуть ли не главную заслугу в деле подписания мирного договора он признает за Т. Рузвельтом, тем самым смыкаясь с консервативными историками в оценке роли Америки в ликвидации воен-

ного конфликта 16.

Т. Фуруя признает, что главная цель войны, выход Японии на материк, была достигнута 17. Она фактически получила права на колонизацию Кореи 18. Однако, отказавшись от безоговорочного оправдания внешней политики Японии, Т. Фуруя не вскрывает сущности японского империализма, стремившегося к переделу мира. Автор не критически, а как бы нейтрально подошел к изложению событий конца русско-японской войны. Это типичный для буржуазно-либеральной историографии прием сглаживания агрессивного характера внешнеполитических действий Японии.

На суперобложке последнего издания книги Т. Фуруя четко изложена цель данного труда. Она состоит в том, чтобы читатель понял, что «через понимание войны, в которой победила слабая сторона (т. е. Япония.— Авт.), следует понимать суть современной Японии». Такая характеристика труда Т. Фуруя говорит сама за себя и служит тем же целям, что и массовая пропаганда Японии, о которой речь шла выше.

В 1983 г. в издательстве «Синдзидайся» была опубликована монография «200-летняя история японо-русских и японо-советских отношений», написанная Кодзи Сугимори и Вакио Фудзимото. Раздел «Русско-японская война» подготовил К. Сугимори 19. В предисловии авторы отмечают, что они ставили цель дать объективный анализ исторически сложившихся отношений Японии с Россией и Советским Союзом. Отмечая, что эти отношения постоянно носили антагонистический характер, авторы считают такое положение вещей характерной чертой в целом для соседствующих друг с другом государств, не исключая при этом возможности сотрудничества и удовлетворения взаимных интересов 20.

В чем же автор видит причины русско-японской войны? Она. явилась результатом, считает он, столкновения империалистических интересов, с одной стороны, великих европейских держав, которые имели намерение расширить свои колонии в Азии, в первую очередь России, стремившейся занять место среди этих держав, и молодого азиатского империалистического государства — Японии, с другой стороны, которая поставила себе цель проникнуть в Китай и Корею. Таким образом, автор в целом верно видит глубинные причины, приведшие к войне, в империалистических противоречиях. Англия, пишет он, интересы которой в Китае были поставлены под удар, «взяла курс на ограничение расширения влияния России, используя силу Японии, проявившуюся в японо-китайской войне» 21. При этом Англия преследовала цель создания антирусского фронта в Азии в дополнение к европейскому. Однако К. Сугимори предпринимает попытку затушевать империалистические противоречия между Россией и Японией, обвинив Англию в разжигании войны. Такой подход — характерный для буржуазно-либеральной историографии прием фальсификации истории с целью сгладить негативные моменты в истории внешней политики собственного государства, чтобы способствовать установлению нормальных межгосударственных отношений сегодня. Кроме того, К. Сугимори рассматривает «продвижение России с севера как угрозу для Японии». Поэтому, по мнению автора, Япония была вынуждена приостановить расширение влияния России с помощью союза с Англией. Автор признает, что в результате японо-русской войны столкнулись империалистические интересы Японии и России, но тут же утверждает, что Япония все же выступала как второстепенный участник этих событий, а наивысшую пользу от войны опять-таки извлекла Англия, которая была закулисным руководителем войны (результатом этой закулисной деятельности, по мнению автора, было уничтожение при Цусиме русской Балтийской эскадры и сковывание действий русских войск в Маньчжурии).

Как и авторы консервативного направления, либеральные историки оправдывают действия государственных деятелей, фактически осуществлявших агрессию в Корее и Китае. Они также акцентируют внимание на дружеском отношении американского президента к Японии, фактически смыкаясь в этом вопросе с консервативными историками.

Либеральные историки, претендуя на историческую правду, в то же время используют такие приемы, как перекладывание главной вины на экспансионистскую политику японского империализма на другие страны, делают попытку оправдать агрессивную политику своей страны, замаскировать ее претензии на господство в Азии.

Отчасти признавая захватнический характер японского империализма, историки этого направления далеки от полного понимания объективных причин русско-японской войны, как войны империалистической. Их труды служат цели возвеличить национальный дух японского народа, одержавшего трудную победу, располагая малыми возможностями.

Всесторонняя объективная оценка русско-японской войны с марксистско-ленинских позиций была дана советскими историками. Это была война за передел колониальных владений, за сферы влияния. Как русский царизм, так и японский империализм преследовали захватнические цели. В то же время Портсмутский мирный договор явился миром несправедливым, поскольку были ущемлены национальные интересы русского народа: японским империалистам была отдана южная часть Сахалина. Этот мир был также несправедливым с позиции народов Кореи и Китая.

² Куроханэ С. Сэкай сидзё ёри митару нитиро сэнсо (Русско-японская

война с точки зрения всемирной истории). Токио, 1963.

⁵ Там же, с. 3.

⁷ Там же.

¹ Кадзима М. Нихон гайкоси, Т. 7. Нитиро сэнсо (История японской дипломатии. Т. 7. Русско-японская война). Токио, 1972.

³ Камимура С. Гайко годзюнэн (50 лет на дипломатической службе). Токио, 1960. 4 *Кадзима М.* Нихон гайкоси. Т. 7, с. 2.

⁶ Куроханэ С. Сэкай сидзё ёри митару нитиро сэнсо, с. 228—229.

⁸ Там же, с. 226.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. М., 1973, с. 217.
 Куроханэ С. Сэкай сидэё ёри митару нитиро сэнсо, с. 56; Кадзима М. Нихон гайкоси, с. 7.

Камимура С. Гайко гадзюнэн, с. 28.
 Кадзима М. Нихон гайкоси, с. 4; Камимура С. Гайко гадзюнэн, с. 32.
 Фуруя Тэцуо. Нитиро сэнсо (Японо-русская война). Токио, 1979, с. 3.

14 Там же, с. 42.

- ¹⁵ Там же, с. 55—56.
- 16 Там же, с. 180—184. 17 Там же, с. 201, 211, 241.
- ¹⁸ Там же.
- 19 Сугимори К., Фудзимото В. Нитиро ниссо канкэй ни хяку нэнси (200-летняя история русско-японских и советско-японских отношений). Токио, 1983.
 - 20 Сугимори К., Фудэимото В. Нитиро ниссо канкэй ни хяку нэнси, с. 3. 21 Там же, с. 32.

ДВА ПОДХОДА К ИСТОРИИ СРАЖЕНИЙ НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ

40-летие славной победы советского народа над фашистской Германией и разгрома милитаристской Японии на Дальнем Востоке, которое в недалеком прошлом отмечало все прогрессивное человечество, вызвало у буржуазных идеологов определенную реакцию. В развитых капиталистических странах, в том числе и в Японии, массовыми тиражами были изданы многочисленные книги, исторические справочники, статьи и мемуары, в подавляющем большинстве которых сделана попытка пересмотреть уроки прошедшей войны, фальсифицируются история милитаристской Японии и международные отношения в период до и во время второй мировой войны, открыто проповедуется шовинизм и искусно замазываются факты бесчинств японской военщины на территории подвергшихся агрессии стран.

Это в полной мере относится и к освещению событий, происшедших в 1939 г. на территории Монголии, которые вошли в историю международных отношений на Дальнем Востоке как вооруженная агрессия милитаристской Японии на р. Халхин-Гол.

Сама тема достаточно широко разработана как в монгольской, так и в советской историографии. Многочисленные исторические документы подтверждают выводы монгольских и советских исследователей о причинах агрессии, описание ими хода военных действий, значения победы над агрессором.

Что же касается трудов, изданных в Японий, то в них можно наблюдать двоякий подход.

В первую очередь следует отметить работы (правда, немногочисленные), содержащие объективный анализ событий на р. Халхин-Гол, хотя в них не дается международная обстановка, в которой происходили эти события, в частности не отражены экспансионистские устремления Японии в отношении МНР. Из наиболее интересных работ такого рода можно назвать книгу писателя-исследователя Д. Гомикава «Номонхан» и статью ученого-монголоведа К. Танака «Между Номонханом и рекой Халхин-Гол», вошедшую в его сборник о Монголии «Степь и революция».

«Номонхан» Д. Гомикавы, по сути, документальное повествование о днях сражений, основанное на большом фактическом материале. Не со всеми выводами автора можно согласиться, но примечательная сторона книги состоит в том, что в ней приведены переписка штабов Квантунской армии, схемы и карты, фактически доказывающие существование у японского командования планов вторжения на территорию МНР. В частности, Д. Гомикава пишет о разработке небезызвестным Цудзи Масанобу (тогда офицером штаба Квантунской армии) «Основных пунктов урегулирования пограничных инцидентов между Маньчжоу-го и СССР», документа, суть которого не оставляет никаких сомнений в намерении осуществить прямой захват пограничных территорий Советского Союза и Монголии.

В статье К. Танака убедительно доказывается несостоятельность доводов о якобы отсутствии демаркационной линии между МНР и Маньчжоу-го, а также приводятся показания отдельных свидетелей из документов Токийского процесса над военными преступниками, развенчивающих утверждения о непричастности японской стороны к возникновению Халхин-гольского конфликта.

Однако подобных работ на фоне общего числа книг, выпущенных в Японии по данной теме, крайне мало. Им противостоят изданные массовыми тиражами публикации, в которых в той или иной степени фальсифицируется агрессия милитаристской Японии против МНР. В подобных изданиях военные действия на р. Халхин-Гол предстают как незначительный пограничный инцидент, возникший вследствие нарушения монгольскими цириками границы с Маньчжоу-го, «отсутствия» четкой демаркационной линии между двумя государствами, или даже агрессивной и захватнической политики Советского Союза и MHP по отношению к Японии и Маньчжоу-го. В большинстве случаев эти работы носят мемуарный характер и рассчитаны на широкую читательскую аудиторию. И это не случайно. Исторические факты трактуются через призму личных воспоминаний и отношений к событиям, мемуары как бы располагают несведущего читателя к доверию автора — очевидцу событий. Отсюда искаженное представление о событиях получает широкое распространение.

Большинство писателей и журналистов, посещающих Монголию, в путевых заметках, книгах, статьях так или иначе обращаются к временам, связывающим историю двух стран. И тут наиболее ярко прослеживается упомянутая выше тенденция. Так, в книге о Монголии известного японского писателя Таро Сибарё «Выходя на дорогу» (Токио, 1974 г.) приведена такая трактовка причин событий на Халхин-Голе, которая служит ярким показателем «информированности» японцев об этих событиях.

Суть ее сводится к следующему: монгольские цирики выехали ночью к реке напоить лошадей и натолкнулись на маньчжур-

ский патруль. После завязавшейся перестрелки монголов взяли в плен. На следующий день части монгольской армии перешли границу Маньчжоу-го с целью освободить плененных. На по мощь маньчжурам пришли японцы, а монголам — советские солдаты. Так якобы и возник «Номонханский инцидент».

Существуют и другие версии. Одна из них сводится к тому, что окрестности оз. Буир славятся влажными почвами и обилием трав и что эти места якобы издавна составляли предмет вожделений монголов, занимающихся скотоводством, т. е. все сводится лишь к территориальным притязаниям местного населения.

Примечательно, что агрессия у р. Халхин-Гол упорно называется в японской историографии «Номонханским инцидентом», по названию местности, расположенной у истока р. Хайластын-Гол, правого притока Халхин-Гола. Во временном отношении «инцидент» разделяют на два этапа: 1-й — это майские события 1939 г., когда части Квантунской армии вторглись на территорию независимой Монгольской Народной Республики, 2-й — когда отброшенные советско-монгольскими войсками японские части начали подготовку ко второму наступлению, т. е. июль—август того же года.

Такое деление имеет особый смысл. Во-первых, события теряют целостность и предстают как бы оторванными друг от друга. Во-вторых, война у Халхин-Гола, в которой было задействовано большое количество современной тогда боевой техники и авиации, унесшей тысячи человеческих жизней, низводится до одного-двух локальных пограничных инцидентов. В-третьих, разгром частей Квантунской армии, победа советскомонгольских войск рассматривается как простое урегулирование «инцидента».

Подобная оценка рассчитана на людей, мало знакомых с историей. Цели, которые преследуются изданием подобных трудов, тоже вполне определенны. Выпуск большими тиражами книг, статей, мемуаров о событиях на Халхин-Голе, в которых в той или иной степени фальсифицируется историческая правда, является одним из звеньев в цепи таких действий правительства Японии, как ревизия школьных учебников, проведение дней «северных территорий» и «основания государства» и принявшие почти официальный характер посещения премьер-министром и высокопоставленными правительственными чиновниками храма Ясукуни, где поминают души военных преступников.

Все эти действия являются частью широкой кампании по идеологической обработке населения, по раздуванию в стране духа шовинизма и реваншизма, созданию у народа, особенно молодежи, искаженных представлений о роли Японии во второй мировой войне.

В этом плане заслуживает внимания следующий факт. В канун 45-летия событий на Халхин-Голе в издательстве Кобунся вышел перевод монгольского издания книги «Воспоминания

участников Халхин-Гола». Предисловие к книге написал упоминавшийся выше К. Танака. В нем говорится, что сражение у Халхин-Гола не было, как принято считать в Японии, «пограничным инцидентом», а явилось крупным сражением накануне второй мировой войны. Японское командование, оккупировав Северный Китай и Маньчжурию, полагало, что в любой момент может легко захватить и Монголию. Оно не учло героического патриотизма монгольского народа, нерушимую дружбу монгольского и советского народов, готовых всегда и при любых условиях прийти на помощь друг другу. Тираж книги составил всего 3000 экземпляров. Почти одновременно с выходом этой книги в специальном номере журнала «Рэкиси то дзимбуцу» тиражом несколько десятков тысяч была опубликована подборка из 11 статей под общим заголовком «Пересмотр инцидента в Номонхане», в которых авторы по-прежнему рассматривают события на Халхин-Голе как «пограничный инцидент», вызванный неопределенностью границ, и публикуют карту, на которой монгольская территория к западу от Халхин-Гола обозначена как маньчжурская.

Выпуск в год 45-летия такого сборника материалов о событиях на Халхин-Голе достаточно убедительно свидетельствует о том, что в Японии хорошо помнят «Номонханский инцидент» и раздувают вокруг него пропагандистскую шумиху, имеющую далеко идущие цели.

Заслуживает внимания и деятельность общества «Номонхан кай», созданного в середине августа 1969 г. в связи с 30-летием сражений на Халхин-Голе. Первоначально оно называлось «Общество Номонхан префектуры Ямагути». Первым председателем был избран Одзава Тикамицу. Членами общества являются участники халхин-гольских сражений, члены их семей и родственники. Каждый год 15 сентября, в день прекращения боевых действий, они справляют в храме Ясукуни панихиду по погибшим.

В настоящее время деятельность общества охватывает несколько префектур. Его председателем до последнего времени была вдова командующего 23-й дивизии, генерал-лейтенанта М. Комацубара, заместителем — некто Д. Судзуки, бывший начальник одного из японских штабов. Цель общества — организация встреч участников событий. Публикация в печатном органе «Номонхан» мемуаров, документов и других материалов, связанных с боями на Халхин-Голе.

События на р. Халхин-Гол занимают в истории МНР особое место. Это была война независимого народа против опасного и сильного агрессора, в которой при помощи Советского Союза в кратчайшие сроки была одержана убедительная победа. Попытки фальсифицировать историю, принизить значение сражений на Халхин-Голе ставят перед монгольскими историками и японоведами задачу давать решительный отпор подобным проявлениям буржуазной идеологии.

№ 3ak. 704

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Коваленко И. И. Основные тенденции экономического и политического	5
развития Японии и задачи советского японоведения	o
Патышев И. А. Современное состояние и проблемы развития советского	12
иполоведения	12
Сенаторов А. И. Прогрессивные силы Японии в борьбе за мир и задачи	25
иполоведов	23
Молодякова Э. В. Борьба японских коммунистов против усиления мили-	~
Taphotokak tendengan a nominateckon peakuna a cipane	29
Бунин В. Н. Взгляды правящих кругов Японии на проблему обеспече-	20
nna naunonalibnon desonatroeth	38
Зимонин В. П. О глобальном подходе в военной политике современной	
лионии	44
Петров Д. В. Роль и место Японии в современной системе международ-	
	51
Вольфрам Вальраф (ГДР). О некоторых аспектах подхода Японии к	
развитию союза с США и сотрудничеству с другими империалисти-	~~
Tecknin cipanami b boennon domacii	60
Ковригин Е. Б. Эволюция японской концепции «тихоокеанского сооб-	~~
щества»	66
maphot 11. 11. Throokeaneroe coodineerbo b imanar omit h /month	75
Морозов Г. Г. Страны АСЕАН в тихоокеанской концепции внешней по-	^•
whithen Amount he confermentom State (of C toght)	81
Аргирова В. Г. Международная обстановка в Юго-Восточной Азии и	~~
MONITORIA JIRORANI D RONGE TO A MAIANE CO A TOGOD	89
with the terminal of the te	96
Петер Кош (ВНР). Япония и Соединенные Штаты Америки: соперничаю-	
	01
<i>Певзнер Я. А.</i> Государственно-монополистический капитализм в Японии Р	07
Целищев И. С. Новые явления в монополистической структуре япон-	
_ then the manufacture with the many penging	19
Леонтьева Е. Л. Проблемы эффективности экономики Японии в 70-	~~
OO A TOMAK	28
Денисов Ю. Д. Современное состояние и перспективы научно-техниче-	05
ского развития Японии	35
Зайцев В. К. Развитие фундаментальной науки в Японии: проблемы	
	41
Кравцевич А. И. Основные направления воздействия НТП на экономику	~^
/	50
Маркарьян С. Б. Японское сельское хозяйство и научно-технический	
	59
	67
Брагинский С. В. Перестройка кредитно-денежной политики японского	75
	75
Матрусова Т. Н. Проблемы социального обеспечения в Японии на совре-	0.4
	84
Рамзес В. Б. Особенности потребительского спроса и внешнеторговые	^
противоречия	92

Столяров Ю. С. Советско-японские экономические отношения: тенденция к стабилизации и росту	200
Шевченко Н. Ю. Об экономических противоречиях в системе японо-аме-	
риканских отношений	208 214
ными странами Азии	214
уроки и перспективы	223
(сравнительно-правовая характеристика)	230
Попов В. А. Аграрные преобразования в годы революции Мэйдзи	239
Совастеев В. В. Основные тенденции развития общественно-политической мысли Японии накануне Мэйдзи исин	247
Верисоцкая Е. В. Идейные предпосылки агрессивной политики японского империализма (Из истории учений японских идеологов 40—60-х го-	
дов XIX в.).	255
Моргун 3. Ф. Русско-японская война в современной японской буржуаз- ной историографии	262
Зориг Г. (МНР). Два подхода к истории сражений на реке Халхин-Гол	270

Научное издание

япония:

экономика, политика, история

Редактор Б. Е. Косолапов Младший редактор Н. В. Беришвили Художник А. Г. Фатенко Художественный редактор Б. Л. Резников Технический редактор М. В. Погоскина Корректор П. С. Шин

ИБ № 16189

Сдано в набор 21.09.88 Подписано к печати 6.02.89. А-10514. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарвитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,5. Усл. кр.-отт. 17,63. Уч.-иэд. л. 18,46. Тираж 3000 экэ. Изл. № 6648. Зак. 704. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы 103051, Москва, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука» 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах

можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

```
117192 Москва, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой»
     Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга —
     почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в
     ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Кни-
       га — почтой»:
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга -- почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — поч-
       той»):
660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57:
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а:
```

```
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга—почтой»);
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга—почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга— почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга— почтой»);
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга— почтой»);
```

310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга

Брагинский С. В. Кредитно-денежная политика в Японии. 13 л.

Работа посвящена кредитно-денежной политике в системе японского ГМК, главным образом государственно-монополистическому регулированию экономики. Рассматривается история развития и современное состояние рынка ссудных капиталов. Анализируется механизм действия кредитно-денежной политики как средство обеспечения экономического роста, стабильности денежной единицы и регулирования совокупного спроса.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МА-ГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА, В-192, МИЧУРИН-СКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧ ТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».

ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовится к изданию книга

Ханин Э. Я. Буракумины — дискриминируемое меньшинство Японии (1900—1937). 15 л.

Книга посвящена одному из аспектов истории японского буржуазного общества — проблеме буракуминов (жителей особых поселков — бураку), дискриминируемого меньшинства в Японии. Для анализа этой острой проблемы автором избран период становления и усиления японского империализма (1900—1937). Рассматриваются конкретные проявления дискриминации буракуминов в различных сферах социально-экономической и социально-политической жизни, анализируется ход их борьбы за равноправие. Автор подчеркивает, что борьба буракуминов против дискриминации была нередко одним из проявлений движения народных масс за общую демократизацию японского общества.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА, В-192, МИЧУРИН-СКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».